

СЛАВЯНЕ,
ИХЪ ВЗАИМНЫЯ ОТНОШЕНІЯ
И СВЯЗИ.

СОЧИНЕНІЕ

ЮСИФА ПЕРВОЛЬФА,

орд. профессора Императорскаго Варшавскаго Университета.

ТОМЪ Ш.

Славянская идея въ политическихъ и культурныхъ сношеніяхъ
Славянъ до конца XVIII вѣка.

Часть I.

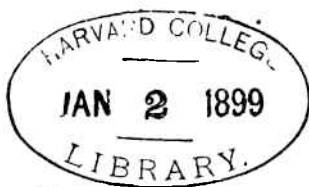
Западные Славяне.

ВАРШАВА.

Типографія К. Ковалевскаго, Королевская N. 29.

—
1890.

Slaw 290.3

Pierce fund.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго
Варшавскаго Университета.

Ректоръ *Н. Лаеровскій.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ III томѣ разсматриваются сношенія Славянъ въ области политической и культурной, на сколько въ этихъ сношеніяхъ проявляется славянское сознаніе народовъ, и на сколько въ нихъ замѣчается вліяніе одного народа на другой въ разныхъ сторонахъ народной жизни, на пр. вліяніе одного языка славянскаго на другой, воздѣйствіе одной литературы на другую, и вообще распространеніе культуры одного народа въ другому. Въ первой части этого III тома разсматриваются такіа сношенія западныхъ Славянъ, преимущественно Чеховъ и Поляковъ. Гуситскому движенію отведено здѣсь надлежащее мѣсто, какъ одному изъ самыхъ блестящихъ періодовъ въ исторіи славянской идеи, панславизма. Употребляю повсюду славянскую географическую номенклатуру; по этому пишу Чехія (а не: Богемія), Слезія — Слезакі (а не: Слезія), Вратиславль (др.-русс. Воротьславль), Опава, Берно, Оломуць, Будинъ, Шаришскій Потокъ, и др. ¹⁾. Западно-славянское *ŷ* (польское *gz*) передаю по-русски черезъ мягкое *ръ*, а не черезъ *ръж*, что нивагъ не соотвѣтствуетъ тому *ŷ* (*gz*), а польскому *gz*:

¹⁾ Славянская географическая номенклатура входитъ все больше въ употребленіе и на русскихъ картахъ; такъ на пр. на картахъ Славянства Риттиха, на новѣйшей стратегической картѣ средней Европы, изданной Главнымъ Штабомъ (м. 40 в. = 1 д.); разныя погрѣшности въ названіяхъ можно исправить особенно по книгѣ Я. Годовацкаго: Географическій словарь западно-славянскихъ и юго-славянскихъ земель (Вильна 1884, съ картою).

dzierzeć (держать), dzierzawa (держава), gżanie (ржаніе), gżany (ржаной, отъ gęz—рожь, срв. Ржевѣ), gżusko (жниво, особенно по-слѣ ржи); по этому надо и по-русски писать: Держиславъ (Dzierzysław), Держикрай (Dzierzykraj), Держекъ (Dzierzek), Держановскій (Dzierzanowski), но не Оржеховскій (Orzechowski), Оржелскій (Orzelski), Вержбовскій (Wierzbowski), Бржезанъ (Bżezan), Пржемысль (Prżemysl), что пишу: Орѣховскій, Орельскій, Вербовскій, Брезанъ, Премысль; можно было это ģ (gż) передать и по-русски посредствомъ р съ такимъ-же крючкомъ; но на это я, по типографскимъ причинамъ, не рѣшился.

Появленіе первыхъ двухъ томовъ этого сочиненія вызвало въ славянской и неславянской печати нѣсколько отзывовъ. Я замѣтилъ особенно три. Приятно мнѣ было прочитать симпатическія слова о моей книгѣ и личности въ статьѣ французскаго слависта Л. Леже (Revue critique d'histoire et de littérature, 1888, Nr. 36—37, срв. Историческій Вѣстникъ 1889, февраль); вѣрно, что, si on lui (мнѣ) adresse l'épithète de panslaviste, il ne sera tenté ni de s'en irriter, ni de s'en étonner; mais c'est surtout au point de vue scientifique que P. a la prétention d'être panslaviste; ses travaux sur les rapports des peuples slaves ne sont pas des improvisations d'un publiciste de rencontre; P. est un savant; le travail qu'il nous offre aujourd'hui est le fruit de longues études et atteste des recherches immenses. Благодарю неизвѣстнаго мнѣ Хорвата за теплый и душевный отзывъ о моей книгѣ и личности, помѣщенный въ загребскомъ журналѣ Vienac 1889, Nr. 15. Критикъ въ журн. „Вѣстникъ Европы“ (1888, сентябрь) назвалъ мое сочиненіе весьма важнымъ вкладомъ въ литературу этого предмета. Но одна здѣсь высказанная мысль требуетъ объясненія. Критикъ замѣчаетъ, „что авторъ, по видимому, слишкомъ настаиваетъ на извѣстномъ положеніи, которое развивалось въ особенности въ чешской литературѣ, а также и у насъ, и которое сваливаетъ чуть ли не всѣ бѣды славянскаго міра на Нѣмцевъ, на нѣмецкое коварство. Эта наклонность искать причины широкихъ историческихъ явленій въ постороннихъ внѣшнихъ фактахъ уже много вредила объясненію дѣла, и надо бы желать, чтобы авторъ настоящаго изслѣдованія не повторилъ еще разъ старой ошибки.“ Еслибъ я, дѣй

ствительно, такъ говорилъ, то можно бы было назвать меня человекомъ наивнымъ, не смыслящимъ ничего въ дѣлѣ исторіи человѣчества вообще, и Славянъ въ особенности. Но я ничего подобнаго не утверждаю. Я, разумѣется, не сочувствую и не могу сочувствовать этому страшному процессу истребленія Славянъ Нѣмцами, то подѣ предлогомъ „креста“, то подѣ предлогомъ „культуры“ и другихъ высовопарныхъ вличекъ, а въ сущности только во имя извѣстнаго „убирайся отсюда, чтобъ я туда влѣзъ“. Я, конечно, не восхищаюсь „богатырскими“ подвигами нѣмецкихъ „Львовъ“ и „Медвѣдей“, „святыхъ душъ“—крестоносцевъ въ Пруссіи и ихъ товарищей крестоносцевъ въ Чехіи, убивавшихъ всякаго, кто не зналъ по-нѣмецки или былъ похожъ на Чеха (см. „Славяне“ III. 74); я не восторгаюсь подвигами такихъ разныхъ „великихъ“ Славянобойцевъ (Vindamyrdir—назвали ихъ Варяги), несшихъ въ славянскія страны только рѣзню, пожары, грабежъ, истребленіе: все съ тѣмъ — какъ это мѣтко опредѣлили уже древнерусскіе лѣтописцы—чтобъ „словенскій языкъ уборити ниже себе, плѣнити и въ себѣ въ работу створити“ (см. „Славяне“ II. 400). Но съ другой стороны я слышюмъ много изучалъ исторію человѣчества вообще и исторію отношеній Славянъ и Нѣмцевъ въ особенности, чтобъ не понимать, что въ страшной борьбѣ народовъ за существованіе допускаются всѣ средства, всѣ оружія, крестъ и мечъ, плугъ и капиталъ, перо и книга, церковь и школа. Я уже давно, еще въ 1877 г. (22 мая), защищая докторскую диссертацию „Германизация балтійскихъ Славянъ“, въ своей рѣчи сказалъ между прочимъ и слѣдующее: „Много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ Нѣмцы добиваются славы и обширнаго господства, Славяне же сражаются за свободу и для избѣжанія крайняго рабства. Такими словами характеризовалъ одинъ нѣмецкій лѣтописецъ X в., Савсонецъ Видуиндъ, вѣбовую упорную борьбу полабско-балтійскихъ Славянъ съ Нѣмцами, и эти слова нѣмецкаго монаха характеризуютъ, какъ нельзя лучше, взаимныя отношенія Нѣмцевъ и Славянъ въ средней Европѣ. Какъ только племена нѣмецкое и славянское являются на историческомъ поприщѣ, завязывается между ними упорная борьба. Во время Видуинда, во время сильныхъ Оттоновъ, балтійскіе Славяне, не смотря на отчаянную хра-

брось, въ концѣ концовъ не отстаиваютъ свободы, не избѣгаютъ рабства, а Нѣмцы, добиваясь славы, подвигаютъ свою власть далеко на востокъ за Одру и до Карпатовъ. Положеніе дѣлъ не измѣняется и въ послѣдующихъ за тѣмъ вѣкахъ: Славяне или совсѣмъ погибаютъ или прозабаютъ въ тѣни могущественной имперіи римско-нѣмецкой. Еще семь столѣтій тому назадъ нынѣшнія Авенны на Шпрее, Берлинъ, былъ славянская деревня; тогда предки нынѣшнихъ герцоговъ мекленбургскихъ и пановъ Бонинъ, Камеве, Путбусъ, Краковицъ и др., говорили еще по-славянски. А что видимъ *нынѣ* въ этихъ странахъ? Славянскіе звуки тамъ давно уже замерли, а по-славянски, конечно на довольно исковерканномъ нарѣчьи, говорятъ тамъ только рѣки, горы, мѣстности. Произнося громкія теперь названія Берлинъ, Лейпцигъ, Шверинъ, Штетинъ—не всякій знаетъ, что эти города славянскаго происхожденія; удивляясь необыкновеннымъ успѣхамъ государей прусско-бранденбургскихъ—не всякій уже знаетъ, что эта могущественная монархія между Лабой, Одрой и Вислой основана на развалинахъ славянскихъ. Вотъ какія перемѣны состоялись въ этихъ нѣбогда славянскихъ земляхъ! Что же, спрашивается, произвело такой громадный переворотъ въ отношеніяхъ тѣхъ странъ? Какія причины способствовали такому перевороту? Посмотримъ на оба воюющіе лагеря. Германскій міръ, Нѣмцы и Скандинавы, выступаютъ въ борьбу съ громадными средствами. Императоры-короли, герцоги, маркграфы, епископы—все время направляютъ всѣ свои силы къ *одной* цѣли: къ покоренію и къ поработченію славянскихъ язычниковъ. Что же дѣлаютъ Славяне? У нихъ не прекращаются внутреннія распри, междоусобицы; они, хотя храбро сражаются, но дѣйствуютъ какъ попало, безъ обдуманнаго плана; у нихъ не возникаетъ сильное государство, которое, сплотивши всѣ разрозненныя племена балтійскихъ Славянъ въ одно политическое цѣлое, могло бы противопоставить свои силы римско-нѣмецкой имперіи. У Нѣмцевъ замѣтно направленіе *центростремительное*, между тѣмъ какъ у Славянъ преобладаетъ направленіе *центроблужное*. Мало того. Если ближайшіе соплеменники полабско-балтійскихъ Славянъ, христіанскіе Чехи и Поляки, помогаютъ Нѣмцамъ противъ своихъ языческихъ братьевъ, то это

еще понятно; тогда религиозное чувство поглощало всё остальные стремления человечества. Но если языческие Ободричи помогают христианским Нѣмцамъ противъ Лютичей, если даже племена Лютичей—въ своихъ междоусобныхъ войнахъ—призываютъ другъ противъ друга на помощь нѣмецкіе отряды, то это просто возмутительно. Въ началѣ XI вѣва сильный князь повислянскихъ Ляховъ, польскій Болеславъ, задумываетъ планъ соединить западныхъ Славянъ въ одно политическое цѣлое. Германія дрожитъ передъ этимъ „грознымъ славянскимъ львомъ“, который водружаетъ знамя политическаго единства западныхъ Славянъ въ старинномъ городѣ чешскихъ Премысловичей, въ Прагѣ. И вотъ какъ западные Славяне отвѣчаютъ на политическую комбинацію этого славнаго Пястовича! Чехи соединяются съ нѣмецкимъ королемъ и прогоняютъ Болеслава изъ Праги; Лютичи—*языческіе* Лютичи, такіе же Ляхи, какъ и повислянскіе Ляхи, сами подстрекаютъ нѣмецкаго короля къ войнѣ противъ Болеслава. Этого мало. Они высылаютъ даже войско въ нѣмецкій лагерь, чтобъ воевать съ ненавистнымъ польскимъ княземъ. И вотъ является поразительное зрѣлище: богъ языческихъ Славянъ Лютичей, Сварожичъ, и патронъ христианскихъ Нѣмцевъ, святой Маврикій, идутъ дружелюбно рука объ руку противъ польскаго христианскаго князя, такъ что этотъ неестественный союзъ язычества и христианства возмущаетъ даже одного нѣмецкаго мисіонера. При такомъ положеніи дѣлъ не удивительно, что наконецъ Славяне въ борьбѣ падаютъ, и Нѣмцы побѣдители водружаютъ на ихъ могилахъ крестъ и знамя своей народности. Въ покоренныя славянскія земли нахлынули нѣмецкіе господа и колонисты; оставшіеся мелкіе славянскіе князья, не находя у своихъ восточныхъ сосѣдей, тоже слабыхъ и разрозненныхъ князей польскихъ, надлежащей опоры, скоро поддаются все подавляющему нѣмецкому вліянію, и сами способствуютъ быстрому онѣмеченію своихъ малыхъ владѣній. Вамъ пришлось не разъ встрѣтиться съ такимъ взглядомъ, будто гибелью полабско-балтійскихъ Славянъ виноваты одни Нѣмцы. Припомните, какъ безсмертный пѣвецъ „Дочери Славы“, Коларъ, плачетъ надъ гробомъ тѣхъ Славянъ, и какъ онъ, подобно Данте, посылаетъ всѣхъ этихъ Генриховъ, Оттоновъ, Героновъ въ адъ.

Но по моему мнѣнію, всѣ эти нареканія и упреки—просто *lisentia poetica*. Жизнь народовъ не поэзія, а серьезная реальность, борьба за существованіе. Малые и слабые народы естественнымъ образомъ должны применить къ болѣе сильнымъ—одноплеменнымъ-ли, чужимъ-ли, все равно—и въ нихъ мало по малу расплавляться. Этого *безпощаднаго химическаго процесса*, происходящаго въ жизни народовъ, никто и ничто въ мірѣ задержать не можетъ. У каждаго народа, а тѣмъ болѣе у великаго и сильнаго, есть, если такъ можно выразиться, *экспансивная сила*, которая его влечетъ далеко за предѣлы собственной территоріи. Такое стремленіе лежитъ и въ характерѣ нѣмецкаго народа, и кто-же виновать, если восточные сосѣди Нѣмцевъ, разрозненные полабско-балтійскіе Славяне не сумѣли сплотиться въ одно сильное политическое цѣлое, и лишившись самостоятельности, передъ нѣмецкимъ напоромъ гнулись и растоплялись какъ воскъ! Противъ силы духовной и матеріальной надо поставить опять *такую же* силу, а не жалкую рознь и безконечную неурядицу“.

Эти слова можно сказать вообще о всѣхъ Славянахъ, и въ такомъ смыслѣ я говорю часто и на другихъ мѣстахъ. Въ статьѣ „Славяне и нѣмецкое стремленіе на востокъ. По поводу сербско-болгарскаго столкновенія и рѣчи Бисмарка“ (Извѣстія С.-П. славянскаго благотворительнаго общества 1886, мартъ, стр. 106—117) я указалъ на разныя причины неблагоприятной судьбы западныхъ и южныхъ Славянъ: „Много было причинъ печальнаго раздробленія Славянъ на западѣ и на югѣ. Причины были внѣшнія, но тоже внутреннія, а эти послѣднія рѣшили неблагоприятный исходъ историческаго развитія западнаго и южнаго Славянства. Уже Византія VI вѣка замѣтили у ближайшихъ Славянъ, подунайскихъ и черноморскихъ, одну черту, которая сдѣлалась для дальнѣйшаго историческаго развитія Славянъ роковою. Славяне—такъ разсуждаютъ Византіяцы—не терпятъ никакого повелителя и преслѣдуются взаимною ненавистью; ни въ чемъ они между собою не согласны; если одни въ чемъ-нибудь согласятся, то другіе сейчасъ же нарушаютъ ихъ рѣшеніе, такъ какъ всѣ ненавидятъ другъ друга, и ни одинъ не хочетъ повиноваться другому; по этому нужно ихъ сварливыхъ вождей приводить на свою

византийскую) сторону, чтобъ они не соединились подъ однимъ повелителемъ. А съ другой стороны Арабы тоже замѣтили, что, еслибъ Славяне не были такъ раздроблены, то не могъ бы съ ними помѣриться ни одинъ народъ въ мірѣ. Вотъ источникъ политической слабости Славянъ, по мѣтвымъ сужденіямъ иноплеменниковъ. Но этого мало: Вста родъ на родъ, и быша въ нихъ усобицы, и воевать начаша сами на ся; и рѣша сами въ себѣ: поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву. Идоша за море къ Варягомъ и рѣша: Вся земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ. И избраша *kuning Rurik und sine getruwen* и прія власть. Вотъ и обменованный конецъ исторіи всѣхъ славянскихъ междоусобицъ. Дальше я разсматриваю всѣ тѣ безконечныя войны Славянъ между собою, которыя кончались ихъ гибелью, наденіемъ ихъ самостоятельности и торжествомъ ихъ враговъ. „Впрочемъ въ такимъ явленіямъ въ славянскомъ мірѣ надо уже привыкнуть. Равнымъ образомъ, какъ въ 789 г. ободричскій князь Волчанъ навѣрное не былъ первымъ Славяниномъ, сражавшимся за нѣмецкіе интересы противъ ближайшихъ соплеменниковъ, такъ и въ 1885 г. сербскій король Миланъ вѣроятно не былъ послѣднимъ Славяниномъ, который служилъ нѣмецкимъ интересамъ противъ славянскихъ. Мы не входимъ въ оцѣнку разныхъ этихъ явленій славянской исторіи, и констатируемъ только фактъ, что Славяне больше чѣмъ цѣлое тысячелѣтіе, сознательно и безсознательно, добровольно и по неволѣ, стараются — *travailler pour le roi de Prusse*“. Я указываю на великую идею славянскую, которая часто проявляется въ взаимныхъ сношеніяхъ славянскихъ народовъ, у славянскихъ политиковъ, философовъ, поэтовъ. „Но рядомъ съ этими великими идеями братства, соглашенія, которыя считаются необходимыми для дальнѣйшаго успѣшнаго развитія Славянства, продолжаетъ работать и славянскій Чернобогъ; онъ поджигаетъ въ Славянствѣ весь обильный горючій матеріалъ ненависти и зависти, центробѣжныхъ стремленій, сепаратизма, ссоръ, войнъ, которымъ и пользуются иноплеменники, особенно нѣмецкій Воданъ, для непрерывнаго ослабленія, униженія и истребленія Славянъ. Удивительно: Славяне сознаютъ всю пользу, всю необходимость соглашенія и сое-

диненія, весь вредъ разъединенія и междуусобиць; а все-таки поддаются на затѣи своихъ враговъ, внутреннихъ и виѣшнихъ!

Вси повоа щиро прагнуть,
 А не въ одинъ гужъ вси тягнуть,
 Той на право, той на ливо,
 А вси брати, то-то и диво!“

Въ такомъ-же смыслѣ разсматриваю судьбу славянскихъ народовъ и въ своемъ сочиненіи „Славяне“. Я тамъ говорю о трагической судьбѣ Славянъ, о центробѣжныхъ стремленіяхъ малыхъ народовъ славянскихъ на западъ и на югъ, но тоже о необходимости прекратить ихъ безконечныя дразги, вторыми пользовались и пользуются ихъ враги, преимущественно Нѣмцы. Я, говоря объ успѣхахъ Нѣмцевъ (I. 74—76) въ ущербъ разрозненнымъ и отсталымъ Славянамъ, прямо заявляю, что „сила умственная и матеріальная взяла свое: нѣмецкое стремленіе на востокъ праздновало на славянскихъ нивахъ обильную жатву, вытѣснивши или подавивши славянскихъ хозяевъ, поссоренныхъ, разрозненныхъ, слабыхъ и запоздалыхъ, по собственной винѣ и въ слѣдствіе разныхъ печальныхъ обстоятельствъ. Исполнились пророческія слова нѣмецкаго монаха Видукинда X-го вѣка: Нѣмцы добились славы и великой и обширной державы, Славяне на западъ и на югъ не отстаивали своей свободы, своей политической самостоятельности, а очутились въ повиновеніи и въ зависимости отъ Нѣмцевъ“. Я много говорю о политическихъ ошибкахъ Польши, именно въ 1420, 1526, 1618 и 1683 гт., о томъ, какъ Польша не переставала travailler pour le roi de Prusse (см. „Славяне“, т. II. 70—100, т. III, часто); о томъ, какъ Нѣмцы, усилившись покоренными Славянами, останавливали русское „ура“ на Дунаѣ, спасали Турцію, помѣшали соединенію Польши съ Россією, захватили польскія земли, и наконецъ привлекли и Россію къ защитѣ нѣмецкихъ интересовъ въ средней Европѣ; а это послѣднее я считаю и называю chef d'oeuvre политическаго ума и прозорливости Нѣмцевъ (см. „Славяне“, II. 417—420).

И такъ, сдѣланный мнѣ упрекъ еритика „Вѣстника Европы“, будто я тоже, вмѣстѣ съ другими наивными Славянами, „свали-

ваю чуть не всѣ бѣды славянскаго міра на Нѣмцевъ, на нѣмецкое коварство“ — овазывается неосновательнымъ. Напротивъ, я, конечно не сочувствуя антиславянской политикѣ Нѣмцевъ, сваливаю большую часть бѣдъ постигшихъ славянской міръ, на Славянъ самихъ. Я очень хорошо понимаю, что интересы нѣмецкаго народа требуютъ всячески истреблять и ослаблять славянской міръ, не допускать его до опаснаго имъ, Нѣмцамъ, соглашенія, единенія и соединенія. Это, пожалуй, право Нѣмцевъ; но равнымъ образомъ и присвоиваю и Славянамъ право, стремиться къ соглашенію, единенію и соединенію, и устранять всѣ препятствія, даже по образцу Домбровны и Домажлиць (см. „Славяне“ III. 74). Можетъ быть, многіе Славяне этого пожелаютъ. Но есть и другіе Славяне, которые этого не пожелаютъ, а предпочтутъ слѣдовать своимъ возлюбленнымъ центробѣжнымъ стремленіямъ, своей удивительной беззаботности, взаимной ненависти и зависти; они, думая о своемъ мнимомъ „величіи“, — Нѣмцы называютъ такихъ людей *die kleinen Gerngrossen*, — предпочтутъ не соединяться противъ общаго сильнаго врага, а предоставлять ему хозяйничать по очереди въ нѣбныхъ соплеменника сосѣда, одного, другого, третьяго, при чемъ непострадавшій еще сосѣдъ играетъ роль того глубокомысленнаго малорусскаго философа стоика, сказавшаго — во время пожара въ селѣ — классическія слова: „Моя хата съ краю, ничего не знаю.“ Дѣйствительно, такая убійственная философія находила и находитъ среди Славянъ много сторонниковъ; еще хорошо, если непострадавшій пока сосѣдъ сидитъ себѣ въ своей хатѣ, и не бѣжитъ на помощь чужимъ хозяевамъ противъ пострадавшаго родственнаго сосѣда; и это въ славянскомъ мірѣ бывало и бываетъ. Но такая философія имѣла и имѣетъ не очень пріятныя для Славянъ послѣдствія: „ненасытная пасть Нѣмцевъ“ — слова чешскаго короля Премысла Отавара II (см. „Славяне“, III. 25) — поглощала и поглощаетъ не только перваго, втораго, третьяго сосѣда, а наконецъ и самого философа стоика, который однако успѣлъ еще передать свое „моя хата съ краю, ничего не знаю“ въ наслѣдство дальнѣйшему родственному сосѣду. Въ виду таковой глубокомысленной философіи многихъ Славянъ — отъ которой спасла по крайней мѣрѣ русскій народъ самодержавная

Москва (см. „Славяне“ I. 168—169), — въ виду такого безалабернаго, безотраднaго и безвыходнаго славянскаго хаоса — нельзя удивляться, что многіе здравомыслящіе и незараженные еще тою убійственною философіею Славяне съ удовольствіемъ повторяютъ слова великаго Хорвата Крижанича (см. „Славяне“ II. 343), который отводитъ одной Россіи дѣятельную роль въ разсѣяніи того хаоса, той *rudis indigestaeque molis*. Я, зная разныя славянскія идилии и батрахомиомахи не изъ однѣхъ книгъ, уже давно принадлежу къ почитателямъ и сторонникамъ философіи Крижанича; свои мысли о „славянскомъ вопросѣ“ я высказалъ часто, въ самой своей книгѣ и въ разныхъ статьяхъ (на пр. въ выше упомянутой „Славяне и нѣмецкое стремленіе на востокъ“, въ статьѣ „Чешско-русскія недоразумѣнія“ въ ж. Русская мысль 1884, октябрь, въ одной своей рѣчи, срв. Извѣстія Сп. славянскаго благотворительнаго общества 1885, май, стр. 277, и др.). Не могу иначе, какъ повторить свои слова („Славяне“ I. 90), которыми я характеризую новѣйшую исторію Славянства: „Возникаетъ вопросъ: на сколько основательны надежды южныхъ и западныхъ Славянъ и опасенія иноплеменниковъ на счетъ той роли, которую, по мнѣнію тѣхъ и другихъ, долженъ въ Славянствѣ сыграть первый его народъ, русскій, единственное самостоятельное славянское государство, Русь. Этотъ вопросъ составляетъ важную, существенную часть возрожденія западныхъ и южныхъ Славянъ, интересуется все больше и русскій народъ, и становится тою осью, около которой начинаетъ двигаться новѣйшая исторія всего славянскаго племени.“ Меня ни чуть не смущаютъ событія, которыя иногда совершаются на балканскомъ полуостровѣ, и „которыя указываютъ (такъ думаетъ по крайней мѣрѣ критикъ „Вѣстника Европы“) на новый оборотъ славянской идеи, гдѣ прежнія идеалистическія ожиданія встрѣчаются съ рѣзкими противорѣчіями.“ Такіе „обороты“ бывали и прежде, во время Милоша Обреновича и Александра Карагеоргиевича, и всегда кончались поворотомъ Сербіи къ Россіи; а новѣйшій оборотъ въ этомъ послѣднемъ „новомъ оборотѣ“ славянской идеи состоялся опять въ Сербіи, гдѣ руководящіе кружки убѣдились, что Сербы безъ помощи Россіи никогда ничего достигнуть не могутъ. Таковъ же оборотъ состоится

вѣроятно скоро и въ Болгаріи, гдѣ руководящія кружки чувствуютъ, что сопротивляться Россіи на долго нельзя. Въ народахъ сербскомъ и болгарскомъ никакихъ „оборотовъ“ не было и нѣтъ; оба они искони увѣрены въ томъ, что они безъ Россіи никогда ничего не достигнутъ, и что самое лучшее для нихъ, оставаться съ Россіею въ тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ находится Черная Гора. Все это очень реальныя интересы, а не „идеалистическія ожиданія“, которыя могутъ имѣть мѣсто въ поэзіи и вообще въ вымыслахъ, но не въ практической политикѣ. Я вообще избѣгаю „идеалистическихъ ожиданій“, и свой взглядъ на соперничество Россіи и нѣмецкаго народа (Австріи, Германіи) на балканскомъ полуостровѣ, я высказалъ очень ясно (см. „Славяне“, II. 211 — 218). Планъ „федерации балканскихъ народовъ“ — по почину этихъ народовъ, Болгарь, Сербовъ, Волоховъ, Грековъ и Албанцевъ — вызываетъ у знатковъ славянскихъ и балканскихъ отношеній только улыбку; до сихъ поръ остаются въ силѣ слова охридскаго патріарха Аѳанасія 1615 г. (см. „Славяне“ II. 213): „Всѣ эти народы — люди честолюбивые, гордые и злостные, ищутъ взаимной гибели, и безъ сильной чужой власти угрожаетъ гражданская война между ними“. И такъ, балканскую федерацію можетъ устроить только другая сильная власть, своя славянская — Русь, или чужая — Нѣмцы (Австрія, Германія). Съ другой стороны я утверждаю, что таѣ называемая „славянская идея“ приобрѣтаетъ и для Россіи все большее значеніе, именно въ виду возможнаго наступательнаго движенія нѣмецкаго народа и его союзниковъ еще дальше на славянскій востокъ. „Славянский вопросъ, т. е. выясненіе и опредѣленіе будущей судьбы Славянъ западныхъ и южныхъ“ — говорю я („Славяне“, т. I. стр. IX) — „все настойчивѣе и громче стучится въ ворота восточно-славянской имперіи, неумолимо требуя для себя вниманія всѣхъ кружковъ русскаго народа. Отворачиваться отъ этого вопроса, игнорировать его, отрицаться отъ него, глумиться надъ нимъ, проецировать его — все это совершенно неумѣстно и напрасно. Дѣло идетъ вовсе не о какихъ-то сентиментальныхъ чувствахъ и слезливыхъ симпатіяхъ къ „братушкамъ“, а касается самыхъ существенныхъ, реальныхъ, жизненныхъ интересовъ Россіи, требуетъ

всесторонняго напряженія всѣхъ ея матеріальныхъ и духовныхъ силъ.“¹⁾

Знаю, что многіе Славяне въ Россіи и внѣ Россіи согласны съ такими моими взглядами на славянскія дѣла, но что и многіе Славяне ихъ не раздѣляютъ. Можетъ быть, инымъ Славянамъ болѣе по душѣ слова, высказанныя еще въ 1848-омъ г. въ нѣмецкомъ парламентѣ въ Франкфуртѣ, гдѣ одинъ нѣмецкій политикъ, М. Гагернъ, ратовалъ въ пользу сближенія двухъ главныхъ нѣмецкихъ державъ, Австріи и Пруссіи, тоже въ виду того, что „всѣ тѣ народы по Дунаю, которые не имѣютъ ни права ни призванія въ самостоятельности, должны быть включены, какъ драбанты, въ нѣмецкую планетную систему“. Много такихъ славянскихъ „драбантовъ“ и „бурлаковъ“ всегда работало и работаетъ, по доброй волѣ и по неволѣ, въ пользу интересовъ нѣмецкаго народа (срв. „Славяне“ I. 74—76, П. 418).

Какъ бы то ни было, но во всякомъ случаѣ не всѣ Славяне западные и южные желаютъ быть „нѣмецкими драбантами“, и по этому все болѣе обращаютъ свои взоры на „сильную и мудрую Сѣверницу“ т. е. Русь, приносящую—по словамъ Ю. Пальмотича (см. „Славяне“ II. 361, повтореннымъ и мною въ предисловіи къ II тому)—Славянамъ помощь и примиреніе. Къ этимъ моимъ словамъ ермитизъ „Вѣстника Европы“ поставилъ вопросительный знакъ, по моему мнѣнію совершенно лишній. Я не говорю, что сильная Сѣверница всегда дѣйствовала мудро, — она тоже участвовала въ общеславянской работѣ pour le roi de Prusse—; а хочу этимъ сказать, что матеріально и культурно сильная и мудрая

¹⁾ Однажды — уже послѣ сербско-болгарскаго столкновенія— я говорилъ съ однимъ выдающимся югославянскимъ государственнымъ дѣятелемъ о разныхъ славянскихъ вопросахъ; я упомянулъ между прочимъ тоже о томъ, что въ Россіи многіе проклинали нынѣ „этотъ славянскій вопросъ.“ Южный Славянинъ спросилъ меня: „Какъ вы думаете: Россія желаетъ приобрести Царьградъ, или нѣтъ?“ Я, конечно, не могъ отвѣтить отрицательно. „Въ такомъ случаѣ славянскій вопросъ Россіи нуженъ.“ Замѣчу, что ни тотъ южный Славянинъ ни я не увлекались никакими идеалистическими ожиданиями, и толковали о славянскихъ дѣлахъ очень реалистически.

Русь можетъ и должна—уже въ виду своихъ собственныхъ, русскихъ интересовъ—подумать о рѣшеніи славянскаго вопроса, и что на это надѣются многіе Славяне. „Славянской вопросъ“ на Руси хорошо извѣстный гость; о немъ думалъ уже Петръ Великій, и мою характеристику этого гениальнаго славянскаго царя (см. „Славяне“ П. 408—410) приводитъ тоже А. Пыпинъ въ своей статьѣ „Обзоръ русскихъ изученій Славянства“ (Вѣстникъ Европы 1889). А гдѣ-же и чѣмъ была Россія тогда, въ началѣ XVIII в.? О Славянахъ много говорили въ Россіи и въ началѣ XIX в. въ царствованіе Императора Александра I; самъ Императоръ понималъ важность славянскаго вопроса для Россіи, и думалъ воспользоваться имъ противъ Австріи. Тогда явился и планъ славянской федераціи. (См. нашу статью „Императоръ Александръ I и Славяне“ въ журн. Древняя и Новая Россія 1877, декабрь, и статью А. Пыпина: „Панславизмъ въ прошломъ и настоящемъ“, въ ж. Вѣстникъ Европы 1878). Всѣмъ еще памятна слова Императора Александра II, засвидѣтельствовавшего—въ московскомъ Кремлѣ 29 октября 1876 г. — свое „живѣйшее участіе въ страданіяхъ нашихъ братьевъ по вѣрѣ и по происхожденію“, и вспомнившего Русскихъ погибшихъ „за славянское дѣло“.

Дорожа хорошимъ мнѣніемъ о моемъ сочиненіи критика ж. „Вѣстникъ Европы“, я счелъ нужнымъ возразить ему и вмѣстѣ съ тѣмъ выяснитъ ближе свой взглядъ на затронутыя имъ отношенія славянско-нѣмецкія.

Варшава 1890 г.

11 Мая, день св. Кирилла и Мефодія.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

ПРЕДИСЛОВІЕ	Стр. I
-----------------------	--------

I. Полабско-балтійскіе Славяне, Чехи и Поляки.

1. Связи политическія. Балтійско-полабскіе Ляхи и полабскіе Сербы. Великоморавская держава. Чехи и Лютичи. Балтійско-полабскіе Славяне и Поляки временъ Болеслава Храбраго. Поморяне, Поляки, Чехи, лужицкіе Сербы и Чехи. Взглядъ Поляковъ и Чеховъ на гибель балтійско-полабскихъ Славянъ. Чешскій и польскій переводъ саксонскаго зеркала о взаимныхъ отношеніяхъ Нѣмцевъ и Славянъ 1

2. Связи культурныя. Христіанство и христіанская терминологія у полабско-балтійскихъ Славянъ. Чешскій языкъ и правописаніе, чешскія книги у лужицкихъ Сербовъ. Сербскій новый завѣтъ Н. Якубицы. М. Френцель, Я. Тицинъ, Э. Бирлингъ. Католическая сербская семинарія въ Прагѣ. Полякъ І. Цотоцкій и его путешествіе въ полабско-балтійскихъ странахъ

II. Чехи и Поляки.

1. Западно-славянскія государства моравскихъ Моймировичей; чешскихъ Болеславовъ, польскаго Болеслава Храбраго; неудавшаяся попытка чешскаго Брячислава. Премысловичи и Пястовичи. Чешскій король Премысль Отакаръ II, его отношеніе къ Польшѣ, его борьба съ нѣмецкимъ королемъ Рудольфомъ Габсбургомъ и смерть (1278). Габсбурги на сред-

немъ Дунаѣ и въ Альпахъ. Чешскій король Вячеславъ II королемъ польскимъ (1300). Люксембурги въ Чехіи, присоединеніе Слезіи къ чешской коронѣ, ихъ отношеніе къ Польшѣ. Прусско-нѣмецкіе крестоносцы въ балтійскихъ странахъ и ихъ борьба съ Польшею, Литвою и югозападною (литовскою) Русью

20

2. Гуситское движеніе, національное чешское и славянское. Общіе враги Славянства, Чеховъ, Поляковъ, Литвы и Русскихъ, Нѣмцы въ Германіи и нѣмецкіе крестоносцы въ балтійскихъ странахъ. Чешскій король Вячеславъ IV, тевтонскій орденъ и Польша. Домбровенская (грюнвальдская) битва (1410). Чехи и польскій король Владиславъ Ягайло. I. Гусъ, Иеронимъ Пражскій, ихъ сожженіе на позоръ славянскому народу. Гуситскіе Чехи, ихъ борьба (1419—1434) противъ Нѣмцевъ за славянскіе интересы вообще, ихъ отношенія къ польскому королю Владиславу Ягайлу и великому князю литовско-русскому Александру Витовту, ихъ желаніе присоединиться къ славянскому востоку. Непониманіе Ягайломъ и Витовтомъ чешскаго вопроса какъ національнаго славянскаго, и тщетныя ихъ попытки примирить чешскихъ гуситовъ съ Римомъ. Литовско-русскій князь Сигизмундъ Корибутовичъ и другіе Поляки и Русскіе въ Чехіи. Національная политика Шафранцевъ. Чехи и литовско-русскій князь Швитригайло. Чешскіе гуситы, союзники польскаго короля противъ нѣмецкихъ крестоносцевъ, въ балтійскихъ странахъ и на базельскомъ соборѣ. Паденіе ревностныхъ гуситовъ, Сиротковъ и Таборовъ (1434). Пораженіе Швитригайла (1435). Славянская партія Чеховъ призываетъ на чешскій престолъ подьскаго короля противъ короля нѣмецкаго и ея манифестъ объ отношеніяхъ Нѣмцевъ и Чеховъ и вообще Славянъ. Тревога Нѣмцевъ по поводу предстоящаго соединенія Чехіи и Польши. Неудача плановъ этой партіи и поддерживающей ее Польши (1437—1439). Польская партія въ Чехіи (1439—1443). Чешскія военныя роты въ Угріи, Польшѣ

и Пруссіи, ихъ участіе въ борьбѣ Польши съ тевтонскимъ орденомъ изъ-за балтійскаго приморья и побѣда Польши (1454—1466). Чешскій король Юрій Подѣбрадекій (1458—1471) и польскій король Казимиръ, ихъ славянское сознаніе, роль Польши примирительницы по чешскимъ дѣламъ. Война Польши съ Угрією изъ-за чешской короны. Ягайловичи въ Чехіи и въ Угріи (1471—1526) 33

3. Габсбурги на престолахъ чешскомъ и угорскомъ. Политическая ошибка Польши. Стремленія Габсбурговъ приобрѣсти тоже польскую корону. Чешскіе паны въ Польшѣ какъ послы императора и чешскихъ чиновъ, Розенбергъ, Пернштейнъ, Лобковицъ и др. и ихъ сношенія съ соплеменными Поляками (1572—1573). Вильгельмъ изъ Розенберга, кандидатъ польской короны (1575). Неудачи Габсбурговъ, именно императора Максимилиана (1576). Неудачная кандидатура Габсбурговъ въ 1587 г., особенно эрцгерцога Максимилиана. Оломуцкій епископъ Ст. Павловскій въ Польшѣ. Замоуцкій и Розенбергъ. Польскій король Сигизмундъ сближается съ Габсбургами; его отношеніе къ чешскимъ дѣламъ 1618—1620 г. Чехи и Поляки, ихъ славянское сознаніе въ тѣ времена. Польша способствуетъ паденію Чехіи. Лисовички. Политическая ошибка Польши. Чехи и Поляки послѣ паденія чешскаго государства. Паденіе Польши 119

4. Духовныя связи Чеховъ и Поляковъ. Ихъ государственныи и общественныи строй. Христіанство у Чеховъ и Поляковъ, богослуженіе, словѣнское и латинское. Пражскій университетъ. Гуситство въ Польшѣ, мѣры противъ него; польскіе гуситы, паны Снытскъ изъ Мельштына, Авраамъ Збонскій, Николай Сестронецъ и др. Гуситство въ Польшѣ до конца XV и начала XVI вѣковъ. Польскіе гуситскіе священники. Гуситскіи мнѣнія пана Іоанна изъ Остророга. Вопросъ причащенія подъ обоими видами у католиковъ Поляковъ. Чешскіе братья въ Польшѣ (съ 1548 г.) и ихъ сношенія съ другими польскими протестантами. Чешскіе братья въ Поль-

шѣ послѣ 1620 г., І. А. Коменскій въ Лешнѣ. Языки чешскій и польскій, ихъ нарѣчія, фонологія, морфологія, лексикальная часть. Вліяніе чешскаго языка на польскій въ древнепольской письменности. Церковная терминологія. Чешское духовенство въ Польшѣ. Древнепольскіе переводы библейскихъ книгъ, пѣсень, молитвъ, романовъ и др. и чешское вліяніе. Польское и чешское правописаніе. Поляки и Словаки. Чешскій языкъ въ Слезіи—официальный, именно въ княжествахъ опольско-ратиборскомъ, тѣшинскомъ, освѣтимскомъ, заторскомъ, сѣверскомъ. Статуты опольско-ратиборскій и тѣшинскій. Чешскій языкъ въ слезскихъ статутахъ, грамотахъ и пр. Чешскій языкъ въ слезскихъ княжествахъ, присоединенныхъ къ Польшѣ, въ кн. сѣверскомъ, освѣтимскомъ и заторскомъ. Польско-слезскіе памятники. Чешскій языкъ въ самой Польшѣ. Польскій языкъ въ Чехіи. Чешское военное искусство, чешскія наемныя роты въ Угріи и въ подунайскихъ странахъ, въ Польшѣ, Литвѣ, Руси; возовая ограда, названія оружія, военная терминологія и пр. 165.

СЛАВЯНСКАЯ ИДЕЯ

ВЪ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ И КУЛЬТУРНЫХЪ СНОШЕНІЯХЪ СЛАВЯНЪ

ДО КОНЦА XVIII ВѢКА.

I. ЗАПАДНЫЕ СЛАВЯНЕ.

„Čechové měli by se pilně varovati a ve vši snažnosti vystřichati, aby v správu cizieho jazyka a zvláště německého neupadli; nebo ten jazyk jest najlitější ku poražení jazyka českého a slovanského. Měli by tehda Čechové, nemohú-li z svého jazyka pána mieti, na jiný slovanský jazyk pomyliti. Slušno jest slovanského jazyka pána hledati, a k německému nikoli nesvolovati.“

(Krátké sebrání z kronik českých k výstraze věrných Čechův, I. 1437).

ПОЛАБСКО-БАЛТІЙСНІЕ СЛАВЯНЕ, ЧЕХИ И ПОЛЯКИ.

1. *Связи политическія. Балтійско-полабскіе Ляхи и полабскіе Сербы. Великоморавская держава. Чехи и Лютичи. Балтійско-полабскіе Славяне и Поляки временъ Болеслава Храбраго. Поморяне, Поляки, Чехи. Лужицкіе Сербы и Чехи. Взглядъ Поляковъ и Чеховъ на гибель балтійско-полабскихъ Славянъ.*

Земли по рѣкамъ Лабѣ и Волтавѣ, Одрѣ и Вислѣ, Моравѣ, Вагу и Грову, отъ балтійскаго моря до средняго Дуная, заселяли многочисленныя славянскія племена, которыя долго означались этимъ общимъ названіемъ Славянъ (Словенъ); это были балтійскіе Ободричи, Велеты или Лютичи, Поморяне, полабскіе Стороряне, Сербы, Поляне по Вартѣ, Мазуры (Мазовщане) и Хорваты по Вислѣ, Слазаны по Одрѣ, Чехи по верхней Лабѣ и по Волтавѣ, Моравяне и Словаки по Моравѣ и между Карпатами и Дунаемъ. Эти западные Славяне распространились далеко на западъ за рѣку Лабу, Салу и за пограничный чешскій лѣсъ Шумаву, въ Саксонію, Тюрингію, Франконію и Баварію ¹⁾.

Западные Славяне раздѣлились на двѣ половины, сѣверную и южную. Сѣверныхъ Славянъ можно—по примѣру русскаго лѣтописца—назвать Ляхами: Словѣне пришедши сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ля-

¹⁾ Чехи и лужицкіе Сербы называютъ рѣку Лабу (Эльбу)—Лябе, Лобѣ; люнебургскіе Славяне называли ее Лаби, Лоби, гдѣ *и* = *о* (слики—слово); всѣ названія средняго рода.

хове друзіи Лютичи (Лютичи), или Мазовшане, или Поморяне. Эти Ляхи составляли одинъ народъ съ своимъ языкомъ, въ которомъ господствовали носовые звуки, и которымъ они отличались отъ своихъ ближайшихъ соплеменниковъ Сербовъ, Чеховъ, Моравянъ и Словаковъ. Великій народъ Ляховъ раздѣлила исторія: западная его часть, Ободричи, Лютичи, Стодоряне, Поморяне (западные), не соединились въ одно политическое и народное цѣлое, погибли въ борьбѣ съ Нѣмцами, и оиѣмечились; восточные Ляхи, Поляне, Буявяне, Славяне, Хорваты, Мазовшане, восточные Поморяне, собрались около племени Полянъ въ одно государство, Польшу, въ одинъ народъ, польскій ¹⁾).

Южную половину западнаго Славянства составляли Сербы по Салѣ, Лабѣ и Спрѣвѣ (въ Лужицахъ), Чехи по верхней Лабѣ и по Волтавѣ, Моравяне и Словаки по Моравѣ, Вагу, Грону до Дуная. Моравскіе князья рано подумали объ образованіи сильнаго западно-славянскаго государства, о присоединеніи къ Моравіи сосѣднихъ славянскихъ племенъ, объ освобожденіи этого государства и въ духовномъ отношеніи отъ Нѣмцевъ. И, дѣйствительно, во второй половинѣ IX в. удалось моравскимъ Моймировичамъ распространить свое владычество на сѣверъ за Карпаты

¹⁾ Чешскіе и польскіе лѣтописцы употребляли иногда названіе „Сербы“ въ обширномъ смыслѣ, подразумѣвая всѣхъ полабско-балтійскихъ Славянъ „Словенъ.“ Такъ уже т. н. Далимиль въ нач. XIV в. рассказываетъ, что Сербы (въ однихъ рукописяхъ) или Словене (въ другихъ) распространились отъ адриатическаго моря до Рейна (по другимъ рукописямъ: Рима); такъ и въ XVI в. *národ erbský* — вообще всѣ Славяне полабскіе и балтійскіе, о чемъ см. соч. „Славяне“ т. II, стр. 31, 36. Польскіе лѣтописцы М. Бѣльскій и Благовскій (переводчикъ Кромера) называютъ Людгарду, жену польскаго князя Премысла, дочь словенско-поморокаго князя Николая, „*ośka księżcica serbskiego, z ksiąząt serbskich, Kaszubka*“; такъ они передаютъ слова Длугоша, Мѣховскаго, Кромера: „*ducis Sclavorum, Vinidagum, Kaszubitarum.*“ Этотъ рассказъ польскихъ лѣтописцевъ перешель и въ русскую лѣтопись, и въ припискѣ къ галичско-волынской лѣтописи (П. С. Р. Л. П. 227) говорится объ этой Лукеріи: „она бо бѣ рода князей сербскихъ съ Кашубъ, отъ поморія варязкаго, отъ Стараго града за Кгданскомъ.“

и Судеты въ страны южныхъ Лажовъ по верхней Вислѣ и Одрѣ, Чеховъ и полабскихъ Сербовъ вѣроятно до самой Салы ¹⁾.

Великоморавская держава Моймировичей скоро исчезла, и разрозненность западно-славянскихъ племенъ появилась вновь, да она еще больше усилилась въ слѣдствіе упроченія христіанства (латинско-нѣмецкаго) среди однихъ, и сохраненія старинной вѣры отцовъ у другихъ; эта разница Славянъ христіанъ и Славянъ язычниковъ заглушала иногда ихъ сознаніе племеннаго родства, и повела христіанскіе вспомогательные отряды чешскіе и польскіе въ нѣмецкія войска на ихъ походахъ противъ Славянъ язычниковъ. Но съ другой стороны, эта разница вѣры не всегда мѣшала Славянамъ соединяться противъ Нѣмцевъ, или даже другъ противъ друга. Такъ между Чехами и Лютичами уже рано завязались дружескія отношенія, которыя не пострадали даже отъ наступившей въ послѣдствіи разницы вѣры. Эти дружескія отношенія тоже не пострадали отъ политики чешскихъ Болеславовъ I и II, которые распространяли свое владѣтельство на востокъ въ земли Славянъ, карпатскихъ Хорватовъ и Словаковъ, но не трогали Сербовъ и Лютичей. Супруга чешскаго князя Вратислава (въ началѣ X в.), мать князей Вичеслава (св.) и Болеслава, была Драгомвра, княжна изъ стодорской земли народа лютическаго ²⁾. О распространеніи христіанства среди Лютичей думалъ чешскій епископъ Войтъхъ Славниговичъ, такъ какъ онъ — по словамъ біографа—зналъ ихъ языкъ, т. е. вадѣялся дѣйствовать на этихъ соплеменниковъ посредствомъ своего чешскаго языка ³⁾. Лютичи

¹⁾ Еще въ началѣ XI в. одинъ изъ нѣмецкихъ епископовъ полабскихъ Сербовъ, мезиборскій Титмаръ, говоритъ въ своей лѣтописи: *Boemii* (т. е. Моравяне) *regnante Zuetepulco duce quondam fuisse principes nostri; huic a nostris parentibus quotannis solvitur census, et episcopus in sua regione, Marierun dicta, habuit.* (*Chronicon*, l. VI. c. 60).

²⁾ *Dragomir de durissima gente Luticensi ex provincia nomine Stodor* (*Cosmae Chron. Boemiae, Fontes rerum bohem. II. 28*).

³⁾ *Fontes rerum bohem. I. 295, срв. 306.* Если лѣтописецъ Косма (*Fontes r. b. II. 37, 46*) говоритъ о первомъ и третьемъ

сохранили свои дружескія отношенія въ Чехамъ до начала XI вѣка; въ концѣ X в. (990) они помогали Чехамъ противъ Поляковъ, и чешскій князь Болеславъ, разставаясь съ своими вѣрными союзниками, старался уротить ихъ ненависть къ тогдашнимъ союзникамъ польскаго князя Мѣшка, Нѣмцамъ, и утѣшалъ ихъ, что придетъ время, когда они имъ отомстятъ ¹⁾.

Но это время не наступило, а Лютичи скоро сдѣлались союзниками ненавистныхъ Нѣмцевъ. Держава чешскихъ Болеславовъ исчезла, но не исчезла мысль о созданіи великаго западно-славянскаго государства, а воспринята польскимъ княземъ Болеславомъ Мѣшевичемъ. Онъ не только соединилъ всѣ племена восточныхъ Ляховъ по Вислѣ и по Одрѣ въ одно государство, Польшу, а возмечталъ о соединеніи всѣхъ западныхъ Славянъ подъ своею рукою для успѣшной борьбы съ Нѣмцами. Болеславъ присоединилъ къ своей державѣ земли Словаковъ и Моравянъ и на короткое время тоже Чехію; онъ завоевалъ земли восточныхъ Сербовъ, Мильчанъ и Лужичанъ, гдѣ онъ встрѣтился съ симпатіями этихъ соплеменниковъ, и гдѣ сербскіе воины („вѣтники“) охотно сдавали ему вѣрныя имъ города; много Сербовъ переселено тогда въ Польшу, и казалось, что удастся Болеславу освободить отъ нѣмецкаго господства и Сербовъ между Лабой и Салой. Но тутъ то, въ это важное для всего западнаго Славянства время, заявили свою роковую силу центробѣжныя стремленія Славянъ. Лютичи, давнишніе враги ближайшихъ своихъ соплеменниковъ Поляковъ, опасаясь сильнаго польскаго князя, стали на сторону Нѣмцевъ, помогали имъ и поощряли ихъ къ войнѣ противъ Болеслава; къ Лютичамъ присоединились Чехи, и очутились тоже въ лагерѣ нѣмецкомъ. Такимъ

пражскихъ епископахъ, Титмаръ и Тидагъ, Саксовъ, что они знали *perfecte linguam slavonicam*, то это можетъ быть языкъ Славянъ въ Саксоніи, но скорѣе языкъ чешскій; оба они, до своего назначенія, пребывали нѣкоторое время въ Прагѣ.

¹⁾ *Bolizlavus Liuticiois suis parentibus et sibi semper fideles a auxilium sui invitat... Liutici antiquum foedus renovantes discesserunt.* (Thietmari Chronicon IV. 9).

образомъ великая мысль Болеслава о соединеніи всѣхъ западныхъ Славянъ въ одно государство не осуществилась въ слѣдствіе сопротивленія значительной части самихъ Славянъ. Только восточные Сербы, Моравяне и Словаки остались Польшѣ, но не на долго: по смерти Болеслава они потеряны для Польши на всегда. вмѣстѣ съ тѣмъ отложились и Поморяне отъ Польши, что вызвало почти столѣтнюю войну между Поляками и Поморянами; она кончилась—въ началѣ XII в.—побѣдою Поляковъ, покореніемъ Поморянъ и соединенныхъ съ ними сѣверо-восточныхъ Лютичей, и ихъ крещеніемъ; христіанство распространялъ здѣсь, съ помощію священниковъ нѣмецкихъ и польскихъ, Оттонъ, епископъ бамбергскій, знавшій польскій языкъ ¹⁾.

Между тѣмъ давнишнія связи Чеховъ и Лютичей порвались и упали въ забвеніе. Лютичи и Чехи находились въ нѣмецкомъ лагерѣ противъ Болеслава Храбраго; когда же нѣмецкій король Генрихъ IV воевалъ съ заклятыми врагами Лютичей, съ Саксами, то нѣмецкому королю помогали только Чехи, но не Лютичи, которые отказали Генриху въ содѣйствіи противъ общихъ враговъ. Чехи и Поляки стали на своихъ сѣверныхъ соплеменниковъ, Ободричей, Лютичей и Поморянъ, смотрѣть по нѣмцамъ, т. е. какъ на язычниковъ; при томъ они даже позабыли, что Поморяне и поодрянскіе Лютичи сдѣлались—благодаря Оттону бамбергскому, отправившемуся въ Поморье черезъ Чехію и Польшу—христіанами. По крайней мѣрѣ въ 1147 г., когда Саксы двинулись противъ языческихъ Ободричей и Лютичей, то въ нѣмецкимъ Славянобойцамъ, герцогу Генриху Льву и маркграфу Альбрехту Медвѣдю, применили тоже славянскіе князья, польскій князь (Мѣшко?) и моравскіе князья Оттонъ, Святополь, Вратиславъ и моравскій епископъ Генрихъ Здикъ. Эти славянскіе „крестоносцы“ двинулись, вмѣстѣ съ Альбрехтомъ,

¹⁾ Любопытно, что тогда въ г. Вольдѣ основана, на мѣстѣ стараго храма, христіанская церковь *sub honore ss. Adalberti et Venueslmi, qui magna apud barbaros opiniois erant.* (Ebbo: Vita Ottonis episcopi III. c. 15).

противъ Лютичей и Поморанъ къ Дымину и Щетину, гдѣ однако увидали на валахъ кресты, узнали отъ поморскаго епископа Войтѣха (Поляка), что мнимые язычники, Поморяне и соединенные съ ними Лютичи, давно уже христіане, и по этому вынуждены были возвратиться домой ни съ чѣмъ ¹⁾.

Такое пособничество славянскихъ князей Нѣмцамъ и ихъ стремленію поработать и истреблять полабско-балтійскихъ Славянъ, не могло не отозваться печально и на судьбѣ ближайшихъ ихъ соплеменниковъ. Нѣмцы господствовали въ Мишнѣ, Лузицѣ, Бранденбургѣ, въ земляхъ Ободричей и Лютичей, а въ 1157 г. императоръ Фридрихъ стоялъ недалеко Познаня, гдѣ долженъ былъ ему покориться — при самыхъ унижительныхъ условіяхъ — польскій князь Болеславъ, въ присутствіи чешскаго князя, пособника Нѣмцевъ. Напрасно Поляки задумали тогда задержать походъ Нѣмцевъ вторженіемъ въ Бранденбургъ, вѣроятно рассчитывая на симпатіи славянскаго населенія; польскій панъ, Яцекъ, взялъ городъ Бранденбургъ, но скоро долженъ былъ уступить передъ Альбрехтомъ Медвѣдемъ: времена Болеслава Храбраго давно миновали, и подвигъ Ядца былъ послѣднею попыткою Польши защититься противъ Нѣмцевъ еще вѣдъ ся границъ, въ области славянскихъ соплеменниковъ ²⁾. Приобрѣтенія Болеслава Храбраго утрачены

¹⁾ Современный чешскій лѣтописецъ Викентій (*Fontes rerum bohém. II. 417*) хорошо замѣтилъ объ этомъ крестовомъ походѣ: *Saxones potius pro auferenda Pomeranis terra, quam pro fide christiana confirmanda tantam moverant militiam... Ubi etenim Dominus non fuit in causa, bono fine terminari difficillimum fuit.* Срв. тоже *Regesta Bohemiae et Moraviae I. p. 121.* Роль, которую здѣсь, въ угоду Нѣмцамъ, сыграли славянскіе князья и епископъ, была дѣйствительно необыкновенно глупа, и можетъ быть сравниваема съ ролью Лютичей и чешскаго князя Ульриха, относительно Болеслава Храбраго.

²⁾ Объ этомъ *Jasze dux Poloniae* рассказываетъ утраченная нынѣ бранденбургская хроника, отрывки которой вошли въ чешскую лѣтопись Пулавки XIV вѣка. См. *Кладе: Jasze von Cornic (Berlin, 1856).* Трудно рѣшить, какъ назывался по-славянски этотъ Яске Яцекъ, Ясекъ, Якеши и пр.

давно, а во второй половинѣ XII в. Поляки потеряли тоже приобрѣтенія Болеслава III: западное, поодранское Поморье вмѣстѣ съ землею Лютичей примкнуло къ Германіи, и, подобно ободричско-лютичскому Мекленбургу, оиѣмчилось. Позже утрачена для Польши земля любушская и оиѣмчилась¹⁾, и наконецъ Слезія, которая по большей части тоже оиѣмчилась. Объ исчезновеніи „железныхъ столбовъ,“ водруженныхъ - де Болеславомъ Храбрымъ на западныхъ границахъ его государства по Лабѣ и Салѣ, о всѣхъ тѣхъ тяжелыхъ утратахъ на западѣ, о покореніи и истребленіи Нѣмцами западныхъ соплеменниковъ, говорившихъ на одномъ съ Поляками языкѣ: обо всемъ этомъ долго съ горечью вспоминали Поляки, когда они, занятые стремленіемъ на славянскій востокъ, не могли уже подумать о защитѣ сильно порѣдѣвшихъ и ослабленныхъ западныхъ соплеменниковъ, и еле спасли отъ Нѣмцевъ восточное Поморье. Объ этихъ утратахъ горюетъ историкъ Длугошъ, и его преемники; а современный Длугошу краковскій кастелянъ, Іоаннъ изъ Чижева, въ присутствіи короля Казимира и многихъ пановъ, жаловался (1454) на то, что Польша въ своей безопасности дозволила Нѣмцамъ занять столько земель, особенно Лужицы и любушскую землю, беззаконно оторванныя отъ польской короны²⁾.

Чехи и полабскіе Сербы уже въ силу сосѣдства находились съ давнишнихъ временъ въ близкихъ отношеніяхъ. Чехи знали, что всѣ земли на сѣверъ отъ чешскихъ горъ между Салоемъ и Бобромъ, да и Тюрингія (чеш. Дуринкія)³⁾, заселены сербскимъ народомъ, Сербами, и называли всѣ эти земли, мишенскую, миль-

¹⁾ Срв. наше сочиненіе „Германизация балтійскихъ Славянъ“, 109, 212.

²⁾ См. „Славяне“ т. II, 103 — 111, 164; W. Boguslawski: *Rys dziejów serbo-lużyckich*, 108. Срв. ниже въ отдѣлѣ „Чехи и Поляки,“ рассказъ о войнѣ Поляковъ съ нѣмецкими крестоносцами въ XV вѣкѣ.

³⁾ Поляки тоже знали форму Дуринкь: Stanislaus Dorink, Durynk, civis Cracov. въ XV в. (Codex diplom. universitatis Cracov. II, III, v. index).

скую (Мильчанъ, г. Будышинъ) и лужицкую (Лужичанъ, г. Хотъбузь)—все Сербією, Сербами. Часть этой Сербіи, именно земля мильская (будышинская, позже: верхняя Лужица) и доинская (на лѣвомъ берегу Лабы), достались Чехіи уже въ XI — XII вѣкахъ; земля лужицкая (позже: нижняя Лужица) только въ XIV вѣкѣ¹⁾.

Присоединеніе сербскихъ земель въ чешской коронѣ не принесло однако сербской народности особенной пользы. Сербы доинской земли раздѣлили судьбу мишенскихъ Сербовъ, и до XIV—XV вв. онѣмечились. Представители Лужицъ, лужицкіе чины — дворянство и города, были не Сербы, а Нѣмцы или онѣмеченные Сербы, и придавали этой коронной землѣ чешской офиціальныи характеръ нѣмецкій, хотя простое народонаселеніе Лужицъ было по большей части сербское; но сербскій языкъ раздавался только въ сельскихъ судахъ будышинскомъ и згорѣлец-

¹⁾ См. Н. Jireček: Slovanšké právo v Čechách i na Moravě II. 17, III. 11, 37, 41. Daringus de Sribia, Zribin упоминается у Космы (Fontes r. bohém. II. 25); Srbi, kněz srbský въ смыслѣ будышинскихъ Мильчанъ — у Далимила (ibid. III. 102, 120 и др.); Mišer, Srby, Lužice, Slezáci a Srbi, Srbi neb šest měst — въ чешскихъ летописяхъ XV—XVI в. (Starí letopisové čestí, 77, 185, 329); národ, který v zemi durinské bydlel, sloužil Srbi — у Сигизмунда изъ Пухова, и пр. Мишере о славянскомъ происхожденіи Тюринговъ было распространено и среди Нѣмцевъ (въ Sachsenpiegel); см. наше соч. Германизація балтійскихъ Славянъ, 73, примѣчаніе, и срв. ниже (о чешскомъ и польскомъ переводѣ Сакс. Зеркала). Въ одномъ словѣнско-русскомъ житіи св. Людмилы (Fontes r. b. I. 123) эта чешская княгиня названа „отъ земля сербская, князя сербскаго дщи;“ по другимъ, латин. житіямъ Людмила была дочь Славибора, князя Пшовянъ. Были-ли Пшовяне Сербы, трудно сказать; во всякомъ случаѣ, Пшовяне рано примкнули къ пражскимъ Чехамъ, и сдѣлались, подобно другимъ племенамъ, Хорватамъ, Зличанамъ, Лучанамъ, Лютомѣричамъ, Дѣчанамъ и др., Чехами въ обширномъ смыслѣ. Любопытно, что на самой границѣ Чехіи и Лужицъ на рѣкѣ Каменицѣ есть двѣ селенія Каменицы, чешская и славянская или сербская (по нѣмц. Windisch-Kamnitz).

комъ, которыми завѣдывали сельскіе судьи-старосты ¹⁾. Въ Бранденбургѣ, со второй половины XIV вѣка тоже коронной землѣ чешской, Славянъ почти не было ²⁾. Національное, чешское и славянское движеніе гуситское не проникло въ Лужицы, въ ряды сербскихъ поселянъ, и они, предводительствуемые своими нѣмецкими господами, сражались съ чешскими гуситами, и сдѣлались цѣлью гуситскихъ наѣздовъ, равнымъ образомъ какъ Слезакъ, Мишляки, Франки, Баварцы и другіе Нѣмцы. Наконецъ въ 1635 г. Лужицы оторваны отъ чешской короны и достались Саксоніи.

Чехи хорошо знали печальную судьбу своихъ ближайшихъ соплеменниковъ Сербовъ и другихъ полабско-балтійскихъ Славянъ, погибшихъ въ борьбѣ съ Нѣмцами. Чехи, уже въ самомъ началѣ гуситскаго движенія, отлично поняли характеръ предстоящей своей борьбы съ Нѣмцами, борьбы за существованіе отстающихъ и защищающихся Славянъ противъ наступающихъ Нѣмцевъ. Пражане вызывали тогда (1420 г.) всѣхъ вѣрныхъ и ревностныхъ любителей чешскаго народа воевать съ натравленными папою противъ него Нѣмцами, природными его врагами, „которые безъ всякой причины всегда злятся на нашъ народъ и какъ нашему народу сдѣлали на Рейнѣ, въ Мишлѣ и Пруссіи и его прогнали, такъ и намъ намѣреваются сдѣлать и занять мѣста прогнанныхъ“ ³⁾. Чехи хорошо знали, что Нѣмцы отняли у славянскаго народа много земель полабско-балтійскихъ, и что со-

¹⁾ У западныхъ Сербовъ, по Лабѣ и Салѣ, такіе судьи назывались жупаны. См. Knothe: *Urkundliche Grundlagen zu einer Rechtsgeschichte der Ober-Lausitz* (Görlitz 1877, p. 33), его же: *Die verschiedenen Klassen slavischer Höriger in den Wettinischen Landen vom 11 — 14 Jhd.* (*Neues Archiv für sächsische Geschichte*, 1883, IV).

²⁾ См. наше соч. „Германизация балтійскихъ Славянъ“ стр. 74.

³⁾ *Archiv český* III. 212; срв. „Славяне“ т. II. 26. „Рейнѣ“ — взять изъ хроникъ т. в. Далимила (см. выше, стр. 2), „Мишень“ — какъ бы въ смыслѣ полабскихъ странъ вообще, „Пруссія“ — въ смыслѣ бадтійскаго поморья.

хранились только жалкіе остатки Сербовъ, униженные и значительно оиѣмеченные ¹⁾. Это униженіе соплеменниковъ вызывало въ Чехахъ тоже разныя мысли и опасенія относительно ихъ собственнаго народа. Такъ Павелъ Ешинъ, издавая, такъ сказать на кануи паденія чешскаго государства (1620), патриотическую чешскую хронику т. н. Далимила, возстаетъ противъ тѣхъ, которые считали изданіе этой хроники неудобнымъ, такъ какъ въ ней много пишется противъ Нѣмцевъ иноплеменниковъ, врывающихся въ Чехію и притѣснявшихъ народъ и языкъ чешскій; каждый народъ долженъ заботиться о славѣ своего языка и не долженъ допустить его истребленіе. „Довольно уже да слишкомъ обезчещенъ и посрамленъ нашъ славянскій языкъ, такъ какъ онъ истребленъ не только во всей землѣ мишенской, брауншвейгской, люнебургской, бременской и другихъ, а тоже на Лабѣ, вытекающей изъ чешскаго королевства и втекающей въ море подъ Гамбургомъ, въ Лужицѣ, Бранденбургѣ, Саксоніи, Поморьѣ, Мекленбургѣ, Лауэнбургѣ, Гольштейнѣ до датскихъ заливовъ. Народъ же пришлецами такъ посрамленъ, что, по свидѣтельству самихъ нѣмецкихъ писателей, родившемуся отъ славянскихъ или сербскихъ родителей не дозволяютъ обучаться ремеслу, не терпятъ его въ цехѣ, или не допускаютъ его въ ремеслу или другому занятію, пока онъ не доважетъ присягою, что онъ произошелъ не изъ крови славянской а нѣмецкой“. Подобно Ешину позже и Бальбинъ негодуетъ на такое униженіе и подавленіе полабскихъ Славянъ Нѣмцами и высказываетъ опасеніе на счетъ будущаго самихъ Чеховъ ²⁾. Еще въ концѣ XVIII в. чешскій историкъ Ф. Пельцель, говоря объ исторіи Нѣмцевъ и ихъ языка въ Чехіи (1791), и рассматривая германизаціонную систему вѣнскаго правительства относительно Чеховъ, воскликнулъ: „Изъ этого можно съ вѣроятностью заключить, что когда-то Чехія относительно языка очутится въ такомъ положеніи, въ какомъ нахо-

¹⁾ Срв. отзывы нѣкоторыхъ чешскихъ лѣтописцевъ и др. XV—XVI вв. въ соч. „Славяне“ т. II, 33, 36, 38, 39, 52.

²⁾ См. „Славяне“ т. II, стр. 62.

дятся нынѣ Мишень, Бранденбургъ и Слезія, гдѣ говорятъ исключительно по-нѣмецки, и гдѣ отъ славянскаго языка не остается ничего кромѣ однихъ названій городовъ, сель и рѣкъ.“

Совмѣстное жительство Нѣмцевъ и Славянъ въ полабско-балтійскихъ земляхъ, униженное положеніе Славянъ, ненависть между Нѣмцами и Славянами, все это выразилось тоже въ саксонскомъ правѣ тѣхъ земель, и въ статьяхъ этого права предусматрено національный антагонизмъ обоехъ племенъ. Такъ на пр. въ *Sachsenspiegel* постановляется, что нельзя судить Славянамъ Нѣмцевъ и Нѣмцамъ Славянъ, и исключается передъ судомъ свидѣтельство Славянина противъ Нѣмца и на оборотъ: если Славянинъ поймаетъ Нѣмца на самомъ преступленіи или на оборотъ, и передъ судомъ другъ противъ друга дадутъ свидѣтельство, то пусть обвиняемый терпитъ приговоръ по свидѣтельству истца, какъ будто разница народности уничтожила всякое право ¹⁾.

Съ распространеніемъ нѣмецкихъ колоній въ городахъ Чехіи и Польши, съ образованіемъ особыхъ нѣмецкихъ общинъ городскихъ пользующихся своимъ правомъ нѣмецкимъ — по большей части саксонскимъ, магдебургскимъ — распространялось это право въ Чехію и въ Польшу. Въ XV в. въ городахъ Чехіи и Польши нѣмецкій элементъ ослабленъ или совсѣмъ исчезъ, и на его мѣсто вступили мѣщане славянскіе, чешскіе и польскіе, которые однако продолжали пользоваться нѣмецкимъ правомъ, но уже не на языкѣ нѣмецкомъ а на чешскомъ и польскомъ ²⁾. Въ этихъ переводахъ нѣсколько разъ упоминается о Словенахъ или Сербахъ (*Wenden*) и о ихъ положеніи передъ судомъ, что соб-

¹⁾ См. наше соч. „Германизация балтійскихъ Славянъ,“ стр. 38—39. Въ той же книгѣ приведены примѣры объ исключеніи Славянъ изъ городскихъ общинъ, цеховъ и пр.

²⁾ Нѣмецкіе *Schoppen*, *Schöffen* (*scabini*) называются по-чешски стариннымъ славянскимъ словомъ *kmeti*, по-польски *przysięznicy*, позже *lawnicy*. Тексты чешскаго и польскаго переводовъ этого нѣмецкаго права сравнилъ Калужняцкій (*Sitzungsberichte der k. Akademie der Wissenschaften*, Wien 1886, Bd. 111).

ственно въ чешскихъ и польскихъ городахъ не имѣло никакого практическаго значенія. Такъ на пр. выше упомянутая статья Саксонскаго Зеркала о свидѣтельствахъ Нѣмца и Славянина гласитъ по-чешски: „Pakli bude Sasic aneb Slovenin s bezprávim jat v horkém účinku a s weppem (křik neb úp neb wepp neb nastojte, nestojte) přiveden před právo, ten Sasic usvědčí na Slovenína a Slovenin na Sasice a musí jich každý toho druhého ortel trpěti, kterýž tak jat jest aneb bude“ ¹⁾). По-польски: „Wszakże gdzieby Słowianin albo Sasin o występek albo o jawny uczynek (złamania pokoju) pojman, i do sądu z wołaniem przywiedzion był, tam pojmany i Sasin Słowianinowe, i ten też owego świadectwo i decret odnieść musi.“ А это дѣлается потому, что „te dwa narody są sobie zdawna nieprzyjacielmi. Albowiem byli Saxonowie Słowaki (które też Turyngami zwano) aże za rzekę Albim zagnali. Skąd wielkie wojny potym między nimi powstały, aże do czasów Karła cesarza, który wielkie wojsko zebrawszy Słowaki zgromił, i z onego księstwa po wszystkiej Saskiej ziemi rosproszył, i tam im mieszkać rozkazał. Stądże tam i po dzisiejszy dzień wiele wsi słowiańskich jest“ ²⁾).

2. *Связи культурныя. Христіанство и христіанская терминологія у балтійско-полабскихъ Славянь. Чешскій языкъ въ Лужицахъ. Чешское правописаніе и его вліяніе на правописаніе сербское.*

Дѣятельность великаго просвѣтителя западныхъ Славянь, панонско-моравскаго архіепископа Меодія, коснулась по всей вѣроятности тоже полабскихъ Сербовъ, входившихъ въ со-

¹⁾ Изъ рукописнаго Сакс. Зеркала XV в. сообщилъ Я. Чолаковский въ ж. Časopis Českého Musea 1879, p. 152.

²⁾ Speculum saxonum albo prawo saskie i majdeburskie, z łacińskich i niemieckich exemplarzów zebrane, a na polski język przetłóżone przez Pawła Szczerbicza (we Lwowie 1581, p. 75; тамже стр. 38 о побѣдѣ Саксовъ надъ Тюрингами — Turyngowie byli Słowacy).

ставъ державы Святополека, равнымъ образомъ какъ и Чехи и южныя Ляхи. Во всякомъ случаѣ зачатки христіанства у Сербовъ можно отнести къ этому времени, хотя укрѣпленіе христіанства состоялось только столѣтіе спустя, послѣ основанія у Сербовъ епископій мишенской, жичской и мезиборской. На сколько чешскіе священники, рядомъ съ нѣмцами, участвовали въ этомъ укрѣпленіи христіанства у Сербовъ во второй половинѣ X-аго вѣка, не знаемъ. Церковная христіанская терминологія у полабско-балтійскихъ Славянъ латинско-нѣмецкая, притомъ въ большей степени, чѣмъ у Чеховъ и Поляковъ, что свидѣтельствуется о главномъ участіи нѣмецкаго духовенства въ дѣлѣ крещенія Сербовъ и другихъ полабско-балтійскихъ Славянъ. Но съ другой стороны въ нарѣчіяхъ сербско-лужицкихъ, словенско-древянскомъ (въ Люнебургѣ) и словенско-вашубскомъ (въ Поморьѣ) уцѣлѣли нѣкоторые слова, которыя можно отнести еще къ зачаткамъ христіанства и словѣнскаго богослуженія, или по крайней мѣрѣ къ вліянію чешской христіанской терминологіи — относительно полабско-лужицкихъ Сербовъ, и польскому — относительно балтійско-полабскихъ Словенъ. Въ сербско-лужицкихъ нарѣчіяхъ встрѣчаются общеславянскія слова: *por*, *mnikh* (*mikh*), *cerkej*, *cerkvjej*, *cerkvja*, *mša*, *modlić se*, *modlitva*, *khřest*, *křćić*, *křćís*, *kříž*, *djaboł* (*čert*, *cart*), *spovjedž*, *sudny džep* и др.; они указываютъ на другой источникъ, чѣмъ исключительно нѣмецкій (оттуда уже *bjatovaś*—*beten*, *dupić*, *dupís*—*döpen*, *taufen*, *hela*—*Hölle*, *jutru*, *jatřu*—*Ostern* и др.). Нѣкоторыя изъ этихъ общеславянскихъ словъ, правда, тоже древне-нѣмецкаго происхожденія (на пр. *поць*, *церковь*); они вошли уже въ языкъ словѣнскій, а оттуда въ западно-славянскія языки. Словене въ Люнебургѣ знали слова *церковь* (*carĳaj*, *carĳjiv*, *carĳvajca*) и *поць* (*rŭp*); поморскіе Кашубы называютъ поль. *kościół* до сихъ поръ *cerkiew*, *cerkwia*, а мѣсто гдѣ стояла церковь или кладбище—*cerkwiszczce* (*Sirkunist*, locus *Tsirkewist* въ началѣ XIII вѣка на островѣ Узноимѣ ¹⁾).

¹⁾ Miklošić: Die christliche Terminologie der slavischen Sprachen (1875). Объ ужасной христіанской терминологіи у лонебург-

Возможно, что Сербы знали чешскую литературу XIV—XV в., особенно переводы библии и других церковных книг, хотя объ этомъ не имѣется положительныхъ извѣстій. Гуситство, къ сожалѣнію, не проникло въ Лужицы, не имѣло вліянія на сербское ихъ населеніе; если бы Сербы применили къ чешскому гуситству, то они бы не только ожили, а они бы по всей вѣроятности приняли тоже чешскій языкъ въ литературный; если въ польской верхней Слезіи съ XV вѣка чешскій языкъ распространился въ значительной степени и сдѣлался официальнымъ, то все это могло въ сербской Лужицѣ состояться легче, такъ какъ языкъ сербскій ближе къ чешскому, чѣмъ польскій. Сербскіе священники въ Лужицахъ, не имѣя церковныхъ книгъ на своемъ языкѣ, вѣроятно пользовались — на сколько это оказывалось нужнымъ — чешскими церковными книгами ¹⁾. Можно предполагать, что нѣкоторые Сербы знали чешскій языкъ, какъ языкъ сосѣднихъ соплеменниковъ и господъ Лужицъ, куда назначались королевскими намѣстниками (фонгтами) чешскіе паны изъ родовъ изъ Штернберга, Розенберга, Вартенберга, Коловратъ, Дубой, Поступицъ и др. Что чешскій языкъ былъ извѣстенъ въ Будышинѣ, именно въ городской думѣ — на это указываетъ формула присяги для сербскихъ мѣщанъ, записанная, рядомъ съ нѣмецкою, въ городской книгѣ второй половины XV в. и употребляемая до начала XVII вѣка. Эта формула должна была быть сербская, но въ сущности это смѣсь чешско-сербская. Вотъ ея начало: *Ja pschisaham Bohu a naschemu neugnadneyschemu knyezu knyezu... kraly Czeskem(u), a geho gnadie diediczuom a wschiczknym potomnym kraluom Czeskym, Burgermaistru a Radyie toho Miasta Budissina, wierny, poslužny (!) a podany beyczsch we dne a w notczy... (конецъ) tak jack my Buoh pomuož a geho Swate Slowo ²⁾*.

скихъ Словенъ см. наше сочиненіе „Германизациі балтійскихъ Славянъ“, 59.

¹⁾ Въ XVIII в. въ церкви въ Рашицѣ хранилась старая чешская библия (*Časopis Maticy Serbskeje* 1880, p. 76).

²⁾ *Časopis Maticy Serbskeje* 1875, p. 51. Замѣтимъ, что чешское слово *berně* (подать) было извѣстно и въ Лужицахъ (*bern, pero*),

Чешское гуситство не распространилось къ Сербамъ; но за то нѣмецкое лютеранство привилось къ нимъ вполне, и дало поводъ къ возникновенію скромной сербской литературы, если переводы нѣкоторыхъ церковныхъ книгъ можно назвать литературою. Сербскіе священники, переводя съ нѣмецкаго на свой до тѣхъ поръ неразработанный родной языкъ, по неволѣ обратили вниманіе на богатую церковную литературу сосѣднихъ племенниковъ чешскихъ (католиковъ, утраввистовъ, чешскихъ братьевъ, лютеранъ), у которыхъ до половины XVI в. насчитывалось семь изданій полной печатной библіи. И, дѣйствительно, когда въ 1548 г. Николай Якубица ¹⁾ переводилъ съ нѣмецкаго перевода Лютера (но тоже съ помощью латинской вѣльгаты) Новый Заветъ на сербскій языкъ ниже-лужицкаго нарѣчія, то онъ воспользовался чешскимъ переводомъ, но уже черезъ-чуръ: если онъ не зналъ или не припомнилъ себѣ подходящаго сербскаго слова, то онъ употребилъ чешское слово даже вопреки духу сербскаго языка, и придерживался вообще чешскаго текста; такъ онъ на пр. пишетъ *hrlo*, *hrnczar* рядомъ съ *ghrnczar*, *roztrhla*—*tarhl*, *wottargowaly*, *hledatcz* — *gleday*, *hnew* — *gnew*, *pczychazegyczyho* (рядомъ съ *ego*), *neposskwrnena*, *vczedlniczy*, *zdrschowatecz se*, *nwiditedlne*, *saud*, *welblaudu*, *hudcuow*, *libilo* (вм. *lubi-lo*), *rauhamy*, и пр. Иногда онъ списывалъ просто бессмысленно, на пр. *wionni známosti swé zgewuge*—*wenim znamosczy swe zgewuge*. „Правописаніе“ Якубицы однако нѣмецкое, а не чеш-

на пр. въ одномъ постановленіи короля Фердинанда 1544 г. (*Časopis M. S.* 1875, p. 76). Въ одномъ рукописномъ сборникѣ верхне-сербскихъ пословицъ конца XVIII в. встрѣчается тоже пословица: *To su moje Čechi i Lechi — das ist mein ganzer Ein—und Ausgang* (*Časopis Mađicy Serbskeje* 1856—57, p. 103). „Чехи“ могутъ здѣсь быть „чешскіе гроши“; „лехи“, въ значеніи денегъ, ближе неизвѣстны.

¹⁾ Пишется тоже Якубицъ; но по словамъ послѣдствіа „*Ten tu powu zakon serpsku... do serpskeje reesu... rozinossou psches Mikla-w lacha Jakubicu*“ видно, что правильная форма Якубица. См. статью Лескина въ *Archiv für slav. Philologie* I. 161, и срв. замѣтку Елча въ *Časopis Mađicy Serbskeje* 1862, p. 46.

ское; изъ чешскаго взялъ онъ *g* (въ значеніи *j*: *stogy* — *stoji*), что совсѣмъ противорѣчитъ фонетикѣ нижне-сербскаго нарѣчія, гдѣ *g* = *г* (*gleday*)¹⁾. Приведемъ здѣсь начало первой главы евангелія отъ Марка, вмѣстѣ съ чешскимъ текстомъ по библіи 1506 года:

To ie ten zpoczutk tego eu-
angelia Iesu Krista tego syna
boschego, iako pyssano stohy
w prorokach: Hley, ia posslu
moiego ianschela pred tobu haw,
kotory pcyzprawy twoiu drogu
pred tobu. Ieden gloes wolaczy
we tey puszczyne: Gottuyce tu
drogu tego knysa, proste wu-
czinsche iogo zszeschky. Byl ie
Ian we tej puszczyne, ksczyl a
predgował tu kseschniczu tego
pokayänä k wodawanu tich gre-
chow... Ian pak byl wooschewan-
ny s welblodowymy losmy a ied-
nym schkoranym passem woko-
lo iogo lischb, a gadl ie zkoczky
a hschywy moed.

Počátek čtenije Gežijsse
Krysta syna božyeho, iakož psá-
no gest w Izayassy proroku: Ay
yá posyelám angelaswého przed
twárij twú, kterýžto przyprawij
čžestu twú przed tebu. Hlas wo-
lagijczyeho na pússti: Przypra-
wuyte czestu pánie, rovné čžyni-
te stezky geho. Byl gest Jan
na pússti krztie a káže krzest po-
kánije na odpusstienije hrzye-
chuow... A byl Jan odijen srstmi
welblúdownými, a pás kožeuný na
bedrách geho, a kobyly a med
lesnij giedal gest.

Въ позднѣйшихъ сербскихъ переводахъ церковныхъ книгъ не встрѣчается такое вліаніе чешскаго языка, хотя нѣкоторые сербскіе священники, католики и протестанты, знали языки чешскій и польскій. Такъ на пр. Михаилъ Френцель, переводя библію на языкъ сербскій верхне-лужицкаго нарѣчія, пользовался библіями на языкѣ чешскомъ и польскомъ какъ „сестрами нашего языка“. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старался, съ помощью чешскаго правописа, устроить правописаніе сербское, хотя онъ здѣсь поступалъ

¹⁾ Это *g=j* встрѣчается тоже въ одной верхне-сербской книжкѣ 1628 г.: *mogu*, *twogim*, *gedyn* и пр. (Časopis Maticey S. 1871, 1).

не всегда послѣдовательно; онъ правильно пишетъ с, s, z, sz, (= č, ć), ž, dž, ň, é, sch (= š, ř); это правописание онъ употребилъ въ сербскомъ переводѣ части евангелій (1670). Френцель употребляетъ даже нѣкоторыя чешскія слова или слова на чешскій ладъ: acz (серб. hač), hned (hnydom), mezu (mjez), nežli (dyžli), slowjasche (rěkaše), swéczen (swěćnik), tobola (wačok), wuczenicy, пишетъ даже wjra, hrjch, nemjru, mlczacz, wrch, nejmenšchi ¹⁾. Самымъ рѣшительнымъ образомъ исправилъ сербское правописание по чешскому сербскій иезуитъ Яковъ Тицинь въ своей грамматикѣ: Principia linguae wendicae quam antiqui wandalicam vocant (Pragae 1679); онъ, зная чешскій языкъ, принялъ для сербскаго языка чешское правописание, и, указывая на сходство сербскаго языка съ чешскимъ въ склоненіяхъ, спряженіяхъ и пр., замѣчаетъ, что „наша рѣчь — сестра чешской, происходитъ отъ той же самой матери славянской, по этому справедливо, чтобъ она употребляла тѣ же самыя знаки“; а это мнѣніе раздѣляютъ-де и другіе Сербы, какъ на пр. Донатъ Фабриціусъ, Матвѣй Дубрау, и отъ части тоже Михаилъ Френцель. Тицинь пишетъ: é (но é = y), ć и cž (= č, ć), d' (= dž), ň, ř (тоже ss = š, какъ и произносится сербское ř), ss (= š), ž, l', j (а не g), и защищаетъ это чешское правописание какъ единственно удобное для сербскаго языка, справедливо замѣчая, что нельзя нѣмецкими или латинскими буквами хорошо написать на пр. слова d'žei (dies), cžrij (calceus), wotročk (servus), swěćo (imago), žena (mulier), kameň (lapis), boććo wé (estote) и пр. ²⁾. Къ сожалѣнію, эта здравая и разумная мысль не принята сербскими писателями по большей части протестантами, вѣроятно потому, что она вышла отъ католическаго иезуита. Имъ понравилась больше старая неувлѣкая нѣмецко-славянская орѳографія, которую старался установить протестантскій священникъ Захарія Барлингъ:

¹⁾ О правописаніи М. Френцеля см. статьи М. Горника и К. Енчи въ ж. Časopis Matici Serbskeje 1870, р. 55, 1871, р. 73. Срв. „Славяне“ т. II, стр. 18.

²⁾ О Тицинь см. статьи М. Горника въ ж. Časopis Matici Serbskeje 1878, р. 9, 1883, р. 115.

Didascalia seu orthografia vandalica, d. i. Wendische Schreib- u. Lese-Lehr (Budissin 1689). Бирлингъ отвергаетъ диакритическіе значки (das vielfältige Punktiren, Accentuiren, Be- u. Durchstreichen), употребляемыя въ языкахъ чешскомъ и польскомъ и — какъ онъ думаетъ — тоже враньско-словенскомъ (der Wenden in Illyria), ссылаясь на словенскія книги напечатанныя въ Витенбергѣ. Бирлингъ пишетъ *cž* (= *č, č*), хотя признаетъ тоже *č* (= *č*), *d'* или *dz, dsch, ð, ž, ll* (= *l*), но: *z, tz* (= *c*), *ss* (= *s*), *sch* (= *š, ř*)¹⁾. М. Френцель, вынужденный обстоятельствами, отказался отъ своего лучшаго правописанія, и принялъ нѣмецко-славянское. Католики тоже не приняли правописанія Тицина, и предпочли неуклюжее нѣмецко-славянское; такъ сдѣлалъ и современникъ Тицина, Юрій Стѣтликъ, чему надо удивляться, такъ какъ Свѣтликъ, жившій нѣсколько лѣтъ въ Оломуцѣ и Прагѣ, зналъ чешскій языкъ. Такимъ образомъ у Сербовъ установилась смѣсь орфографіи нѣмецкой и славянской (*cž, ð, ž*), при чемъ орфографія „католическая“ отличалась отъ „протестантской“ — одинъ изъ многочисленныхъ славянскихъ курьезовъ.

Духовныя связи между Чехами и Сербами поддерживались кое-какъ посредствомъ католической сербской семинаріи, учрежденной въ Прагѣ (1706, 1716) для сербскихъ католическихъ теологовъ, и такимъ образомъ завязывались болѣе близкія сношенія между сербскими студентами и Чехами, особенно теологами. Патриархъ зараждающейся во второй половинѣ XVIII в. славистики, Чехъ І. Добровскій, уже рано обратилъ свое вниманіе на лужицкихъ Сербовъ, да утѣшалъ ихъ лучшею будущностью²⁾. Сношенія Сербовъ съ Поляками не были столь близки, какъ съ Чехами, не смотря на возведеніе саксонской династіи — господствовавшей и въ Лужицахъ — на польскій пре-

¹⁾ См. статью М. Горнижа въ ж. *Časopis Maticey Serbske* въ 1883, р. 119.

²⁾ Срв. слова изъ его письма лужицкому Сербу Фрицу, въ е. л. „Славине“ т. I. стр. V.

столь¹⁾. Между тѣмъ печальная судьба всѣхъ полабскихъ и балтійскихъ Славянъ готовилась тоже Полякамъ: въ концѣ, XVIII в. Поляки очутились подъ нѣмецкимъ господствомъ. Любопытно, что на самомъ канунѣ паденія Польши одинъ ученый Полякъ, изучавшій исторію славянскихъ народовъ, графъ Іоаннъ Потоцкій, отправился въ прибалтійскія страны, на родину древнихъ Ратарей, Доленчанъ, Варновъ, Ободричей, Полабянъ и др. отыскивать здѣсь славянскія древности и возбуждать интересъ для нихъ, въ тѣхъ странахъ, гдѣ нынѣ одни только насыпи и могилы свидѣтельствуютъ о Славянахъ; польскій ученый думалъ, что въ люнебургской степи на лѣвомъ берегу Лабы найдетъ еще остатки Славянъ, но увидалъ, что славянскій языкъ уже забытъ, что только старики помнятъ еще нѣсколько словъ славянскихъ, и что объ этомъ языкѣ можно себѣ составить понятіе по малому словарю, доставленному однимъ тамошнимъ помѣщикомъ, и по запискамъ одного славянскаго селянина (Парума Шульца)²⁾.

¹⁾ Былъ-ли Богумилъ Фабриціусъ, переводчикъ Новаго За-вѣта на нижне-сербскій языкъ (1709), Полякъ или Нѣмецъ, до сихъ поръ неизвѣстно. См. *Časopis Matice Serbskeje* 1880, p. 132, *Historija serbskeho naroda*, spis. W. Boguslawski a M. Hórnik (1884, p. 114). О пребываніи Поляка Сарницкаго въ Лужицахъ см. „Славяне“ т. II, стр. 129.

²⁾ *Voyage dans quelques parties de la Basse-Saxe pour la recherche des antiquités slaves ou vendes. Fait en 1794 par le comte Jean Potocki (Hambourg 1795).*

II.

ЧЕХИ И ПОЛЯКИ.

1. *Западно-славянскія государства моравскихъ Моймировичей, чешскихъ Болеславовъ, польскаго Болеслава Храбраго; неудавшаяся попытка чешскаго Брячислава. Премысловичи и Пястовичи. Чешскіе короли Премысль Отакаръ II и Вячеславъ II и ихъ отношенія къ Польшѣ. Слезія — чешская коронная земля. Карль IV и Польша. Прусско-нѣмецкіе крестоносцы въ балтійскихъ странахъ.*

Между Чехами и Поляками существовали съ самаго начала ихъ исторіи особенно тѣсныя связи и сношенія. Оба народа связываетъ уже древнѣйшее преданіе, производящее ихъ отъ двухъ братьевъ Чеха и Лѣха; а Чехи и Поляки, воюя, мирясь, сносясь, постоянно утверждали, что они происходятъ отъ двухъ славянскихъ внязей братьевъ, и что по этому слѣдуетъ ихъ потомкамъ жить въ братской любви и защищать другъ друга. Сознаніе этого родства играетъ важную роль во всей исторіи обоихъ западно-славянскихъ народовъ.

Чешско-моравскія и южно-ляшскія племена по верхней Одрѣ и Вислѣ соединялись чаще подъ однимъ государемъ, и только известная славянская центробѣжность, разрозненность и политическая незрѣлость были причиною, что тѣ племена и вообще западные Славяне не слились въ одно государство, въ одинъ народъ. Такъ уже во второй половинѣ IX в. южно-ляшскія племена на верхней Вислѣ и Одрѣ вошли въ составъ моравскаго го-

сударства Моймировичей, и приняли оттуда зачатки христіанства и словѣнскаго богослуженія; подобно тому сто лѣтъ спустя тѣ же лянскія племена вошли въ составъ чешскаго государства обоихъ Болеславовъ. Преемникъ идеи князей моравскихъ Ростислава и Святополва, чешскихъ Болеславовъ — польскій князь Болеславъ Мѣшковичъ „Храбрый“ или „Великій“ мечталъ о соединеніи всѣхъ западныхъ Славянъ подъ своимъ скипетромъ, занялъ престолъ чешскихъ Премысловичей, своихъ родственниковъ по матери чешской княжнѣ Добравѣ Болеславовнѣ, и задумалъ чешскую Прагу сдѣлать столицею своего обширнаго государства; но Чехи, вмѣстѣ съ Лютичами, воспротивились планамъ Болеслава, предпочитая быть орудіями нѣмецкой политики направленной къ уничтоженію великой мысли Болеслава. Онъ долженъ былъ уйти изъ Праги, и предоставить Чехію какъ добычу чешскимъ князьямъ и ихъ мнимымъ покровителямъ Нѣмцамъ; только Моравяне и Словаки и лужицкіе Сербы не отступили отъ Болеслава, и поддерживали его планы противъ Нѣмцевъ и ихъ славянскихъ союзниковъ, Чеховъ и Лютичей. Польскій князь, продолжая упорную борьбу съ Нѣмцами, тщетно увѣщевалъ чешскаго князя Ульриха Болеславовича, своего племянника, вспомнить объ ихъ обоюдномъ родствѣ, примириться съ нимъ и вмѣстѣ сопротивляться всѣмъ врагамъ, преимущественно же императору Генриху ¹⁾). Эти слова Болеслава были голосомъ воющаго въ пустынѣ: Чехи и Лютичи остались вѣрными союзниками Нѣмцевъ, и помогали имъ разрушать всѣ великіе планы „свирѣпаго Славянина“, — какъ называетъ Болеслава его современникъ Титмаръ, — и тѣснить его съ славянскаго запада на славянскій, русскій востокъ. Важность и славу Болеслава „Великаго“ — такъ его назвала не лѣтопись польская или чешская, а русская — сознавали Поляки долго, и еще цѣлое столѣтіе спустя по смерти Болеслава — по словамъ лѣтописца Мартина Галла — рассказывали въ Польшѣ, какъ умирающій въ 1025 году польскій король предсказалъ, что плакать по немъ будутъ

¹⁾ Thietmari Chronicon lib. VII, cap. 7.

не только тѣ, которые его знали, а всѣ ихъ потомки; а тотъ же лѣтописецъ, рассказавши о кончинѣ Болеслава, взываетъ ко всѣмъ жителямъ Польши, „Латинянамъ и Славянамъ“, плакать по великомъ королѣ ¹⁾.

Великая идея соединенія западнаго Славянства въ одно государство, чешско-польское, блеснула скоро послѣ смерти Болеслава, въ головѣ чешскаго князя Брячислава Ульриховича, того самаго, который такъ хорошо сознавалъ всю надменность Нѣмцевъ относительно Славянъ ²⁾. Онъ занялъ Краковъ и Гибзно (1038—1039); но его планъ о присоединеніи Польши къ Чехіи не удался, благодаря внимательству Нѣмцевъ ³⁾. На зятѣ Брячислава относительно Польши указывала лишь только дань, платимая Польшею въ чешскую государственную казну еще въ концѣ XI в., и титулъ перваго „чешскаго и польскаго короля“ Вратислава Брячиславовича (1086).

Чешскіе и польскіе князья, какъ сосѣди и родственники, часто вмѣшивались въ дѣла сосѣднаго государства. Въ Чехію отправлялись недовольные польскіе князья (Безпремъ Болеславовичъ, Болеславъ и Збыгнѣвъ Владиславовичи), а въ Польшу недовольные чешскіе князья (Болеславъ Болеславовичъ, Яроміръ Брячиславовичъ, Боривой и Собѣславъ Вратиславовичи, оба сыновья польской княжны Сватавы), и вельможи (Славниковичи Войтѣхъ и Собѣборъ, Вершовичи); Боривою Вратиславовичу помогалъ польскій князь Болеславъ III для достиженія чешскаго престола, но напрасно. Не смотря однако на такія столкновенія, Чехи

¹⁾ Monumenta Poloniae historica I, 413. „Latinorum et Slavorum incolae“ могутъ быть жители обрядовъ латинскаго и славянскаго; срв. соч. „Славяне“, т. II, стр. 520.

²⁾ См. „Славяне“, т. II, стр. 24.

³⁾ Въ числѣ польскихъ плѣнниковъ, приведенныхъ Брячиславомъ въ Чехію, находился тоже прадѣдъ чешскаго лѣтописца Космы, и жители города Гедча (недалеко Познаня); Гедчане поселены къ югозападу отъ Праги, около лѣса Чернина, и жили здѣсь еще въ началѣ XII в., пользуясь известнымъ самоуправленіемъ. (Fontes rerum bohemicarum II. 71, 77).

и Поляки не видѣли другъ въ другѣ враговъ народныхъ, какъ на пр. въ Нѣмцахъ, а только сосѣдей, которые поссорились но скоро опять примирились ¹⁾).

Смутное время, которое наступило въ Чехіи и Польшѣ въ слѣдствіе безпрестанныхъ споровъ и междуусобиць Премысловичей и Пястовичей изъ-за велико княжескаго стола, прекратилось раньше въ Чехіи, именно въ самомъ концѣ XII в., между тѣмъ какъ Польша страдала отъ этихъ бѣдствій еще цѣлое столѣтіе. Въ Чехіи и Польшѣ происходили въ XIII в. важныя перемѣны въ слѣдствіе распространенія туда нѣмецкаго элемента въ городахъ, монастыряхъ и въ окраинахъ; поодрянское Поморье отчуждено отъ Польши и онѣмечилось; нижняя Слезія тоже онѣмечилась, и вообще вся Слезія отдалялась все больше отъ Польши, и польско-слезскіе Пястовичи, равнымъ образомъ какъ и чешскіе Премысловичи, тяготѣли къ Германіи, къ нѣмецкой культурѣ. Это распространеніе нѣмецкаго элемента въ западно-славянскихъ земляхъ возбуждало въ чешскихъ и польскихъ патріотахъ опасенія на счетъ ихъ народовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ усиливало старую ненависть западныхъ Славянъ къ Нѣмцамъ. Въ то же самое время, когда одинъ чешскій патріотъ-лѣтописецъ (такъ называемый Далимиль) рѣзко и страстно нападаетъ на Нѣмцевъ, приписывая имъ почти всѣ бѣдствія постигшія Чеховъ, то одинъ польскій стихотворецъ жалѣетъ о бѣдствіяхъ нанесенныхъ Чехамъ Нѣмцами ²⁾).

Чешское королевство заняло въ XIII в. важное мѣсто въ Германіи и вообще въ средней Европѣ, и чешскій король сталъ пер-

¹⁾ Этимъ надо объяснить нѣкоторыя неблагоклонныя сужденія лѣтописцевъ чешскихъ о Полякахъ, а польскихъ о Чехахъ, какъ на пр. рассказъ Космы о бѣгствѣ Болеслава Храбраго изъ Праги, рѣчи обоихъ князей, чешскаго Владислава I и польскаго Болеслава III, передъ битвою на Трутинѣ 1110 г., въ лѣтописяхъ Космы и Мартына Галла и др. Но чешскіе и польскіе князья скоро примиряются, *confirmand foedera pacis, et hilares ad proprios remeant lares*, какъ говоритъ Косма къ 1115 г. (*Fontes rerum bohém. II. 177*).

²⁾ См. „Славяне“, П т., стр. 164.

вымъ и самымъ могущественнымъ электоромъ (курфюрстомъ) священной римской имперіи нѣмецкаго народа ¹⁾. Такъ было именно во второй половинѣ XIII в., когда чешскій король Премыслъ II Отакаръ присоединилъ къ своему чешскому государству альпійскія страны почти до адриатическаго моря. Могущественный чешскій король могъ возмечтать о самой имперской коронѣ; но тутъ показалось все то надменное высокомѣріе Нѣмцевъ относительно Славянъ, какъ это замѣтилъ одинъ изъ предковъ Премысла Отакара, Брячиславъ. Нѣмецкое народное чувство воспламенилось при одной мысли о возможности избранія чешскаго короля въ нѣмецкіе короли и римскіе императоры: если въ Нѣмечинѣ имѣется много своихъ князей и графовъ, зачѣмъ возвысить Славянина въ императоры,—такъ разсуждали тогда Нѣмцы, и избрали въ короли графа Габсбургскаго Рудольфа. Одинъ нѣмецкій стихотворецъ того времени, Энгельбертъ (позже абать адмонтскій), написалъ, по желанію химскаго епископа Іоанна, канцлера короля Рудольфа, стихи объ избраніи послѣдняго, прославляя его какъ истребителя славянскихъ роговъ надменнаго царства ²⁾.

Король Премыслъ II Отакаръ благоволилъ въ Нѣмцамъ, поддерживалъ нѣмецкую колонизацію въ Чехіи и Моравіи, такъ что возбуждалъ неудовольствіе и громкія порицанія среди чешскихъ патриотовъ ³⁾. Но не смотря на это король Премыслъ не могъ

¹⁾ *Sachsenspiegel* однако оспариваетъ право чешскаго короля выбирать нѣмецкаго короля, такъ какъ онъ не Нѣмецъ—*dat he nicht dūdesch n' is*.

²⁾ *Cum in Alemannia plures principes et comites habeamus, quare vellemus Sclavum ad imperium sublimare?* (*Sifridus presbyter Misnensis ad a. 1274*, см. *Palacký Dějiny národu českého II*, 1, p. 101—102). Энгельбертъ пишетъ о своемъ стихотвореніи въискому схоластику Ульриху, приводитъ его начало: *Sclavica qui tumidi confregit corgna socptri*; самое стихотвореніе утрачено. (*Rez: Thesaurus anecdotorum novissimus I*, 1, p. 432).

³⁾ См. рѣзкій отзывъ о Премыслѣ т. н. Далимила (*Fontes rerum bohém. III*. 192—195), и чешскую *Alexandreis* (по изд. Гатталъ и Патеры, 77—78.)

не чувствовать себя Чехомъ и Славяниномъ, и не сознавать опаснаго положенія своего народа такъ сказать въ части враждебнаго Славянамъ нѣмецкаго народа. Онъ понималъ всю важность соединенныхъ силъ обоихъ смежныхъ славянскихъ государствъ, чешскаго и польскаго, желалъ жить въ неразрывной дружбѣ и союзѣ съ польскими князьями, особенно съ родственнымъ княземъ браковскимъ и сандомирскимъ, Болеславомъ, соединить Чехію и Польшу какъ двѣ стѣны въ одну, и былъ готовъ защищать польскія земли противъ всѣхъ враговъ, особенно противъ „схизматиковъ“ (Русскихъ) и язычниковъ; свои же успѣхи въ Пруссіи приписывалъ ходатайству св. Станислава, патрона польскаго. Премысль возставалъ противъ притѣсненій, которыя въ Чехіи и Польшѣ причиняются монахамъ „славянскаго языка“ монахами нѣмецкими на позоръ и въ ущербъ „нашему королевству и народу славянскаго языка“; а супруга Премысла, галичско-русская княжна Кунигунда, упрекала абатису требницаго монастыря въ Слезіи, Агнесу, происходившую отъ польско-слезскихъ князей, что она, хотя изъ крови чешской и польской, благопріятствуетъ нѣмецкимъ монахамъ въ ущербъ монахамъ своего языка, и желала, чтобъ она помогала скорѣе монахамъ „нашего и вашего языка“. ¹⁾

Король Премысль скоро убѣдился, что ненависть Нѣмцевъ противъ Славянина короля поведетъ къ роковымъ для него послѣдствіямъ, и что Нѣмцы, во главѣ ихъ вновь избранный нѣмецкій король Рудольфъ Габсбургскій, не стерпятъ сильнаго чешско-славянскаго государства въ Германіи. Во время этой опасности чешскій король особенно живо припомнилъ себѣ часто повторяемыя мысли о необходимости соединенія силъ обоихъ западно-славянскихъ народовъ, Чеховъ и Поляковъ противъ „ненасытной

¹⁾ См. *Regesta Bohemiae et Moraviae*, II. p. 27, 987, 1077, 1078. Срв. Палацкаго *Dějiny národu českého* II. I. p. 163. Мысль о католической пропагандѣ чешскаго короля среди Татаръ, Литвы и „неутвержденныхъ Русскихъ“ встрѣчается то же въ чешской Александрейдѣ (по изд. Гатталы и Патеры, стр. 77).

пасти Нѣмцевъ — *insatiabiles hiatus Teutonicorum*⁴. Готовясь къ послѣдней роковой борьбѣ съ Рудольфомъ Габсбургскимъ (1278), чешскій король взывалъ къ польскимъ князьямъ о помощи противъ общаго врага Славянъ; онъ имъ наименовалъ, что между всѣми народами міра нельзя найти болѣе тѣснаго родства, какъ между Поляками и Чехами, такъ какъ ихъ соединяетъ не только непосредственное сосѣдство, а тоже общій языкъ, общее происхожденіе и общая кровь, будто они происекли изъ одной и той же жилы. По этому между ними была и должна быть любовь, такъ что успѣхъ и счастье однихъ должны служить утѣшеніемъ для другихъ. Онъ всегда радовался успѣхамъ Поляковъ и по этому и надѣется на ихъ участіе и помощь въ предстоящей ему борьбѣ съ нѣмецкимъ королемъ Рудольфомъ. А помощь необходимо: ибо въ случаѣ пораженія чешскаго короля, уничтоженія чешскаго бастиона и порабоженія Чеховъ, ненасытная пасть Нѣмцевъ растяннулась бы и въ Польшу, и ихъ дерзкая алчность бросилась бы на ненавистный имъ народъ польскій, поработила, разграбила и погубила бы тоже его. По этому — кончаетъ чешскій король — необходимо Полякамъ, уже въ виду собственной безопасности, вооружиться на помощь соплеменнымъ Чехамъ¹).

¹) См. „Славяне“ т. II, стр. 25. Grünhagen (Regesten zur schlesischen Geschichte in Codex diplomat. Silesiae VII. 237, его же Geschichte Schlesiens, Gotha 1884, I. b. 36) считаетъ это письмо подложнымъ, „eine Stilübung eines ozechischen Notars aus dem 14 Jahrhundert.“ Письмо, дѣйствительно, можетъ показаться страннымъ, если вспомнимъ, что оно относится къ князьямъ Слезіи (называемой и въ Чехіи еще долго Польшею), которые уже тогда сильно отмѣчались (вратиславскій князь Генрихъ былъ нѣмецкій *Münzeinger*); но съ другой стороны самое письмо, вышедшее изъ королевской канцеляріи, могло имѣть въ виду вообще польскихъ (а не только польско-слезскихъ) князей; антинѣмецкое движеніе замѣчалось тогда и въ Польшѣ (см. „Славяне“ т. II, стр. 74) и въ Чехіи (срв. чешскія лѣтописи, Александревскъ и др. памятники зарождающейся чешской литературы); да самъ король Премысль, не смотря на свое расположеніе къ Нѣмцамъ, сознавалъ очень хорошо свое славянское происхожденіе. Письмо короля Премысла находится въ двухъ ру-

Но, въ сожалѣнію, сосѣдняя Польша, раздробленная и слабая, не была въ состояніи оказать дѣятельную помощь королю Премыслу. Польскіе князья, если и поняли этотъ раздирающій крикъ соплеменнаго короля чешскаго, все-таки не вняли ему; на помощь прибыли только польско-слезскіе князья Генрихъ вратиславскій, Владиславъ опольскій и Генрихъ глоговскій. Помощь была незначительна и не могла остановить гибели Премысла ¹⁾. Пророчество чешскаго короля сбылось: „ненасытная пасть и дерзкая алчность Нѣмцевъ“ водворила свою столицу и на среднемъ Дунаѣ и въ Альпахъ. Съ тѣхъ поръ австрійскіе Габсбурги давали чувствовать свою силу и Чехамъ и Полякамъ и южнымъ Славянамъ, ставши въ одни ряды съ другими проводниками „нѣмецкаго стремленія на славянскій востокъ“, съ герцогами саксонскими, маркграфами мишенскими и бранденбургскими, и съ тевтонскимъ орденомъ.

Чешское государство скоро послѣ паденія Премысла оправилось вновь, и молодой чешскій король Вячеславъ II Премысловичъ обращалъ на себя вниманіе многихъ Поляковъ. Казалось,

кописныхъ сборникахъ XIV в., содержащихъ письма короля Премысла, вѣнской придворной бібліотеки N-ro 3143 (издалъ Dolliner: Codex epistolaris Przemislai Ottocari, 1803), и краковской Ягайловской бібліотеки N-ro 439 (срв. Wislocki: Katalog rękopisów bibl. uniwers. Jagiellon.).

¹⁾ См. Grünhagen: Geschichte Schlesiens, I. 97. Продолжатель хроники Космы говоритъ: *Nobilioree multi Bohemiae, Moraviae et Poloniae capiuntur ab eis (exercitibus Rudolphi), circumdati ex omni parte et velut sues in stabulo conclusi etc.* (Fontes rerum bohemi. II. 331). Оттокаръ Горнекъ въ своей хроникѣ (гл. 140, 146, Pez: Scriptores rerum austriacarum III) рассказываетъ разныя подробности о Полякахъ въ войскѣ Премысла, о присутствіи не только князей слезскихъ (вратиславскаго, глоговаго, опольскаго, ратиборскаго), а тоже польскихъ (польскаго, калишкаго, серадзкаго, поморскаго), которые однако въ то время не существовали (Казимиръ польскій, Лестыко ратиборскій); уже по этому рассказъ Горнека нельзя считать достовернымъ, не говоря о романическомъ характерѣ всего повѣствованія этого нѣмецко-австрійскаго хрониста.

что въ концѣ XIII в. осуществляются давнишніе планы чешскихъ Болеславовъ и Брячислава, польскаго Болеслава Храбраго, что оба западно-славянскія государства, чешское и польское, соединятся въ одно подъ свинетромъ Вячеслава, и что образуется въ средней Европѣ сильное славянское государство по берегамъ Волтавы, Моравы, Одры и Вислы, отъ Шумавы и Карпатовъ до балтійскаго моря. Въ 1291 г. признали короля Вячеслава своимъ государемъ князья верхней Слезіи, и Малополяне въ земляхъ краковской и сандомирской; нѣсколько лѣтъ спустя (1300) призвали Вячеслава, короля чешскаго и князя краковскаго и сандомирскаго, и Великополяне на королевскій столъ польскій; Вячеславъ женился на дочери польскаго короля Премысла, Елисаветѣ, и вѣнчанъ въ Гнѣзнѣ въ король польскіе. При этомъ избраніи чешскаго короля Вячеслава въ польскіе, Поляки имѣли въ виду не только его могущество и богатство, а тоже одно происхождение Чеховъ и Поляковъ славянскаго языка; ибо тѣ, кто говорятъ на одномъ языкѣ, соединяются болѣе тѣсными узами любви¹⁾. Но это соединеніе Чехіи и Польши было непродолжительное; послѣ преждевременной смерти короля Вячеслава II (1305) и его

¹⁾ Современный лѣтописецъ збраславскій (чешскаго монастыря въ Збраславѣ — *Aula regia*) рассказываетъ, что польскіе паны *dixerunt: Rex Wenceslaus inclitus praepotens est, auctor et amator pacis est, thesauros plurimos habet, terras fere in circuito nostro omnes possidet, unde optime ab hostium incursibus nos defendet. Regi etiam isti... Elizabeth virginem, nostri regis unicam filiam et haeredem, offeremus uxorem; sic erit Bohemis et nobis unus rex et communis convivendi amicabilex. Convenient enim in rege et sub uno gaudebunt principe, qui non multum dissonant in idiomate slavicae linguae. Nam qui idem linguagium locuntur, plerumque amoris se arcioris nexibus complectuntur. Visus est bonus sermo iste in oculis multitudinis universae etc.* (*Fontes rerum boh. IV. 81*). О вѣнчавшемъ Вячеслава гнѣзенскомъ архіепископѣ Яковѣ Свинкѣ рассказываетъ тотъ же збраславскій лѣтописецъ, происхожденіемъ Нѣмецъ, что онъ „*tam acer Theutonicorum aemulus erat, quod ipsos solum capina capita nominare solebat;*“ такъ онъ называлъ одного нѣмецкаго епископа говорившаго тогда проповѣдь въ Гнѣзнѣ въ присутствіи новаго короля, которому однако это не понравилось.

юнаго сына Вячеслава III, послѣдняго Премысловича (1306), только что состоявшееся политическое единство чешско-польское прекратилось. Преемникамъ чешскихъ Премысловичей нечего было думать о Польшѣ, гдѣ укрѣпился давнишній противникъ Вячеслава II, Пястовичъ Владиславъ съ прозвищемъ Локотокъ. Только титулъ „король польскій“, который чешскіе короли употребляли еще тридцать лѣтъ (до 1335 г.), указывалъ на неудавшійся планъ образованія одного западно-славянскаго государства.

Тяготѣніе оиѣмченной Слезіи къ оиѣмчивающейсея Чехіи, начавшееся уже со второй половины XIII в., кончилось присоединеніемъ ея къ чешскому государству при королѣ Іоаннѣ Люксембургскомъ (1327). Это отчужденіе Слезіи отъ Польши было большимъ несчастіемъ для западнаго Славянства вообще, и надо сожалѣть о томъ, что Польша въ послѣдствіи не стремилась энергически къ новому пріобрѣтенію отчужденной ей части, хотя представлялся въ этому случай въ первой половинѣ XV в. и въ началѣ XVII вѣка. Слезія, во время ея присоединенія къ чешской коронѣ, была, правда, земля по большей части оиѣмченная: князья Пястовичи, шляхта, духовенство, мѣщанство и простой народъ въ нижней Слезіи — всѣ были оиѣмчены или прямо нѣмецкіе ¹⁾. Только въ верхней Слезіи, въ княжествахъ опольскомъ, ратиборскомъ, бытомскомъ, козельскомъ, тѣшинскомъ, освѣтимскомъ, заторскомъ, сѣверскомъ — послѣдніа три мелкіа княжества пріобрѣтены около половины XV в. Польшею—остался народъ польскимъ, и тамошніе князья назывались нерѣдко польскими. Это обстоятельство—во время и въ слѣдствіе національнаго чешско-гуситскаго движенія—повліяло и на верхне-слезскихъ князей, шляхту, и отъ части на города и духовенство, такъ что

¹⁾ Однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ орудій оиѣмченія Слезіи было духовенство. Еще въ концѣ XV в. вратиславскій епископъ Іоаннъ строго приказываетъ подданнымъ поселянамъ одного села, Полякамъ, научиться, въ теченіи пяти лѣтъ, по-нѣмецки; иначе будутъ прогнаны. (Tzschoppe u. Stenzel: *Urkundensammlung zur Geschichte des Ursprungs der Städte in Schlesien*, p. 622).

съ тѣхъ поръ польско-славянская народность въ верхней Слезіи ожила и применила къ чешскому языку ¹⁾. Но вообще говоря, Слезія, какъ коронная земля чешская, представлялась какъ земля не польская, а нѣмецкая, гдѣ господствовалъ языкъ нѣмцевъ. Чехія не могла уже ни Лужицамъ ни Слезіи возвратить прежняго характера славянскаго. Польша же не заботилась о приобрѣтеніи Слезіи; а между тѣмъ Польшѣ XV—XVII вѣковъ, въ случаѣ присоединенія къ ней всей или по крайней мѣрѣ большей части Слезіи, навѣрное удалось бы втиснуть вновь польско-славянскій характеръ этой западной отчинѣ Пястовичей, какъ это ей удалось въ другой, тоже на время отчужденной польской землѣ, въ Поморьѣ.

Чешскій король, авантюристъ Нѣмецъ Іоаннъ Люксенбургскій, не могъ, конечно, поддержать дружескихъ сношеній обоихъ западно-славянскихъ народовъ, чешскаго и польскаго; вѣдь сами Чехи одно время говорили, что король хочетъ прогнать изъ Чехіи Чеховъ и заселить ихъ мѣста Нѣмцами ²⁾. Король Іоаннъ, называясь королемъ польскимъ (до 1335 г.), дѣйствовалъ постоянно какъ врагъ Польши и ея короля Владислава Локотка, отнялъ у нея на всегда Слезію, заявлялъ притязанія на Мазовію, покровительствовалъ и помогалъ лютейшему врагу Польши и всего Славянства, нѣмецкимъ крестоносцамъ (тевтонскому ордену), да подарилъ имъ Поморье; а въ Слезіи поддерживалъ нѣмецкое духовенство противъ польскаго ³⁾. Лучше стали отношенія Че-

¹⁾ О чешскомъ языкѣ въ Слезіи см. обширно ниже.

²⁾ См. Палацкаго *Dějiny národu česk.* II. 1. p. 431.

³⁾ См. Grünhagen: *K. Johann v. Böhmen u. Bischof Nanker von Breslau* (Sitzungsberichte der k. Akademie, Wien, Bd. 47). Въ этомъ спорѣ вратиславскаго епископа и капитола на сторонѣ Нанкера, Поляка, стояло польское меньшинство капитола, и счумало и папскому легату внушить свою ненависть къ Нѣмцамъ; онъ на пр. пишетъ папѣ, что „in omnibus civitatibus regni Poloniae, in quibus Teutonici dominantur, omnia jura sedis apostolicae et vestrae camerae quasi depereunt in totum,“ т. е. въ епархіяхъ вратиславской, каменской, любушской и хелменской. (Theiner: *Monumenta historica Poloniae* I. 392).

хин и Польши при преемникѣ Іоанна, императорѣ римско-нѣмецкомъ и королѣ чешскомъ Карлѣ (IV); онъ и польскій король Казимиръ Владиславовичъ часто увѣряютъ другъ друга въ своей дружбѣ и любви. Карлъ отказался отъ притязаній на Мазовію, и отъ всякой поддержки тевтонскаго ордена противъ Польши. Въ сношеніяхъ и встрѣчахъ Карла и Казимира, правда, не обнаруживается прямо моментъ славянскій; но едва-ли можно сомнѣваться, что оба славянскіе короли сознавали свое племенное родство. Карлъ не разъ съ гордостью указываетъ на свое славянское происхожденіе, равнымъ образомъ какъ и на славянское происхожденіе своего чешскаго народа; Славяниномъ онъ называетъ себя въ сношеніяхъ съ другимъ славянскимъ государемъ того времени, сербскимъ царемъ Стефаномъ Душаномъ, и славянское сознаніе Карла является особенно сильно въ дѣлѣ основаній славянскаго монастыря въ Прагѣ ¹⁾. Любопытно, что Карлъ нашелъ въ этомъ подражателя среди слезскихъ князей: въ 1380 г. олешницкій и возельскій князь Конрадъ основалъ въ Олешницѣ монастырь славянскихъ бенедиктинцевъ (*fratrum Sclavogum—Brüder der Wenden*), призванныхъ изъ Праги, который однако, подобно пражскому и бравовскому, уже въ XV вѣкѣ упалъ ²⁾.

О болѣе тѣсномъ соединеніи Чехіи и Польши нельзя было уже подумать: оба государства разошлись уже слишкомъ и каждое изъ нихъ пошло по своему особенному пути. Чехія, король которой былъ тоже императоромъ-королемъ римско-нѣмецкимъ, представляла государство на половину славянское, на половину нѣмецкое: изъ коронныхъ земель чешскихъ Бранденбургъ и чешская часть Пфальца были земли нѣмецкія, Слезія и Лужицы, хотя въ нихъ жило еще значительное число славянскаго, польскаго

¹⁾ См. „Славяне“, т. II, стр. 29, 541.

²⁾ См. замѣтку Ваттенбаха въ *Zeitschrift des Vereins für Geschichte u. Alterthum Schlesiens* (1860, III, p. 206). Изъ абатовъ монастыря извѣстенъ только *Ulricus ordinis S. Benedicti fratrum Sclavogum* (а. 1385).

и сербскаго населенія, представлялись тоже какъ земли нѣмцевъ; въ самой Чехіи и Моравіи Нѣмцы въ городахъ и въ новомъ пражскомъ университетѣ господствовали, но чувствовали уже все усиливающійся отпоръ со стороны чешской шляхты, которая не пошла по слѣдамъ онѣмеченной шляхты лужицкой и слезской, а, опираясь на чешско-славянскій народъ, являлась защитницею чешской и славянской народности, въ которой признавались сами короли Карлъ и его сынъ Вячеславъ IV. Политика чешскихъ королей, вмѣстѣ съ тѣмъ императоровъ-королей римско-нѣмецкихъ, не могла быть анти-нѣмецкою, въ собственной Германіи, и тоже въ отношеніяхъ тевтонскаго ордена или прусско-нѣмецкихъ крестоносцевъ ¹⁾ въ Польшѣ: по этому и король Вячеславъ благоволилъ въ этому страшному бичу Славянства, а король Сигизмундъ стоялъ совсѣмъ на его сторонѣ. Такимъ образомъ чешское государство, первое въ римско-нѣмецкой имперіи—„решѣ“ (чеш. říše, říše, поль. gzesza, изъ нѣмецкаго Reich), погрязло глубоко въ ея политикѣ, и чешскій народъ, находясь такъ сказать въ пасти нѣмецкаго народа, могъ освободиться изъ этого положенія только въ слѣдствіе глубокаго потрясенія основъ той „решѣ“. Другая была судьба Польши. Она, послѣ расторженія союза чешско-польскаго при двухъ послѣднихъ Премысловичахъ, напрасно выбивалась изъ силъ, чтобъ сохранить свое единство; она лишилась многихъ земель на западѣ, именно Поморья и Слезіи, и надъ нею повисъ, какъ хищный коршунъ, грозный тевтонскій орденъ, терзая ее и пріобрѣтая все новыя силы изъ Нѣмечины, поддерживаемый и чешскими королями. Польша, отраженная на западѣ, не могла уже думать о роли Болеславовъ Храбраго и Кривоустаго, обратилась на востокъ въ земли русскія и нашла здѣсь на славянскомъ востокѣ новое поприще для своей дѣятельности: завладѣвать Литвою и югозападную Русью, распространять туда свои и римско-католическіе порядки, созидать — вмѣсто

¹⁾ Чехи называли ихъ *крижовники* (křižovníci), Поляки *крижаки* (krzyżacy); но въ одной грамотѣ 1420 г. (Kodeks dyplomat. katedry krakow. П. 445) тоже *крижевники* (krzyżownicy).

погибшей Польши по Одрѣ новую Польшу на востокѣ по Нѣману, Двинѣ и Днѣпру. На осиротѣвшемъ королевскомъ престолѣ польскихъ Пястовичей возсѣла уже не королевская династія чешская, не слезскіе Пястовичи, а литовско-русскій княжескій родъ Гедимина въ лицѣ Ольгердовича Ягайла Якова Владислава (1386). Такимъ образомъ ослабнѣвшимъ Гедиминовичамъ, Ольгердовичамъ, Кестутьевичамъ и Ягайловичамъ, выпала на долю важная задача: собирать силы Славянства и защищать его противъ „ненасытной пасти Нѣмцевъ“, задача черезъ-чуръ трудная, оказавшаяся не по силамъ и не по уму новымъ повелителямъ Поляковъ, Литовцевъ и югозападныхъ Русскихъ.

2. *Гуситское движеніе, національное чешское и славянское. Общiе враги Чеховъ, Поляковъ, Литовцевъ и Русскихъ — Нѣмцы въ Германіи и тевтонскій орденъ (нѣмецкіе крестоносцы въ Пруссіи). Чешскіе гуситы и польскій король Владиславъ Ягайло, великій князь литовско-русскій Александръ Витовтъ, князь Сигизмундъ Корибутовичъ, и великій князь литовско-русскій Швентригайло. Польская партія въ Чехіи въ 1437—1443 гг. Чешскія военныя роты въ Польшѣ. Короли чешскій. Юрій Подѣбрадскій и польскій Казимиръ Ягайловичи на чешскомъ престолѣ ¹⁾.*

Высокое политическое, экономическое и культурное состояніе чешскаго государства при Карлѣ IV подготовляло чешскій

¹⁾ Объ исторіи Чехіи и Польши XV в. вообще см. F. Palacký: *Dějiny národu českého d. III.* (*Dějiny doby husitské* во второмъ изданіи, I. II. III., 1870—1872), IV, V; J. Caro: *Geschichte Polens*, III, IV, V. Объ исторіи Слезіи XV в. см. Grünhagen: *Geschichte Schlesiens*, I, его-же: *Die Husitenkämpfe der Schlesier*; срв. тоже Ermisch: *Schlesiens Verhältnis zu Polen und zu K. Albrecht II, 1435 — 1439; Mittel- und Nieder-Schlesien während der königlosen Zeit 1440 — 1452* (*Zeitschrift des Vereins für Geschichte u. Alterthum Schlesiens*, XII. XIII.).

народъ къ великому движенію, религіозному и національному, которое возникло — по почину Іоанна Гуса — въ началѣ XV в. и повело къ громаднымъ переворотамъ въ жизни не только народа чешскаго, но и другихъ народовъ Европы. *Гуситское движеніе* не ограничилось одною областью церковною, религіозною: оно оказало свою силу и въ области политической и національной. Чехи, единственный удѣлѣвшій на западѣ народъ славянскій, не погибли подъ окружающимъ ихъ со всѣхъ сторонъ сильнымъ давленіемъ Нѣмцевъ, матеріальнымъ и культурнымъ; напротивъ, этотъ опасный напоръ Нѣмцевъ вызвалъ въ Чехахъ сильный отпоръ и далъ поводъ къ упорной ихъ борьбѣ съ нѣмецкимъ элементомъ въ овѣщенныхъ городахъ и въ пражскомъ университетѣ. Чешскій національный духъ пробивалъ себѣ дорогу во всѣхъ областяхъ общественной жизни, тѣснилъ нѣмецкій элементъ въ городахъ и вытѣснилъ его — стараніемъ ректора І. Гуса — изъ университета; чешскій языкъ проникалъ все болѣе въ политическую, государственную жизнь Чехии и Моравии, и въ литературу, и однимъ изъ самыхъ выдающихся представителей этихъ національных вѣяній и стремленій былъ опять тотъ же І. Гусъ.

Чехи, продолжая свою давнишнюю борьбу съ наступающими на славянскій міръ Нѣмцами, хорошо понимали, что они народъ малый и что у нихъ однихъ не хватитъ силъ для такой тяжелой борьбы. Они, по прежнему, озирались на славянскій востокъ, на сосѣднюю Польшу, которая, въ слѣдствіе воцаренія въ ней литовско-русскихъ Ягайловичей, приобрѣла больше силъ, и такимъ образомъ показалась Чехамъ естественною представительницею и защитницею славянскаго міра противъ ненасытной пасти Нѣмцевъ. Тамъ на сѣверовостокѣ около балтійскаго моря Польша и Литва-Русь, оба двоюродные братья король польскій Владиславъ Ягайло Ольгердовичъ и великій князь литовско-русскій Александръ Витовтъ Кестутьевичъ, и съ ними русскіе Псковичи, вели упорную борьбу съ двумя нѣмецкими рыцарскими орденами, тевтонскимъ и ливонскимъ, цѣлью которыхъ было порабощеніе славянскаго и литовскаго народовъ: словенскій языкъ корити ниже себе, плѣнити и къ себѣ въ работу створити —

какъ мѣтко опредѣлили эту борьбу русскіе лѣтописцы ¹⁾. Миновало уже то время, гдѣ чешскіе короли Премысль Отакаръ II и Іоаннъ помогали нѣмцамъ рыцарямъ истреблять прусскихъ Литовцевъ и воевать противъ Польши, Литвы и Руси; уже чешскій король Карлъ отказался отъ политики своего отца и не поддерживалъ прусскихъ рыцарей-крестоносцевъ, не смотря на то, что онъ какъ римско-нѣмецкій императоръ обязанъ былъ защищать и здѣсь на сѣверовостокѣ около балтійскаго моря интересы священной римской имперіи нѣмецкой націи, къ которой причислялись тоже нѣмецкіе рыцари-истребители народовъ славянскаго и литовскаго.

Сынъ и преемникъ Карла IV, король римско-нѣмецкій и чешскій Вячеславъ IV, пошелъ по слѣдамъ своего отца; онъ заключилъ договоръ съ польскимъ королемъ Владиславомъ (1395), обѣщая ему вооруженную помощь противъ всѣхъ непріятелей, за исключеніемъ курфюрстовъ и слезскихъ князей ²⁾. Этотъ договоръ короля римско-нѣмецкаго съ „краковскимъ“, какъ договоръ противъ „христіанства“, возбудилъ общее негодованіе нѣмецкихъ курфюрстовъ (1397), и въ числѣ причинъ, по каемъ Вячеславъ лишенъ достоинства короля римскаго (1400), приводилась и та: что онъ поддерживалъ краковскаго короля противъ прусскихъ крестоносцевъ, а краковскій король придерживается де больше язычниковъ, чѣмъ христіанъ. Общественное мнѣніе въ Нѣмечинѣ было возбуждено противъ короля Вячеслава и тѣмъ, что онъ въ роковой борьбѣ нѣмецкаго ордена съ Польшею и Литвою 1410 г. ничѣмъ не способствовалъ остановленію войны и кровопролитія ³⁾. Этотъ послѣдній упрекъ былъ только отъ

¹⁾ См. „Славяне“, т. II, стр. 400.

²⁾ Dogiel: Codex diplomaticus regni Poloniae I. 6; срв. Palacký: Ueber Formelbücher II. p. 81.

³⁾ Deutsche Reichstagsakten, ed. Weizsäcker, III. p. 23, 272; Frankfurts Reichsrespondenz, ed. J. Janssen, I p. 63, 517; Magdeburger Schöppenchronik, p. 329 (Die Chroniken der deutschen Städte, VII).

части вѣренъ, на сколько онъ касался дѣятельнаго вмѣшательства въ споръ между орденомъ и Польшею; въ рѣшеніи спора, возложенномъ еще на канунѣ вооруженнаго столеновенія обѣими воюющими сторонами на короля Вячеслава, этотъ благоволилъ болѣе къ ордену, чѣмъ къ Польшѣ. Рѣшеніе короля Вячеслава, говорившаго здѣсь болѣе въ качествѣ короля римско-нѣмецкаго чѣмъ чешскаго, вызвало въ средѣ польскихъ и литовскихъ пословъ прибывшихъ въ Прагу, смѣхъ и негодованіе. Когда рѣшеніе короля читалось посламъ по-нѣмцами, то они стали удаляться, говоря, что они не понимаютъ по-нѣмца и не пришли слушать нѣмецкую проповѣдь; когда же король хотѣлъ имъ сказать то же самое по-чешски, то они извинялись, что они не понимаютъ и по-чешски; а на возраженіе короля, что оба языка, чешскій и польскій, похожи и взаимно понятны, послы отшутялись, что это не такъ, а что на пр. слово *седлакъ* означаетъ по-чешски селянина, а по-польски сѣдельника. Все это, конечно, одна шутка; многіе польскіе и литовскіе послы понимали и по-нѣмца и по-чешски, но имъ не нравился недоброжелательный для Польши и Литвы приговоръ короля чешскаго ¹⁾. Братъ короля Вячеслава, Сигизмундъ, король угорскій и вскорѣ и римско-нѣмецкій, стоялъ рѣшительно на сторонѣ нѣмецкихъ рыцарей.

Въ 1410 г. 15 іюля, подъ Домбровою или Грюнвальдомъ и Таненбергомъ, столкнулись войско нѣмецкихъ рыцарей и войско польско-литовское, состоявшее изъ полковъ польскихъ, литовскихъ, русскихъ и татарскихъ ²⁾. Славянская сила преодо-

¹⁾ Длугоша *Historia Polonica* (ed. Orasov. IV. 2—4). Приведенное здѣсь требованіе Вячеслава: „quod regnum Poloniae amplius et de caetero nunquam ex Lituaniae aut Orientis partibus debebat sibi assumere regem, sed ex principibus Occidentis,“ — не встрѣчается въ самой грамотѣ (Lucas David: *Prenussische Chronik* VIII. 187); оно и слишкомъ нелѣпо. Шутка съ словомъ *седлакъ* была и шуткою; и въ польскомъ языкѣ XVI в. (на пр. у Константинавича янычара и у Орѣховскаго) слово *siodlak* означало селинина; а сѣдельникъ по-чешски и по-польски — седларь (*sedlář*, *siodlarz*).

²⁾ Особенною храбростью отличились стойкіе полки смоленскіе; см. Длугоша *Hist. Polon.* IV. 54.

лѣла нѣмецкую; но, къ сожалѣнію, въ слѣдствіе неохоты Витовта помогать нелюбимому имъ Ягайлу, не удалось совершенное раздавленіе ордена, чего требовали интересы Славянства. Чешскіе, моравскіе и слезскіе наемные отряды находились тогда въ обоихъ войскахъ, нѣмецкомъ и славянскомъ, представляя собою обыкновенное тогда явленіе военной службы по ремеслу, не взирая на ту или другую сторону. Но многіе Чехи прибыли къ польскому королю на службу и на помощь тоже по другимъ побужденіямъ, но желанію сражаться въ славянскомъ войскѣ противъ Нѣмцевъ. Къ такимъ чешскимъ воинамъ принадлежалъ тоже знаменитый потомъ борецъ за славянскую идею, Іоаннъ Жишка изъ Трочнова ¹⁾.

Домбровенскій разгромъ нѣмецкихъ крестоносцевъ навелъ на всѣхъ Нѣмцевъ глубокое уныніе. Новый римско-нѣмецкій король Сигизмундъ, который еще за годъ раньше какъ угорскій король обѣщаль помогать рыцарямъ противъ Польши въ случаѣ, если ей будутъ помогать Литовцы, Татары, Русскіе и другіе „не-вѣрные и схизматики“, горько жаловался на это пораженіе „крѣп-каго щита христіанства, борцовъ Христова имени“ Поляками, свирѣпыми Литовцами, Жмудянами, Русскими, Татарами и дру-гими врагами креста и всей христіанской вѣры, и призывалъ чуть не всѣхъ христіанъ къ оружію на помощь крестоносцамъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ настаивалъ на томъ, чтобъ король Вяче-славъ воспретилъ Чехамъ, Моравянамъ и Слезакамъ отправлять-ся на службу или на помощь къ польскому королю, чтобъ онъ отозвалъ уже отправившихся и навазалъ непослушныхъ; такіе забывшіеся не достойны своихъ христіанскихъ и шляхетскихъ

¹⁾ Длугошъ (IV. 92) рассказываетъ, что городъ Радзинь, заня-тый Поляками немедленно послѣ битвы, поручень Чеху Іоанну Со-колу, любимцу короля Владислава; гарнизонъ состоялъ изъ Поляковъ и Чеховъ, *inter alios Zyska Bohemus, processu temporis famosus exercituum in Bohemia ductor*. По этому можно заключить, что Жишка участвовалъ въ самой битвѣ; сомнѣніе В. Томка (Jan Žižka, p. 11) не основательно. О Чехахъ въ войскахъ славянскомъ и нѣмец-комъ рассказываетъ Длугошъ.

именъ, и равняются язычникамъ: ибо — такъ разсуждаетъ по крайней мѣрѣ нѣмецкій король — помогать врагамъ нѣмецкихъ крестоносцевъ, значить воевать противъ бога, всего христіанства, св. церкви и священной римской имперіи. Самъ король Вячеславъ, испугавшись пораженія нѣмецкаго ордена, призывалъ своихъ подданныхъ къ оружію противъ угрожающаго-де и Чехіи новаго набѣзда Татаровъ и ихъ помощниковъ, невѣрныхъ и язычниковъ ¹⁾.

Но всѣ эти жалобы и запрещенія не помогали. Чехи, Моравяне и Слезави не боялись вторженія „Татаровъ“ въ ихъ родину, а продолжали отпрапляться въ Польшу, на службу и на помощь польскому королю, который съ своей стороны находился въ сношеніяхъ съ чешскими воинами; онъ извѣстилъ чешскаго пана Генриха изъ Розенберга, „всѣхъ милѣйшаго“, о домбровенской побѣдѣ ²⁾; онъ просилъ (1413) пана Вильгельма Костку изъ Поступицъ, чтобъ онъ, въ случаѣ войны съ крестоносцами, прибылъ ему на помощь, и вмѣстѣ съ тѣмъ чтобъ онъ сдерживалъ тѣхъ Чеховъ, которые бы хотѣли прибыть на помощь крестоносцамъ. Да, наконецъ, самъ король Вячеславъ переѣхалъ свой взглядъ на дѣла польско-прусскія, и строго запретилъ своимъ поданнымъ помогать нѣмецкимъ рыцарямъ. Въ войнѣ 1414 года Польша и Литвы съ орденомъ въ польскомъ войскѣ опять было много Чеховъ и Моравянъ, которыхъ нанималъ польскій панъ Завиша Чарный изъ Гарбова; въ польское войско прибылъ вспомогательный отрядъ, посланный моравскимъ гейтманомъ (старостю) наномъ Лацеомъ (Ладиславомъ) изъ Крварь, и нѣсколько слезскихъ князей. Среди слезскихъ князей замѣчалось раздво-

¹⁾ Waszyński: Kodeks dyplomatyczny Litwy, 108, Scriptorum regum prussicarum III. 403, Janssen: Frankfurts Reichsrespondenz I. 238, Palacký: Dějiny doby husitské I. 171. Сигизмундъ особенно негодовалъ на то, что въ разгромѣ Нѣмцевъ участвовали тоже Русскіе, Литовцы и Татары, а рядомъ съ ними и Чехи.

²⁾ Объ этомъ письмѣ вспоминаетъ Бальбинъ: Epitome historica regum bohém., 422.

еніе: одни благопріятствовали ордену, другіе же, именно не столь оѣмеченные верхне-слезскіе, Польшѣ ¹⁾.

Религіозно-національное движеніе Чеховъ все усиливалось. Враги его, преимущественно Нѣмцы, клеймили его позорнымъ тогда словомъ „ереси“, и Іоаннъ Гусъ и его приверженцы возбуждали внѣ Чехіи, именно среди Нѣмцевъ, все большую ненависть какъ „Чехи“ и „еретики“. Гусъ, занимаясь своимъ роднымъ чешскимъ языкомъ, обращалъ вниманіе и на другіе славянскіе языки ²⁾; онъ зналъ хорватскихъ монаховъ въ пражскомъ славянскомъ монастырѣ, польскихъ, литовскихъ и русскихъ студентовъ. Гусъ, конечно, искалъ приверженцевъ своихъ мнѣній и внѣ Чехіи, особенно на славянскомъ востокѣ; онъ былъ въ перепискѣ съ польскимъ королемъ, писалъ ему о духовныхъ вопросахъ, именно о симоніи и о его — Гуса — борьбѣ противъ этого порока, за что-де духовенство называетъ его еретикомъ; когда одинъ вѣнскій профессоръ, Іоаннъ Зибартъ, называлъ еретиками не только Чехію, но тоже Польшу, славянское королевство (*Slavorum regnum*), то Гусъ упрекаетъ за это Зибарта рѣзкими словами ³⁾. Когда же Гусъ находился въ Констанцѣ на церков-

¹⁾ Raczynski: Codex diplomat. Lituaniae, 170; A. Prochaska: Codex epistolaris Vitoldi, p. 290, 293, 330, 1040 (Cracoviae 1882, in Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia, t. VI); Длугоша Hist. Polon. IV, 171. Росписки (латин.) 1415—1416 гг. многихъ чешскихъ вояновъ служившихъ въ польскомъ войскѣ, Семечки изъ Семчиць, Оты изъ Робоуць, Станислава изъ Доброй Воды, Буковца, Жака, Гуса и др., хранятся въ главномъ архивѣ варшавскомъ.

²⁾ Срв. т. II. стр. 48.

³⁾ Письма (1412—1413 гг.) Гуса въ сб. Палацкаго Documenta mag. J. Hus, 30, 63. *Slavorum regnum* здѣсь очевидно Польша, а не Литва и Русь, какъ кажется Гильфердингу (Гусъ и его отношеніе къ православной церкви, 21). Этотъ Зибартъ вообще называлъ еретиками не только Чеховъ, Іеронима Пражскаго и пражскихъ студентовъ, но тоже нѣкоторыхъ загребскихъ клериковъ; см. Documenta J. Hus, 512, и нашъ II. Отчетъ о научныхъ занятіяхъ за границею 1888 г., стр. 27.

номъ соборѣ, обвинялся и судился за „ересь“, то онъ пользовался симпатіями пребывавшихъ тамъ Поляковъ; за него ходатайствовали, кромѣ чешскихъ пановъ, и многіе „вѣрные паны польскаго королевства“—какъ говорить Гусъ—, именно оба посла короля Владислава, Янушь изъ Тулишкова и Завиша Чарный изъ Гарбова, паны Балицкій, Дунинъ, Борута (Борота) и др. Поляки посѣщали Гуса въ тюрьмѣ; у него былъ слуга Полякъ, и самъ онъ признаетъ, что на соборѣ не было у него другаго пріятеля, кромѣ бога и одного польскаго доктора ¹⁾. Вѣрный другъ Гуса, магистръ Іеронимъ Пражскій, который побывалъ въ западной и средней Европѣ, отправился въ началѣ 1413 г. на славянскій востокъ, въ Польшу и Литву, вѣроятно тоже съ цѣлю распространять новыя мнѣнія гуситскаго реформаціоннаго движенія; можетъ быть, что король Владиславъ и великій князь Александръ Витовтъ дѣйствительно его пригласили къ себѣ—какъ онъ самъ утверждалъ—посоветоваться о нѣкоторыхъ церковныхъ вопросахъ. Въ Краковѣ ученый Іеронимъ надблалъ своими рѣчами много шуму среди духовенства и народа, и возбуждалъ недовольство краковскаго епископа Войтѣха Ястребца, который съ ироніею замѣтилъ, что Іеронимъ можетъ трудиться только на своей родинѣ, между тѣмъ какъ простенькій народъ Польши, Литвы и Руси не въ состояніи понять мнѣнія такого философа ²⁾. Іеронимъ отправился дальше на Литву и Русь, къ великому князю Александру Витовту, который интересовался соединеніемъ церкви западной и восточной, и совѣщался съ Іеронимомъ о нѣкоторыхъ вопросахъ церковныхъ, на пр. нужно-ли вновь крестить православныхъ присоединяющихся къ католической церкви. Въ земляхъ русскихъ Іеронимъ относился очень дружелюбно къ православной вѣрѣ, и возбуждалъ этимъ негодо-

¹⁾ См. Письма Гуса и разсказъ Петра изъ Младеновицъ въ сборникѣ Documenta J. Hus.

²⁾ Terra nostra ad semen suum videtur esse arida capiendum et fructum afferendum, eo quod simplex plebicula tanti philosophi dogmata comprehendere non valet, et multo minus terrae Lituanae et Russiae. См. Палацкаго Documenta J. Hus, 506, стр. 63, 512.

ваніе и гнѣвъ католическаго духовенства. Это поведеніе Иеронима въ Польшѣ, Литвѣ и Руси, и неменѣе его дѣятельность въ Чехіи возбуждали повсюду большой шумъ въ католическомъ мірѣ, особенно среди Нѣмцевъ, которые—какъ замѣтилъ Гусъ—стали подозрѣвать въ „ереси“ даже „славянское королевство“, Польшу. Поведенія Иеронима въ славянскихъ странахъ не забыли ему и его враги на соборѣ констанцскомъ ¹⁾.

Іоаннъ Гусъ и Иеронимъ Пражскій сожжены въ Констанцѣ какъ „еретики“ (1415, 1416). Констанцскіе востры зажгли однако страшный пожаръ чуть не на всю Европу; его зарево воспламенило въ чешскомъ народѣ національное чувство до крайности и ярко освѣщало поднимающуюся съ небывалой силой славянскую идею, которая охватила Чеховъ, Поляковъ и юго-западныхъ Русскихъ. Страшныя проклятія посыпались со стороны всей римско-католической іерархіи и духовенства на приверженцевъ Гуса на Чеховъ „еретиковъ“, а самыя страшныя проклятія — отъ Нѣмцевъ; изъ ихъ рядовъ раздавались свирѣпыя крики „hus, hus, kaser!“ и они скоро не разбирали, былъ-ли Чехъ „гусъ, еретикъ“ или правосѣрный католикъ; ненавистное для Нѣмцевъ имя Чеха Славянина сдѣлалось у нихъ синонимомъ имени „еретикъ“, самаго позорнаго тѣхъ временъ. Сами чешскіе католическіе священники и профессора, убѣгая изъ родины отъ распространяющагося здѣсь гуситства, обратились въ Польшу, такъ какъ они знали, что всюду на свѣтѣ ихъ ненавидѣли по поводу ихъ славянскаго или чешскаго языка ²⁾.

¹⁾ См. Гильфердингъ: Гусъ, его отношеніе къ православной церкви, 16—20.

²⁾ Длугоша *Liber beneficiorum dioecesis Cracov.* III. 79—82. Въ числѣ этихъ чешскихъ бѣглецовъ былъ тоже монахъ Иеронимъ изъ Праги, который отправился потомъ изъ Польши на Литву, пріобрѣлъ расположеніе Витовта и обращалъ язычниковъ въ христіанство. Срв. о немъ Энея Сильвія, знавшаго его лично, *Historia de Eugora*, сар. 26. Позже базельскій соборъ пригласилъ его какъ Чеха опорить съ гуситскими посланцами; онъ написалъ тогда *Tractatus contra Bohemorum quatuor articulos, quem edidit et compilavit frater Je-*

Заточеніе и сожженіе Гуса и Иеронима, брошенное въ нихъ и ихъ приверженцевъ позорное клеймо „еретиковъ“, ихъ преслѣдованіе, приводили Чеховъ въ неописанное волненіе и негодованіе. Они все это считали позоромъ и поруганіемъ не только чешскаго языка (народа), а тоже языка славянскаго вообще: *všeska koguna česká i jazyk slovenský jest pohaněn, ad imponendam maculam genti nostrae bohemicae et moravicae ac totius linguae slavonicae indelebilem et offensam* — вотъ что раздается въ 1415 году изъ рядовъ моравскаго панства (во главѣ ихъ Лацекъ изъ Крварь) и пражскаго университета, обращающагося къ тому же Лацку Крварскому ¹⁾.

Противъ еретическихъ Чеховъ римскій папа и римско-нѣмецкій и угорскій король Сигизмундъ, этотъ убійца Гуса и Иеронима и наибольшій врагъ и клеветникъ чешскаго народа — какъ его называли Чехи — вели вооруженныя силы почти изъ всѣхъ народовъ Европы, преимущественно Нѣмцевъ ²⁾. Самое существованіе малаго чешскаго народа сдѣлалось вопросомъ, и Чехамъ угрожала судьба истребленныхъ Нѣмцами Славянъ полабскихъ и балтійскихъ. Чехи знали, что когда-то ихъ сосѣдами на сѣверѣ и западѣ не были Нѣмцы, а Славяне, ихъ народъ, истребленный господствующими Нѣмцами, на Рейнѣ и въ Мишнѣ, въ балтійскихъ странахъ въ Пруссіи подъ владычествомъ крестоносцевъ; они видѣли, что и другіе Нѣмцы, господствующіе въ коронныхъ земляхъ чешскихъ Слезіи и Лужицахъ, земляхъ отъ части еще славянскихъ, стали ихъ заклятыми врагами; они

ronimus de Praga, s. paginae confessor, in universali synodo et concilio Basiliensi sub a. d. 1433 in die s. Gregorii papiasza (рукопись въ краковской библіотекѣ Ягайловской, по каталогу Вислоцкаго № 385, срв. № 1487). Соборъ назначилъ Иеронима посредникомъ между польскимъ королемъ Владиславомъ и нѣмецкимъ орденомъ; срв. ниже.

¹⁾ Палацкаго Documenta M. J. Hus, 547, 561, Archiv český III. 183.

²⁾ Срв. хронику Лаврентія изъ Брезовой (Höfler: Geschichtschreiber der husit. Bewegung I. 374), и Палацкаго Dějiny doby husit. I. 387, 428.

видѣли, что и Нѣмцы мѣщане въ городахъ Чехіи и Моравіи стали во враждебномъ лагерѣ короля Сигизмунда, а этотъ король, считавшій себя наслѣдникомъ чешскаго престола, высказался-де въ такомъ смыслѣ, что онъ чешское возстаніе подавить во что бы ни стало, если даже долженъ будетъ заселить чешскія земли другимъ народомъ ¹⁾. Чехи гуситы хорошо поняли, что въ предстоящей борьбѣ дѣло идетъ не только объ истребленіи чешскихъ „еретиковъ“, а тоже объ истребленіи Нѣмцамъ ненавистнаго народа чешскаго, славянскаго. По этому и Пражане въ самомъ началѣ борьбы призывали къ оружію всѣхъ вѣрныхъ Чеховъ защищать родину, по примѣру храбрыхъ праотцевъ, съ помощью бога и чешскаго „дѣдича“ (государя) св. Вячеслава, противъ „природныхъ нашихъ враговъ Нѣмцевъ, которые безъ всякой причины всегда злятся на нашъ народъ, и какъ нашему народу сдѣлали на Рейнѣ, въ Мишиѣ и Прусіи и его прогнали, такъ и намъ намѣреваются сдѣлать и занять мѣста прогнанныхъ“ ²⁾. Внутренніе враги, нѣмецкіе мѣщане въ городахъ, упорные противники чешской „ереси“, но и чешскаго народа, скоро должны были бѣжать, оставивъ города, въ ихъ главѣ Прагу, въ рукахъ Чеховъ гуситовъ. Но внѣшніе враги, преимущественно Нѣмцы изъ „реша“, все предпринимали крестовые походы противъ чешскихъ „еретиковъ.“ Эти послѣдніе, храбро защищая „законъ божій“ и свой народъ, свою родину, развили у себя военное искусство, благодаря геніальному полководцу, Іоанну Жижкѣ изъ Троцнова, тому самому, который сражался въ польскомъ войскѣ подъ Домбровною противъ Нѣмцевъ, и былъ и остался приверженцемъ Поляковъ и нѣкоторыхъ ихъ обычаевъ. Жижка, славный полководецъ, отецъ новой стратегіи, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ человекомъ новыхъ идей: онъ сражался — какъ самъ говоритъ въ своемъ военномъ уставѣ (1423) — „за освобожденіе правды закона

¹⁾ Срв. письмо Пражанъ Венеціанцамъ 10 іюля 1420 г. у Палацкаго *Urkundliche Beiträge zur Geschichte des Hussitenkrieges* (Prag 1872) I. 42.

²⁾ *Archiv český* III. 213. Срв. выше стр. 9.

божія, особливо же народа чешскаго и славянскаго — pro osvobození pravdy zákona božího, a zvláště jazyka českého i slovenského“¹⁾).

Чехи гуситы, находясь въ столь затруднительномъ и опасномъ положеніи — опять въ той ненасытной части Нѣмцевъ — обратили свои взоры на сосѣднее „славянское королевство,“ на Польшу и соединенную съ нею Литву. Оттуда они надѣялись получить помощь противъ тѣхъ же Нѣмцевъ, съ которыми давно боролось и то славянское государство, съ которыми воевали и многіе Чехи и Моравяне подъ Домбровною и на другихъ побоищахъ прусскихъ. Изъ этого славянскаго королевства Чехи надѣялись получить—вмѣсто ненавистнаго Сигизмунда—и славянскаго короля и возложить на его голову корону св. Вячеслава. Гусъ и Иеронимъ и многіе чешскіе и моравскіе воины находились въ болѣе или менѣе тѣсныхъ сношеніяхъ съ Поляками, а Иеронимъ даже съ Русскими. Если Польша и Литва, по словамъ краковскаго епископа Войтѣха, не были столь благодарною почвою для воспріятія новыхъ идей, какъ Чехія: то все-таки Поляки и Русскіе и примкнувшіе къ тѣмъ или другимъ Литовцы питали живыя симпатіи къ своимъ западнымъ соплеменникамъ. Да многіе Поляки и Литовцы и Русскіе не смотрѣли и на религиозное движеніе гуситское глазами польско-литовской католической іерархіи какъ на „ересь,“ и показали это вскорѣ и на дѣлѣ; въ Городнѣ же, во владѣніяхъ Витовта, могъ одинъ чешскій шляхтичъ, въ присутствіи дворянъ великаго князя, безнаказанно называть I. Гуса святымъ и рѣзко порицать констанцскій соборъ за то, что онъ несправедливо сжегъ Гуса какъ еретика²⁾).

Государи славянскаго востока, оба двоюродные братья польскій король Владиславъ Яковъ Ягайло и великій князь ли-

¹⁾ Уставъ напечатанъ въ сборникѣ Výchor z literatury české II. 278. См. Палацкаго Dějiny doby husitské II. 211—212, и В. Томка Jan Žižka, p. 208.

²⁾ См. письмо дерптскаго епископа (16 мая 1417) Витовту въ Codex epistolaris Vitoldi, p. 382.

товско-русский Александръ Витовтъ, хотя происхожденіемъ не Славяне, а Литовцы, все-таки давно применили въ славянской, русской и польской, культурѣ, говоря не иначе какъ по-русски (на западно-русскомъ нарѣчій) ¹⁾. Воспитанные въ русской православной вѣрѣ ²⁾, они, при вступленіи Якова Ягайла на польскій престолъ (оттуда Владислава Ягайла), применили въ католицизму, находясь съ тѣхъ поръ подъ вліяніемъ и зоркимъ при-

¹⁾ На сѣвадѣ въ Луцкѣ (1429) Витовтъ сказалъ Ягайлу нѣсколько словъ по-литовски, чтобъ присутствовавшій римскій король Сигизмундъ, который говорилъ по-чешски, ихъ не понималъ. Codex epist. Vitoldi, 816.

²⁾ Сказку о „изычествѣ“ Ягайла давно уже опровергъ польско-литовскій историкъ Нарбуттъ (Pomniejsze pisma historyczne, Wilno 1856, p. 89—100), приводя всѣя доказательства въ пользу православія вел. князя Ягайла Якова; другой польскій историкъ К. Стадницкій (Olgiere i Kiejstut, Lwów 1870, p. 126) замѣтилъ, что уже „пора удалить изъ исторіи сказку (baśń) о изычествѣ Ягайла, столь упорно защищаемую въ новѣйшія времена.“ Не смотря на все это, сказку повторяютъ опять новѣйшіе польскіе историки Бобринскій и Шуйскій (для послѣдняго Ягайло все еще „nieodawno paganin i barbarzyńcic“). Витовтъ окрещенъ по-католически въ Тапиаваѣ крестоносцами въ 1383 г. и принялъ имя Вигандъ (Codex epist. Vitoldi, p. 3, 5); потомъ возвратившись на Литву „fecit se rutenice baptizare et nominatus est Alexander, quod nomen de baptismo rutenico sibi inolevit“ (ibidem 997, Scriptores rer. pruss. II. 628, III. 127, 308); въ Краковѣ же опять принялъ, вмѣстѣ съ Ягайломъ (1386), католицизмъ. Это передаетъ литовско-русскій лѣтописецъ (изд. Нарбуттомъ, 22) словами, что Витовтъ „Русиномъ осталъ“ и потомъ „окрестился въ лядскую вѣру.“ Другой литовско-русскій лѣтописецъ (изд. Даниловичемъ, 204) говоритъ, что Ягайло крестился потомъ въ вѣру латинскую или „пѣмецкую.“ Срв. St. Smolka: Szkice historyczne I, 40. Крестоносцы еще въ началѣ XV в. (1409) упрекали Витовта, что онъ tenet se magis ad Litvanicos et Rutenicos et infideles, quam ad christianos (это всегда: католики), quia ipse cum illis Rutenis sicut cum illis de Moskaw et de Magna Naugarten et de Pleskaw se colligavit contra christianitatem. (Codex epist. Vitoldi, p. 996). Пишемъ Ягайло, Витовтъ, какъ эти имена пишутся въ русскихъ лѣтописяхъ и грамотахъ.

смотримъ католической польско-литовской іерархіи. Она то толкала Поляковъ и Литовцевъ какъ орудіи католической пропаганды противъ православной Руси, которая какъ „схизматическая“ ставилась наравнѣ съ еретиками и невѣрными; она то не допускала Поляковъ и Литовцевъ до болѣе тѣснаго общенія съ „еретиками“ Чехами, да внушала имъ роль истребителей „ереси.“ Поляки должны были прежде всего быть пропагаторы римско-католическихъ интересовъ на славянскомъ востоѣ и западѣ, а не защитники славянскихъ интересовъ противъ Нѣмцевъ; толкаемые на славянскій востокъ въ непосильную борьбу съ огромною Русью, они отворачивались отъ славянскаго запада, предоставляя его Нѣмцамъ. Что касается личныхъ отношеній Ягайла и Витовта, то оба они смотрѣли другъ на друга съ недо-вѣріемъ, изъ подлobia, выражая собою настроеніе обоихъ своихъ государствъ, Польши и Литвы. Оба эти государства, не смотря на ихъ соединеніе подъ одною династією и на частыя и торжественныя заявленія объ этой уніи, все-таки не тянули за одно и шли въ разнѣ, не считали своихъ интересовъ солидарными, да часто сталкивались—именно въ самую пору гуситскаго движенія—какъ отъявленные враги. Этотъ антагонизмъ обоихъ восточно-славянскихъ государей и государствъ былъ Нѣмцамъ, нѣмецкому королю Сигизмунду и нѣмецкимъ рыцарямъ въ Пруссіи и Ливоніи, хорошо извѣстенъ, и имъ они и пользовались, себѣ въ прибыль а въ громадный убытокъ Польшѣ, Литвѣ, Руси и вообще всему славянскому міру. Этотъ антагонизмъ Польши и Литвы, эти притязанія Поляковъ на сліянiе Литвы и литовской Руси съ Польшею, эти политическія и религіозно-культурныя стремленія Поляковъ на русскій востокъ: все это обезсиливало славянскій востокъ въ его борьбѣ противъ Нѣмцевъ около балтійскаго моря, и имѣло рѣшительное вліяніе на славянскія дѣла въ средней Европѣ. Здѣсь славянскіе „еретики“ вдругъ вздумали посадить на чешскій престолъ одного изъ восточно-славянскихъ государей, и такимъ образомъ порвать давнишнія узы, связывающія чешскую корону съ римско-нѣмецкою имперією, и повернуть чешское государство съ нѣмецкаго запада на славянскій востокъ.

Всѣ эти обстоятельства необходимо имѣть въ виду при оцѣнкѣ поведенія Ягайла и Витовта относительно гуситскихъ Чеховъ. Не говоря о племенныхъ симпатіяхъ Поляковъ и Русскихъ и ослабяившихся высшихъ сословіи литовскихъ въ Чехамъ, симпатіяхъ, которыя раздѣляли и Ягайло и Витовтъ, чешская революція противъ Нѣмцевъ и ихъ короля, не могла не встрѣтить симпатій и въ обоихъ славянскихъ государяхъ уже въ виду опасности со стороны нѣмецкихъ вѣстоносцевъ и благопріятствующаго имъ короля Сигизмунда и всей римско-нѣмецкой имперіи. Но съ другой стороны, Ягайло и Витовтъ, находившіеся подъ вліяніемъ католической іерархіи и думавшіе все о соединеніи православной русской церкви съ Римомъ, не могли не смотрѣть на гуситскихъ Чеховъ иначе какъ на „еретиковъ.“ По этому они задумываются принять чешскую корону изъ рукъ этихъ „еретиковъ,“ и все толкуютъ о ихъ „примиреніи“ съ Римомъ способомъ мирнымъ или насильственнымъ, т. е. предаются лишнему пустословію и переливаютъ изъ пустого въ порожнее. „Славянскій моментъ“ гуситскаго движенія, хотя онъ и выступаетъ въ сношеніяхъ Чеховъ гуситовъ съ Польшею и Литвою, все-таки отступаетъ на второй планъ, ступшевывается передъ религіознымъ моментомъ: въ глазахъ короля Владислава и великаго князя Витовта, равнымъ образомъ какъ и въ глазахъ католической іерархіи польско-литовской, чешская „ересь“ пересилила славянскія племенные симпатіи руководящихъ круговъ польско-литовскихъ къ Чехамъ. Такой узкій вѣроисповѣднѣй взглядъ, явленіе въ тѣ времена конечно вполне обыкновенное, помѣшалъ болѣе широкому пониманію гуситства какъ движенія національнаго чешскаго, славянскаго, антинѣмецкаго, какъ отчаяннаго отпора западныхъ Славянъ противъ Нѣмцевъ. Чехи гуситы подъ Прагою, Устьемъ, Таховомъ и Домажлицами защищали не какую-то „ересь“, а самые жизненные интересы Славянства противъ все больше раскрывающейся ненасытной пасти Нѣмцевъ, совершенно такъ, какъ Поляки, Литовцы и югозападные Русскіе подъ Пловцами, Домбровною, Маріенбургомъ. Владиславъ и Витовтъ, самые могущественные славянскіе государи тѣхъ временъ, не поняли вполне вѣрно гуситскаго дви-

женія какъ движенія преимущественно національнаго славянскаго; они не совсѣмъ поняли тѣсную связь борьбы Славянъ съ Нѣмцами около балтійскаго моря и въ средней Европѣ,—Чехи то ее отлично понимали—, и эта недалковидность обоихъ Гедиминовичей имѣла роковыя послѣдствія для Славянства вообще. Польша и отъ части и Литва—съ начала, пока она Польшѣ помогала а не мѣшала—съ одной стороны старались всѣми силами раздавить Нѣмцевъ въ Поморьѣ и Пруссіи, а съ другой стороны все были готовы оказывать помощь тѣмъ же Нѣмцамъ для подавленія славянскихъ Чеховъ въ средней Европѣ: политика странная и жалкая, тѣмъ болѣе, что при тогдашнемъ разстройствѣ священной римской имперіи нѣмецкой націи была полная возможность вырвать всю чешскую корону, Чехію, Моравію, Слезію, Лужицы, изъ объятій Нѣмцевъ, связать ее съ славянскимъ востокомъ, поднять загнанный славянскій элементъ въ Слезіи и Лужицахъ, или по крайней мѣрѣ воссоединить Слезію съ Польшею ¹⁾. Вѣдь добивалась же Польша воссоединенія Пруссіи, считавшейся тоже землею священной имперіи, и наконецъ и добилась того. Чехи одни разбивали несмѣтныя войска Нѣмцевъ и Угровъ на голову—а что же бы было, если бы Польша, Литва и югозападная Русь выступили какъ искренніе и важность момента вполне понимающіе союзники Чеховъ и налегли бы дружно всѣми своими силами на Германію. Но—Владиславъ и Витовтъ не вполне поняли гуситство какъ славянское движеніе, и такимъ образомъ способствовали усиленію Нѣмцевъ и ослабленію Славянъ въ средней Европѣ ²⁾.

¹⁾ Объ этой оплошности Польши относительно приобрѣтенія Слезіи см. А. Левицкаго въ краков. журналѣ *Przegląd polski*, 1889, *marzec*, 529, 534. Слезско-нѣмецкій историкъ К. Грюнгагенъ, не любящая *das Slaventhum* и *Szechenthum*, *fanatische Szechen* etc., конечно, доволенъ, что Слезія сохранилась для Нѣмцевъ и Прусаковъ.

²⁾ Не любимъ фантазій въ области исторіи; но поневолѣ предстаетъ передъ нами вопросъ: что бы было, если бы Александръ Витовтъ остался православнымъ русскимъ государемъ? Вѣдь умѣрен-

Гуситскіе Чехи, провозгласивъ ненавистнаго короля Сигизмунда лишеннымъ чешской короны, подумали о призваніи на чешскій престолъ польскаго короля Владислава; эту мысль под-

ные гуситы искали потомъ сношенія съ Царьградомъ, и унія первой православной и гуситско-уtrakвистской была возможна. Въ новѣйшей польской историографіи, благодаря множеству новыхъ матеріаловъ, съ успѣхомъ разрабатывается исторія XV вѣка, и объ отношеніи Польши къ гуситамъ имѣется уже нѣсколько хорошихъ монографій. Въ нихъ высказываются болѣе или менѣе удачныя и совсѣмъ неудачныя взгляды на гуситское движеніе; вообще этотъ вопросъ трактуется какъ-то нерѣшительно, робко, и роковая ошибка польско-литовской политики относительно Чеховъ не называется прямо своимъ именемъ: политики недалновидной и жалкой. Ст. Смолька написалъ хорошую статью *Uwia z Czechami* (*Szkice historyczne* 1882, I); она бы много выиграла, еслибъ авторъ въ самомъ концѣ воздержался отъ диамбическихъ восклицаній въ честь краковскаго епископа Збыгнѣва Олешницкаго. Мы вполне понимаемъ, что фанатическій краковскій епископъ XV вѣка не могъ относиться къ гуситскимъ „еретикамъ“ дружелюбно, а ругалъ, проклиналъ и преслѣдовалъ ихъ во всю мочь, всячески мѣшалъ ихъ общенію и единенію съ Поляками. Но мы удивляемся, что въ концѣ XIX вѣка, гдѣ славянскій характеръ гуситскаго движенія сталъ яснымъ для историковъ славянскихъ (Палацкаго) и нѣмецкихъ (Каро, Дройзена), польско-славянскій историкъ могъ написать: *Zbygniew chroniąc Polskę od husytyzmu, olbrzymią sobie zdobył zasługę*. Напротивъ, мы полагаемъ, что—въ интересахъ польскаго народа и всего Славянства—надо сожалѣть о томъ, что правъ былъ краковскій епископъ Войтѣхъ (срв. выше стр. 40), и что гуситство не привилось къ польскому народу до такой степени, какъ къ чешскому. *Szółem uderzyć przed Olesnickim* (слова Смольки)—предоставляемъ историкамъ въ родѣ I. Длугоша или Маврикія Дзѣдушицкаго; другіе славянскіе историки, и тѣ, кто на gruncie katolickim stoi, не могутъ „челомъ бить“ передъ такимъ государственнымъ дѣятелемъ польскимъ, который своею античешскою политикою поддержалъ — правда, безсознательно — *inextinguibilem hinc Teutonicorum*, и тѣмъ самымъ поработалъ pour le roi de Prusse. А кланяться такимъ славянскимъ дѣятелямъ—значить, по крайней мѣрѣ для славянскихъ историковъ, ударить лицомъ въ грязь. Намъ болѣе симпатиченъ здравомыслящій канцлеръ епископъ

держивалъ тоже Жижка съ Таборами ¹⁾. Чехи въ теченіи 1420 года предлагали Владиславу чешскую корону три раза; въ числѣ ихъ пословъ были панъ Гиневъ (Генрихъ) изъ Вальдштейна изъ Кольдштейнѣ, и Вильгельмъ Костка изъ Поступицъ, старый знакомый короля Владислава. Чешскіе послы приводили причины, по которымъ врагъ ихъ народа король Сигизмундъ не можетъ быть ихъ королемъ, указывали на то, что Сигизмундъ общій врагъ Чеховъ и Поляковъ, противъ которыхъ онъ постоянно направляетъ прусскихъ крестоносцевъ, и наконецъ напомнили польскому королю, что онъ въ случаѣ отказа не будетъ сповойно царствовать и въ своемъ королевствѣ, такъ какъ король Сигизмундъ, разоривъ или ослабивъ королевство чешское, захочетъ погубить и польское ²⁾. Владиславъ не принялъ предлагаемой

Юаннъ Шафранецъ, который въ гуситахъ, борющихся съ Нѣмцами, видѣлъ прежде всего Чеховъ Славянъ, желанныхъ союзниковъ противъ нѣмецкихъ крестоносцевъ.

¹⁾ Современный Лаврентій изъ Брезовой (Hoyer: *Geschichtschreiber der husit. Bewegung* I. 429) говоритъ, что Жижка вмѣстѣ съ Пражанами участвовалъ (14 ноября 1420 г.) въ призваніи Владислава на чешскій престолъ: „*Sigillum Taboritarum, quod Žižka cum Pragensibus et aliis communitatibus unanimi assensu literae super hoc confectae impresserat, pro mittenda legatione ad regem Poloniae, fuit per dominum Hunkonem deductum.*“ Длугошъ (IV. 267) ошибается, считая Жижку противникомъ этой мысли; ей сопротивлялся не Жижка, а Николай изъ Гуси.

²⁾ О чешскихъ посольствахъ рассказываетъ Длугошъ (IV. 261—268, срв. 275); онъ могъ кое-что прибавить, о другомъ умолчать; носуть его разсказа не противорѣчить тогдашнимъ воззрѣніямъ Чеховъ, какъ хорошо замѣчаетъ А. Прохаска: *Polska a Czechoy w swazach husyckich az do odwołania Korybuta z Czech* (Rozprawy akademii VII. VIII, Kraków 1877—1878); продолженіе: *Polska i husyci po odwołaniu Korybuta z Czech* (Przewodnik naukowy i literacki, Lwów 1883), *Kwestya husycka w l. 1423 — 1429* (Ateneum, Warszawa 1887, III.) по поводу статьи А. Левицкаго: *Ein Blick in die Politik K. Sigismunds gegen Polen in Bezug auf die Hussitenkriege* (Wien, 1886).

изъ рукъ „еретиковъ“ чешской короны, и желалъ только посредничать между Сигизмундомъ и Чехами, народомъ одного языка съ польскимъ. Но Витовтъ, думая только объ отместкѣ королю Сигизмунду, который своимъ приговоромъ сталъ на сторонѣ нѣмцевъ въ крестовщевъ противъ Польши и Литвы, принялъ, съ согласія Владислава, чешскую корону; онъ такъ поступилъ только по грубому эгоизму, изъ ненависти къ Сигизмунду, а не по какимъ-то высшимъ соображеніямъ славянской политики: онъ былъ столь непримиримымъ врагомъ чешскихъ еретиковъ, какъ Владиславъ, и засвидѣтельствовалъ эту вражду скоро послѣ того, примирившись съ Сигизмундомъ. Но пока еще Витовтъ скрывалъ свои чувства, и такимъ образомъ Пражане могли прославлять литовскаго великаго князя какъ ревнителя христіанскаго закона и доброжелателя и защитника чешскаго языка. На сеймѣ въ Кутной Горѣ (въ сентябрѣ 1421) Чехи признали Витовта своимъ королемъ, называя его съ тѣхъ поръ „желаннымъ чешскимъ королемъ — *král český požádaný*“ ¹⁾. Чешскіе послы, отправленные въ Литву, паны Вячеславъ изъ Енштейна и Вильгельмъ Костка изъ Поступиць, рыцарь Гласъ изъ Каменицы, Вавѣкъ Пиво, схвачены уже на дорогѣ въ Слезіи въ Ратиборѣ по приказанію князя опавскаго и ратиборскаго Іоанна, который дѣйствовалъ по приказанію короля Сигизмунда. Это событіе произвело большой шумъ не только въ Чехіи, а тоже въ Польшѣ и Литвѣ, гдѣ народъ смотрѣлъ на Чеховъ менѣе съ точки зрѣнія теологической, а болѣе съ національной. „По всей землѣ польской и литовской“, пишетъ объ этомъ событіи изъ Величчи Авраамъ Чарный изъ Гощиць князю Іоанну (23 сентября 1421), „большой шумъ и крикъ по поводу плѣна этихъ Чеховъ; народъ говоритъ: пусть король

¹⁾ Срв. Палацкаго *Urkundl. Beiträge z. Gesch. des Hussitenkrieges* I. 45, 64, 92, 121, 187; Caro: *Liber cancellariae Stan. Ciołek* II. 96; Prochaska: *Codex epistolaris Vitoldi 1060*. Срв. Палацкаго *Dějiny doby husit.* II. 116. Пражане пожаловали двумъ посламъ къ Витовту за ихъ труды имѣнія; срв. *Výbor z literatury české* II. 350, *Archiv český* VI. 408.

Сигизмундъ хочетъ или не хочетъ, онъ долженъ ихъ выпустить на свободу; иначе мы хотимъ мстить ему за нихъ даже до обильнаго кровопролитія; ибо тотъ князь хочетъ разрушить состоявшееся уже между нами и нашими братьями Чехами единство“¹⁾.

Витовтъ, Владиславъ и его племянникъ Сигизмундъ (Жагимонтъ) Корибутовичъ, усиленно требовали, чтобъ чешскіе послы были выпущены, и угрожали войною; посломъ Владислава и Витовта къ князю Іоанну былъ Николай Корничъ Сестренецъ, бурграфъ пограничнаго города Бендзина, происхожденіемъ изъ Слезіи, а потомъ поселившійся въ краковской землѣ, знающій чешскій языкъ и симпатизующій Чехамъ²⁾. Сигизмундъ Корибутовичъ заявлялъ, что Владиславъ и Витовтъ никоимъ образомъ не хотятъ оставить Чеховъ, а хотятъ имъ помогать какъ своему языку (народу) и своимъ подданнымъ. Витовтъ вызывалъ Празанъ, чтобъ они послали войско противъ князя Іоанна съ одной стороны, онъ же пошлетъ войско съ другой стороны подъ Сигизмундомъ Корибутовичемъ. Князь Іоаннъ избѣгъ опасности тѣмъ, что онъ выдалъ пословъ королю Сигизмунду, изъ рукъ котораго они освободились только позже. Волненіе по поводу ратиборскаго событія долго не улегалось на славянскомъ востокѣ; въ самомъ началѣ 1422 года рыцари меченосцы въ Ливоніи знали, что Витовтъ, который только что охотно принялъ чешскихъ еретиковъ подъ свое покровительство, и король Владиславъ намѣрены тайкомъ сойтись съ великимъ княземъ московскимъ, вѣроятно, чтобъ на западѣ имѣть болѣе свободную руку. Съ другой стороны приготовлявшаяся тогда славянскимъ востокомъ помощь Чехамъ волновала тоже Нѣмцевъ въ имперіи и около бал-

¹⁾ Palacký Urkundl. Beiträge I. 153, его же Dějiny doby husit. II. 123, Конецкаго статью въ Zeitschrift des Vereins für Geschichte u. Alterthum Schlesiens IX. 209. Срв. Starí letopisové čestí, 7, 47.

²⁾ О Сестренецѣ см. А. Прохаски: Husyta polski (Szkice historyczne z XV w., Kraków i Warszawa 1884, p. 203 — 250). Сестренецъ и потомъ бывалъ посломъ Владислава въ Чехіи; Чехи его называли „рицарь Николай.“

тійскаго моря; они считали короля Владислава гуситомъ и Чехомъ (Ветак) ¹⁾, и король Сигизмундъ просилъ обоеихъ магистровъ рыцарей прусскихъ и ливонскихъ помогать ему противъ Польши и Литвы. Вообще всѣ Нѣмцы въ имперіи, Пруссіи и Ливоніи, и въ земляхъ чешской короны, хорошо понимали, что приготовляемое освобожденіе чешской короны изъ нѣмецкихъ рукъ и присоединеніе ея къ Польшѣ и Литвѣ принесетъ вредъ и срамъ священной римской имперіи нѣмецкой націи ²⁾. Чехи возлагали свои надежды на Витовта, „желаннаго короля чешскаго“, особенно послѣ казни пражскаго демагога попа Іоанна Желивскаго; „чешское королевство великую честь держало надъ славнымъ государемъ,“ замѣчаетъ одинъ литовско-русскій лѣтописецъ ³⁾.

Витовтъ старался помочь Чехамъ двоякимъ способомъ. Съ одной стороны онъ усердно ходатайствовалъ передъ папою объ употребленіи мирныхъ средствъ относительно гуситовъ, которые такимъ образомъ скорѣе могутъ примириться съ церковью; но папа, не вѣря въ возможность такихъ средствъ, упрекалъ Витовта за его желаніе приобрести чешскую корону, и напомнилъ ему, что Чехи гуситы общаются теперь все, только чтобъ сѣять раздоры среди христіанскихъ государей и мутить римскую имперію и все христіанство; занятіе же чешскаго королевства Витовтомъ никакимъ образомъ не допустится курфюрстами римской имперіи и нѣмецкими князьями, даже если бы самъ римскій король Сигизмундъ молчалъ ⁴⁾. Кромѣ этой, конечно, пустой по-

¹⁾ Codex epistol. Vitoldi, 549.

²⁾ См. много писемъ 1421—1422 гг. въ сборникахъ Палацкаго Urkundl. Beiträge и Прохаски Codex epistol. Vitoldi. Любопытно, какъ прусскіе крестоносцы тщательно слѣдили за этими дѣлами; см. на пр. донесеніе ихъ шпиона въ Codex epistol. Vitoldi, p. 544.

³⁾ По изданіямъ Даниловича 62, А. Попова 48. Срв. Саго Geschichte Polens III. 549.

⁴⁾ Palacký: Urkundl. Beiträge I. 207. Слова короля Сигизмунда (1426), что воевать съ чешскими еретиками необходимо и „zu iberbringung der kron zu Behem, die ein merkliches gelid und kur-

мощи — въ искренность которой Нѣмцы впрочемъ не вѣрили — Витовтъ отправилъ въ Чехію и вооруженную помощь подѣ княземъ Сигизмундомъ Корибутовичемъ. Подѣ знамена Корибутовича стекались въ Кравовѣ Поляки и Русскіе, особенно изъ православной Червонной Руси; да многіе спѣшили Чехамъ на помощь и безъ платы, понимая, какъ видно, хорошо суть гуситскаго движенія какъ движенія славянскаго ¹⁾.

Сигизмундъ Корибутовичъ, князь литовскій, русскій ²⁾, или, какъ онъ назывался у Чеховъ въ отличіе отъ короля Сигизмунда, „Корибутъ“, отправился весною 1422 года съ своимъ польско-русскимъ войскомъ черезъ Тѣшинъ въ чешскія земли „ради обороны закона божіа и ради общественнаго добра“; онъ объявлялъ повсюду, что онъ прибываетъ отъ имени Александра Витовта, желаннаго короля чешскаго, какъ его уполномоченный правитель, чтобъ защищать землю противъ всѣхъ непріятелей внѣшнихъ и внутреннихъ; онъ увѣщевалъ всѣ

fürstenthum des heiligen riches“ (Aschbach: Geschichte K. Sigmund, III. 396) хорошо передаютъ взглядъ всѣхъ Нѣмцевъ на эту борьбу.

¹⁾ См. письма Владислава жителямъ русской земли (27 мая 1423), и польскому епископу (2 іюня 1423), въ сборникахъ Палацкаго *Urkundl. Beiträge* I. 303, и А. Соколовскаго и І. Шуйскаго: *Codex epistolaris saeculi XV*, t. I. 56 (*Monumenta medii aevi historica regegestas Poloniae illustrantia*, II, Cracoviae 1876).

²⁾ Русскимъ его называютъ Оломучане (*herzog von Reussen, reuschischer herzog*, у Палацкаго *Urkundl. Beiträge* I. 285, 646). Сигизмундъ (Зигимонтъ, Жигимонтъ) былъ сынъ Корибута Дмитрія Ольгердовича, литовско-русскаго православнаго князя въ Бряскѣ и Новгородѣ Сѣверскомъ († 1399), и рязанской княжны; онъ, по воспитанію православный, говорилъ по-русски (на западномъ нарѣчій), и могъ тѣмъ легче применить къ Чехамъ гуситамъ. Съ Чехами онъ вѣроятно познакомился уже раньше, такъ какъ онъ участвовалъ въ битвѣ домбровенской (1410). Присоединился-ли онъ, подобно многимъ другимъ литовско-русскимъ князьямъ, къ католицизму, неизвѣстно, но возможно. О немъ срв. Палацкаго *Dějiny doby husí* II., Томка *Dějepis Prahy IV.*, Стадницкаго *Bracia Władysława Jagielly* (Lwów 1867, p. 50, съ разными пашными воззрѣніями въ гуситство).

партіи примириться и прибыть на сеймъ въ Чаславъ. Сигизмундъ Корибутовичъ, желая приобрести расположеніе гуситовъ, причащался уже въ моравскомъ городѣ Уничовѣ подѣ обоими видами, что онъ могъ сдѣлать тѣмъ легче, будучи по происхожденію православный Русскій. На чаславскомъ сеймѣ принять онъ собравшимися тамъ шляхтою и городами въ земскіе правители, и обѣщаль, что будетъ защищать законъ божій. Также признали его помощникомъ и наивысшимъ правителемъ чешской земли Таборы, въ ихъ главѣ Жижеа, Хваль, Буховець, и общины Таборъ, Домажлице, Клатовы, Сушица, Писекъ и др. Князь Сигизмундъ Корибутовичъ управлялъ землею въ общему удовольствію не только утравистовъ Пражанъ, пановъ и общинъ, но тоже Таборовъ; между нимъ и Жижекою завязались дружескія отношенія, такъ что князь называлъ Жижку отцомъ, а Жижеа князя сыномъ ¹⁾.

Появленіе въ чешскихъ земляхъ князя Сигизмунда Корибутовича съ польско-русскимъ войскомъ встревожило римскаго папу, нѣмецкаго короля и всѣхъ Нѣмцевъ. Король Сигизмундъ, узнавъ еще о предстоящемъ вторженіи восточно-славянскаго войска (и „Татаровъ“) въ Чехію, призывалъ на помощь противъ чешскихъ еретиковъ и ихъ покровителей даже Нѣмцевъ въ Пруссіи и Ливоніи; нѣмецкіе курфюрсты требовали отъ Владислава и Витовта удаленія князя Сигизмунда Корибутовича изъ Чехіи, а Витовтъ напрасно старался ихъ увѣрить, что онъ послалъ Сигизмунда Корибутовича въ Чехію только потому, чтобъ примирить Чеховъ съ католическою церковью ²⁾.

Между тѣмъ Владиславъ и Витовтъ примирились съ нѣмец-

¹⁾ Чешское письмо князя Сигизмунда (здѣсь и полный его титулъ) въ сборникѣ Archiv český III. 239; также признаніе Таборовъ; разныя постановленія князя Сигизмунда и пражской общины 1422 года тамже I. 213—219; срв. VI. 403. Объ отношеніи Жижки къ князю Сигизмунду см. Kronika o Janu Žižkovi (XV в., vydal J. Goll, стр. 49), Starí letopisové česti 52.

²⁾ Palacký Urkundl. Beiträge I. 92, 194, 199 etc., Codex epist. saec. XV, I. 53, Codex epistol. Vitoldi, 1067.

кимъ орденомъ (1422) и съ королемъ Сигизмундомъ (30 марта 1423). Чехи гуситы стали лишними союзниками и вмѣсто „Славянь“ явились на сцену „еретики“, которыхъ надо примирить съ Римомъ или истребить силою; таѣ стали разсуждать оба славянскіе государи къ большому удовольствію римскаго папы и нѣмецкаго короля. Уже въ началѣ 1423 года князь Сигизмундъ Корибутовичъ долженъ былъ оставить Чехію, тѣмъ болѣе, что онъ лишился поддержки Жижки. Онъ отправился съ своимъ войскомъ обратно въ Польшу, но сдѣлалъ это неохотно, надѣясь на скорое возвращеніе. Съ начала Владиславъ и Витовтъ взялись за дѣло примиренія гуситовъ-еретиковъ съ Римомъ и съ королемъ Сигизмундомъ. Но всѣ посольства съ обѣихъ сторонъ, преніе чешскихъ и польскихъ богослововъ въ Краковѣ, вся эта безконечная переписка, все это пустословіе—не могли привести къ примиренію непримиримыхъ. Король Владиславъ желалъ тоже примирить поссорившихся Празавъ и Таборовъ. Въ письмѣ (въ іюнѣ 1423), вышедшемъ изъ королевской канцеляріи уже во время недавно назначеннаго ея начальника епископа краковскаго Збыгнѣва Олешницкаго, Владиславъ увазывалъ Чехамъ на угрожающую имъ опасность со стороны почти всѣхъ католическихъ государей, которые всѣ собираются на ихъ гибель: онъ же, горячо любя чешское королевство и тотъ славный народъ славянской, умолялъ ихъ примириться между собою и съ католическою церковью; онъ-де съ величайшимъ прискорбіемъ опасается, какъ бы земли нашего славянскаго языка не разорились своими и не были заняты чужимъ народомъ ¹⁾). Это письмо привезъ Чехамъ

1) Cum multi reges et fere universi principes catholici in destructionem vestram arma accipere se disponant, zelum caritatis et intime dilectionis affectum, quem erga regnum vestrum Boemiae et nationem hanc praeclaram sclavonicam in nostris praecordiis retinimus, silere non licuit. Timendum est, ne regnum ad ruinam perennem ponatur et jacturam, quod in nobis summum dolorem adaugeret si in diebus nostris terras linguagii nostri sclavonici per nationem alienam videremus per suaptes destructam occupari. (Liber cancellariae Stan. Ciolek, ed. Caro, II. № 57). Дату этого письма опредѣ-

королевскій посолъ Николай Сестринецъ, который дѣйствовать на Чеховъ тоже лично въ смыслѣ своего короля; онъ увѣщевалъ Прагапъ и Таборовъ примириться въ избѣжаніе бѣдствій со стороны иноплеменниковъ, которыя могли бы обрушиться на Чеховъ въ слѣдствіе ихъ раздоровъ, а не по винѣ Римлянъ или Нѣмцевъ. Посолъ польскаго короля вѣроятно повліялъ на состоявшееся тогда примиреніе обѣихъ гуситскихъ партій, но о ихъ примиреніи съ Римомъ нечего было и думать. Напрасно король Сигизмундъ величалъ короля Владислава какъ самаго подходящаго посредника въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ онъ у еретиковъ пользуется довѣріемъ, напрасно онъ выразился, что, если бы польскій король захотѣлъ, ересь въ Чехіи не была бы столь сильна ¹⁾. Такой же отрицательный результатъ имѣло и посольство Витовта, который нынѣ Чеховъ и знать не хотѣлъ, просто запирался во всемъ своемъ прежнемъ образѣ дѣйствій относительно Чеховъ, и все требовалъ отъ гуситовъ безусловнаго подчиненія папѣ. Всю эту жалуюю и недалновидную политику восточнославянскихъ государей относительно чешскаго „славянскаго языка“ отлично оцѣнили тогда професора пражскаго университета, во главѣ ихъ магистръ Криштанъ (Христіанъ), въ письмѣ (6 іюня 1423) королю Владиславу. Они, признавая, что король любитъ свой родной языкъ, просятъ у него дать имъ возможность очиститься отъ упрека въ ереси и не вѣрить однимъ только ихъ противникамъ; такимъ образомъ гибнетъ одна часть языка и подготавливается коварною лисицею истребленіе другой его части ²⁾.

Въ то же самое время, когда король Владиславъ показывалъ на словахъ столь глубокую горечь по поводу возможнаго истре-

милъ А. Левидній: Ein Blick in die Politik König Sigismunds gegen Polen in Bezug auf die Hussitenkriege, p. 39; срв. его же Index actorum saeculi XV ad res publicas Poloniae spectantium, Cracoviae 1888 (Monumenta medii aevi historica, t. XI).

¹⁾ Codex epist. Vitoldi, p. 600 — 602, 653; Eberhard Windek: Historia vitae imperatoris Sigismundi, cap. 126 (Mencken: Scriptorum rerum german., p. 1177).

²⁾ Codex epist. Vitoldi, 594.

бленія „славянскаго языка“ на западѣ, онъ приготовлялся къ войнѣ противъ „еретиковъ“, вмѣстѣ съ Витовтомъ, съ Нѣмцами и ихъ королемъ. Но тутъ выручилъ короля Владислава здравый смыслъ его народа и помѣшала ему сдѣлать политическую ошибку; оказалось, что Поляки и Русскіе, именно ихъ шляхта, смотрѣли на Чеховъ гуситовъ, своихъ братьевъ — какъ недавно ихъ называлъ Авраамъ Чарный — правильнѣе, чѣмъ ихъ повелители, руководимые католическою іерархіею. Многіе Поляки, отказываясь отъ платы, не хотѣли идти на войну противъ „еретиковъ“; эта неохота замѣчалась особенно въ русской землѣ (Червоной Руси), гдѣ православные Русскіе заявляли свои живыя симпатіи гуситскимъ Чехамъ, не слушались ни короля ни своего старосты Сынтка Тарновскаго, отказывались отъ участія въ походѣ противъ Чеховъ и отъ платы. Король Владиславъ горько жаловался на такое безучастіе своихъ польскихъ и русскихъ подданныхъ, на такое посрамленіе своего королевства; этотъ срамъ оказывается-де еще болѣе чувствительнымъ, если вспомнить, что тѣ же его подданные, Поляки и Русскіе, охотно и безъ платы участвовали въ постыдномъ-де походѣ князя Сигизмунда Корибутовича на помощь гуситамъ ¹⁾). Вмѣстѣ съ тѣмъ король Владиславъ и польская іерархія вынуждены были — вмѣсто того, чтобъ сваряжать войско противъ чешскихъ „еретиковъ“ — принимать мѣры для прекращенія общенія Поляковъ и Русскихъ съ гуситами, и издать нѣсколько строгихъ постановленій противъ гуситовъ и ихъ благопріятелей въ Польшѣ и даже на Руси. Тѣмъ не менѣе Чехи все еще надѣялись на Витовта и на „доброжелателя чешскаго языка“, Владислава; да и самъ король Сигизмундъ считалъ польскаго короля лучшимъ посредникомъ, такъ какъ „еретики“ имѣютъ къ нему довѣріе. Все это пустословіе обаялось однако лишнимъ, Чехи ни съ кѣмъ не примирались, и наконецъ Владиславъ и Витовтъ применули къ Нѣмцамъ и объявили весною 1424 года чешскимъ „еретичимъ“ войну ²⁾).

¹⁾ Срв. выше (стр. 54) упомянутыя два письма Владислава (польскому епископу и землянамъ русской земли).

²⁾ Palacký Urkundl. Beitrage I. 329, 335, 348, Codex epistolaris saec. XV, p. I. 62, Codex epistolaris Vitoldi, 622—653. Въ кра-

Между тѣмъ чешскіе послы въ Польшѣ и Литвѣ, замѣчая безуспѣшность безконечныхъ рѣчей и вида нерасположеніе Владислава и Витовта къ ихъ „еретическому“ народу, просили ихъ, чтобъ они по крайней мѣрѣ не препятствовали Чехамъ избрать себѣ короля изъ ихъ же народа, князя Сигизмунда Корибутовича. И эти просьбы были тщетны. По этому послы стоворились съ Сигизмундомъ Корибутовичемъ сами, обѣщая ему признать его „желаннымъ и избраннымъ королемъ чешскимъ“. Къ князю Сигизмунду Корибутовичу применили опять многіе Поляки, даже изъ тѣхъ, которые собирались въ королевскомъ войскѣ въ походъ противъ „еретиковъ“. Въ числѣ доброжелателей и помощниковъ князя Сигизмунда Корибутовича былъ тоже родъ малопольской шляхты Шафранцевъ, Іоаннъ деканъ капитула краковскаго и канцлеръ польскаго королевства, Петръ подкоморій краковскій и его сынъ Петръ. Шафранцы, особенно деканъ-канцлеръ, помогали Корибутовичу деньгами, а молодой Петръ присоединился къ собираемой военной дружинѣ. Такая дѣятельность Шафранцевъ, особенно канцлера, подвела бурю негодованія среди польской строго католической іерархіи и аристократіи, и со стороны Витовта: такой поступокъ королевскихъ совѣтниковъ, доброжелателей ереси, приноситъ-де Польшѣ срамъ и гибель. Въ іюніѣ 1424 г. Сигизмундъ Корибутовичъ отправился съ своею дружиною черезъ верхнюю Слезію и Моравію въ Чехію, и сталъ, уже вторично, во главѣ Пражанъ; но планъ его быть чешскимъ королемъ не удался ¹⁾).

ковскихъ судебныхъ книгахъ 9 мая 1424 (Helecl: Starodawno prawa polskiego romaniki II. Nro 1976) записаны имена нанятыхъ краковскимъ старостою польскихъ воиновъ ad expeditionem racione subsidii regis Ungarie contra Bohemos vilissimos hereticos.

¹⁾ Codex epistolaris Vitoldi, 634, 641, 692, 828; Palacký Urkundl. Beiträge I. 356; Длугошъ IV. 323; срв. Палацкаго Dějiny doby husit. II. 200; Томка Dějepis Prahy IV. 299, его же Jan Žižka 189. Въ краковскихъ судебныхъ книгахъ 29 августа 1424 записано заявленіе Дороеи изъ Прибыславиць. quod Miroslaus filius suus versus Bohemiam abeque voluntate sua et ejus impensis equitavit. (Helcel,

Смѣлый подвигъ литовско-русскаго князя Сигизмунда Кобытувича, которому сочувствовали и помогали многіе Поляки — въ томъ числѣ самъ канцлеръ-деканъ краковскаго капитула, дѣйствовавшій здѣсь конечно неофициально, какъ польскій патриотъ — могъ раскрыть глаза обоимъ славянскимъ государямъ; представлялся вновь случай возложить корону святаго Вячеслава на голову родственника Владислава Ягайла и Витовта. Но оба они, еще недавно распинавшіеся за „знаменитый славянскій народъ“ въ средней Европѣ, не нашли ничего болѣе умнаго, какъ только политику самооплеванія; имъ слышны были только громы папы и краковскаго епископа, мерещились только адъ и черти, и они думали не о спасеніи славянскаго народа въ Чехіи отъ Нѣмцевъ, а объ истребленіи гуситскихъ „еретиковъ“, на которыхъ сыпались страшныя проклятія. Польскій король, въ письмахъ нѣмецкимъ королю и князьямъ, горько и малодушно жаловался на этотъ постыдный-де и неблагодарный поступокъ своего племянника, этого сумасброднаго Татара и варвара, который хочетъ-де присвоить себѣ наслѣдственныя земли римско-нѣмецкаго короля; онъ сваливалъ съ себя всю вину въ этомъ дѣлѣ, конфисковалъ имущество Кобытувича и его товарищей, и обязывался вмѣстѣ съ Витовтомъ и всѣми подданными защищать католицизмъ

Pomniki П. Ngo 1965). Къ этому времени относится долговая запись Николая Сестренца на чешскомъ языкѣ (на Ciesine dien swate Troise leta 1424), которая записана въ древнѣйшей книгѣ сѣверскаго княжества (хранящейся въ главномъ архивѣ варшавскомъ) въ дѣлѣ 1488 г. (fol. 53—54). Приводимъ начало: *My Mikulass z buoze milosty knyzeze Cziessynkye a pan z horneho Hlohowa znamo czynime tiemto listem kdoz geŷ vŷrze aneb czuczze slisseti budu ze wistupiwsze przed nasz y przed naasi knyezaty radu slowutny panosse Mikolass Szyestrzenyecz z Bestwyni purkrabye na Bandzini zdrow buducz y sucze sebe dobrowolen y w dobrem rozumye buducz gest przed namy sesnal dluh sprawyedlywi slowutnemu panossi Stanislawowy Olssowczowu kteriz dluh menuge sye dwyesczye hrzywien poziczenich hrossow praskych monety praskyey w kazdu hrziwnu poozitagicze osm a cztirziczeti hrossow ssirokych... Dan a psan na Czyessynye dien swate troycze lyeta bozeho tisseczeho cztrsteho dwaczety a cztيره.*

и преслѣдовать ересь въ Польшѣ, Литвѣ, Руси ¹⁾). Но всѣ эти униженія Владислава не убѣдили Нѣмцевъ и не разсѣяли ихъ подозрѣній противъ Поляковъ и ихъ короля; недо- вѣріе въ нихъ было у Нѣмцевъ на столько сильно, что, когда нѣ- сколько тысячъ польскихъ воиновъ — больше Владиславу собрать не удалось — прибыло наконецъ въ Моравію воевать противъ еретиковъ, они даже не приняты тамошнимъ королевскимъ пол- ководителемъ, австрійскимъ герцогомъ Альбрехтомъ, и должны бы- ли вернуться въ свояси въ вѣщшему еще униженію славянскаго короля польскаго ²⁾).

Князь Сигизмундъ Корибутовичъ остался потомъ нѣсколько лѣтъ въ Чехіи, пользуясь расположеніемъ Празанъ, и воевалъ въ гуситскихъ рядахъ въ защиту чешскаго народа. Онъ уча- ствовалъ именно въ битвѣ подъ Устьемъ (1426), гдѣ разгромле- но нѣмецкое войско; по словамъ современной чешской пѣсни онъ съ плачемъ богу молился, ободряя войско въ бою; его Поля- не, Чехи и Моравяне, удалые Празане, храбро били непріате- лей ³⁾. Но скоро послѣ этой побѣды Корибутовичъ лишился рас- положенія Празанъ и другихъ гуситовъ, такъ какъ онъ намѣре- вался, съ помощью Витовта, примирить Чеховъ съ Римомъ и до-

¹⁾ См. разные письма у Палацкаго *Urkundl. Beiträge* I. 344 sqq., *Codex epistolaris Vitoldi*, 653 sqq. Похода Корибутовича въ Чехію не могли Польшѣ въ Рамѣ и Угрии долго простить, и еще въ 1438—39 гг. Поляки старались оправдываться по поводу того дѣла; см. *Codex epistolaris saec. XV*, t. I. 99, 113.

²⁾ Длугошъ IV. 328 — 329; срв. *Palacký Urkundl. Beiträge* I. 355, *Codex epist. Vitoldi* 628, 909.

³⁾ Пѣснь въ *Výbor z literatury české* II. 303—310: Tu v pátek před tím v čas ranní Čechové měli kázání, tělo, krev boží přijali, by pro zákon bojovali. Též kněz Zikmund jest učinit a s pláčem se bo- hu modlil, lid k boji napomínaje, zemkuom mysl dobrú dávaje... Též také jeho Polané, Čechové i Moravané, stateční páni Pražané nepřáte- ly bili udatně. Въ числѣ вождей цѣпниковъ въ этой битвѣ приво- дится тоже князь Фридрихъ русскій (Острожскій) и Янъ изъ Горки (Jan z Gorky); послѣдній—вѣроятно Полякъ, а не таборскій гейтмапъ Янъ Пардусъ изъ Горки (z Horky, какъ писался по-чешски).

ставить чешскую корону королю Владиславу или самому себѣ ¹⁾. Когда въ Прагѣ узнали объ этихъ планахъ, Корибутовичъ по настоянію гуситскихъ поповъ арестованъ и высланъ изъ Чехіи; съ нимъ ушли и другіе Поляки (1427). Горько жалуются на это современники: поны насъ поссорили со всѣмъ міромъ, мы лишились и Польши, откуда у насъ была прежде помощь; вотъ какъ отплатили князю Пражане за службу и помощь противъ непріятелей ²⁾. Но Корибутовичъ, не смотря на это оскорбленіе, остался вѣренъ своимъ славянскимъ симпатіямъ, и уже годъ спустя послѣ того онъ находился опять въ Чехіи, Моравіи и Слезіи, сносясь съ Таборами; въ 1430 г. онъ былъ гейтманомъ (начальникомъ) въ верхне-слезскомъ городѣ Гливицахъ, а въ 1431 г. участвовалъ, вмѣстѣ съ другими Поляками, въ побѣдѣ Чеховъ надъ Нѣмцами подъ Домажлицами.

Изъ Поляковъ и Русскихъ, которые прибыли въ Чехію и применили къ гуситамъ, извѣстны на пр. Лаврентій Полякъ изъ Павѣва, одинъ изъ полководцевъ Жижекъ упоминаемый въ его уставѣ (1423), Вышекъ Рачинскій, посоль Витовта и въ послѣдствіи товарищъ чешскаго гуситскаго пана Іоанна Рогача изъ Дубой, Іоаннъ изъ Горки, одинъ изъ полководцевъ въ битвѣ подъ Устьемъ, Петръ Шафранецъ, Добеславъ Пухала и Петръ Полякъ, оба таборскіе гейтманы въ верхней Слезіи, гдѣ и опольскій князь Болесъ примкнулъ къ гуситамъ. Изъ Русскихъ прибывшихъ въ Чехію особенно извѣстенъ князь Фридрихъ Острожскій, который въ слѣдствіе долголѣтняго пребыванія среди Чеховъ, именно Таборовъ, сталъ Чехомъ, и его родственникъ Вячеславъ князь

¹⁾ См. Palacký Urkundl. Beiträge I. 474, Codex epist. Vitoldi 717; срв. Палацкаго Dějiny doby husit. II. 268, и Томка Dějepis Prahy IV. 359.

²⁾ Výbor z literatury české II. 311, Staří letopisové česti 71. Такъ и таборскій епископъ Николай изъ Пельгримова нападаетъ (1444 г.) на пражскихъ поповъ, что они in principem Lithuaniae Sigmundum irrucunt. (Chronicon Taboritarum, Höfler Geschichtschreiber der husit. Bewegung II. 690).

Острожскій ¹⁾). Многие Поляки и Русскіе оставались въ чешскихъ войскахъ, не смотря на всѣ запрещенія и угрозы короля Владислава; тотъ все мечталъ объ истребленіи проклятыхъ еретиковъ, и еще въ 1431 г. угрожалъ разными навазаніями своимъ подданнымъ, которые помогаютъ Чехамъ ²⁾). Польскіе гуситы или друзья гуситовъ въ порубежныхъ областяхъ, на пр. Петръ Шафранецъ, Верушъ, Николай Сестренецъ, беспокоили Слезавовъ, какъ вообще гуситы обращали особенное вниманіе на верхнюю польскую Слезію, которая представляла важное звено между Чехіею и Польшею. Многие беспокойные люди изъ Польши переходили въ гуситскія войска тоже изъ жадности грабежа какъ „лапки“ т. е. разбойники ³⁾).

Была еще одна сторона гуситства, которая — не говоря о его качествахъ какъ „ереси“ — пугала господствовавшія тогда сословія, королей и шляхту: это демократическія стремленія радикальныхъ гуситовъ, Таборовъ и Сиротковъ (Сиротъ, какъ назывались приверженцы отца Жижки, осиротѣвшіе по его смерти),

¹⁾ Былъ-ли Янъ изъ Горки родственникъ познанскаго воеводы Луки изъ Горки, а Лаврентій изъ Панѣва—родственникъ польскаго полководца Феликса изъ Панѣва († 1488), неизвѣстно. О князьяхъ Острожскихъ, Фридрихъ и Вячеславъ, см. нашу замѣтку въ ж. Древняя и Новая Россія 1877, № 2, стр. 220. Упоминаемая тамъ рукопись Фридриха Острожскаго напечатана нами въ ж. *Časopis Českého Musea* 1880, p. 403, позже Боневскимъ и Бобовскимъ: *Codex diplomat. Poloniae IV. Res silesienses (Varsoviae 1887, p. 29)*. Извѣстно, въ какомъ отношеніи былъ князь Фридрихъ Острожскій къ другому князю Острожскому того времени, Федору (Федьку), стороннику Швитригайла въ Подольѣ 1432—1433 г., о которыхъ см. Длугоша IV. 487, 520. Длугошъ отличаетъ Фридриха и Федьку; некоторые новѣйшіе (Хойнацкій въ ж. Древняя и Новая Россія 1876, № 9, Антоновичъ и Козловскій: Грамоты великихъ князей литовскихъ, Кіевъ 1868, стр. 2) считаютъ ихъ однимъ лицомъ. Странно, что православный русскій князь Острожскій называется Фридрихъ.

²⁾ Waszyński: *Codex diplomat. Lituaniae*, p. 351.

³⁾ Helcel: *Pomniki prawa II. № 2253, 2254*. Слово „лапка, лапкованіе“ знали тоже Чехи.

которые передавали бразды правленія не людям „благороднымъ“ а способнымъ, все равно шляхтичамъ или „хлапамъ“¹⁾. Эти демократическія стремленія гуситовъ стали пугать тоже Владислава и Витовта. Польскій король высказался въ такомъ смыслѣ чешскимъ посламъ въ Краковѣ (1431): въ Чехіи-де князья и паны истреблены хлапами, и если остались нѣкоторые паны и шляхта, то они придавлены сельскимъ отродіемъ до такой степени, что не могутъ подняться и взять въ руки оборону и правленіе земли. Витовтъ же еще раньше (1429) упрекалъ самого короля Владислава за его благоволеніе къ Шафранцамъ, которые все сносятся съ еретиками; а эти еретики стремятся къ истребленію святой вѣры и къ разрушенію властей духовной и свѣтской, отнимая у духовныхъ имущества, а у свѣтскихъ послушаніе ихъ подданныхъ, стремятся къ уравненію шляхты и хлаповъ²⁾.

Не смотря на все отреченіе официальной Польши отъ гуситскихъ „еретиковъ“, она все-таки не могла дѣйствовать въ смыслѣ такихъ своихъ словъ и угрозъ. Этого не позволяли отношенія Польши къ нѣмецкимъ крестоносцамъ, къ Литвѣ и къ королю Сигизмунду, который всѣми способами старался поссорить Владислава и Витовта. Ни король Сигизмундъ ни Витовтъ не вѣрили готовности Владислава, воевать противъ гуситскихъ еретиковъ, тѣмъ болѣе, когда стало извѣстнымъ, что Владиславъ осенью 1428 г. сносился съ послами гуситовъ, именно съ княземъ Сигизмундомъ Корыбутовичемъ и Пухаломъ, которые предла-

¹⁾ Срв. Палацкаго *Dějiny doby husit.* II, 39, III, 133. Король Сигизмундъ увѣщевалъ (1426) католическую шляхту чешскую, соединить свои силы во избѣжаніе истребленія „хлапами“. (*Archiv český* I, 27, срв. 20).

²⁾ Длугошъ IV, 439, *Codex epistolaris Vitoldi*, 829; срв. Везольд: *Zur Geschichte des Hussitenthums*, p. 52 — 55. Любопытно, что позже въ Литвѣ и литовской Руси упрекали великаго князя Сигизмунда Кестутевича (брата Витовта), что онъ „мыслилъ въ сердцу своемъ, каковыи весь рожаи шляхецкій погубити и кровь ихъ розлити, а поднести рожаи хлопскій пью кровь“. (*Хроника т. п. Быховца*, изд. Нарбуттъ, 48).

гали ему помощь противъ прусскихъ крестоносцевъ ¹⁾. По этому и на съѣздѣ въ Луцеѣ (въ началѣ 1429 г.) — гдѣ собрались короли Сигизмундъ и Владиславъ и Витовтъ, и гдѣ Сигизмундъ, предлагая Витовту королевскую корону, старался окончательно поссорить его съ Владиславомъ — Сигизмундъ, опасаясь уже лишиться Слезіи, отвѣтилъ нѣкоторымъ польскимъ панамъ, предлагавшимъ ему помощь противъ гуситовъ, недověрчиво: „Что же сдѣлаютъ Поляки противъ Поляковъ?“ ²⁾ Витовтъ, въ теченіи 1429 г., нѣсколько разъ упрекалъ польскаго короля и его сенаторовъ въ двуличіи и за сношенія съ гуситами. Витовтъ заявлялъ готовность оказать помощь противъ гуситовъ, о которой просилъ король; но теперь онъ не знаетъ, что дѣлать; ибо онъ слышитъ, что король Владиславъ и Таборы, именно князь Корыбутовичъ и Пухала, часто сносятъ, что гуситы покупаютъ въ Краковѣ и въ Ольбушѣ коней и оружіе, вывозятъ изъ Польши военные припасы, и что Полякамъ, которые хотятъ помогать гуситамъ, предоставляется свободный выѣздъ за границу. Все это происходитъ по совѣтамъ Шафранцевъ. Въ слѣдствіе этого еретики усилились, начали войну наступательную, опустошили земли нѣмецкія и Слезію, готовы броситься и на Польшу, и угрожаютъ разрушеніемъ всѣхъ общественныхъ порядковъ ³⁾. Король Владиславъ поступаетъ-де дурно, руководясь совѣтами одного только канцлера епископа (буавскаго, съ 1427 г.) Шафранца и его родственниковъ, и подканцлера священника Владислава Опововскаго, пренебрегая совѣтами Витовта и другихъ коронныхъ сенаторовъ, духовныхъ и свѣтскихъ. Шафранцы, которые съ большими расходами отправили князя Сигизмунда Корыбутовича въ Чехію, списали ему потомъ опять благосклонность короля, чтобъ

¹⁾ Codex epistolaris Vitoldi, 803, 837.

²⁾ Палацкаго Urkundl. Beiträge II. 16.

³⁾ Наступательныя войны гуситовъ не были вызваны каждою грабежа и добычи, а имѣли другую цѣль: заставить враждебный имъ лагерь примириться съ ними; срв. Палацкаго Dějiny doby husit. II. 262, 275, III. 109.

не потерять-де сдѣланныхъ расходовъ; они постоянно сносятся съ гуситами, и ихъ посломъ и довѣреннымъ лицомъ — Николай Сестренець; они внушаютъ еретикамъ не мириться съ королемъ Сигизмундомъ, по ихъ наущенію гуситы угрожали—во время лудскаго съѣзда — королю Владиславу войною, если бы онъ подружился съ королемъ Сигизмундомъ. Все это Шафранцы — думаетъ Витовтъ—дѣлають-де только въ виду своихъ собственныхъ выгодъ, а не въ честь и пользу королю и Польшѣ; а сношенія съ гуситами приносятъ королю только вредъ и срамъ, и возбуждаютъ въ людяхъ вѣрующихъ дурное подозрѣніе ¹⁾).

Витовтъ напрасно осаждалъ короля и Шафранцевъ всевозможными упреками по поводу ихъ сношеній съ чешскими еретиками. Несомнѣнно, что король Владиславъ и епископъ Шафранець и пробощъ Опоровскій раздѣляли общее отвращеніе „правовѣрныхъ“ къ „еретикамъ“. Но эти еретики были сильны, ихъ войска—первыя въ мірѣ; они сами всё тяготѣли къ соплеменной Польшѣ, равнымъ образомъ казѣ и Поляки тяготѣли къ соплеменнымъ Чехамъ; а у Шафранцевъ не выходилъ изъ головы планъ о возвращеніи Польшѣ слезской земли. У Польши было много враговъ, Литва, Нѣмцы, ихъ король Сигизмундъ и ихъ все еще сильный бастионъ на сѣверо-востокѣ — нѣмецкій орденъ. Въ виду такихъ обстоятельствъ Іоаннъ Шафранець и Владиславъ Опоровскій могли, хотя бы на время, забыть, что они католическіе прелаты, а вспомнить, что оба они—польскіе канцлеръ и подканцлеръ, которые должны оберегать прежде всего государственные и національные интересы Польши. По этому они могли входить въ сношенія съ естественными союзниками Поляковъ, съ Чехами, могли дѣйствовать съ ними сообща противъ давнишнихъ истребителей Славянства, а не честить ихъ — по прихвѣру другого прелата, браковскаго епископа Збыгнѣва Олешницкаго—

¹⁾ Codex epistolaris Vitoldi, 826—838, 875. Срв. А. Prochaska: Ostatnie lata Witolda (Warszawa, 1882, p. 189—198, 205—208). Король Владиславъ писалъ Витовту объ этихъ дѣлахъ по-русски (littera ruthenica); жаль, что это письмо не сохранилось.

все прозвищем „еретиковъ“ и стремиться къ ихъ истребленію. Къ сожалѣнію такая политика Польши была только временная, случайная, опортунистская, а не основывалась на болѣе глубокихъ и серьезныхъ соображеніяхъ. Скоро оказалось, что тогдашняя хотя бы и временная политика польскаго короля или скорѣе его совѣтниковъ была вѣрна.

По смерти Александра Витовта (1430) возникли споры между Польшею и Литвою. Новый великій князь литовско-русскій Левъ Болеславъ Швитригайло ¹⁾, младшій братъ короля Владислава Ягайла, пользуясь симпатіями православныхъ Русскихъ въ Литвѣ, стремился къ полному отдѣленію своего государства отъ Польши, сталъ дѣйствовать противъ нея и соединился съ ея врагами, съ римско-нѣмецкимъ королемъ Сигизмундомъ и съ нѣмецкими крестоносцами; послѣдніе не находили на этотъ разъ ничего страннаго въ союзѣ съ схизматиками Русскими и невѣрными Татарами противъ католической Польши. Въ слѣдствіе такого положенія дѣлъ на славянскомъ востокѣ король Владиславъ не могъ уже мечтать о походѣ противъ еретиковъ Чеховъ, а, напротивъ, долженъ былъ искать болѣе тѣснаго сближенія съ тѣми же „еретиками“, естественными союзниками Польши противъ Нѣмцевъ. Такимъ образомъ начались тѣсныя сношенія между Чехами и Поляками, и передъ національными интересами обоихъ славянскихъ народовъ уступилъ тогда вѣроисповѣдный моментъ на задній планъ, какъ этого и требовала политика Шафранцевъ. Въ началѣ 1431 г. король Владиславъ отправилъ посольство въ

¹⁾ Имя этого князя пишемъ такъ, какъ оно пишется въ русскихъ грамотахъ и лѣтописяхъ; также и Чехи называли его Швидргаль, Швидрггалъ (Švidrhal, Švidrgal, см. Starí losopisové čeští, 113). Длугошъ и др. пишутъ его Switrigal, Switrigiello, Swidrygiello и пр.; такъ и въ чешскихъ письмахъ Swidrigal (см. ниже). Левъ Швитригайло замѣвилъ, вмѣстѣ съ братомъ Яковомъ Ягайломъ, въ 1386 году православіе католичествомъ (оттуда: Болеславъ), но симпатизовалъ и послѣ того православнымъ Русскимъ и они ему. О Швитригайлѣ см. нѣмецкую монографію А. Коцебуэ (Leipzig 1820, русскій переводъ 1835), и статьи Стадницкаго (Bracia Władysława Jagielly) и А. Прохаски (львов. Przewodnik naukowy, 1885).

Прагу на чешскій сеймъ, Сигизмундъ Корибутовичъ и Пухала приняты на польскую службу, и Чехамъ оказывалась изъ Польши всякая помощь. Изъ чешскаго сейма отправлено тоже посольство къ королю Владиславу въ Корчинъ и потомъ въ Краковъ, поны Проконъ, Бедрихъ, Пэнъ, панъ Вильгельмъ Коства изъ Поступиць и др. По побужденію Корибутовича король Владиславъ взялся вновь за неблагоприятное дѣло примиренія гуситовъ Чеховъ съ Римомъ. Для этой цѣли устроенъ въ Краковѣ обыкновенный тогда диспутъ поповъ чешскихъ и польскихъ въ присутствіи многихъ Поляковъ и Чеховъ, духовныхъ и свѣтскихъ; диспутъ продолжался нѣсколько дней на языкахъ польскомъ и чешскомъ, но, конечно, совсѣмъ бесполезно. Тщетны были всѣ слова стараго короля, увѣщавшаго Чеховъ возвратиться въ католическую церковь, напрасно онъ указывалъ на то, что и его наставляли въ католической вѣрѣ многіе чешскіе учителя. „Если всѣ вѣрные сожалеютъ о вашемъ заблужденіи“, сказалъ Владиславъ чешскимъ понамъ, „то тѣмъ болѣе сожалею о томъ я и мое королевство по поводу нашего съ вами сосѣдства и одного языка“. Чехи, уступая настоятельному желанію короля Владислава, заявили свою готовность отправить пословъ на предстоящій соборъ, но при такихъ условіяхъ, которыя приняты быть не могли. Непримирымъ врагомъ чешскихъ еретиковъ остался краковскій епископъ Збыгнѣвъ къ большому гнѣву чешскихъ пословъ и князя Корибутовича. Для окончательнаго рѣшенія дѣла король отправилъ своихъ пословъ на ближайшій чешскій сеймъ, но съ такимъ же отрицательнымъ результатомъ ¹⁾.

Не смотря на эту неудачу короля Владислава въ дѣлѣ примиренія Чеховъ съ Римомъ, краковскій съѣздъ имѣлъ важное политическое значеніе: союзъ обоихъ западно-славянскихъ народовъ противъ Нѣмцевъ сталъ совершившимся фактомъ, и немало

¹⁾ Длугошъ IV. 438, Палацкаго Urkundl. Beiträge II. 205, его же Dějiny doby husit. II. 351. Князь Сигизмундъ Корибутовичъ, уѣзжая съ чешскими послами изъ Кракова, угрожалъ епископу Збыгнѣву въ лицѣ краковскаго патрона св. Станислава (Сташека): „Сташекъ! Сташекъ! узнаешь о моей враждѣ“. (Длугошъ IV. 440).

напугать короля Сигизмунда и прусских крестоносцев. Уже весной 1431 г. в Прусию распространился слухъ, что Сигизмундъ Корибутовичъ и Пухала, „страшные и настоящіе еретики“, стоятъ съ войскомъ на прусской границѣ; этотъ слухъ оказался невѣрнымъ, но крестоносцы знали, что еретики все ѣздятъ въ Польшу и что Поляки съ ними соединились. Въ маѣ мѣсяцѣ король Сигизмундъ просилъ короля Владислава прекратить помощь доставляемую еретикамъ изъ Польши посредствомъ Сигизмунда Корибутовича, Пухалы и другихъ; укрѣпленные города въ Слезіи, завоеванные еретиками, заняты-де Поляками, добыча еретиковъ продается въ Польшѣ, и въ Краковѣ они свободно покупаютъ оружіе, коней и другія вещи ¹⁾).

Съ другой стороны тоже Швитригайло, воюя тогда съ королемъ Владиславомъ, добивался пріязни Чеховъ, и охотно принималъ предлагаемую и ему военную помощь нѣсколькихъ чешскихъ полководцевъ, Сигизмунда Корибутовича, Прокোпа Великаго, Дивиша (Діонисія) Борька изъ Милетинка, Павла Совинскаго, Вильгельма Костки изъ Постуицъ и Смилы Голицкаго. Неизвѣстно, почему именно эти чешскіе воины, которые въ то время сносились съ польскимъ королемъ, входили въ сношенія тоже съ его врагомъ Швитригайломъ; какъ бы то ни было, между Швитригайломъ и тѣми чешскими полководцами заключенъ какой-то договоръ для взаимной помощи, и литовскій великій князь возлагалъ на чешскія войска главную свою надежду. Швитригайло въ чешскомъ письмѣ (29 апрѣля 1431 г. изъ Новогородека) благодарилъ своего племянника Сигизмунда Корибутовича за предлагаемую помощь противъ всѣхъ враговъ и за агитацію въ его пользу среди чешскихъ полководцевъ, и обѣщалъ и съ своей стороны помощь въ случаѣ нужды. Въ подобномъ смыслѣ писалъ Швитригайло тоже тѣмъ полководцамъ, своимъ „личнымъ друзьямъ“ ²⁾). Въ концѣ этого года

¹⁾ Palacký Urkundl. Beiträge II. 213, 277; Scriptores rerum prussic. III. 494; срв. Grünhagen: Die Hussitenkämpfe der Schlesier, 204; Палацкаго Dějiny doby husit. II. 367.

²⁾ Письма напечатаны въ журн. Časopis Českého Musea 1831, р. 280. Ихъ списки король Владиславъ послалъ королю Сигизмунду

Швитригайло отправилъ посла въ Чехію, между тѣмъ какъ у него въ Литвѣ былъ опавскій князь Вячеславъ, который недавно примѣнулъ къ гуситамъ ¹⁾). Неизвѣстно, какъ кончились эти переговоры, и почему чешскіе полководцы сносились съ обѣими сторонами, съ Польшею и съ Литвою; на дѣлѣ они помогали одной только Польшѣ.

Лѣтомъ 1432 года чешскія войска Таборовъ и Сиротковъ, возвращаясь изъ Слезіи домой, отправили пословъ къ королю Владиславу, пребывавшему тогда въ Пабаницахъ недалеко слезской границы, и вели здѣсь переговоры о болѣе тѣсномъ союзѣ чешско-польскомъ. Чешскіе послы приняты торжественно королемъ и даже польскимъ духовенствомъ; и между Чехами и Поляками заключенъ союзъ противъ всѣхъ, преимущественно же противъ Нѣмцевъ. Этотъ союзъ польскаго короля съ чешскими „еретиками“ возбудилъ большую сенсацію и негодованіе среди „правовѣрныхъ“. Швитригайло, который только что переговаривался съ тѣми же чешскими „еретиками“, упрекалъ короля Владислава за этотъ союзъ, опасаясь его за себя и за прусскихъ

(Raszynski, Codex diplomat. Lituaniae, 351), а этотъ прусскому магистру (А. Коцебуэ: Свитригайло, русскій переводъ стр. 92). Приводимъ начало одного письма: *Oswieczonemu knyeczety, knezu Sigmundu Koributowiczu, knezu Lithowskemu, nassemu Synowczu zmylelemu bud dan. Swidrigal z Buozey milosti welyky knyecz Lytwesky u Rusky. Oswieczeny knyecze, Synowcze nas zmylely! Yakoz gsi k nam poslal sluhu sweho werneho Moczka, zakazuojcze syc nam, y iako slibugicze nam pomahaty proti w naszym neprzetelom, se wsesmu koczby mohł przemoczy; a take kterak na to drziss wsesceky wisse rany i Capitany, aby nam pomocny byly na nasze neprzetele: z toho dyekuyeme twemu Oswieczony, ponewaz tak nasze dobre gednass y radyss, a my take toho protyw tobie nechczeme zapomnuty, ale wsesceky dobrym odczynity, y take zasie pomahaty, kdez tobie potrzebie bude... Dan w Nowiehradczy, w Nedyeli po swatem Gierzem, Anno Domini etc. XXX primo.* Замѣтимъ, что чешскій языкъ былъ извѣстенъ еще въ канцеляріи Витовта; срв. *Codex epistolaris Vitoldi*, p. 835, 873.

¹⁾ Коцебуэ: Свитригайло, 104, 133.

крестоносцевъ ¹⁾). Нѣмцы повсюду, въ Германіи, Пруссіи и Ливоніи, были встревожены. Король Сигизмундъ, узнавшій о чешско-польскомъ союзѣ изъ Угрии, писалъ объ этомъ осенью нѣмецкимъ городамъ и базельскому собору: Поляки и Чехи соединились противъ каждаго, преимущественно же противъ нѣмецкаго народа; они истребятъ и разорятъ прусскихъ крестоносцевъ и нѣмецкія земли лежація около Чехіи и дальше; Поляки, равнымъ образомъ какъ они прежде на крестоносцевъ вели Татаровъ, поганыхъ и невѣрныхъ, такъ и теперь ведутъ на нихъ еретиковъ: дѣло ужасное, такъ какъ тѣ, которые считаются правовѣрными, соединяются съ кривоувѣрными еретиками на гибель католиковъ, помогаютъ еретикамъ все явнѣе, какъ они имъ помогали уже съ самаго зарожденія той ереси; а общеизвѣстно, что не будъ поддержки Поляковъ, чешскіе еретики давно бы обратились въ другую сторону ²⁾). А почти въ тотъ моментъ, когда король Сигизмундъ писалъ это Нѣмцамъ и базельскому собору, магистръ нѣмецкихъ крестоносцевъ имѣлъ уже въ рукахъ объявленіе войны гуситскихъ Чеховъ: 8 сентября прислали ему изъ Кутной Горы объявленіе войны оба чешскіе полководцы, сиротскій Іоаннъ Чапекъ изъ Санъ и таборскій Отивъ изъ Лозы, во имя всѣхъ общинъ сиротскихъ и таборскихъ и пановъ, владыкъ, паншей,

¹⁾ Palacký: Urkundl. Beiträge II. 303, 307, Daniłowicz: Skarbiec Litwy II. 134, Raczyński: Codex diplomat. Lithuaniae 369, Длугошъ IV. 472; срв. Palacký: Dějiny husit. III. 53, Tomek: Dějepis Prahy IV. 530, Voigt: Geschichte Preussens VII. 595.

²⁾ Письма Сигизмунда отъ 12 и 31 октября 1432 г. издали Janssen: Frankfurts Reichsrespondenz (Freiburg 1863), I. 381, Martene et Durand: Veterum scriptorum et monumentorum historico-rum, dogmaticorum, moralium amplissima collectio (Parisiis 1733), VII. 199. Б. Ваповскій, польскій историкъ начала XVI в., рассказываетъ, что чешскіе послы сказали въ Пабяницахъ королю Владиславу: „Чехи, народъ Полякамъ побратимскій и родственный, одного съ ними происхожденія и языка, не желаютъ ничего столь горячо, какъ только чтобъ польское королевство было освобождено отъ непріятельской силы“; указывая на многихъ враговъ Польши, которые стремятся къ ея гибели, какъ римско-нѣмецкій король, нѣмецкіе кре-

городовъ и всей общины королевства чешскаго и маркграфства моравскаго, придерживающихся закона божія. Чешскіе полководцы настоятельно требовали отъ магистра прекратить враждебныя дѣйствія противъ польскаго короля; если же онъ этого не сдѣлаетъ, то они будутъ помогать Владиславу какъ королю христіанскому не только противъ крестоносцевъ, а тоже противъ всѣхъ его враговъ какъ своему помощнику и особенному благодѣтелю. Эта разметная грамота Чеховъ подняла тогда большой шумъ; магистръ послалъ списокъ съ нея королю Сигизмунду, а этотъ базельскому собору, гдѣ она прочитана публично вмѣстѣ съ письмомъ короля Сигизмунда, жаловавшагося на этотъ заговоръ Чеховъ еретиковъ и Поляковъ ¹⁾.

Вскорѣ послѣ того, въ октябрѣ, прибыло въ Чехію польское посольство, которое проводили въ Прагу попъ Проконъ и Вильгельмъ Костка изъ Поступиць. Общая готовность Чеховъ идти на помощь польскому королю противъ нѣмцевъ крестоносцевъ, собраніе войскъ сиротскихъ и таборскихъ въ сѣверовосточной Чехіи и верхней Слезіи, готовыхъ двинуться въ Польшу, единодушіе и разногласія гуситскихъ партій: все это весьма интересовало и тревожило всѣхъ Нѣмцевъ, въ Германіи, Пруссіи и Ливоніи ²⁾. Таборы скоро поссорились съ польскимъ королемъ, и ихъ полководецъ попъ Бедрихъ, не смотря на просьбы короля Владислава, заявилъ, что Таборы предпочтутъ помогать великому князю Швитригайлу; но они этого не сдѣлали, а пошли въ Угрію. Только птенцы покойнаго Жижики, Сиротки, остались

стососцы и Литва, они предлагали польскому королю свое отличное войско подъ княземъ Сигизмундомъ Корубутовичемъ, а „виду этого войска Нѣмцы не могутъ даже вынести.“ (Польскій переводъ хроникки Ваповскаго, изд. Малиновскаго, II. 158).

¹⁾ Martene et Durand VIII. 240, *Scriptores rerum prussicarum* III. 500, *Monumenta Concilii Basileensis* I. 275.

²⁾ См. письма (1432 — 1433 гг.) разныхъ Нѣмцевъ въ сборникахъ Grünhagen-a (*Geschichtsquellen der Hussitenkriege, in Scriptores rerum silesiacarum* VI) и Hildebrand-a (*Liv-Est-Kurländisches Urkundenbuch* VIII).

вѣрны польскому королю, и весною 1433 г. подъ предводительствомъ Чапеа, двинулись черезъ Слезію и Великую Польшу на помощь Полякамъ въ Прусію и Новую Марку, и здѣсь воевали противъ Нѣмцевъ сообща съ польскимъ войскомъ подъ Сендзиевымъ изъ Остророга. Когда Поляки и Чехи завладѣли городомъ Тчевомъ, то Чапекъ и чешское войско потребовали выдачи плѣнныхъ Чеховъ, служившихъ нѣмецкимъ крестоносцамъ, и сожгли ихъ всѣхъ на вострѣѣ посреди своего лагеря, такъ какъ они помогали Нѣмцамъ противъ собственнаго своего народа и противъ польскаго короля и королевства одного съ ними языка ¹⁾. Остервенѣніе между Славянами и Нѣмцами въ этой войнѣ доходило до ужасной степени; современный этимъ событіямъ Конрадъ Бичинъ, писарь города Хелмна, не находить словъ, какъ разбранить Поляковъ за ихъ союзъ съ гуситами: злоба Поляковъ извѣстна всему міру, ихъ дѣйствія страшны и невѣроятны; о такихъ мерзостяхъ разсказывается въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ Славянъ, именно въ славянской хроникѣ Гельмольда: у Чеховъ и Поляковъ одинаковый способъ вооруженія и веденія войны, они храбры въ сраженіяхъ, но самыя жестокіе въ грабежахъ и убійствахъ ²⁾. Отцы базельскаго собора, желая посредничать

¹⁾ *Petente autem Johanne Czapkone et exercitu bohemico omnes Bohemi in Teczow capti sibi donati sunt. Qui illos gravi redargutione corripiens, quod contra nationem propriam ferrent Almannis suffragia, et regem atque regnum polonicum, bene de se, propter linguae identitatem, meritum, mercenariis armis oppugnatum, Prussiam venissent, omnes, accenso in medio castrorum suorum rogo ingenti, projectos extinxit.* Длугошъ IV. 507. Срв. тоже объ этой войнѣ Нѣмцевъ „mit den ketzern und mit ernen brudern den Polan“ въ *Scriptores rerum prussicarum* III. 501.

²⁾ *Scriptores rerum prussicarum* III. 513; срв. Палацкаго *Ur-kundl. Beiträge* II. 386. Совершенно напрасно нѣмецкій историкъ Польши, Яковъ Каро, называетъ чешскихъ гуситовъ помогавшихъ Полякамъ—*Rauberhorden* (а Остророга—*fanatisch national gesinnter Wojewode von Posen*); они вовсе не хуже войскъ нѣмецкаго ордена 1431 г., отъ которыхъ самъ Каро (*Geschichte Polens* IV. 18) приходитъ въ ужасъ. О варварскомъ образѣ войнъ тѣхъ временъ нечего и го-

и примирить воюющих Поляковъ и прусскихъ Нѣмцевъ, потерпѣли тоже одно нравственное пораженіе: одинъ изъ обоихъ послѣвъ собора, чешскій монахъ Геронимъ изъ Праги, пребывавшій съ самаго начала гуситскаго движенія въ Польшѣ, сталъ явно на сторонѣ польскаго короля, да стращаль нѣмецкаго магистра своими-же чешскими земляками „еретиками“, которые,

ворить; но если уже говорить о „разбойникахъ“, то этотъ титулъ принадлежитъ прежде всего тѣмъ варварскимъ полчищамъ разныхъ нѣмецкихъ „крестоносцевъ“, которые, съ VIII в. начиная, вривались въ славянскія земли по Лабѣ и Одрѣ (см. объ этомъ упоминающую Бичиномъ хроникѣ Гельмольда), истребили Славянъ полабеко-балтійскихъ, и намѣревались сдѣлать то же Чехамъ и Полякамъ. Западные Славяне, Поляки и Чехи, были въ своемъ полномъ правѣ, если старались прогнать эти полчища крестоносцевъ, и Домбровна и Домажлицы были самымъ справедливымъ угощеніемъ тѣхъ незваныхъ „гостей“. Что касается ужасовъ гуситскихъ войнъ (Gräuel der Hussitenkriege), то срв. что объ этомъ написали Палацкій (Die Geschichte des Hussitenthums u. Prof. Höfler, p. 123), и особенно нѣмецкій историкъ Вецольдъ (Zur Geschichte des Hussitenthums, p. 103): „Was die furchtbaren Gräuel betrifft, die sich natürlich an einen religiös-nationalen Kampf hefteten, so wurde schon früher angedeutet, dass dieselben den Hussiten keineswegs mehr vorzuwerfen sind, als ihren Gegnern. Einmal wurde der Anfang damit von den Katholiken und Deutschen in der entsetzlichsten Weise gemacht; dann aber brachte es der Lauf der Dinge mit sich, dass die fast immer siegreichen Hussiten ungleich öfter Schrecknisse über ihre Gegner verhängten, welche über sie selbst im umgekehrten Fall ebenso oder noch grausamer ergungen wären. Es genügt ein Beispiel anzuführen. Im Herbst 1421 liessen die Kurfürsten dem Kreuzheere verkünden, dass man im Land zu Böhmen männiglich totschiagen solle, ausgenommen Kinder, die ihre Vernunft nicht haben. Daes aber der Befehl keine leere Drohung war, zeigt uns ein Bericht der Nürnberger kurz nachher, worin es heisst, was nicht deutsch könne oder einem Böhmen gleich sei, werde gefangen, zu Tod geschlagen und verbrannt. Diese von deutscher Seite bezognten Thatsachen haben, soweit uns bekannt, auf Seite der Hussiten keine Analogie, denn einzelne Verbrechen des Hauses und der Aufregung können sich hiemit nicht messen“.

числомъ 200.000, придуть на гибель нѣмецкихъ рыцарей ¹⁾. Магистръ ордена Павелъ Русдорфъ, эта „святая душа“, жалуетъ (7 июня) собору на такого его посла, ставшаго на сторонѣ польскаго короля, и на союзъ Поляковъ съ еретиками Сиротками, не могъ, конечно, воздержаться отъ фразы, что побѣда нѣмецкаго ордена означаетъ паденіе и совершенное истребленіе еретиковъ и ихъ покровителей, которыхъ надо изъ прусскихъ земель прогнать не соглашеніемъ или миромъ, а скорѣе мечемъ ²⁾. На Поляковъ рѣзко нападалъ на соборѣ тоже король или тогда уже императоръ Сигизмундъ: Поляки и ихъ король всегда стремились и стремятся къ истребленію нѣмецкихъ рыцарей и нѣмецкаго языка въ Пруссіи, нынѣ и прежде, когда они призвали на свой престолъ Владислава язычника и прелюбодѣя и пользовались помощью язычниковъ противъ нѣмецкаго ордена ³⁾. Но это напускное негодованіе римско-нѣмецкаго императора и короля, этотъ вопль магистра нѣмецкихъ рыцарей—по поводу союза Поляковъ съ чешскими „еретиками“—все это лишено всякаго правственнаго основанія. Самъ Сигизмундъ часто мечталъ о раздѣленіи Польши, травилъ Швитригайла съ его „схизматиками“ Русскими и Волохами и „невѣрными“ Татарами противъ Польши, равнымъ образомъ какъ и прусско-нѣмецкая „святая душа“ магистра, не стѣняясь охотно соединялась съ тѣми же схизматиками и невѣрными и посылала имъ на помощь своихъ рыцарей, этихъ борцовъ „стѣны христіанской вѣры“: все въ виду нѣмецкихъ интересовъ, въ виду усиленія въ средней Европѣ и около балтійскаго моря нѣмецкаго языка противъ славянскаго, который защищали Поляки сообща съ „еретиками“ Чехами ⁴⁾.

1) О монахѣ Геронимѣ см. выше, стр. 41.

2) Martene et Durand VIII. 608.

3) Voigt Geschichte Preussens VII. 649.

4) Caro Geschichte Polens IV. 18, 61, 139, 161 и др. Какъ Сигизмундъ смотрѣлъ на русскихъ „схизматиковъ“, и на вопросъ объ униіи церквей восточной и западной—тѣмъ столь интересовались Владиславъ и Витовтъ—объ этомъ рассказываетъ, съ негодовашіемъ,

Въ дружбѣ и помощи воинственныхъ Чеховъ заискивалъ тогда славянскій востокъ. Оба спорящіе Ольгердовичи, польскій король и великій князь литовско-русскій, ищутъ помощи у Чеховъ и общаются имъ такую и съ своей стороны; да довѣріе обоихъ братьевъ къ Чехамъ было столь сильно, что они представили свой споръ чешскому сейму, на которомъ (въ февралѣ 1433 г.) вѣроятно трактовали объ этомъ дѣлѣ, но безъ успѣха; Чехи уже тогда думали о призваніи королевича Владислава на чешскій престолъ. Объ этой примирительной роли Чеховъ говорили публично въ одномъ засѣданіи базельскаго собора (13 апрѣля) погъ Прокопъ Великій, защищая, вмѣстѣ съ паномъ Вильгельмомъ Косткою изъ Поступиць, польскаго короля противъ клеветъ нѣмцевъ на крестоносцевъ; панъ Костка уваживалъ на союзъ Чеховъ и Поляковъ какъ на вещь общезвѣстную; да на соборѣ распространились слухи, что папа намѣренъ лишить императора Сигизмунда коронъ римской и чешской, и желаетъ, чтобъ первая досталась Венеціанцамъ а вторая польскому королю ¹⁾.

потѣшную исторію Длугошъ (IV. 368). Еще въ Луцкѣ (1429) Сигизмундъ говорилъ-де Владиславу и Витовту слѣдующее: *Sollicito animo pontificem, ut concilium pro reductione Bohemorum et reformatione ecclesiae faciat, iturus ad illud, si consenserit; si dissenserit, autoritate mea illud congregaturus. Nec reductioni Graecorum intendere expedit, cum unam fidem nobiscum profiteantur, barbibus duntaxat et uxoribus a nobis secreti sunt. Id tamen illis vitio non est, una enim uxore Graecorum presbyteri contenti sunt, Latini decem et amplius tenent. Scandalisavit hic sermo Ruthenos populos ritum viventes Graecorum, et in suis confirmavit erroribus: propter quod regem Sigismundum sanctum vocabant, deducentem, fidem Graecorum esse praestantiorum quam Latinorum; eratque in ore omnium ac sermone Ruthenorum Sigismundus rex, summis laudibus illum efferentium, quod Graecorum ritum propensiorum quam romanum judicasset.*

¹⁾ См. Дневникъ (Liber diurnus de gestis Bohemorum in concilio Basil.) сиротскаго попа Петра Жатецкаго (Monumenta concilii Basil. I. 351), и Joannis de Segovia Historia gestorum generalis synodi Basil. (Monum. concilii Basil. II. 346). Срв. Палацкаго Urkundl-

Скоро измѣнилось положеніе дѣлъ въ Чехіи и въ Литвѣ. Черезъ годъ (1434) возникла въ Чехіи междоусобная война, которая кончилась подъ Липанами паденіемъ славянскихъ демократовъ Таборовъ и Сиротковъ и побѣдою умѣренныхъ гуситовъ утраввистовъ, но тоже аристократіи утраввистской и католической, и воцареніемъ императора короля Сигизмунда въ Чехіи. Спустя годъ послѣ липанской битвы рѣшилась тоже судьба Швитригайла. Швитригайло тотчасъ по смерти Витовта добивался великовняжескаго достоинства, но вскорѣ нашелъ соперника, князя Сигизмунда Кестутьевича, который сталъ великимъ княземъ (1432). Швитригайло, поддерживаемый Русскими, не пересталъ добиваться великовняжескаго достоинства противъ Сигизмунда Кестутьевича и его покровительницы Польши. Въ 1435 году, 1 сентября, на рѣкѣ Святой недалеко Вилкомиря въ Литвѣ произошло сраженіе между обоими претендентами. Войско Швитригайла состояло преимущественно изъ православныхъ Русскихъ, и изъ вспомогательныхъ полковъ татарскихъ, нѣмецкихъ (прусскихъ и ливонскихъ) и чешскихъ, „гостей Раушанъ (Австрийцевъ), Слезавовъ или Сляжанъ и Чеховъ“, какъ рассказываютъ литовско-русскіе лѣтописцы; оно окружилось крѣпкимъ таборомъ (возами), какового не видали и въ Чехіи—замѣчаетъ одинъ польскій современный священникъ. Главнымъ вождемъ этого войска былъ князь Сигизмундъ Корубутовичъ, который послѣ липанской битвы оставилъ Чехію и отправился черезъ Прусію и Ливонію въ Литву. Но литовско-польское войско ворвалось въ таборъ Швитригайла и разбило его войско, „настоящихъ и притворяющихся

Beiträge zur Gesch. des Hussitenkrieges II. 351, ergo Dějiny husit. III. 96, Томка Dějepis Prahy IV. 569, 577. По дневнику попа Петра сказавъ Прокопъ: „*Articulos viderunt domini Bohemi pessimos et abominabiles contra regem Poloniae et e converso. Cum ergo convenient cum nuntiis suis in Praga propter decisionem causae per dominos Bohemos... inter eundem regem et ejus fratrem Swidrigal, quia condescenderunt in dominos Bohemos, prout habemus literas, loquentur, ut etiam huc ambasiatam mittat*“. Едва ли позволительно считать Прокопа Великаго лгуномъ, какъ это дѣлаетъ Каро (*Geschichte Polens IV. 49*).

гуситовъ и Чеховъ, схизматическихъ Русскихъ, поганыхъ Татаровъ и бородатыхъ крестовосцевъ“ — по словамъ польскаго священника. Князь Сигизмундъ Корибутовичъ попалъ въ плѣнъ тяжело раненый и здѣсь погибъ жестокою смертью. Таеъ скончался этотъ знаменитый славянскій князь, одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ людей тѣхъ бурныхъ временъ, одинъ изъ самыхъ рьяныхъ представителей и борцовъ славянской идеи, заявившей тогда свою силу въ гуситскомъ движеніи ¹⁾.

¹⁾ Письмо польскаго священника о вилкомирской битвѣ см. въ Liv-Est-Kurländisches Urkundenbuch, ed. Hildebrand VIII. 596, срв. тоже 491; литовско-русскія лѣтописи, изд. Даниловича 59, А. Попова 53, Нарбутта 47; Длугошъ IV. 562. Уже Длугошъ рассказываетъ, что тяжело раненаго Сигизмунда Корибутовича побѣдитель князь Сигизмундъ Кестутьевичъ велѣлъ — по настоянію польскихъ пановъ — или утопить въ рѣкѣ Святой или отравить впущеннымъ въ его рану ядомъ „pro temeritate, qua in dedecus et infamiam regni ad Bohemos haereticos se prohibitus contulerat“. О жестокой смерти Корибутовича говорятъ, нѣсколько лѣтъ спустя (1438—1439), самъ король Владиславъ и польскіе паны, именно, что князь попавшись въ руки польскаго войска „extremo mortis horrendae supplicio manibus earundem vitam terminavit“. (Codex epistolaris saec. XV, t. I. p. 99, 113). Отъ брата Сигизмунда, князя Федора Корибутовича (упоминается въ 1432 г. на сторонѣ Сигизмунда Кестутьевича) производили себя русскіе князья Вишневецкіе и Збаражскіе. Судьба князя Сигизмунда Корибутовича сохранилась долго въ памяти Поляковъ и Русскихъ, не только въ историческихъ сочиненіяхъ, а тоже въ болѣе широкихъ кружкахъ. Кіевскій митрополитъ Исая, въ письмѣ князю Іеремію Вишневецкому (1631), приводитъ въ числѣ его предковъ тоже князя „Жигмунта“, который „для великой дѣльности рыцерской взятый былъ на королевство чешское“. (Акты западной Россіи IV. 528). Польскій стихотворецъ Самуилъ Твардовскій (см. „Славяне“ т. II, стр. 176), описывая посольство князя Христофора Збаражскаго въ Турцію, упоминаетъ тоже о его предкѣ князѣ Сигизмундѣ Корибутовичѣ, который „na czoskie królestwo się sadzi, gdzie ozdobne z ochoczych chorągwie prowadzi, z kąd wiela sławny zwycięstw powróciwszy w domu, tonie w Świąty, z krwawego uchodząc pogromu“. (Legacya ks. Kr. Zbaraskiego, 1639, p. 5). Братъ князя Христофора Юрій заступался въ 1619 г. за Чеховъ; срв. „Славяне“ II. 94. Въ сборникѣ

Императоръ Сигизмундъ, тогда уже король чешскій, попытался, еще передъ вилкомирскою битвою, примирить Швитригайла съ польскимъ королемъ, именно при посредничествѣ легатовъ базельскаго собора и Чеховъ, которые заявляли большую готовность къ этому дѣлу. Послѣ вилкомирской битвы императоръ возобновилъ эту свою попытку, но вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣрный своей нѣмецкой политикѣ мутить въ славянскомъ мирѣ, обѣщавъ Швитригайлу помощь отъ себя и отъ воинственнаго народа чешскаго; съ этою цѣлью онъ отправилъ въ Польшу и въ Литву Слезаконъ Мартына изъ Баворова и Николая Брезинку; это посольство не имѣло однако успѣха ¹⁾).

Государственное соединеніе Чехіи и Польши, въ которому стремились гуситскіе Чехи съ самаго начала гуситскаго движенія, къ сожалѣнію, напрасно, осталось все-таки любимую мыслью національной чешской партіи, особенно ревностныхъ утраквистовъ и удѣльвшихъ остатковъ Таборовъ и Сиротковъ. Это оказалось уже три года спустя послѣ липанской битвы. По смерти императора и короля Сигизмунда (1437) католическая и аристократическая партія въ Чехіи поставила своимъ кандидатомъ чешской короны Нѣмца, австрійскаго герцога Альбрехта, женатаго на дочери императора Сигизмунда, Елисаветѣ. Но этой кандидатурѣ сильно сопротивлялась національная партія чешско-

Историческія пѣсни малорусскаго народа изд. Антоновичъ и Драгомановъ (I, 24) встрѣчается одна (изъ Червоной Руси), которая можетъ относиться къ князю Сигизмунду Корибутовичу; въ ней разсказывается, что „рускій король“ побѣдилъ „турьского царя“ и повелъ его въ „чеську землю, а въ чеській земли короля нема: Ой ты паночку господаречку, а въ чеській земли королемъ будешь“. Замѣтимъ, что когда въ 1670 г. польскій король Михаилъ Корибутъ Вишневецкій извѣстилъ Пражанъ о своемъ бракѣ съ австрійскою эрцгерцогинею Элеонорою, то Пражане въ своемъ отвѣтѣ вспомнили тоже о князѣ Сигизмундѣ Корибутовичѣ (письмо въ архивѣ города Праги).

¹⁾ Monumenta concilii Basil. I. 614, 697; Коцебузъ: Свитригайло 213; Daniłowicz: Skarbiec diplom. Litwy II. 166. Срв. Gołębiowski: Panowanie Władysława III. (Warszawa 1846), Caro: Geschichte Polens IV. 161.

гуситская, которая уже лѣтъ восемь назадъ (1429), когда герцогъ Альбрехтъ управлялъ Моравіею, требовала, во время переговоровъ съ Сигизмундомъ, чтобъ онъ поручилъ эту землю какому нибудь пану или князю языка чешскаго или славянскаго ¹⁾.

Противники Нѣмца на чешскомъ престолѣ были шляхта и города, паны Гинекъ Птачекъ изъ Пирештейна, Алешъ Голицкій изъ Штернберга, Юрій изъ Подѣбрадъ, Вильгельмъ Костка изъ Поступиць, Петръ изъ Звиретиць, Прибнѣз изъ Кленоваго, братья Змерзливи и Борьки, Бенешъ изъ Мокровусъ, Іоаннъ Гертвиѣзъ изъ Рушинова, Іоаннъ Колда изъ Находа, гейтманы таборскій попъ Бедрихъ и сиротскій Іоаннъ Чапекъ изъ Санъ, 24 города, въ томъ числѣ Таборъ, Писевъ, Клатовы, Градецъ, Жатець. Эта славянская партія Чеховъ, не соглашаясь съ кандидатурою Альбрехта, обратила свои взоры опять на славянскій востокъ, въ Польшу ²⁾. Здѣсь совѣтники юнаго короля Владислава Владиславовича посмотрѣли на чешскій вопросъ правильнѣе, чѣмъ при покойномъ королѣ Владиславѣ Ягайлѣ, именно какъ на вопросъ національный, славянскій, близко касающійся Польши въ ея борьбѣ съ Нѣмцами, а не какъ на вопросъ вѣроисповѣднй, гуситскій, „еретическій“ ³⁾.

Славянская партія Чеховъ издала тогда замѣчательную историко-политическую брошюру, родъ манифеста къ чешскому народу; въ немъ она высказала свои взгляды на борьбу Славянъ и Нѣмцевъ вообще, и доказывала необходимость избранія въ чеш-

1) Палацкаго *Urkundl. Beiträge* II. 515, *Archiv Český* VI. 422.

2) Въ числѣ сторонниковъ польскаго короля былъ первоначально тоже самый вліятельный вельможа чешскій панъ Ульрихъ изъ Розенберга, который дѣйствовалъ въ такомъ смыслѣ и на пановъ Птачеа и Альша, но потомъ измѣнилъ имъ и примкнулъ къ Альбрехту. См. письмо Юрія Подѣбрадскаго пану Ульриху (1450 г.) въ сборникѣ *Archiv Český* V. 268.

3) О тогдашнихъ событіяхъ см. исторіи Палацкаго (*Dějiny doby husit. III*) и Капо (*Geschichte Polens IV*), и статью А. Соколо-скаго: *Elekcya czeska po śmierci Zygmunta Luxemburczyka* (*Rozprawy akademii, Kraków 1876, V*).

свѣе короли Чеха или Славянина, а не Нѣмца. Авторъ этого манифеста „Краткое собраніе изъ чешскихъ лѣтописей для предостереженія вѣрныхъ Чеховъ“¹⁾, ревностный патриотъ чешскій, славянскій и врагъ Нѣмцевъ, воспользовался любимую у Чеховъ чешскою лѣтописью т. п. Далимила, отличающеюся пламеннымъ чешскимъ патриотизмомъ и ненавистью къ Нѣмцамъ, которымъ приписываются всякія бѣдствія постигшія чешскій народъ. „Чехи должны старательно и всѣми силами остерегаться“, — такъ начинается авторъ свои разсужденія — „чтобъ не попасть подъ управленіе чужого народа, особенно же нѣмецкаго; ибо по свидѣтельству чешскихъ лѣтописей, тотъ народъ самый лютей губитель народа чешскаго и славянскаго. Онъ трудится всегда всею силою и стремится разными способами и коварствами къ тому, какъ бы истребить эти народы“. Нѣмецкій народъ уже послѣ раздѣленія народовъ во время вавилонскаго столпотворенія служилъ славянскому, какъ объ этомъ свидѣтельствуется грамота Александра Великаго пожалованная славянскому народу. Но потомъ Нѣмцы, поселявшіеся въ баварскихъ лѣсахъ, стали истреблять славянскій народъ и заселить его земли своими людьми, какъ это случилось въ земляхъ лужицкой и сербской. Въ чешской лѣтописи (Далимила) можно найти много примѣровъ такихъ стремленій Нѣмцевъ и нѣмецкихъ императоровъ, всячески вредить и пакостить Чехамъ, развращать чешскихъ князей и натравливать ихъ противъ собственнаго народа въ угоду и пользу Нѣмцамъ, все съ цѣлью, чтобъ чешскіе князья не были сильны; такъ было уже во время Премысловичей, но особенно же послѣ кончины послѣдняго Премысловича короля Вячеслава III, убитаго по наущенію нѣмецкаго императора Альбрехта Австрійца, которому и удалось посадить на чешскій престолъ своего сына; и всѣ эти чешскіе короли нѣмецкаго рода, Рудольфъ австрійскій, Генрихъ хорутанскій, Іоаннъ и даже Карлъ люксембургскіе любили и под-

¹⁾ См. „Славяне“ II т., стр. 33, и слова въ самомъ началѣ этого III тома (передъ стр. 1).

держивали Нѣмцевъ и ихъ языкъ, а Чеховъ и ихъ языкъ притѣсняли. По этому Чехи должны „внимать совѣтамъ и предостереженіямъ своихъ лѣтописей, чтобъ не попасть подъ нѣмецкую власть; ибо здѣсь для нихъ веревка связанная на горлѣ и ихъ околпачательное паденіе. Равнымъ образомъ какъ ядъ въ пищу не можетъ быть для ѣдящаго безъ вреда, а влечетъ за собою смерть или сумасшествіе или болѣзнь, такъ и нѣмецкая власть, водворенная въ народѣ славянскомъ или чешскомъ, принесетъ съ собою наконецъ истребленіе или ослабленіе этого народа или другой убытокъ; какъ волкъ въ стадѣ, мышь въ домѣ не сдѣлаютъ ничего другого кромѣ убьютка и вреда, то же сдѣлаетъ и Нѣмецъ въ королевствѣ чешскомъ и славянскомъ. Чехи, если не могутъ имѣть государя изъ своего народа, то должны подумать о другомъ народѣ славянскомъ или о другомъ христіанскомъ, какой ни есть подъ небесами, только бы не былъ богатъ, и изъ него взять себѣ государя: ибо народъ и его вольности будутъ лучше держаться подъ вѣролемъ изъ всякаго другого народа кромѣ нѣмецкаго. Да избавитъ насъ господь богъ отъ всѣхъ королей и правителей нѣмецкихъ“! Чехи, особенно любители тѣла и крови господней, выбирая новаго короля, должны обратить вниманіе на то, чтобъ опъ любилъ правду закона божія и чешскій народъ, чтобъ около него не было другого совѣта какъ только чешскій, чтобъ онъ заботился объ успокоеніи земли послѣ долготѣнныхъ войнъ, о точномъ исполненіи договоровъ съ базельскимъ соборомъ и объ очищеніи гуситскихъ Чеховъ отъ клеветы въ ереси. „И такъ какъ нѣмецкій народъ не можетъ въ себѣ имѣть той жилы, чтобъ насъ очистить отъ такой клеветы, а напротивъ готовъ насъ какъ можно больше замарать: то слѣдуетъ искать государя славянскаго народа а нѣмецкаго отнюдь не принимать“. Нѣмецъ не будетъ заботиться объ усиленіи чешскаго могущества, а напротивъ о его ослабленіи; Нѣмцы—наглавиѣйшіе враги причащенія подъ обоими видами, и въ своей крайней злобѣ стремились къ истребленію Чеховъ и того причащенія, натравливали противъ нихъ всѣ другіе народы. Имѣя все это въ виду, Чехи не должны Нѣмца выбирать въ свои короли, не должны готовить топоръ на свои шеи; вѣдь Нѣмцы не приняли бы никоимъ образомъ

и самаго могущественнаго Чеха въ государи, даже не въ мѣщане; „а мы ослѣпленные Чехи, подражая ихъ примѣру, пусть сдѣлаемъ имъ то же, и въ государи Нѣмца не изберемъ. Также слѣдуетъ вспомнить божіе слово въ книгѣ Второзаконія гл. 17: Поставляя да поставиши надъ собою князя, его же избересть Господь Богъ твой: отъ братій твоея да поставиши надъ собою князя, не возможеша поставити надъ собою князя чловѣка чуждаго, яко не братъ твой есть ¹⁾). А Нѣмецъ не братъ Чеху, ибо онъ не чешскаго народа, ни братъ; онъ сопротивляется божію установленію и хулитъ причащеніе тѣла и крови нашего отца Христа милаго и другія истины его. А такого не слѣдуетъ принять въ домъ ни привѣтствовать, какъ говоритъ св. Іоаннъ во второмъ посланіи: Аще кто приходитъ къ вамъ, и сего ученія не приноситъ, не приемиште его въ домъ, и радоватися ему не глаголите; глаголай бо ему радоватися, сообщается дѣламъ его злымъ. И такъ какъ не слѣдуетъ такого чловѣка принять въ домъ, то конечно не слѣдуетъ такого избрать въ короли. Нѣмецъ же будучи королемъ, хотѣлъ бы не столько ходить въ дома, а скорѣе прогнать вѣрныхъ Чеховъ изъ домовъ и отнимать у нихъ силу ихъ имущество“ ²⁾).

Когда на избирательномъ сеймѣ (27 декабря 1437) большинство высказалось въ пользу Альбрехта, то меньшинство, партія Птачка, вышла изъ сейма, и стала дѣйствовать въ пользу короля Владислава. Польскій король былъ готовъ принять чеш-

¹⁾ Срв. мысли Крижанича; см. „Славяне“, II. 336.

²⁾ Этотъ манифестъ 1437 г. былъ хорошо извѣстенъ чешскимъ лѣтописцамъ XVI вѣка; они, рассказывая объ избраніи въ 1437 г. польскаго короля Владислава одною партією чешскою, прибавляютъ: „Ti k tomu svoliti nechťeli, aby se v německú moc měli poddati, ježto by to mohlo jíti k velikému zlému nyníšimu i budúcímu, toliko tomuto jazyku českému, ale i všemu slovanskému. Jakož t vřdycky shledáváno, i ve všech kronikách starých množ býti nalejo, že sú Němci úhlavní nepřítelé jazyka českého, polského i všeho vanského vřdycky byli a býti nepřestávají“. (Starí letopisové čestí, i. Palacký, str. 106.)

скую корону и вошелъ въ сношенія съ своею партіею въ Чехіи, которая просила его прибыть туда немедленно съ большою силою. Въ мартѣ 1438 г. отправлены въ Краковъ чешскіе послы, Гертвикъ изъ Рушинова, Бенешъ изъ Мокровусъ, Іоаннъ изъ Пернштейна и попъ Бедрихъ ¹⁾. Такъ какъ король Владиславъ самъ не могъ оставить свое государство, то чешская корона предложена младшему его брату, королевичу Казимиру. На польскомъ сеймѣ въ Новомъ Мѣстѣ Корчипъ одна часть пановъ совѣтовала принять чешскія предложенія, такъ какъ интересамъ Польши не соотвѣтствуетъ, чтобъ три короны, римско-нѣмецкая, угорская и чешская, были соединены на головѣ одного, Польшѣ опаснаго Нѣмца; другіе паны, духовные и свѣтскіе, въ ихъ главѣ епископъ Збыгнѣвъ Олешницкій, не сумѣли противъ этихъ вѣскихъ соображеній ничего другого возразить, какъ только свою избытую пѣснь о чешскихъ „еретикахъ“, съ которыми правовѣрные не могутъ сноситься. Первое мнѣніе однако восторжествовало; и королевичъ Казимиръ принялъ чешскую корону между прочимъ тоже изъ сожалѣнія къ бѣдствіямъ чешскаго королевства одного съ польскимъ языкомъ ²⁾. Въ договорѣ, заключенномъ между королемъ Владиславомъ и Чехами, послѣднимъ признавалось причащеніе подѣ обоими видами и ихъ духовенство; обѣщались мѣры противъ нѣмецкихъ купцовъ въ Чехіи и Польшѣ, которые не должны быть туда допускаемы, и противъ Нѣмцевъ вообще, которые не должны въ тѣхъ государствахъ имѣть никакой власти и силы ³⁾.

¹⁾ См. письмо пана Альша Голицкаго пану Ульриху изъ Розенберга отъ 1 февраля 1438 г. въ сб. Archiv Český П. 6. О чешскихъ послахъ въ Краковъ замѣчаетъ лѣтописецъ (Starí letopisové čestí, 110), что они „byli tam celý rok a nic nezjednali, nebo u velikém roztržení Čechové v Polstě byli, až o tom hanba praviti“.

²⁾ Длугошъ IV. 585, 605. Великій князь литовскій Сигизмундъ Кестутьевичъ соглашался съ мнѣніемъ національной партіи, но только въ виду своихъ собственныхъ плановъ требовавшихъ, чтобъ Польша была занята на западѣ.

³⁾ Объ этомъ договорѣ знаемъ только то, что императорскій канцлеръ Каспаръ Шликъ сообщилъ на имперскомъ сеймѣ въ Нюрнбергѣ. Janssen: Frankfurts Reichscorrespondenz I. 465.

Тщетно Альбрехтъ старался побудить короля Владислава, чтобъ онъ не дозволилъ своему брату Казимиру принять чешскую корону; онъ указывалъ на то, что онъ, Альбрехтъ, избранъ въ чешскіе короли большинствомъ, именно знатными панами, на правильномъ сеймѣ въ Прагѣ, между тѣмъ какъ Казимиръ избранъ меньшинствомъ, менѣе знатными „исполненными безуміа, жадности и ненависти“, и еретиками Таборами, на съѣздѣ въ Кутной Горѣ. Тщетно упрекали папа короля Владислава и паны угорскіе польскихъ пановъ за ихъ союзъ съ чешскими еретиками противъ угорскаго короля Альбрехта. Поляки были убѣждены, что они правы, что и королевичъ Казимиръ, избранный одною чешскою партіею, какъ Альбрехтъ другою, можетъ принять чешскую корону; они справедливо высказали свое удивленіе, что всегда, какъ только другой государь а не римско-нѣмецкій король долженъ сдѣлаться королемъ чешскимъ, то этого государя упрекаютъ въ честолюбіи, ереси и многихъ неприличныхъ вещахъ. Король Владиславъ указывалъ папѣ на то, что Казимиръ принялъ чешскую корону потому, чтобъ въ Чехіи, страдающей столькими военными бѣдствіями и внутренними междоусобицами, водворились вновь миръ и авторитетъ паны; а это удастся только тогда, если тамъ будетъ царствовать католическій король, въ которому чешскій народъ будетъ расположенъ по поводу одного языка ¹⁾. Въ Польшѣ тоже говорили о томъ, что оба народа, Чехи и Поляки, одного языка и происхожденія, между тѣмъ какъ у Чеховъ нѣтъ съ Нѣмцами ничего общаго, и что очень неудобно, когда подданные не понимаютъ своего короля и всюду нуждаются въ переводчикѣ ²⁾. Нѣмцы въ имперіи полагали, что

¹⁾ Codex epistolaris saec. XV, t. I. Nro 95, 96, 99 — 104; Anton: Diplomatische Beiträge zu den Geschichten u. zu den teutschen Rechten (Leipzig 1777, p. 55).

²⁾ Aeneas Sylvius: Historia bohémica cap. 55, и (изъ него) Длугошъ IV. 587; оба полагаютъ, что эти тогда въ Чехіи и въ Польшѣ очень распространеныя мысли включены были будто въ официальный отвѣтъ Владислава Альбрехту; этого однако не было. Этотъ предполагаемый официальный актъ, какъ его приводитъ Догель (Codex

въ Чехіи только „гуситскій сбродъ“ (die buberei die Hussen) избрали польскаго короля (или скорѣе королевича) и осмыслили гуситовъ бранными словами и стихами ¹⁾. Споръ между обоими кандидатами чешской короны, Нѣмцемъ Альбрехтомъ и Полякомъ Казимиромъ, не могъ быть рѣшенъ иначе какъ только мечемъ.

На помощь польской партіи въ Чехіи прибыло польское войско подѣ воеводами познанскимъ Сендзивою изъ Остророга и сандомѣрскимъ Іоанномъ изъ Тенчина ²⁾. Соединившись подѣ Кутною Горою съ чешскимъ войскомъ польской партіи, — въ томъ числѣ съ опытными гейтманами Петромъ Полякомъ, помомъ Бедрихомъ и Чапкомъ изъ Савъ — они пошли къ Табору, встрѣчаясь среди простого народа съ живыми симпатіями, между тѣмъ какъ австрійская партія насмѣхалась надѣ Поляками и называла ихъ „героями воевыхъ укрѣпленій“. Вслѣдъ за войскомъ обоихъ польскихъ воеводъ и король Владиславъ вторгнулся

diplomat. regni Poloniae I. Nro 10), сочиненъ по разсказу Длугоша; срв. Каро и Соколовскаго.

¹⁾ Срв. на пр. хронику нюрнбергскую (Chroniken der deutschen Städte I. p. 401) и бранные стихи у Каро IV. 169. Къ этому времени надо отнести и памфлетъ Николая, писаря моравскаго города Знойма, противъ Поляковъ, воровъ, разбойниковъ, поджигателей церквей, фальшивыхъ монетчиковъ, приверженцевъ церковнаго раскола, враговъ христіанъ, оскорбителей духовенства и папы, соучастниковъ хулителей святыхъ и богородицы, истребителей св. даровъ и пр.: Ergo Bohemia si bona vis, de gente polona non habens reges, haec tibi ne faciant. (Höfler: Geschichtschreiber der husit. Bewegung I. 564). Кто былъ этотъ Nicolaus Bohemus, неизвѣстно; около этого времени жилъ мнорякъ Николай (natus de Bohemia, educatus in Moravia), который ок. 1434 г. въ Нюрнбергѣ списалъ и расширилъ чешскую лѣтопись (на латинскомъ языкѣ) Пулкавы; см. Fontes rerum bohemi. V. p. 3.

²⁾ Sudivoj z Ostroroha, pán a vévoda poznański, Jan z Tenčina, vévoda sudomirský — въ одной чешской грамотѣ 1438 г., 31 августа (Archiv český III. 462); Jan z Thiczina (Тусина), vojvoda krakovský, hejtman vojska královského — въ письмѣ 1441 г., 18 февраля (тамже, стр. 18).

въ Слезію, гдѣ многіе князья и города приняли Казимира въ чешскіе короли, радуясь предстоящему счастливому согласію и единству обоихъ государствъ, чешскаго и польскаго ¹⁾. Это предстоящее соединеніе обоихъ славянскихъ народовъ тревожило всѣхъ Нѣмцевъ. Король Альбрехтъ не довѣрялъ самимъ Чехамъ своей партіи ²⁾, и призывалъ въ 1438 и 1439 гг. всѣхъ Нѣмцевъ на помощь противъ угрожавшей опасности: такое соединеніе Чеховъ и Поляковъ—что да предотвратитъ богъ—было бы въ ущербъ всему христіанству, священной римской имперіи, знаменитымъ членомъ которой чешская корона, и всѣмъ нѣмецкимъ землямъ; еще недавно съ одними Чехами было много затрудненій, но еслибъ нынѣ Поляки и Чехи другъ другу подали руки и помогали, то настала бы большая опасность священной римской имперіи и всему народу нѣмецкому—*dem heiligen reich und allem deutschen gezung*—который они притѣсняютъ и прогоняютъ изъ своихъ земель. Въ подобномъ смыслѣ Альбрехтъ взывалъ о помощи къ прусскимъ крестоносцамъ: Поляки помогаютъ чешскимъ еретикамъ и говорятъ, что они отнимутъ чешскую корону у священной имперіи и не оставятъ ее подъ Нѣмцами; 'по этому нѣмецкій орденъ, знаменитый членъ св. имперіи основанный Нѣмцами, долженъ помогать имперіи и Нѣмцамъ противъ Поляковъ, которые поддерживаютъ невѣріе и выступаютъ противъ всего христіанства. Воззваніе Альбрехта къ патриотизму Нѣмцевъ не было безъ успѣха; только нѣмецкій орденъ извинялся, что не можетъ принести желаемой помощи, будучи ослабленъ долготвннею борьбою съ Поляками, Чехами еретиками, Литовцами, Рус-

¹⁾ См. разные акты въ сборникахъ Догеля *Cod. diplom. Poloniae I*, *Codex epistolaris saec. XV*, *Codex diplomat. Poloniae Silesiae*, ed. Boniecki-Bobowski, *Codex diplom. Silesiae VI*, etc.

²⁾ *Der konig ziehet nit gern mit den Behemern allein*—пишутъ думѣ франкфуртской (*Janssen: Frankfurts Reichs-correspondenz I*, 450). Любопытно, что строгаго католическій чешскій лѣтописецъ тѣхъ временъ, рыцарь Бартошекъ изъ Драголицъ, говоря о кончинѣ Альбрехта, прибавляетъ: *Cujus anima requiescat in sancta pace, quia fuit bonus (licet Teutonicus), audax et misericors.* (*Dobner: Monumenta historica Boemiae I*, 204.)

скими и Татарами ¹⁾. Но и на этотъ разъ не сбылись надежды Чеховъ патриотовъ, что они не будутъ подъ королевемъ нѣмецкимъ, а подъ славянскимъ, польскимъ; не сбылись и опасенія Нѣмцевъ, что чешская корона будетъ вырвана изъ объятій *des heiligen reichs, alles deutschen gezunges, aller „kristenheit“*, и что осуществится грозный для всего нѣмецкаго народа призракъ соединенія обоихъ славянскихъ народовъ. Напряженіе всѣхъ силъ нѣмецкаго народа противъ угрожавшей ему опасности со стороны Поляковъ и Чеховъ гуситовъ оказалось лишнимъ. Большинство Чеховъ не пожелало Поляка своимъ королевемъ, а Польша, не поддерживаемая Литвою и литовскою Русью, не имѣла достаточно силъ для осуществленія великаго дѣла. Приостановка военныхъ дѣйствій оказалась необходимою; и папѣ и базельскому собору удалось заключить перемиріе между королями Альбрехтомъ и Владиславомъ, помѣшать войнѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ помѣшать освобожденію чешской короны изъ когтей Нѣмцевъ и соединенію Чехіи и Польши подъ одною славянскою династіею ²⁾.

По смерти короля Альбрехта (27 октября 1439 г.) въ Чехіи даже ревностные утравивисты, бывшая партія польская, не дѣйствовали уже столь усердно въ пользу польскаго кандидата чешской короны; они вѣроятно замѣтили слабость Польши и не вѣрили уже разнымъ обѣщаніямъ польскаго короля. Только Таборы, всегда ревностные Славяне, и нѣкоторые изъ шляхты и городовъ старались избрать королевича Казимира или самаго короля Владислава, но напрасно. Не удалось тоже присоединеніе Слезіи въ Польшѣ, къ чему тогда Поляки стремились нѣсколько лѣтъ ³⁾. Нѣмцы не переставали однако соображать опасность,

¹⁾ Janßen: *Frankfurts Reichsrespondenz* I. 450 — 453, 466, 479, 483; Töppen: *Acten der Ständetage Preussens* II. 74, 84; срв. Voigt: *Geschichte Preussens* VII. 723.

²⁾ Королевичъ Казимиръ назывался въ Польшѣ еще нѣкоторое время *electus rex regni Bohemiae* (19 maji 1440, въ судебныхъ книгахъ краковскихъ, Heleel: *Starodawne pomniki prawa pol.* II, Nro 2846).

³⁾ Объ этихъ планахъ Польши срв. между прочимъ письмо Братиславлянъ (на чешскомъ языкѣ) чешскимъ панамъ въ сб. *Archiv český* III. 305.

которая могла бы для них настать въ слѣдствіе все угрожавшаго имъ соединенія Чехіи и Польши, новаго избранія польскаго королевича или короля въ чешскіе короли. Нѣмецкіе курфюрсты, собравшіеся въ началѣ 1440 г. въ Франкфуртъ для избранія новаго короля римско-нѣмецкаго, отнеслись довольно ласково къ чешскимъ чинамъ, которые, представляя собою — во время безкоролевья — чешскаго короля-курфюрста, отправили своего посла въ Франкфуртъ; курфюрсты съ удовольствіемъ услышали его слова, что польскій король, добываясь чешской короны, сдѣлалъ Чехамъ и другимъ короннымъ землямъ чешскимъ много обѣщаній, но что Чехи отказали ему во всемъ „ради христіанства“ ¹⁾. Большинство Чеховъ избрали своимъ королемъ Альбрехта герцога баварскаго, и когда тотъ отказалъ, придерживались вообще малолѣтнаго королевича Ладислава Альбрехтовича, родившагося уже по смерти отца. Но славянская партія Чеховъ все обращала вниманіе на Польшу, ратовала противъ „Нѣмцевъ и ихъ друзей“, все желала имѣть чешскимъ королемъ польскаго Владислава, тѣмъ болѣе, что польскій король уже въ 1440 г. избранъ въ короли угорскіе, и съ радостью принять и южными Славянами, Хорватами, Босніяками и Сербами, какъ славянскій ихъ соплеменникъ ²⁾. Сторонниками польскаго короля въ Чехіи были преимущественно Таборы, ихъ гейтманъ попъ Бедрихъ, и нѣкоторые шляхтичи, Іоаннъ Колда изъ Находа, Бенешъ изъ Мокровусъ, Іоаннъ Гертвикъ изъ Рушинова, Свойше изъ Заградки и др.; Колда, Гертвикъ и Свойше назывались (1441) „слугами польскаго короля, нашего государя“, и Гертвикъ все надѣялся, что польскій король будетъ „нашимъ государемъ“. Также бывший гейтманъ сиротскій, Чаневъ изъ Санъ, стоялъ на

¹⁾ Janssen: Frankfurts Reichsrespondenz II. 11; срв. Палацкаго Dějiny národu českého IV. 1. (начало).

²⁾ О симпатіяхъ южныхъ Славянъ къ Владиславу говорятъ историки Каллимахъ и Бонфини; см. ниже отдѣлъ: Славяно западные и южные.

сторонѣ польскаго короля, и служилъ Владиславу и его преемнику Казимиру ¹⁾. Чешскіе сторонники Владислава попытались въ 1440 г. завладѣть Прагою; но планъ ихъ не удался. Таборы, всегда ревностные Славяне, все желали, „чтобъ господь богъ далъ такого короля, который бы не стремился къ разоренію чешской короны а еоторый былъ бы того же языка, такъ чтобъ его понимали сыны той короны“; они обѣщали помощь пану Болдѣ, слугѣ польскаго короля, и предлагали для разрѣшенія вопросъ всѣмъ, „которымъ милъ народъ чешскій и славянскій, кто стоитъ за возвышеніе хвалы божіей и за усиленіе народа чешскаго, мы-ли или тѣ, которые хотятъ благопріятствовать и помогать иноплеменникамъ“; они горько жаловались на то, что по смерти императора Сигизмунда „нѣкоторые паны чешскіе, стремясь къ усиленію народа нѣмецкаго и ослабленію чешскаго, ввели Нѣмцевъ въ землю“, и опасаются, „какъ бы не повредили чешской землѣ тѣ, которые все хотятъ усилить въ землѣ нѣмецкій народъ“ ²⁾. Еще въ 1443 г. города Таборъ, Писекъ, Клато-

¹⁾ Archiv Český I. 366, III. 19; Urkunden u. Actenstücke für osterreich. Geschichte 1440 — 1471, ed. Bachmann, p. 6 (Fontes rerum austriacarum, Diplomataria et Acta, Bd. 42). О Чапкѣ см. грамоту 1449 г. напечатанную нами въ ж. Časopis Česk. Muzoa 1880, p. 403, тоже въ польско-слезскомъ дипломатариѣ Бонцакаго-Бобовскаго, стр. 51. Въ Польшѣ находился Чапекъ еще въ 1450-омъ г. (Codex epistol. saec. XV, t. II. p. 111).

²⁾ Archiv Český I. 366, 369, 380. Приводимъ изъ этихъ любопытныхъ писемъ Таборовъ (къ ихъ противникамъ) нѣсколько мѣстъ въ подлинникѣ. „Po smrti císaře (Sigmunda) někteří páni čeští, usilující německý jazyk zvelebiti a český v hlasiach zemdľiti, přivedli Němce do země... Nezdá se nám, by která škoda na zemi jměla přijíti, že s Němci válku vedem.. větší strach jest, by škoda na zemi nepřišla skrze ty, ježto jazyk německý v zemi vždy chtie zvelebiti... O by pán buoh dal toho krále, ježto by o zkažení této koruny nestál; leč by toho jazyka byl, jemužto by synové též koruny porozuměli, kterémužto také nám hodno bylo poslužití... A shledajit' dobří lidé, jimžto jest český a slovanský jazyk mil, kto stojí o zvelebenie chvály božie a jazyka českého rozšírenie, my-li či ti, ježto cizozemcóm chtie radni a pomocni býti“.

вы и Жатець называются „приверженцами нашего государя короля Владислава польскаго и угорскаго“ ¹⁾.

Таборы и ихъ соумышленники, возставая противъ нѣмецкихъ государей въ Чехіи, противъ Нѣмцевъ и ихъ друзей, противъ Сигизмунда, обоихъ Альбрехтовъ, противъ Ладислава Альбрехтовича и его матери Елисаветы, дочери императора Сигизмунда, и тяготѣи къ славянскоѣ Польшѣ, показали гораздо больше политической зрѣлости и патриотизма, чѣмъ та чешская аристократія, которая призывала на чешскій престолъ нѣмецкихъ королей. Сама Елисавета Сигизмундовна показала себя такою же королевою *deutschen gezunges*, какъ и ея отецъ и мужъ, именно въ виду славянскаго соперника ея сына Ладислава въ Угрии и Чехіи, польскаго Ягайловича Владислава. Королева Елисавета, на сеймѣ въ Вѣнѣ въ началѣ іюня 1441-го г. въ присутствіи многихъ пановъ чешскихъ и моравскихъ, говоря королю Фридриху о своемъ сынѣ Ладиславѣ и о польскомъ королѣ Владиславѣ, заявила съ гордостью, что австрійскій домъ Габсбурговъ по всемъ предкамъ — чистаго христіанскаго рода, между тѣмъ какъ польскій король происходитъ отъ невѣрнаго поганнаго рода, и всегда возставалъ съ помощью поганыхъ и „невѣрныхъ“ противъ „христіанъ“, именно противъ нѣмецкаго ордена; король Альбрехтъ никогда не могъ забыть сраму нанесеннаго его предку Вильгельму австрійскому Ягайломъ, отнявшимъ у него его жену Ядвигу, и не хотѣлъ никогда дружить съ Поляками; да король польскій намѣренъ соединиться съ Турками противъ христіанъ и противъ правъ ея сына Ладислава ²⁾. Еще рѣвче высказалась Елисавета о польско-русскихъ Ягайловичахъ въ письмѣ Альбрехту баварскому (1 мая 1442), пускаясь здѣсь въ глубокомысленныя разсужденія о большемъ благородствѣ нѣмецкой крови передъ славянскою: ея сынъ Ладиславъ происходитъ отъ императорскаго королевска-

¹⁾ Таборская хроника Николая изъ Пельгримова (*Geschichtschreiber der husit. Bewegung*, ed. Höfler, II. 737).

²⁾ A. Kollar: *Analecta monumentorum Vindobonensia* (Vindobonae 1762, II. 921); срв. Палацкаго *Dějiny* n. č. IV. 1. p. 53.

го христіанскаго и нѣмецкаго рода, между тѣмъ какъ польскій король Владиславъ — поганаго рода, который нанесъ большой ударъ всѣмъ „христіанамъ“ и нѣмецкому народу, именно досто-почтенному нѣмецкому ордену въ Прусіи, дальше въ Чехіи подѣ Таборомъ, и нынѣ въ Угріи. Если король Владиславъ водворится окончательно въ Угріи, то пострадаетъ христіанство и Нѣмечина; ея сынъ Ладиславъ—Нѣмецъ, а польскій король всегда былъ и есть надменнымъ врагомъ священной римской имперіи, и „христіанству“ чрезмѣрно вреденъ; ея сынъ будетъ еще полезенъ всему христіанству, священной имперіи и нѣмецкому народу ¹⁾).

Таборы поддерживали свои связи съ Польшею и послѣ несчастной гибели короля Владислава въ сраженіи подѣ Варною, которая разрушила столько надеждъ Славянъ вообще. На эти связи Таборовъ съ Польшею жаловался Эней Сильвій Пиеколомини въ письмѣ епископу Збыгѣву Олешницкому (13 сентября 1445 г.): Поляки помогали Таборамъ уже по смерти императора Сигизмунда противъ его преемника Альбрехта австрійскаго, и Таборы, благодаря покровительству Поляковъ, остаются до сихъ поръ въ своемъ упорствѣ, между тѣмъ какъ они безъ той помощи были бы уже обращены или истреблены; Поляки дѣйствуютъ по прежнему, когда они противъ императора Сигизмунда послали гуситскимъ Чехамъ на помощь князя Сигизмунда Корбутовича во вредъ всему христіанству; Поляки вообще вредятъ австрійскому дому, король Владиславъ оспаривалъ угорскій престоль у малолѣтняго Ладислава Альбрехтовича, и Габсбурги до сихъ поръ, по поводу препятствій со стороны Поляковъ, не могутъ завладѣть Чехіею и Угріею, да лишаются самой Польши;

¹⁾ Письмо въ корол. архивѣ мюнхенскомъ, списокъ въ архивѣ Чешскаго Музея въ Прагѣ; см. нашъ I Отчетъ о научныхъ занятіяхъ за границую 1882 г. (Варшава, стр. 67), и срв. Палацкаго Dějiny п. ѓ. IV. 1. р. 65. „Поганный родъ“ (heidnisch stamm) Ягайловичей такой же, какъ вѣра „поганаго“ (heidnisch) православнаго сербскаго деспотовича Лазаря Бранковича, за котораго нѣкоторые Угры хотѣли Елисавету выдать еще въ 1440-омъ г. (Саго; Geschichte Polens IV. 220).

Полезамъ слѣдовало бы повліять на Чеховъ и на Угровъ въ благопріятномъ для Ладислава смыслѣ и въ пользу всего христіанства ¹⁾. Вопросъ о возвращеніи чешскихъ „еретиковъ“ въ лоно римской церкви не переставалъ интересовать и стараго ихъ врага, епископа кардинала Збыгнѣва Олешницкаго, еще въ концѣ его жизни. Узнавши о проповѣдахъ монаха минорита инвизитора Іоанна Капистрана противъ гуситовъ въ Моравіи, Збыгнѣвъ Олешницкій — въ письмѣ къ нему (2 августа 1451) — предполагаетъ, что прибытіе Капистрана наполнило славянскіе народы большою радостью; можно-де надѣяться, что уклонившійся отъ истины чешскій народъ, знатная часть Славянъ, вернется опять къ католической церкви. Если же это состоится, то Капистранъ обяжетъ себѣ на всегда не только народъ чешскій, а тоже народы польскій, слезскій и славянскій: ибо мы по поводу одинаковаго языка, которымъ связаны съ Чехами, жаждемъ ихъ спасенія какъ своего собственнаго ²⁾. Въ подобномъ смыслѣ, вѣроятно по примѣру и побужденію епископа Збыгнѣва, самъ король Казимиръ въ письмѣ (7 сентября) Капистрану заявляетъ свою радость

¹⁾ Codex epistolaris saec. XV, t. II p. 6.

²⁾ Длугошъ V. 93. Збыгнѣвъ Олешницкій желалъ тогда тоже, чтобъ Капистранъ дѣйствовалъ и въ польской Руси, гдѣ—не смотря на флорентинскую унію—Русскіе или Греки не отказались отъ своихъ „superstitiones aut errores; pertinacius enim illas usquo in diem hanc tutati sunt, nec se sed Latinos errasse, constanter astruunt et affirmant; Rutenorum tamen natio facile a Graecorum obedientia scindi poterit, quoniam gens simplex et boni cupida est, et Latinorum moribus et conversatione plurimum limata“. (Codex epistolaris saec. XV, t. II p. 125). Письмо Олешницкаго Чехамъ (Ad regnum Boemiae directa litera episcopi Cracov. baronibus et communitatibus scripta de Belce 22 aug. 1447, въ одной ватиканской рукописи), о которомъ упоминаетъ Палацкій (Italienische Reise p. 61), намъ неизвѣстно; его не знаютъ ни Дзѣдушицкій (въ монографіи объ Олешницкомъ), ни Левицкій (въ списокѣ актовъ XV в.). Замѣтимъ, что тогда (1451—1452) въ Чехіи явилась мысль о соединеніи чешской церкви утраквистской съ церковью греческою царьградскою, и состоялось паденіе Таборовъ, которые должны были примкнуть къ церкви утраквистской. См. Палацкаго Dějiny národu českého IV. 1. p. 227, 259, 269.

по поводу его прибытія въ чешскія земли: богъ показаль-де свою славу намъ и народамъ славянскимъ, избравши Капистрана для обращенія Чеховъ; этому радуется весь сѣверъ. Послѣ обращенія Чеховъ пусть Капистранъ прибудетъ и въ Польшу и пусть обращаетъ и Русскихъ въ Польшѣ и Литвѣ въ униі съ римскою церковью; оба народа, Чехи и Русскіе, покрыты-де нравомъ заблужденій, но Русскіе какъ болѣе простые общаются болѣе легкое обращеніе ¹⁾).

Таборы и Сиротки, на сколько они уцѣлѣли отъ липанскаго погрома, сохранили свои старыя славянскія симпатіи, которыя являлись и послѣ липанской битвы въ сношеніяхъ Чеховъ и Поляковъ. Но не всѣ изъ этихъ таборскихъ и сиротскихъ „божіихъ воиновъ“ остались вѣрны тѣмъ строгимъ принципамъ и правиламъ своего великаго предводителя Іоанна Жижки, который хотѣлъ имѣть вокругъ себя только чешскихъ славянскихъ божіихъ воиновъ, сражающихся за освобожденіе закона божія и языка чешскаго и славянскаго, какъ это и было подъ Прагою, Устьемъ и Домажлицами, подъ Тчевомъ (1433) и Таборомъ (1438). Многіе гуситскіе воины стали просто наемными солдатами, продавая свою службу и жизнь безразлично тому, кто имъ платилъ. Такимъ образомъ случалось, что чешскія военныя роты (отряды) сражались другъ противъ друга въ интересахъ чешскихъ, поль-

¹⁾ Письмо Казимира сообщаютъ J. Cochlaeus: *Historia Hussitarum* (Moguntiae 1549, p. 368), Wadding: *Annales minorum venturiorum ordinum a S. Francisco institutorum* (Romae 1737, XII. 98); польскій переводъ Н. Малиновскій въ изданной имъ хроникѣ Б. Ваповскаго III. 101. У Ваддингга (p. 139) помѣщено письмо епископа Збыгнѣва Капистрану (15 апрѣля 1452), въ которомъ Збыгнѣвъ говоритъ — по словамъ угорскаго францисканца Ладислава возвратившагося изъ Молдавіи — что Ладиславъ „in hominibus partium illarum, damnato dogmate haeresis boemicae infectis, parvum fructum retulisse“. Это относится вѣроятно къ жителямъ молдавскаго города Гусъ (Гушь, Хусъ) на Прутѣ, основаннаго бѣжавшими въ Молдавію угорскими гуситами. См. Hunfalu: *Ethnographie von Ungarn* 266 и Иречка въ ж. *Časopis Česk. Musea* 1885, p. 387.

скихъ, угорскихъ и нѣмецкихъ. Если Чапекъ ¹⁾ и Колда служили польскому королю Владиславу въ Угрии, то они такъ дѣлали вѣроятно не только какъ простые наемные воины за плату, а тоже какъ приверженцы славянскаго польскаго короля; между тѣмъ ихъ земляки Іоаннъ Искра изъ Брандыса и Іоаннъ Витовецъ изъ Гребня защищали интересы нѣмецкихъ Габсбурговъ въ Угрии и Хорватіи. Долголѣтнее пребываніе и правленіе Искры и его чешскихъ товарищей въ сѣверной Угрии среди Словаковъ имѣло для послѣднихъ извѣстное значеніе; гуситство проникало и въ словенскіе края, чешскій языкъ — столь близкій словенскому нарѣчію — входилъ въ употребленіе какъ языкъ литературный и среди Словаковъ. Къ чешскимъ ротамъ въ Угрии примкнули и словенскіе воины, на пр. Панерацъ изъ Св. Николая, братья Подманицкіе и другіе. Любопытно, что Искра является въ Угрии защитникомъ словенскаго сельскаго люда противъ шляхты ²⁾.

Подобную тому печальную роль играли чешскіе наемные воины во время долголѣтней войны Польши противъ нѣмецкаго ордена въ Пруссіи (1454-1466), войны, которая началась въ слѣдствіе добровольнаго подчиненія Польшѣ прусскихъ землянь и городовъ. Борьба Польши и нѣмецкаго ордена была давнишняя борьба Нѣмцевъ и Славянъ изъ-за балтійскаго поморья, которое Нѣмцы завоеватели старались удержать за собою, а Поляки — освободить отъ нѣмецкаго господства и возвратить своему государству. „Не допускайте, чтобъ нѣмецкія земли, родъ и языкъ перешли подъ господство славянскаго короля и народа“! — вотъ какъ надменно отозвались представители нѣмецкаго ордена въ прусскимъ землянамъ и городамъ въ присутствіи польскихъ

¹⁾ Чапекъ „des kunigs von Polan obrister hauptmann“ послалъ королю Фридриху объявленіе войны an des h. Pauls becherung 1442. A. Kollar: Analecta monumentorum Vindobonensia II. 1027.)

²⁾ Срв. Палацкаго Dějiny národu českého IV. 1. str. 445, тѣ: Der nationale Kampf gegen das ungarische Staatsrecht, 134—158, и. его же Über die Abstammung der Rumänen, 132 — 135.

уполномоченныхъ, въ томъ числѣ и Длугоша. Противъ такой нѣмецкой теоріи о собственности, конечно, ничего не значили польскія возраженія объ историческомъ правѣ польскаго народа на земли поморскую, хелменскую и михаловскую: онѣ-де принадлежать со временъ князя Лѣха Полякамъ, которые и дали тамошнимъ городамъ, горамъ, рѣкамъ ихъ польскія названія ¹⁾. Такой непримиримый споръ не могъ иначе рѣшиться, какъ только войною. Польскій король Казимиръ располагалъ недостаточными матеріальными силами, и долженъ былъ вести войну на одни только средства Польши, безъ помощи Литвы и литовской Руси, смотрѣвшихъ на Польшу по прежнему изъ подлобья ²⁾. Польшѣ удалось только послѣ долготѣней войны возвратить себѣ западныя, славянскія владѣнія ордена, земли поморскую, хелменскую, михаловскую, тоже Мариенбургъ и Вармию, и привести побѣжденный орденъ въ зависимость отъ себя. Къ сожалѣнію, полное раздавленіе нѣмецкаго ордена въ балтійскихъ странахъ, въ восточной Пруссіи—чего желали тогда многіе Поляки—не удалось; онъ потомъ еще нѣсколько разъ возставалъ противъ наступившаго на его голову „славянскаго“ народа, и соединившись наконецъ съ давнишнимъ могильщиномъ Славянства на западѣ, съ Бранденбургомъ, вновь ожилъ, поразилъ и поработилъ славянскій языкъ около балтійскаго моря ³⁾.

¹⁾ Длугошъ V. 417, 391.

²⁾ Участіе литовскихъ отрядовъ въ этой войнѣ было случайное, какъ на пр. участіе литовскаго и татарскаго отряда подъ Иванкомъ Ходковичемъ подъ Хойницею 1466 г. (Длугошъ V. 441). Объ участіи литовскаго войска въ первой битвѣ подъ Хойницею (1454) рассказываетъ литовско-русская лѣтопись (т. н. Быховца, изд. Нарбутта, 59); но лѣтописецъ смѣшалъ нѣмецкихъ рыцарей съ „чешскимъ королемъ Ирикомъ и его войскомъ чешскимъ и слязскимъ“, которое разбиваетъ войско польско-литовское.

³⁾ Длугошъ (V. 473), окончивъ свой рассказъ о прусской войнѣ, выражаетъ радость по поводу возвращенія Польшѣ оторванныхъ когда-то у нея земель, и считаетъ себя счастливымъ, что ему удалось увидать столь отрадный фактъ; онъ бы считалъ себя еще болѣе счастливымъ, еслибъ могъ еще увидать присоединеніе къ Польшѣ зе-

Въ этой упорной борьбѣ Нѣмцевъ и Славянъ изъ-за балтійскаго моря важную и въ значительной части плачевную роль играютъ военныя роты чешскія. Многіе чешскіе гейтманы и ротмистры служили польскому королю, въ ихъ числѣ Іоаннъ Колда, Іоаннъ Славата, Альбрехтъ Костка изъ Поступиць, Іоаннъ Пушваръ, Капунъ изъ Смириць, Кавка изъ Собѣсуць, Жакъ изъ Свеборовиць, Ульрихъ изъ Смолотель и др. Многіе изъ этихъ чешскихъ воиновъ служили польскому королю вѣроятно не за одну плату, что можно положительно утверждать о Колдѣ и Косткѣ; по съ другой стороны, не получая платы, брались и за оружіе противъ короля. Такъ это сдѣлали самъ Колда вмѣстѣ съ освѣтимскимъ княземъ Іоанномъ и съ своимъ „сборомъ людей изъ Чеховъ, Поляковъ и Слезавовъ“, какъ выражается Длугошъ. Но не одинъ польскій король пользовался въ этой войнѣ помощью наемныхъ ротъ чешскихъ; чешскіе полководцы и ихъ отряды служили тоже нѣмецкому ордену, какъ на пр. Ульрихъ Червенка изъ Ледець и Бернардъ изъ Цимбурга. Такимъ образомъ чешскіе наемные солдаты воевали и другъ противъ друга: одни защищали интересы польско-славянскіе, а другіе — интересы нѣмецкіе. Но при этомъ замѣтно и среди чешскихъ ротъ, служившихъ нѣмецкому ордену, расположеніе въ Полякамъ; Червенка не стѣснялся — не смотря на сопротивленіе нѣмецкихъ ротъ — сдать Маріенбургъ Полякамъ, и удержался въ замкѣ, между тѣмъ какъ другой чешскій полководецъ Цимбургъ занялъ потомъ городъ Маріенбургъ для нѣмецкаго ордена. Во время этой войны явился и гейтманъ Іоаннъ Искра изъ Угрии въ Польшу, и на сеймѣ въ Пётрковѣ (1458) увѣщевалъ короля Казимира и его пановъ, завладѣть Угрією, которая принадлежитъ по праву Казимиру по поводу его супруги Елисаветы Альбрехтовны, а отнята теперь вновь избраннымъ королемъ угорскимъ

мель слезской, любушской и столпской (западнаго Поморья), епархій вратиславской, любушской и каменской, воздвигнутыхъ Болеславомъ Великимъ. Вышло иначе: патріотическія мечты Длугоша не сбылись, а сбылись опасенія Сташица; срв. „Славяне“, II. 97.

Матвѣемъ Хунядомъ. Польша, всецѣло занятая прусскою войною, не могла подумать о такихъ дѣлахъ; но король принялъ посредничество Искры, имѣвшаго связи съ чешскими ротами въ войскѣ нѣмецкаго ордена, въ сношеніяхъ съ магистромъ и въ заключеніи перемирія ¹⁾.

Взаимныя симпатіи Чеховъ и Поляковъ показали въ новой силѣ во время правленія и царствованія Юрія Подѣбрадскаго, сторонника Польши съ юныхъ лѣтъ. Съ воцареніемъ гуситскаго короля Юрія (1458) повѣяло въ чешской политикѣ новымъ просвѣщеннымъ духомъ, направленіемъ національнымъ, чешскимъ и славянскимъ. Чехи, гуситы и съ начала тоже католики, съ радостью возвели, по смерти короля Ладислава (1457), въ королевскій санъ любимаго своего правителя, которому должны были уступить всѣ другіе кандидаты Нѣмцы; въ ихъ числѣ былъ тоже бранденбургскій курфюрстъ Фридрихъ II, котораго желали имѣть чешскимъ королемъ особенно Лужичане, указывая на то, что онъ, воспитанный въ Краковѣ при польскомъ дворѣ, знаетъ въ совершенствѣ польскій языкъ, и слѣдовательно скоро можетъ изучить и чешскій языкъ; онъ бы могъ соединить и Бранденбургъ и можетъ быть и Прусію съ чешскою короною ²⁾. Поль-

¹⁾ О чешскихъ ротяхъ въ прусской войнѣ см. исторія Длугоша (последнюю книгу), Фойгта, Каро и Палацкаго (IV. 1. p. 442; слова, что Колда служилъ „в Polstě a Rusích“ надо исправить „в Prusích“). Разные акты (на чешскомъ языкѣ), касающіеся вообще этихъ чешскихъ ротъ на службѣ польской во второй половинѣ XV в., собраны нами въ архивахъ варшавскихъ, краковскихъ и пражскихъ, и напечатаны въ журн. *Časopis Česk. Muzoa* 1880, и въ нашемъ I Отчетѣ о научныхъ занятіяхъ за границую 1882 г. (Варшава). Нѣкоторые напечатаны тоже въ *Codex diplomat. Poloniae Silesiae*, ed. Bonieski-Bobowski; два (1499 г.) у Каро *Geschichte Polens* V. 1008. Нѣмецкій историкъ Польши, Каро, называетъ Бернарда изъ Цимбурга „wasker“ (у Каро прозвище почти всѣхъ Нѣмцевъ и ихъ пособниковъ); но такихъ славянскихъ „молодцовъ“, продавшихъ себя Нѣмцамъ противъ собственнаго народа, въ той же Прусіи когда-то Іоанъ Чапекъ сжегъ на кострѣ (см. выше стр. 73).

²⁾ *Das kaiserliche Buch des Markgrafen Albrecht Achilles*, K. Höfler, p. 46 (*Quellensammlung für fränkische Geschichte*, II, В

свѣй король Казимиръ, какъ мужъ Елисаветы Альбрехтовны, сестры покойнаго короля Ладислава, завлялъ тоже свое наслѣдственное право на чешскую корону, которое однако не могло преодолѣть избирательнаго права Чеховъ; вѣдь самъ Казимиръ двадцать лѣтъ назадъ охотно принялъ ту же самую корону св. Вячеслава изъ рукъ своихъ чешскихъ избирателей, оспаривая наслѣдственное право короля Альбрехта и его супруги Елисаветы Сигизмундовны.

Чешскій король Юрій, вѣрно понимая положеніе свое и своего народа въ „пасти“ нѣмецкаго народа и подъ недовѣрчивыми взорами ненавидящаго Чеховъ римскаго папы, все время старался сохранить и поддерживать дружескія отношенія къ сосѣднему славянскому государству, Польшѣ, усматривая въ немъ и для своего народа опору и защиту противъ притязаній нѣмецкаго народа и папы. Съ другой стороны и польскій король Казимиръ, не смотря на непризнанныя Чехами его мнимыя права на чешскую корону, понималъ всю важность для Польши сохраненія славянскаго государства въ средней Европѣ и необходимость поддерживать его противъ Нѣмцевъ; онъ не могъ тоже отречься отъ тѣхъ живыхъ славянскихъ симпатій, которыя играли столь видную роль въ его избраніи въ чешскіе короли еще двадцать

roeth 1850); срв. Droyzen: Geschichte der preuss. Politik II. 1. p. 204. Объ избраніи Юрія Подѣбрадскаго въ чешскіе короли замѣчаетъ чешскій лѣтописецъ: „A z toho byla veliká radost' věrným Čechuom; a mnozí sú plakali pro radost', že milý buch vysvobodil je z toho, že sú již vyšli z moci německýoh kráľuov, kteříž sú myslili zlé učiniti lidu českému, a zvláště těm, kteříž přidrží se čtenie svatého“. (Starí letopisové čestí, 170). Срв. что пишутъ послы саксонскаго герцога объ избраніи Юрія: „Das gemein volk hat gerufen, horra Girzik adir sust einen andern behemischen herrn und sust keinen Dutschen adir andern zu konige zu wählen nach ufzunemen“. (Palacký: Urkundl. Beiträge zur Geschichte Böhmens im Zeitalter Georgs v. Poděbrad, in Fontes rerum austriacarum, Diplomataria et acta, XX. p. 130). Другонъ, заклятый врагъ „еретика“ Юрія, говоря о его смерти, замѣчаетъ: „Ex eo maxime a suis desideratus, quod in sanguine humano fundendo non agebat se praecipitem“. (V. 551).

лѣтъ тому назадъ. И, дѣйствительно, король Казимиръ показаль свои симпатіи въ Чехіи и на дѣлѣ въ самыя тяжелыя для нея времена, и надо только сожалѣть, что не было у него достаточно матеріальныхъ и нравственныхъ силъ для болѣе дѣлательной поддержки славянскаго государства въ средней Европѣ, какъ этого требовали интересы Польши и всего Славянства. Казимиръ располагалъ одними только силами Польши, а не Литвы и литовской Руси, которыя тогда смотрѣли на Польшу враждебно и не поддерживали ея интересовъ; кромѣ того польскій король на каждомъ шагѣ, предприняемомъ въ пользу Чеховъ и ихъ короли, встрѣчался съ упорнымъ сопротивленіемъ „правовѣрныхъ христіанъ“ (католиковъ) въ Чехіи и ея вѣранныхъ земляхъ, въ Польшѣ, Угріи, во всѣхъ нѣмецкихъ земляхъ, въ Италіи и пр., направленныхъ римскимъ папою противъ проклятыхъ чешскихъ „еретиковъ“ и ихъ „самозванца Юриза“, лишеннаго папою королевскаго достоинства; а этотъ кривъ „правовѣрныхъ“ противъ „еретиковъ“ нерѣдко пугалъ самого Казимира, и ослаблялъ его національныя славянскія симпатіи.

Нѣмецкій вопросъ около балтійскаго моря, интересовавшій не только Поляковъ, а тоже Чеховъ, назрѣвалъ. Еще во время чешскаго короля Ладислава и правленія Юрія Подѣбрадскаго (1454) король Казимиръ въ спорѣ съ нѣмецкимъ орденомъ охотно принималъ посредничество чешскаго короля, но только съ условіемъ, если въ этомъ дѣлѣ будутъ спрашиваемы одни только чешскіе совѣтники короля съ исключеніемъ нѣмецкихъ. Польскій король хорошо зналъ, почему не довѣрялъ нѣмецкимъ совѣтникамъ Нѣмца Ладислава. Въ интересахъ нѣмецкаго ордена лежало именно поссорить обѣихъ королей, чешскаго и польскаго, и орденъ въ самомъ началѣ войны съ Польшею предлагалъ Прусію чешскому королю Ладиславу. Посолъ ордена, маркграфъ Альбрехтъ, братъ бранденбургскаго курфюрста Фридриха, какъ истинный Нѣмецъ патріотъ, нападалъ на прусскихъ землянъ и ищущихъ за ихъ возстаніе противъ ордена, и высказалъ свое сожалѣніе по поводу начинающагося пожара вражды и ненависти между народами нѣмецкимъ и польскимъ и предстоящаго водворенія польскаго владычества въ Прусіи, этой постоянной житницѣ

нѣмецкой крови и госпиталь для захудалаго нѣмецкаго дворянства ¹⁾).

Король Юрій, зная притязанія Казимира на чешскую корону, уже въ началѣ 1459 г. отправилъ своихъ пословъ въ польскому королю, предлагая ему послѣ своей кончины чешскую корону (или скорѣе надежду на ея приобрѣтеніе) и помощь противъ нѣмецкаго ордена и для покоренія Пруссіи. Казимиръ, желая сохранить дружественное настроеніе чешскаго короля, отвѣтилъ, что онъ всегда предпочиталъ дружбу войнѣ съ Чехами. Два года спустя (1461) чешскій король долженъ былъ быть посредникомъ въ спорѣ между польскимъ королемъ и нѣмецкимъ орденомъ, но дѣло не состоялось по поводу неохоты магистра, который вообще старался поссорить обоихъ славянскихъ королей; да посылаемые въ Чехію нѣмецкими вѣстонаосцами поджигатели приписывались Полякамъ ²⁾). Дружескія отношенія между Юріемъ и Казимиромъ не прекращались, и въ Бытомѣ (1460) и Глоговѣ (1462) заключены или возобновлены дружескіе договоры и союзы между обоими славянскими государствами. Оба короля должны были жить въ искреннемъ братствѣ, дружбѣ и доброжелательствѣ; ни тотъ ни другой не долженъ дѣйствовать другъ противъ друга, а оба должны заботиться о добрѣ и о чести своихъ государствъ, смотрѣть за тѣмъ, чтобъ не дѣлались набѣды изъ Польши въ Чехію, и изъ Чехіи въ Польшу. Въ Глоговѣ тоже много говорилось о возлюбленной тогда идеѣ общаго похода

¹⁾ Длугошъ V. 175, 195. Въ 1454 г. Чехи и Мишняне, въ спорѣ относительно нѣкоторыхъ замковъ, желали прибѣгнуть къ рѣшенію короля Казимира. Въ 1465—1466 гг. послы чешскаго короля были посредниками между королемъ Казимиромъ и слезскимъ княземъ Конрадомъ одешницкимъ и его супругою Маргаритою, княжною мазовекою, которые оба отказались отъ Мазовіи и Червоной Руси; срв. акты у Бонеекаго-Бобовекаго Codex diplomaticus Poloniae-Silesiae, Nros 59—64.

²⁾ Codex epistolaris saec. XV, t. II. 192, Длугошъ V. 277; Саго Geschichte Polens V. 177, 185, Палацкаго Dějiny n. č. IV. 2. p. 146.

христіанскихъ государей противъ Турокъ, которые однако—какъ вскорѣ повязалось—считались въ Римѣ менѣе опасными, чѣмъ чешскіе еретики ¹⁾. Въ Глоговѣ, гдѣ оба короля съѣхались лично, Юрій — такъ рассказывали въ враждебной ему какъ Чеху и еретику нѣмецкой столицѣ Слезин, Вратиславль — увѣщевалъ Казимира, чтобъ онъ подумалъ о славѣ и о древности ихъ народа, и помогаль ему противъ Нѣмцевъ, Вратиславлянъ и Бранденбурга, противъ папы, императора и курфюрстовъ, такъ какъ они нанесли Польшѣ большой срамъ и вредъ по поводу нѣмецкихъ крестоносцевъ. Но Казимиръ, занятый прусскою войною, не общалъ ничего ²⁾.

На чешскія дѣла Казимиръ могъ обратить вниманіе только послѣ торунскаго мира (1466), окончившаго борьбу Польши съ нѣмецкимъ орденомъ въ пользу Поляковъ. Римскій папа лишилъ еретика Юриза чешской короны, и натравливалъ противъ него всѣхъ христіанскихъ государей. Уже въ 1466 г. легатъ папы, Рудольфъ епископъ лавантскій, который тогда при заключеніи мира торунскаго посредничалъ между польскимъ королемъ и нѣмецкимъ орденомъ, предлагалъ чешскую корону Казимиру, особенно потому, что чешское королевство съ польскимъ почти „одного языка и народа“; пусть онъ приметъ чешскую корону, принадлежащую ему и его супругѣ по наследственному праву,

¹⁾ Dogiel: Codex diplomat. Poloniae I. Nros 11 — 19, Palaeký: Urkundl. Beiträge z. Gesch. Georgs v. Poděbrad 236, 367, 460, 474; Scriptores rerum silesiacarum VIII. 97, Codex epistolaris saec. XV, t. II. p. 203, 205.

²⁾ См. письмо Вратиславлянъ 1462 г. въ Scriptores rerum siles. VIII. 102, и исторію современнаго писаря вратиславскаго, Петра Эшенлоэра (P. Eschenloer: Geschichte der Stadt Breslau, ed. Kunisch, 1827, I. 189), который пишетъ: „Girsik (т. е. чешское Jiřík — Юрикъ) vermahnete den könig zu Polen, dass er sollte ansehen die ehre und alt herkommen ihrer gezunge, und sollte ihme helfen wider die Deutschen, und zuvoran wider den bapst und kaiser und die churfürsten, so als sie dem könig von Polen umb Preussenland willen grosse schande und schaden hatten gethan“.

и по поводу „одного языка“ ¹⁾). Подобно тому и чешскіе измѣненіи, союзъ католическихъ пановъ, во главѣ ихъ панъ Зденѣкъ изъ Штернберга на Конопищѣ, возставши противъ своего „еретическаго“ короля, обратились къ польскому королю, „такъ какъ у Чеховъ и Поляковъ почти одинъ и тотъ же языкъ“, и, призывая Казимира на чешскій престолъ (1467), просили его не допустить, чтобъ еретикъ царствовалъ въ королевствѣ славянскаго языка ²⁾).

Призываніе Поляка на чешскій престолъ со стороны папы и чешскихъ заговорщиковъ возбудило неудовольствіе римско-нѣмецкаго короля Фридриха и Нѣмцевъ вообще; на сеймѣ вюрнбергскомъ (1467) говорили, что чешскимъ королемъ не долженъ быть другой, какъ только Нѣмецъ какъ имперскій курфюрстъ, и король Фридрихъ соглашался видѣть на чешскомъ престолѣ кого бы то ни было, только не Поляка ³⁾). Нѣкоторые Поляки считали необходимымъ, чтобъ Польша всѣми силами стремилась въ приобрѣтенію Чехіи; если эта достанется въ чужія руки, то Польша никогда не будетъ сильной; она въ слѣдствіе присоединенія Чехіи значительно усилится, и было бы преступленіемъ нея гибелью, если бы она не стремилась къ этой цѣли. „О Польша, дѣйствуй, о храбрый польскій народъ поднимись! Богъ тебѣ предлагаетъ богатый подарокъ, смотри, чтобъ онъ не пропалъ“

¹⁾ Длугошъ V. 467. Длугошъ рассказываетъ, что Юрій По-дѣбрадскій еще какъ правитель стоялъ въ началѣ войны Польши и ордена на сторонѣ послѣдняго, гибель котораго не была бы по душѣ королю Ладиславу, покровителю ордена; дальше, что торунскій миръ возбудилъ недовольство короля Юрія, который желалъ-де ослабленія Польши. Но все это выжето такъ мало съ возрѣшными короля Юрія на Польшу, что рассказъ Длугоша надо отнести къ извѣстной ненависти польскаго историка къ „еретику“.

²⁾ De Georgio Bohemiae rege (Höfler: Geschichtschreiber der usit. Bewegung III. 225), Длугошъ V. 482, Dogiel: Codex diplom. 'oloniae I. Nros 17, 18, Archiv český III. 578 (Nro 798). Срв. Палацкаго Dějiny n. č. IV. 2. p. 404.

³⁾ Срв. Палацкаго IV. 2. p. 427, Каро V. 285.

въ слѣдствіе твоей лѣви!“ Король Юрій откажется, можетъ быть, добровольно отъ чешской короны для предотвращенія опасности, которая угрожаетъ Чехіи; чешское королевство разорвано внутреннею войною, союзъ католическихъ пановъ, Слезія, Лужицы—противъ короля Юрія, папа уже обратился къ королю Казимиру съ просьбою, чтобъ онъ воевалъ съ Юріемъ и погубилъ его; но король Казимиръ отказалъ, такъ какъ „онъ всегда желалъ и желаетъ чешскому королевству и народу блага, мира и защиты“; Юрій самъ думаетъ о томъ, чтобъ его преемникомъ сдѣлался одинъ изъ сыновей Казимира ¹⁾).

Король Казимиръ не принялъ чешской короны ни изъ рукъ папы, ни отъ возставшихъ чешскихъ заговорщиковъ, хотя легатъ Рудольфъ уговаривалъ его и польскихъ пановъ столь краснорѣчивыми словами, которыя бы—какъ выражается Петръ Эшенлоэръ—смягчили камень ²⁾). Отношенія между Чехами и Поляками оставались дружескими, и многіе польскіе воины отправились въ Чехію, помогать королю Юрію; самъ король Казимиръ старался примирить короля Юрія съ папою и съ чешскими заговорщиками. По этому онъ, „глубоко сожалѣя о гибели чешскаго королевства славянскаго языка, и опасаясь разоренія и погубленія славной чешской короны и родного языка славянскаго“, отправилъ въ Чехію пословъ, калишскаго воеводу Станислава изъ Остророга, краковского старосту Якова изъ Дэмбна, и историка каноника Іоанна Длугоша. Этимъ польскимъ посламъ удалось по крайней мѣрѣ заключить перемиріе между королемъ Юріемъ и союзомъ возставшихъ пановъ (1467), и Юрій соглашался на перемиріе изъ особенной любви къ королю Казимиру, съ благодарностью признавая всѣ старанія милого брата своего о водвореніи мира въ чешскомъ королевствѣ „славянскаго языка“ ³⁾).

¹⁾ *Consilia pro regno Bohemiae*, статья въ рукописи Император. Публ. Библиотеки (разноязычныя, F. IV. 105), которую мы описали въ ж. *Časopis Česk. Musea* 1880, p. 417.

²⁾ *Geschichten der Stadt Breslau* II. 60.

³⁾ *Archiv český* IV. 147—164, *Urkundl. Beiträge zur Geschichte Georg's v. Poděbrad* 482, 496—517; рассказъ Длугоша и Эшенлоэра

По поводу этой примирительной роли Польши одинъ чешскій стихотворецъ радуется тогда, что славный и могущественный король Казимиръ совершилъ примиреніе въ замѣшавшемся стадѣ „въ славнѣйшемъ языкѣ славянскомъ“, и просить бога и святыхъ дѣдичей славянскихъ, Вячеслава, Людмилу, Прокোпа, Иеронима, Станислава и др., помогать въ этомъ дѣлѣ ¹⁾).

Польскій король Казимиръ не принялъ чешской короны, но принялъ ее угорскій король Матвѣй, и—хотя у него на шеѣ былъ опасный врагъ, Турки—началъ по наущенію римскаго папы войну противъ чешскихъ „еретиковъ“. Тщетно Казимиръ старался помѣшнать войнѣ между королями чешскимъ и угорскимъ. Юрій, въ началѣ угорской войны, возобновилъ свой давнишній планъ и подавалъ Казимиру надежду, что одинъ изъ его сыновей будетъ избранъ въ чешскіе короли, что Казимиръ принялъ съ удовольствіемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Юрій просилъ польскаго короля не оставлять и поддерживать его. Находясь уже въ лагерѣ подъ Лавою на границѣ моравско-австрійской, Юрій писалъ Казимиру (20 апрѣля 1468), что Зденѣвъ изъ Штернберга и его товарищи, веди угорскаго короля противъ своего отечества, не видятъ послѣдствій своего поступка; они стремятся сдѣлать все зло посредствомъ иностранцевъ и иноплеменниковъ, готовятся всякими безбожными дѣлами и коварствами погубить „насъ, наше королевство и нашъ языкъ славянскій“; Казимиръ пусть не оставитъ его а поможетъ ему: ибо если иноплеменники погубятъ

въ 1467-ому г. Срв. Палацкаго *Dějiny* n. č. IV. 2. p. 415. Въ сношеніяхъ съ польскими послами употреблялся кромѣ языка латинскаго и чешскій, о чемъ см. *Archiv český* IV. 160, *Urkundl. Beiträge* 507.

¹⁾ Стихотвореніе въ упомянутой петербургской рукописи (*Časopis Česk. Mus.* 1880, p. 416):

*Mitte nobis auxilium, da nobis adjutorium, Kazimirum nunc regem,
 s nunc se interposuit, tuo nutu disposuit, ut pacificet gregem
 Nostro gravi disturbio turbatum in linguagio praocinlyto Selavorum,
 Vere nostri compatiens, prudentissimos dirigens nuncios Polonorum*
 [etc.

чешскій народъ, то надо опасаться, что они намѣрены сдѣлать такъ и Польшѣ, какъ это бывало и прежде ¹⁾. Также и на сеймѣ пѣтровскомъ (въ октябрѣ 1468 г.) посоль короля Юрія, Павелъ, пробощъ здеразскій изъ Праги, просилъ Казимира, не допустить, чтобъ королевство дружественное и одного языка славянскаго было разорено и погублено ²⁾. Въ Польшѣ повторялось до извѣстной степени то, что было за нѣсколько десятилѣтій назадъ въ началѣ гуситскаго движенія. Поляки и ихъ король по поводу своихъ народныхъ симпатій клонились къ своимъ соплеменникамъ Чехамъ; но эти симпатіи все-таки не могли развернуться вполнѣ, придавливаемая религіозными антипатіями и воплемъ католическаго духовенства, ратовавшаго противъ общенія съ проклятыми Римомъ еретиками. Но эти антипатіи не были столь сильны, какъ поль-вѣека тому назадъ. Поляки—замѣтилъ современный Петръ Эшенлоэръ, вратиславскій пясарь, врагъ Чеховъ и Поляковъ, внимательно слѣдившій за тогдашнею политикою,—не ненавидятъ Чеховъ, и оба народа будучи одного языка, не допустить гибели одного или другого. Ересь отнюдь ихъ не раздѣляетъ; разница между Поляками и Чехами относительно благочестія и повинновенія папѣ незначительна; Поляки, конечно, больше расположены къ папѣ чѣмъ Чехи, но

¹⁾ *Nec isti debite finem perspiciunt, omne malum per extraneos et alienigenas inducere conantur, nos, regnum nostrum et linguam nostram slavonicam per omne nefas et excogitatas malitias destruere machinantur... Nam, quod tamen absit, si alienigenae et extranei nos et linguam nostram opprimerent, timendum est, ne fraternitatem vestram et subditos vestros, sicut superioribus temporibus contigebat, opprimere nitentur.* (Письмо сохранилось въ петербургской рукописи; срв. *Časopis Česk. Musea* 1880, p. 415). Мысли, высказанныя въ этомъ письмѣ Юріемъ, напоминаютъ мысли короля Премысла II Отакара; см. выше, стр. 25—26.

²⁾ Длугошъ V. 503, 515. Срв. Палацкаго *Dějiny* IV. 2. p. 468, 474; Рапѣе: *Polityka polska w czasie upadku Jerzego z Podiebradu* (sic) *w obec kwestyi następstwa w Czechach* (Rozprawy krukow. akademii VIII, 1878); Sutowicz: *Walka Kazimierza Jagiellończyka z Maciejem Korwinem o koronę czecką* (Kraków 1876).

бываютъ случаи, когда и Поляки сильно бранятъ папу и съ удовольствіемъ слушаютъ бранныя рѣчи о папѣ; еслибъ въ Польшѣ не еопротивлялось высшее духовенство и его друзья, то христіанское послушаніе встрѣчалось бы въ Польшѣ рѣже, чѣмъ въ Чехіи. Сохрани боже—воскликаетъ этотъ Нѣмецъ — чтобъ соединились въ ереси Чехія и Польша! ¹⁾

На симпатіи Поляковъ и Чеховъ жалуется папскій легатъ епископъ Рудольфъ. Когда онъ въ началѣ 1468 г. предлагалъ чешскую корону бранденбургскому курфюрсту Фридриху, то упомянулъ тоже объ опасности въ томъ случаѣ, еслибъ эту корону принялъ польскій король. Самъ римско-нѣмецкій король указывалъ-де легату на необходимость, чтобъ чешская корона досталась сильному нѣмецкому князю, именно курфюрсту Фридриху, въ избѣжаніе многихъ бѣдствій, которыя могутъ произойти отъ соединенія Чехіи и Польши; слезскіе князья и города по большей части тоже желаютъ не польскаго короля, а нѣмецкаго князя, именно курфюрста. Самъ папа не желаетъ польскаго короля на чешскомъ престолѣ, не довѣряя Полякамъ и ихъ готовности въ случаѣ приобрѣтенія польскимъ королемъ чешской короны, искоренить въ Чехіи ересь. Польскіе прелаты и паны — разсуждалъ дальше легатъ, бывший тоже въ Польшѣ—убѣждены, что польская корона имѣетъ старыя права на бранденбургскую марку; эти права осуществятся, когда польскій король или его сыновья приобрѣтутъ Чехію. По этому Польша находится съ обѣими чешскими партіями въ хорошей дружбѣ; по смерти Юрія или даже добровольнымъ его уступленіемъ приобрѣтетъ чешскую корону король Казимиръ или его сынъ; потомъ можетъ приобрѣсти

¹⁾ Вратиславская исторія Эшенлоэра (латинскій текстъ изданный въ *Scriptores rerum siles.* VII. 148, нѣмецкій—позднѣйшій—изданный Кунишемъ, II. 88—89, 190). Изъ латинскаго текста: „Puto Polonos non odire Bohemos, quia unius linguae unus alterius“ destructioni non consentiet, neque haeresis neque offensa qualiscunque dei differentiam faciet inter Polonos et Bohemos.“ Эшенлоэръ въ своей исторіи помѣстилъ много актовъ и писемъ того времени, относящихся къ дѣламъ чешско-польскимъ.

и марку, Австрію—какъ наслѣдство послѣ короля Ладислава — и другія земли. Если же еретическая земля достанется Польшѣ, то надо опасаться, что ересь не уменьшится, а распространится на большой стыдъ и срамъ христіанству; польскіе попы въ теченіи многихъ лѣтъ благопріятствовали ереси, многіе паны и шляхта въ Польшѣ отравлены ересью, да многіе еретическіе попы въ Чехіи—Поляехи. Польскіе паны, духовные и свѣтскіе, называютъ еретика Юрика, котораго папа проклялъ и лишилъ престола, все королемъ. Бранденбургскій курфюрстъ соглашался съ легатомъ на счетъ опасности, которая могла бы возникнуть и для него въ слѣдствіе соединенія обонхъ народовъ, Поляковъ и Чеховъ, въ одну державу, но по разнымъ причинамъ не принималъ предложенія легата ¹⁾).

Избраніе угорскаго короля Матвѣя въ чешскіе короли чешскими повстанцами ускорило избраніе польскаго королевича Владислава Казимировича наслѣдникомъ чешскаго престола. Это состоялось еще при жизни короля Юрія и по его побужденію на пражскомъ сеймѣ въ іюнѣ 1469 года. Юрій очень желалъ, чтобъ это дѣло, столь полезное для чешской короны, состоялось и чтобъ ему не помѣшали возни людей, которые хотѣли бы, чтобъ ему

¹⁾ Codex diplomat. Brandenburg., ed. Riedel, C. I. p. 455; срв. Droysen: Geschichte der preuss. Politik II. 1. p. 343, Palacký: Dějiny ч. њ. IV. 2. p. 427—429. Легатъ очевидно сильно преувеличивалъ склонность Поляковъ къ гуситству, и едва-ли правда, что „der zweinzigste lotterpfaffe, die die ketzer zu Behem haben, ist nicht ein Behem, sondern ein Polack“. Съ другой стороны мысли Іоанна изъ Остророга (см. ниже) указываютъ на значительное раздраженіе Поляковъ противъ папы, епископовъ и вообще духовенства. Замѣтимъ, что тогда Римъ придумалъ планъ раздѣленія чешскаго государства не только отторженіемъ отъ него коронныхъ земель, а тоже раздѣленіемъ самой Чехіи на нѣсколько самостоятельныхъ княжествъ и графствъ. Григорій изъ Геймбурга, который упоминаетъ объ этомъ планѣ въ письмѣ 26 августа 1469 г. (Kaiserliches Buch des M. Albrecht, p. 215), говоритъ, что такой планъ имѣлъ уже папа Мартынъ въ 1422 г., и что съ нимъ соглашался польскій король Владиславъ Ягайло.

и его королевству было плохо; онъ надѣялся и радовался, что нынѣ оба короля, чешскій и польскій, другъ другу будутъ помогать противъ Матвѣя, такъ какъ онъ, Юрій, „по поводу общаго языка расположенъ къ своему милому брату, польскому королю Казимиру“¹⁾). Съ другой стороны Юрій думалъ,—съ помощью бургундскаго герцога Карла—потрасти римско-нѣмецкую имперію въ ея основаніяхъ и ислѣчить изъ нея чешскую корону; планы, которые однако не удались. Чешскіе послы отирались въ Пётрковѣ на сеймѣ, и здѣсь король Казимиръ принялъ избраніе своего сына въ чешскіе короли, но съ оговоркою, если папа согласится. Съ тѣхъ поръ чешскія дѣла сдѣлались близкими для Польши и ея королевскаго рода, и Польша, въ виду своего наслѣдства въ Чехіи, стала дѣйствовать въ ея пользу: Поляки — по словамъ современнаго П. Эшенлоэра—никоимъ образомъ не хотять бросить „еретиковъ“, ни оставить чешскаго королевства въ рукахъ короля угорскаго²⁾).

По смерти короля Юрія (1471) Чехи на избирательномъ сеймѣ въ Кутной Горѣ большинствомъ голосовъ избрали въ короли Владислава Казимировича. Нѣкоторые хотѣли имѣть королемъ самого Казимира; эта мысль, чтобъ польскій король и великій князь литовско-русскій сталъ королемъ чешскимъ, мысль, которая, въ случаѣ ея осуществленія, имѣла бы для всего славян-

¹⁾ Sommersberg: *Scriptores siles. rerum* I. 1033; *Das knaiserliche Buch des M. Albrocht* p. 204, гдѣ помѣщено письмо Юрія маркграфу Альбрехту отъ 11 іюля 1469. Юрій пишетъ между прочимъ, что „jezunt unser treffliche botschaft, die er bei uns gehabt hat, zu ihm geritten in hoffnung, hilf und beistand wider den konig von Ungern zu erlangen, und binwider auch zu leisten, als wir ihm unsern Bruder (такъ читаемъ вмѣсто напечатаннаго: und seinen bruder) von gemeinschaft wegen des gezunges billich und wol geneigt sein“.

²⁾ *Scriptores rerum siles.* VII. 227, Длугошъ V. 534, Palacký *Urkundliche Beiträge zur Geschichte Georg's v. Poděbrad* 610; ср. Palacký *Dějiny n. č. lV.* 2. p. 516, 537, 572, *Caro Geschichte Polens* V. 308, 315, 326, 493 (современное извѣстіе о пётрковскомъ сеймѣ).

скаго міра столь важныя послѣдствія, — къ сожалѣнію не принята: чешскимъ королемъ сталъ не самъ король польскій, а его сынъ королевичъ Владиславъ; чешская корона не присоединена въ коронѣ польской, не вырвана изъ объятій священной римской имперіи нѣмецкаго народа и изъ водоворота нѣмецкой политики, не введена въ кругъ восточно-славянской политики; въ Чехіи воцарилась только польско-литовско-русская династія Ягайловичей. Объ угорскомъ королѣ Матвѣѣ, избранномъ уже раньше въ чешскіе короли чешскими повстанцами, Чехи собравшіеся въ Кутной Горѣ и слышать не хотѣли. Посолъ короля польскаго, Добеславъ изъ Курозвенъ, вастелянъ люблинскій („панъ Любельчикъ“), въ своей рѣчи указывалъ между прочимъ на сходство языка и обычаевъ и на родство обоихъ народовъ, польскаго и чешскаго, говорилъ объ ихъ взаимной любви и дружбѣ засвидѣтельствованныхъ изъ-давна; нѣтъ людей, которые бы помнили, чтобъ оба народа ненавидѣли другъ друга и воевали съ собою; Чехи въ смутное время королей Сигизмунда и Альбрехта просили отъ польскаго короля не только помощи а тоже короля; король Казимиръ и Юрій жили въ вѣрной дружбѣ; Казимиръ всегда старался искренно и дѣятельно предотвратить всѣ бѣдствія, которыя за послѣдніе годы преслѣдовали Чехію, а Юрій самъ искалъ своего наслѣдника и преемника въ Польшѣ и нашелъ его въ королевичѣ Владиславѣ. Король Владиславъ успокоитъ Чеховъ, папа и императоръ не будутъ противъ нихъ, Казимиръ какъ ближайшій сосѣдъ будетъ ихъ покровителемъ, и они пріобрѣтутъ много союзниковъ, найдутъ много единоплеменниковъ одного народа и языка ¹⁾.

¹⁾ Объ избирательномъ сеймѣ кутногорскомъ см. между прочимъ письмо (28 мая 1471 г.) оломуцкаго каноника легату Рудольфу (M. Jordan: Das Königthum Georgs von Poděbrad, Leipzig 1861, p. 519), и современную записку въ кутногорскихъ городскихъ книгахъ (Výbor z literatury české II. 850). Рѣчь пана Любельчика („Любевчика“ въ кутногорской запискѣ), какъ ее сообщаетъ Вонфини (Regum hungaricorum decades, Basileae 1568, p. 584), не была навѣрно сказана въ такой формѣ. Изъ Вонфини рѣчь списана въ одной рим

Чешское посольство, во главѣ его моравскій гейтманъ или староста панъ Цтиборъ изъ Цимбурга, принято въ Краковѣ съ торжествомъ; присутствовали даже нѣкоторые духовные сенаторы, съ архіепископомъ гнѣзенскимъ во главѣ. Владиславъ принялъ предложенныя ему условія, и провозглашенъ, въ присутствіи чешскихъ пословъ и многихъ польскихъ пановъ, чешскимъ королемъ; въ польской рѣчи къ Полякамъ и Чехамъ связалъ онъ между прочимъ, что принимаетъ чешскую корону въ честь божію, размноженіе вѣры христіанской и возвышеніе славянскаго языка. Чехи видѣли въ избраніи Владислава тоже размноженіе вѣры христіанской и языка славянскаго ¹⁾. Всѣ паны, духовные

ской рукописи, и оттуда списана вновь въ сборникъ Teki Naruszowicza; изъ нихъ же перепечатана у Голэмбевскаго (Dzieje Polski za panowania Kazimierza, 268), Сутовича и въ Codex epist. saec. XV, t. II. p. 250. Срв. Palacký Dějiny n. č. V. 1 (начало) и Caro Geschichte Polens V. 337 sqq.

¹⁾ Длугошъ V. 553, Archiv český IV. 451, 455, Sborník historický vyd. Rezek, II. 184, Codex epistolaris saec. XV, t. II. p. 256. Грамота чешскихъ пословъ въ Краковѣ отъ 29 июня у Догеля (Codex diplom. Poloniae I. Nro 20 „ex originali“) по всей вѣроятности сочиненіе Догеля; имена чешскихъ пословъ исковерканы и въ (латинской) грамотѣ приведены на чешскій ладъ (Azimbor de Azimborka et de Thomaszowa Hajtman march. Moraviae! = Stibor z Cimburka a z Touačova hajtman mark. moravského, etc.); въ числѣ чешскихъ требованій встрѣчается и слѣдующее: „2. Lingua etiam sclavonica in toto regno nostro duntaxat sit in usu, neque in instrumentis publicis alia aliqua extranea lingua uti liceat“—требованіе странное, такъ какъ въ Чехіи и въ Моравіи официальный языкъ не былъ иной какъ чешскій. Догель вообще часто коверкаетъ чешскія имена (срв. нашъ I Отчетъ 1882 г., стр. 73), явленіе довольно обыкновенное и у новѣйшихъ польскихъ историковъ; они, занимаясь сношеніями Поляковъ и Чеховъ въ XV вѣкѣ, не изучаютъ чешскаго языка, пользуются нѣмецкимъ изданіемъ исторіи Чехіи Палацкаго, и пишутъ въ своихъ польскихъ сочиненіяхъ по-нѣмецки, на пр. Aussig (вмѣсто Ustie), Mies (Strzybro), Hradysz (Hradisztie), Neuhaus (Hradec), Grünberg (Zelena Hora), Taja (Dyja), Jerzy Podiebrad (вм. Jerzy Podiebradzki, Jerzy z Podiebrad), Zdenko Konopnicki (тоже у Длугоша) вм. Zdeniek Konopisztski и пр. Самъ Длугошъ часто коверкаетъ чеш-

и свѣтскіе, въ Польшѣ, Литвѣ и Руси—такъ рассказывалъ потомъ одинъ изъ чешскихъ пословъ Павелъ, пробощъ здеразскій, своимъ землякамъ — охотно обѣщали, что они будутъ помогать своему королевскому роду для пріобрѣтенія чешской короны, что они согласились на небывалую большую подать, и что вообще говорится, какъ будто Чехи, Поляки, Литовцы и Русскіе составляютъ одно. Тоже Вратиславлянъ извѣщаль посоль обоихъ королей, Казимира и Владислава, что оба королевства, Чехія и Польша, будутъ нынѣ составлять одно, соединенное въ дружбѣ и мирѣ на обоюдную пользу ¹⁾.

Избраніе польскаго королевича Владислава было въ Чехіи очень популярно, и его привѣтствовали съ большимъ удовольствіемъ. Въ Прагѣ гуситскій попъ Михаэль, происхожденіемъ и прозвищемъ Полякъ, усердно агитировалъ въ пользу Владислава; противники польской партіи должны были оставлять Прагу, между прочимъ Григорій изъ Геймбурга, бывший совѣтникъ короля Юрія, такъ какъ онъ, истый Нѣмецъ, не переставалъ бранить Поляковъ вообще и Владислава въ особенности. Нѣмцы встрѣтили избраніе польскаго королевича въ чешскіе короли съ большимъ неудовольствіемъ, и, равнымъ образомъ какъ въ

скія имена; но новѣйшій его польскій переводчикъ превзошелъ здѣсь свой подлинникъ, просто срамъ! Если Ст. Смолька (Szkice, 144) или А. Прохаска (Szkice, 208) думаютъ, что въ XV в. языки польскій и чешскій были другъ другу гораздо ближе, чѣмъ нынѣ, то сейчасъ видно, что они не изучали чешскихъ памятниковъ XV в. (на пр. въ сборникъ Archiv český), не читали чешскаго изданія исторіи Палацкаго, не сравнивали языка юридическихъ памятниковъ чешскихъ и польскихъ XV вѣка. Желательно, чтобы эта формальная сторона новѣйшей польской историографіи измѣнилась къ лучшему, а то она въ этомъ отношеніи мало отличается отъ нѣмецкихъ сочиненій на пр. Гефлера, Грюнгагена, Каро, которые относятся къ славянской номенклатурѣ довольно небрежно.

¹⁾ Palacký Dějiny národu českého V. 1. p. 39; Eschenloer ed. Kupisch, II. 233. Срв. нашъ I Отчетъ (1882), стр. 68. Польскіе епископы прибыли въ Прагу на коронацію Владислава поздно, вѣроятно умышленно. (Manualnik m. V. Korandy, vyd. J. Truhlář, str. 127.)

1438—1439 и 1467 гг., такъ и нинѣ на имперскомъ сеймѣ въ Регенсбургѣ (1471) разсуждали о томъ, что на чешскомъ престолѣ нельзя терпѣть ни Угринъ ни Поляка, такъ какъ чешскій король долженъ быть первый свѣтскій курфюрстъ въ имперіи, слѣдовательно не иного рода какъ нѣмецкаго ¹⁾. Но слабость имперіи не дозволила ничего предпринять ни противъ Турокъ, ни противъ Чеховъ.

Сопернику Владислава, Матвѣю угорскому, король Казимиръ справедливо указывалъ на то, что лучше воевать противъ Турокъ, которые по поводу чешской войны угрожаютъ уже самой Угріи; было бы лучше, чтобъ Матвѣй отказался отъ чешской короны и чтобъ чешскіе паны его, угорской, партіи признали чешскимъ королемъ Владислава; такимъ образомъ удалось бы Владиславу въ Чехіи успокоить всѣ раздоры и междоусобицы и залѣчить раны ²⁾. Чехи, отражая притязанія короля Матвѣя на чешскую корону, извѣщали его, что польскій королевичъ Владиславъ избранъ изъ нѣсколькихъ кандидатовъ потому, что чешскій народъ надѣется, что черезъ него и при помощи его отца короля Казимира возвысится честь божія и вѣра христіанская, успокоится чешское королевство, и возвысится „слава нашего народа и языка славянскаго“ ³⁾. Это указаніе на общее славянское происхожденіе обоихъ народовъ, чешскаго и польскаго, и на

¹⁾ См. письмо Эшенлоэра у М. Иордана: *Das Königthum Georgs v. Poděbrad* p. 369, Палацкаго *Dějiny* п. č. V. 1. p. 40.

²⁾ *Codex epistolaris saec. XV, t. II. p. 253.* Въ подобномъ смыслѣ писалъ тогда архіепископъ гнѣзненскій Вратиславланамъ: *Reus Ungariae, propriis commoditatibus et necessitudinibus regni sui omissis, terras suo regno subjectas (здѣсь говорится вѣроятно о Босніи) in ditionem infidelium Teucrorum dedit, suos a perfidis Turcis tueri non potest etc.* (Mosbach: *Przyczynki do dziejów polskich z archiwum m. Wrocławia*, 111, 112). Срв. мѣткія слова Серба Константиновича о жалкой полтигѣ Матвѣя Корвина, во II т. сочин. „Славяне“, стр. 86.

³⁾ Dobner: *Monumenta historica Boemiae* II. p. 433.

славянскій характеръ польской династїи—въ виду угорскаго короля Матвѣя — имѣетъ свое значеніе. И король Матвѣй зналъ очень хорошо чешскій (чешско-словенскій) языкъ, во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ польскій королевичъ; изъ канцеляріи короля Матвѣя выходили грамоты чешскія и сербскія, и не безъ причины восхваляетъ его бібліотекарь и біографъ, Итальянецъ М. Галеотъ, что онъ, зная по-„славянски“ и по-„болгарски“, могъ хорошо говорить и безъ переводчиковъ съ разными Славянами, съ Чехами, Поляками, Русскими, Хорватами, Далматинцами, Сербами и Болгарами; однажды польскіе послы говорили съ нимъ умышленно по-польски, а не по-латыни, чтобъ ихъ понималъ одинъ только король Матвѣй, а не его придворные ¹⁾.

Польскій король Казимиръ выступилъ дѣятельно въ пользу своего сына Владислава, и помогалъ ему въ войнѣ съ Уграми. Но Казимиръ не былъ счастливъ, располагая не всѣми силами державы Ягайловичей, Польши, Литвы и Руси, какъ надѣялся здразсвій пробоцъ Павелъ; политика польскаго короля поддерживалась только силами Польши и польской партіи Чехіи, между тѣмъ какъ Матвѣй Корвинъ располагалъ силами не только своего угорскаго государства, а тоже коронныхъ земель чешскихъ, Моравіи, Слезіи и Лужицъ. Король Матвѣй рассчитывалъ тоже на вѣмьцкихъ крестоносцевъ, а Казимиръ надѣялся на сверженіе Матвѣя и на избраніе своего младшаго сына Казимира въ угорскіе короли. Молодой Казимиръ Казимировичъ дѣйствительно избранъ многими угорскими магнатами и епископами—во главѣ ихъ стояли архіепископъ остригомскій Іоаннъ Витезь изъ Средны и его племянникъ епископъ пещушскій Іоаннъ Людичъ (из-

¹⁾ Galeotus: Commentarius de Mathiae Corvini dictis et factis (Schwandtner: Scriptorum rerum hungar. I. 557, 537). Slavina lingua у Галеота (мать-де остальныхъ славянскихъ языковъ)—языкъ словинскій (хорватско-сербскій); языкъ болгарскій—вѣроятно церковно-словѣнскій или сербскій, писанный кириллицею. Сербскія грамоты Матвѣя см. въ сборникѣ Миклошича Monumenta Serbica, чешскія въ сб. Палацкаго Archiv český VI; въ одномъ чешскомъ письмѣ (VI. 49) король Матвѣй приводитъ и нѣсколько польскихъ словъ.

вѣстный гуманистъ Janus Pannonius), оба Хорваты—но не удержался на угорскомъ престолѣ. Въ этой войнѣ королей Казимира, Владислава и Матвѣя опять играли печальную роль чешскія наемныя роты, воевавшія на обѣихъ сторонахъ другъ противъ друга. Цѣлость чешской короны на время разорвана: король Владиславъ отстоялъ только Чехію, а чешскія коронныя земли, Моравія, Слезія и Лужицы остались угорскому королю Матвѣю. Это расторженіе чешской короны устранилъ не союзъ королей Владислава и Казимира 1489 г. ¹⁾, а смерть Матвѣя (1490). Король Владиславъ избранъ тогда въ угорскіе короли, и такимъ образомъ не только восстановлена опять цѣлость чешской короны, а тоже соединены обѣ короны, чешская и угорская (съ хорватскою) на головѣ Ягайловича. Но приобрѣтеніе угорской короны не обошлось для Владислава безъ борьбы. Нѣмцы смотрѣли съ недовѣріемъ и злобою на такое усиленіе славянскихъ Ягайловичей въ средней и юговосточной Европѣ; римско-нѣмецкіе императоръ Фридрихъ и король Максимилианъ обратились въ патриотизму Нѣмцевъ въ виду избранія чешскаго короля Владислава въ угорскіе короли и въ виду возможнаго отторженія чешской короны отъ священной римской имперіи нѣмецкаго народа и включенія той короны въ угорскую; такое соединеніе Польши, Чехіи и Угріи принесло бы безчисленныя бѣдствія св. имперіи, нѣмецкому народу и всему христіанству ²⁾. Да, король Максимилианъ попытался добыть себѣ угорскую корону съ оружіемъ въ рукахъ. Съ другой стороны королю Владиславу пришлось бороться изъ-за угорской короны съ роднымъ своимъ братомъ Іоанномъ Альбрехтомъ, на котораго угорскій канцлеръ епископъ Іоаннъ Филипецъ, Чехъ, старался, отъ имени Владислава, дѣйствовать въ примирительномъ духѣ во имя славянской солидарности ³⁾. Во время этой борьбы изъ-за угорской короны въ Угріи

¹⁾ Dogiel I. Nro 21, нашъ I Отчетъ 1882, стр. 70, Палацкаго Dějiny n. č. V. I. p. 290. Срв. Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia, ed. Theiner, II. 526.

²⁾ Janssen: Frankfurts Reichsrespondenz II. 546.

³⁾ См. „Славяно“, II. 208.

проявился антагонизмъ между Уграми (Мадьярами) и Славянами: по поводу сдачи города Весприма Максимилиану тамошнимъ епископомъ Хорватомъ Іоанномъ Витеземъ, племянникомъ покойнаго архіепископа Витеза, Угры стали смотрѣть вообще на южныхъ Славянъ какъ на измѣнниковъ. Съ другой стороны и королевичъ Іоаннъ Альбрехтъ высказалъ такую мысль, что Угрія собственно старинная родина славянскаго народа, которую Угры, незнатный народъ Азіи, завоевали, прогнавши и побѣдивши разрозненныхъ древнихъ Славянъ, праотцевъ Поляковъ; по этому вполне справедливо требовать эту землю у Угровъ обратно ¹⁾.

Воцареніемъ Ягайловичей въ Чехіи и въ Угріи и Хорватіи славянскіе народы средней и юговосточной Европы вошли въ болѣе близкія сношенія съ славянскими народами Польши, Литвы и югозападной Руси. Владѣнія Ягайловичей-Казимировичей, Владислава, Іоанна Альбрехта и Александра, государства чешское и угорско-хорватское, польское, литовско-русское, считались до извѣстной степени какъ бы однимъ цѣлымъ, части котораго соединялись интересами царствующаго въ нихъ одного рода ²⁾, именно относительно внѣшнихъ враговъ, съ одной стороны Нѣмцевъ а съ другой сѣверовосточныхъ Русскихъ; борьба католическихъ польско-литовскихъ Ягайловичей и православныхъ русско-московскихъ Рюриковичей изъ-за югозападной Руси и вообще изъ-за первенства на славянскомъ востокѣ находила свои отголоски тоже во владѣніяхъ Ягайловича Владислава и среди подвластныхъ ему славянскихъ народовъ. Еще въ 1488 г., при жизни угорскаго короля Матвѣя, посоль римскаго императора Фридриха въ Москвѣ, Слезакъ Ниволай Попель, называлъ

¹⁾ Это рассказываетъ современный Дубровчанинъ Людовикъ Црѣвичъ (Tubero) въ своихъ *Commentarii de temporibus suis* (Schwandtner: *Scriptores rerum hungar.* II. 159, 178). Срв. „Славяне“, II. 225.

²⁾ См. слова Ваповскаго о Казимировичахъ во II т. соч. „Славяне“, стр. 207.

Поляковъ и Чеховъ врагами великаго князя русскаго Ивана Васильевича, и два года спустя великій князь Иванъ и римско-нѣмецкій король Максимилианъ трактовали о союзѣ противъ польскаго короля Казимира, чешскаго короля Владислава и прочихъ его сыновей, именно относительно занятія угорскаго престола послѣ Матвѣя Корвина ¹⁾. Во время войны между Литвою и Москвою въ 1501 г. великій князь литовскій Александръ прямо увѣщевалъ своего брата Владислава, чтобъ онъ ему помогалъ противъ Ивана во имя родства и братской любви. Посоль Александръ, князь Глинскій, просилъ Владислава, „абы Ясность Ваша въ таковой часъ рачили Его Милости быти радни и помочни противку такому окрутному и запаметалому неприятелю, не только для крове и братское милости, але и для вѣры светое христіанское, котораяжъ есть тамъ въ земли литовской вольно вщепена и зъ великою працою и печою черезъ славное памяти дѣда Ваше Ясности, короля польскаго и великаго князя литовскаго Владислава, есть вкоренена. Тако бо отъ оныхъ лѣтъ ажъ до нынѣшнихъ часовъ Русь покушаются ее сказити и згладити, не только Мосева, але и отъ подданныхъ князатъ земли нашего милостиваго пана нѣкоторые“ ²⁾. Послы королей польскаго и угорско-чешскаго въ Москвѣ старались примирить обоихъ воюющихъ велвнхъ князей, литовскаго и московскаго, и угрожали великому князю Ивану даже войною со стороны своихъ королей, которые считаютъ-де своимъ долгомъ помогать своему брату и княжеству литовскому, откуда сами произошли и гдѣ начался ихъ родъ ³⁾. Также въ 1508 г. король Владиславъ писалъ ве-

¹⁾ Памятники дипломат. сношеній древней Россіи I. 10, 37. Срв. тоже „Славяне“, II. 398.

²⁾ Несомнѣнно, что чешскіе и угорско-славянскіе паны при дворѣ короля Владислава поняли такую рѣчь безъ особаго затрудненія.

³⁾ Акты западной Россіи I. Nros 186—188. Посломъ Владислава былъ Матіашъ Чезелитскій, королевскій постельничій, Чехъ (изъ Чечелиць?), Словакъ или Полякъ; въ его русскихъ рѣчахъ можно замѣтить нѣкоторые слѣды западнославянскихъ нарѣчій.

ликому князю Ивану, чтобъ онъ жилъ въ мирѣ съ польскимъ королемъ, и увѣщевалъ обоихъ государей прекратить ихъ обоюдную вражду и скорѣе соединиться съ остальными христіанскими государями противъ Турокъ ¹⁾).

Большимъ уваженіемъ пользовался у Чеховъ польскій король Сигизмундъ, младшій братъ короля Владислава. Онъ еще какъ королевичъ (въ 1499 — 1506 гг.) жилъ въ земляхъ чешской короны, какъ князь опавскій и глоговскій, и намѣстникъ слезскій и лужицкій, и могъ ознакомиться хорошо съ положеніемъ чешскаго государства, и—особенно какъ князь опавскій— съ чешскимъ языкомъ. По смерти короля Владислава король Сигизмундъ, вмѣстѣ съ королемъ Максимилианомъ, сдѣлался опекуномъ молодого угорско-чешскаго короля Людовика Владиславовича. Чехи требовали отъ Сигизмунда, чтобъ онъ, какъ Полякъ, заботился о томъ, чтобъ „чешское королевство не пропало подѣ королемъ польскаго рода“; они часто писали ему о своихъ дѣлахъ и просили его совѣта, не только на языкѣ латинскомъ, а тоже на языкѣ чешскомъ, который Сигизмундъ хорошо зналъ. Съ своей стороны польскій король, признавая „искреннюю любовь и уваженіе“ Чеховъ къ нему, часто обращалъ вниманіе на положеніе дѣлъ въ сосѣднемъ чешскомъ государствѣ и старался умнотворить враждебныя партіи ²⁾). Успѣхи и побѣды польскаго короля Чехи считали какъ-бы своими собственными. Такъ было на пр. послѣ побѣды подѣ Оршею, одержанной Сигизмундомъ надъ Русскими (1514); этой побѣдѣ искренно радовался чешскій канцлеръ панъ Ладиславъ изъ Штернбер-

¹⁾ Письмо Владислава въ Метрику литовской того года.

²⁾ Много актовъ о чешскихъ дѣлахъ см. въ собраніи польскаго подканцлера Петра Томицкаго (*Acta Tomiciana*), нѣкоторые чешскіе акты королевской канцеляріи въ Слезію въ сборникѣ Бонедкаго-Бобовскаго, Nos 115, 126, *Codex dipl. Silesiae* VI. p. 172. Срв. Ваповскаго хроникю (*Script. rerum polon.* II. 193, 344 о посольствѣ Андрея Тэнчянскаго въ Прагѣ), и вообще Палацкаго *Dějiny* ч. 5., d. V. Замѣтимъ, что въ библиотекѣ короля Сигизмунда находились тоже чешскія книги.

га, стоя вполнѣ на сторонѣ Поляковъ и называл Русскихъ „разбойниками“. Подобно тому Пражане, вмѣстѣ съ посломъ польскаго короля, праздновали побѣду Сигизмунда надъ Русскими подъ Стародубомъ (1517) ¹⁾. Когда же король Сигизмундъ началъ войну съ прусско-бранденбургскимъ Альбрехтомъ (1520), то чешскій король Людовикъ строго запретилъ нанимать войско въ Чехіи и Моравіи для Альбрехта, дозволяя это, въ случаѣ нужды, одному только королю польскому. Этою войною любимаго польскаго короля очень интересовалъ выдающійся тогда чешскій панъ Вильгельмъ изъ Пернштейна; онъ, прося извѣстій о войнѣ у слезско-тѣшинскаго князя Казимира, замѣчаетъ, что онъ желаетъ много узнать не изъ простаго любопытства, а изъ искренней любви къ польскому королю, которому желаетъ всего добра; въ Нѣмцамъ же „нашъ языкъ“ есобеннаго благоволенія питать не можетъ ²⁾.

3. Габсбурги на чешскомъ престолѣ. Ихъ стремленія пріобрѣсти польскую корону, и чешскіе паны какъ ихъ послы въ Польшѣ. Вильгельмъ изъ Розенберга—кандидатъ польской короны. Розенбергъ и Замойскій. Возстаніе Чеховъ противъ Габсбурговъ, отношеніе Польши къ чешскому возстанію, паденіе чешскаго государства. Паденіе Польши.

Больше чѣмъ полъ-вѣка польско-литовскіе Ягайловичи занимали престолъ чешскій и угорскій. Когда же онъ упраздненъ послѣ короля Людовика, погибшаго въ мохачской битвѣ (1526), то король Сигизмундъ, ссылаясь на свое „право“ на чешскій престолъ — которое-де имѣетъ свое основаніе въ его родствѣ съ погибшимъ королемъ Людовикомъ — предлагалъ себя Чехамъ

¹⁾ Письмо пана Ладислава изъ Штернберга (3 окт. 1514 г.) пану Зденку изъ Рожмитала (списокъ въ архивѣ Чешскаго Музея); *Starí letopisové čestí*, 403.

²⁾ *Archiv český* II. 142.

въ короли, и просилъ у чешскихъ пановъ поддержки. У Сигизмунда были приверженцы среди чешскихъ пановъ, тоже въ Слезіи и Лужицахъ, и польскій канцлеръ Христофоръ Шидловецкій сносился съ нѣкоторыми панами чешскими и слезскими, употребляя въ своей перепискѣ тоже чешскій языкъ ¹⁾. Но Сигизмундъ велъ свои дѣла столь слабо, что при избраніи чешскаго короля не было и слѣда какой-нибудь польской партіи въ Чехіи. На избирательномъ сеймѣ говорили по-нѣмеди послы всякихъ нѣмецкихъ князей, между тѣмъ какъ о послѣ польскаго короля—лицѣ на прежнихъ избирательныхъ сеймахъ чешскихъ столь важномъ и популярномъ — не было ни слуху ни духу; да одинъ нѣмецкій кандидатъ чешской короны, саксонскій курфюрстъ, носилъ противъ польской кандидатуры указывать на различіе правъ у Поляковъ и Чеховъ; а баварскій посолъ замѣтилъ, что Чехи не хотѣли короля Сигизмунда по поводу далекаго разстоянія его государства, причина невѣроятная въ виду сосѣдства обоихъ славянскихъ государствъ, чешскаго и польскаго ²⁾. Чешскіе избиратели новаго короля, собравшіеся въ пражскомъ соборѣ въ часовнѣ св. Вячеслава, и избравшіе Фердинанда Габсбурга, не были, конечно, Жижики, Птачки, Юрии, Циборы, и не искали уже, какъ тѣ ихъ праотцы, короля славянскаго рода; но съ другой стороны и польскій король Сигизмундъ, государь мудрый, имѣвшій формальное право на чешскую корону, пользовавшійся симпатіями среди Чеховъ, побуждаемый самимъ прусскимъ княземъ Альбрехтомъ добиваться чешской короны — не

¹⁾ Dogiel: Codex dipl. Poloniae I. Nro 28—30, Acta Tomiciana VIII. p. 254, 264; Mosbach: Przyczynki do dziejów polskich z archiwum m. Włocławia 137; Rezek: Král polský Sigmund uchází se o korunu českou r. 1526 (Slovanský Sborník 1881, p. 111).

²⁾ Rezek: Zvolení Ferdinanda za krále českého (Časopis Česk. Musea 1876, p. 515, 520). Слезско-легницкій князь Фридрихъ, советуя прусско-бранденбургскому Альбрехту добиваться чешской короны, пишетъ, что въ Чехіи и Моравіи не хотятъ Фердинанда Габсбурга, да и въ Слезіи къ нему не расположены, такъ какъ онъ не слѣдуетъ „слово боже“. (Liske: Studya z wieku XVI, p. 255).

былъ Владиславомъ и Казимиромъ, и не рѣшился, какъ тѣ польскіе короли, на войну съ Нѣмцами изъ-за приобрѣтенія для себя чешскаго государства. Небрежность, бездѣйствіе и слабость короля Сигизмунда — хотя бы и вынужденная политическимъ положеніемъ Польши—были причиною, что польскій король долженъ былъ въ Чехіи уступить болѣе энергическому и ловкому Фердинанду Габсбургу ¹⁾. Напрасно тѣшинскій князь Казимиръ и польскій подканцлеръ Томицейъ полагали, что „Нѣмцы благопріятствуютъ только Нѣмцамъ“; вѣдь не Нѣмцы избрали Фердинанда, а сами Славяне Чехи; а вѣрнѣе было замѣчаніе Казимира и Томицеяго, что „въ это время деньги все могутъ“ ²⁾.

Фердинандъ Габсбургъ занялъ престолы угорскій и чешскій, а польскій король Сигизмундъ не могъ ничего другого сдѣлать, какъ только пожелать новому королю счастья и успѣха, поздравить его и очень обрадоваться его избранію ³⁾. Подобно тому польскій король не могъ ничего сдѣлать въ пользу соперника Фердинанда въ Угріи, своего шурина Іоанна Запольскаго. Сигизмундъ, не смотря на всѣ симпатіи Поляковъ къ Запольскому и на антипатіи противъ Фердинанда и Нѣмцевъ вообще, не могъ рѣшиться на союзъ съ Туреями, которыхъ Угры однако не опасались, только бы имъ помогли противъ ненавистныхъ Нѣмцевъ ⁴⁾. Не всѣ Поляки раздѣляли нерасположеніе своего короля къ Туркамъ; серадскій воевода Іеронимъ Ласкій самъ отправился какъ посолъ Іоанна Запольскаго въ Царьградъ (1527) съ тѣмъ, чтобы просить для него помощи у султана. Въ разговорѣ съ турец-

¹⁾ Тогда былъ въ Польшѣ распространенъ слухъ, что Фердинандъ подстрекалъ великаго князя московскаго противъ Сигизмунда, чтобы тотъ не могъ помогать Людовику. „*quo et facilius rex Ludovicus sic destitutus periret, et Ferdinandus Hungariam et Bohemiam, quod semper votis omnibus cupiebat, hac data occasione invadere et occupare posset*“. (Turgenev: *Histor. Russiae Monumenta* I. 132).

²⁾ Acta Tomiciana VIII. 264.

³⁾ Acta Tomiciana VIII. 284.

⁴⁾ Acta Tomiciana VIII. 268.

кимъ сановникомъ Мустафою нашею, босенскимъ Сербомъ по-турицею, этотъ послѣдній коснулся и польскихъ дѣлъ, пожелалъ Польшѣ всего добра, и предлагалъ ей войти въ зависимость отъ Турціи: „Король и ты и я, всѣ мы одного народа, и Боснякъ а ты Лахъ, и уже по природной любви надо любить свой народъ больше, чѣмъ чужой“¹⁾.

Польша не могла, конечно, дѣйствовать въ смыслѣ тавихъ словъ, не могла пожертвовать своею самостоятельностью. Король Сигизмундъ, не желая союза съ Турками, опасаясь усиливающейся на востокъ московской Руси, зная слабил свои матеріальныя силы, не добивался съ надлежащею энергіею ни короны чешской ни угорской, не поддерживалъ ни въ государствѣ чешскомъ ни въ угорскомъ національныхъ кандидатовъ, пана Зденеа Льва изъ Рожмиталя въ Чехіи и Иоанна Запольскаго въ Угріи, какъ этого требовали жизненные интересы Польши²⁾. Польскій король этого не сдѣлалъ или сдѣлать не могъ, и долженъ былъ избраніе Фердинанда въ чешскіе короли назвать „очень радостнымъ событіемъ“. Но допущеніе нѣмецкой дина-

¹⁾ Дневникъ I: Ласкаго 1527—1528 гг., изд. Bel: Apparatus ad historiam Hungariae, I. 178.

²⁾ I. Запольскій былъ славянскаго происхожденія, и самъ архіепископъ остригомскій Павелъ Варда считалъ его, какъ бы съ упрекомъ, Славяниномъ (ex genere Sclavorum). Современный Георгій изъ Срѣма (Georgius Sirmiensis: Epistola de perdicione regni Hungarorum, in: Monumenta Hungariae historica, Pest 1857, I. 152 — 153) называетъ Запольскаго пасіоне Sclavorum Bosnen. de villa Zapulia; его предокъ получилъ еще при угорскомъ королѣ Сигизмундѣ Смишь: Quum iste Sigismundus rex fuerat ex genere Bohemorum, et propter linguam sclavonicam et cum terranei fuissent, Sigismundus favebat eodem tempore regi Polonorum. Et isto Sclavo Zopulay (!) concessit arcem Sepusiensem. На сколько король Иоаннъ Запольскій считалъ себя Славяниномъ, не знаемъ; но онъ вѣроятно яналъ по-словенски; турецкому пашѣ въ Сербіи онъ писалъ по-сербски, называясь „Яношь краль угрьски, хрватски, далматски, поморавски и лужацки морколабъ и обоями Шлажiami херцегъ.“ См. Миклошича Monumenta Serbica, Nro 479, 480, 481.

стія Габсбурговъ на престолы чешскій и угорскій отнюдь не было столь радостное для Польши и всего Славянства событіе: это была крупная ошибка съ польской стороны, равнымъ образомъ какъ и допущеніе бранденбургскаго Гогенцоллерна Альбрехта въ прусскіе князья (1525). Оба событія, столь важныя для Славянства въ своихъ роковыхъ послѣдствіяхъ, состоялись почти одновременно, съ согласія польскаго короля Сигизмунда ¹⁾.

Въ слѣдствіе воцаренія нѣмецкихъ Габсбурговъ въ Чехію, Чехи очутились вновь въ водоворотѣ нѣмецкой политики римской имперіи. Габсбурги, соединивши короны чешскую и угорскую съ короною римско-нѣмецкою, стали стремиться то же къ присоединенію къ ней упраздненной — послѣ прекращенія Ягайловичей — короны польской. Такимъ образомъ приготовлялось распространеніе владычества нѣмецкихъ Габсбурговъ чуть не надъ всѣмъ славянскимъ міромъ, а на долю Чеховъ, подданныхъ, должностныхъ лицъ, слугъ и пословъ Габсбурговъ, выпала странная роль: служить орудіемъ стремленія Нѣмцевъ на славянскій востокъ, для водворенія господства нѣмецкихъ Габсбурговъ среди соплеменныхъ Чехамъ Поляковъ и югозападныхъ Русскихъ.

Мысль о приобрѣтеніи польской короны внушили Габсбургамъ, именно еще императору Фердинанду I (1562), сами нѣкоторые Поляки, Филиппъ Падневскій епископъ краковскій и Петръ Зборовскій воевода познанскій. Вопросъ о польскомъ наслѣд-

¹⁾ Срв. X. Liske: *Dyplomacya polska w r. 1526* (*Studia z dziejów wieku XVI*, Poznań 1867), *Dyplomacya polska w r. 1527* (*Biblioteka Ossolińskich XII*, Lwów 1869); St. Smolka: *Polska i Austria w l. 1526 i 1527* (*Przewodnik naukowy*, Lwów 1877); F. Bostel: *Przeniesienie lena pruskiego na elektorów brandenburskich* (*Przewodnik naukowy*, 1883). На небрежность Сигизмунда жаловались нѣкоторые Поляки позднѣйшихъ временъ, и называли тогдашнее поведеніе Польши политической ошибкою; такъ выражаются именно оба польскіе историки XVII в., епископъ Пясецкій (*Chronica*, 1645, p. 71) и воевода Фредро (*Gesta populi poloni sub Henrico Valensio*, 1652, p. 202). Срв. „Славяне“, II, 93.

ствѣ по смерти короля Сигизмунда Августа, послѣднаго бездѣтнаго Ягайловича, интересовалъ не только самихъ Поляковъ, а тоже ихъ сосѣдей, особенно же Габсбурговъ. Римско-нѣмецкій императоръ Максимилианъ, посредствомъ своихъ пословъ и агентовъ, тщательно слѣдилъ за положеніемъ дѣлъ въ Польшѣ, намѣреваясь по смерти Сигизмунда Августа добиваться польской короны для себя или для одного изъ своихъ сыновей. О польской кандидатурѣ Габсбурговъ разсуждали цесарскіе послы въ Польшѣ, Іоаннъ Мальцанъ и Вильгельмъ Прусиновскій епископъ оломуцкій, присутствовавшіе на сеймѣ въ Люблинѣ 1569 года. Они, указывая императору на возможныхъ кандидатовъ польской короны, замѣтили, что многіе Поляки, особенно католики, благопріятствуютъ австрійскому дому; въ Польшѣ восхваляется-де эрцгерцогъ Карлъ, но помѣхою для него то, что онъ не знаетъ чешскаго языка и слѣдовательно не понимаетъ по-польски; сыновья императора могутъ вскорѣ изучить языкъ польскій или по крайней мѣрѣ чешскій, этому очень близкій, и привыкнуть къ народнымъ обычаямъ, лучше всего отъ своей свиты, Чеховъ и Поляковъ; ибо Поляки не хотятъ говорить съ своими королями посредствомъ толмачей. Но „пикарты“ (т. е. чешскіе братья), изгнанные изъ Чехіи, особенно Вильгельмъ Кринецкій¹⁾, распространяютъ въ Польшѣ ненависть противъ австрійскаго дома: императоръ и король Фердинандъ поступалъ-де съ Чехами жестоко, отнималъ у нихъ вольности и притѣснялъ ихъ податями, такъ что въ Чехіи имѣетъ силу поговорка *stat pro ratione voluntas*. Это ложное мнѣніе на счетъ Чеховъ пустило среди польской шляхты корни до такой степени, что его можно только съ трудомъ опровергнуть²⁾. Когда же императоръ узналъ, что

¹⁾ Кринецкій, чешскій братъ, одинъ изъ главныхъ участниковъ чешскаго возстанія 1547 г., бѣжалъ въ Прусію къ князю Альбрехту.

²⁾ Письмо императору обоихъ цесарскихъ пословъ отъ 9-го марта, изданное І. Шуйскимъ (*Przeddzieki; Jagiellonki polskie* V. 250).

на польскомъ сеймѣ 1571 г. будетъ обсуждаться вопросъ о престолонаслѣдіи, то онъ рѣшился добиваться польскаго престола для себя или для своего сына Эрнста. Своимъ посламъ, вратиславскому абату Иоанну Цырусу и Бертольдъ изъ Липы, маршалку чешскаго королевства, онъ приказалъ дѣйствовать въ пользу Габсбурговъ — чешскихъ королей, и между прочимъ указывать Полякамъ на то, что между Польшею и Чехіею существуютъ многіе договоры, что иногда царствовалъ одинъ государь въ обоихъ государствахъ, и что оба народа, польскій и чешскій, одного происхожденія ¹⁾).

Въ 1572 г. 7 іюля, скончался польскій король Сигизмундъ Августъ. Въ Польшѣ началось безкорольеве или междоцарствіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельность разныхъ кандидатовъ польской короны, т. е. торги и покупка ея у вліятельныхъ польскихъ пановъ и подвластной имъ шляхетской толпы ²⁾).

¹⁾ Инструкція императора отъ 18 мая 1571, въ придвор. и государственномъ архивѣ вѣнскомъ, сообщилъ Ѳ. Вербовскій; срв. его Отчетъ IV. стр. 8.

²⁾ О трехъ польскихъ безкорольевыхъ (1572, 1574, 1587)—о которыхъ говоримъ на столько, на сколько въ нихъ замѣчается участіе Чеховъ—см. Tomek: *Saaby rakouského domu o nabytí koruny polské* (Časopis Česk. Musea 1851—1853; польскій переводъ въ ж. Biblioteka Warszawska 1857); Nouilles: *Henri de Valois et la Pologne en 1572* (1867, 3 т.); Трачевскій: *Польское безкорольеве по прекращеніи династїи Ягеллоновъ* (1867); Piliński: *Bezkrólewie po Zygmuncie Augustcie i elekcya króla Henryka* (1872); Zakrzewski: *Po ucieczce Henryka. Dzieje bezkrólewia 1574—1575* (1878); Caro: *Das Interregnum Polens im J. 1587* (1861); Hüppe: *De Poloniae post Henricum interregno* (1866); Sieniawski: *Das Interregnum u. die Königswahl in Polen 1587* (1869); T. Wierzbowski: *Zabiegi cesarza Maksymiliana II o koronę polską 1565—1576* (Ateneum 1879, III. IV), его-же: *Отчеты въ варшав. университет. Извѣстїяхъ 1878—1883, его-же: Два кандидатуры на польскій престолъ, Вильгельма изъ Розенберга и эрцгерцога Фердинанда 1574—1575* (1889). Разные документы тѣхъ временъ напечатали Broel-Plater: *Zbiór pamiętników do dziejów polskich II, III, и Nouilles (III)*; многіе собраны въ рукописныхъ сборникахъ варшавской университет. библіотеки (Nros 394 и 599), Имп. публ. библіо-

Въ числѣ кандидатовъ польской короны выступили тоже нѣмецкіе Габсбурги, самъ римскій императоръ, его сыновья и другіе родственные эрцгерцоги. Для этой цѣли они вьдумали воспользоваться услугами подданныхъ имъ Чеховъ, рассчитывая на симпатіи Полаковъ въ соплеменнымъ Чехамъ, и, сверхъ того, на свое болѣе или менѣе удовлетворительное знаніе чешскаго языка. Но кандидатура Нѣмца встрѣчалась въ Польшѣ всегда съ отвращеніемъ; кромѣ того крутыя мѣры чешскаго короля Фердинанда Габсбурга противъ участниковъ чешскаго возстанія 1547 г., и все усиливающееся обремененіе Чеховъ податями — наполняли Полаковъ непоборимымъ недовѣріемъ къ нѣмецкимъ претендентамъ польской короны ¹⁾.

Немедленно по смерти короля Сигизмунда Августа цесарскій агентъ въ Польшѣ, І. Цырусь, совѣтовалъ императору Максимилиану, чтобъ второй его сынъ Эрпстъ подумалъ серьезно о бракѣ съ престарѣлою королевною Анною Сигизмундовою, и чтобъ онъ вновь учился по-чешски, если онъ въ Испаніи за-

теки (ивозычныя F. XVII. 87, латинскія F. IV. 33), придворной библиотеки въ Вѣнѣ (Historia profana, Nro 132), и др.

¹⁾ Срв. „Славяне“, т. II. стр. 75, 166. Уже на сеймѣ петрковскомъ (1548) польскіе чины вспомнили о королѣ Фердинандѣ, który z Czechy zrogo się obchodził. (Dyaryusze sejmów, in Scriptores rerum polonicarum, Cracoviae 1872, I. 180). Позже Стан. Орѣховскій (Dyalog albo rozmowa około szechuncyjej polskiej korony, 1564, fol. 41—42) говоритъ: „Weźmi Czechy bracią swą, pytaj Czechów, czemu je Ferdynand ścinał? Powiedząc, iż przeto, żechmy niechcieli z Ferdynandem na kurfirsta ciągnąć, przeciwko przywilejom swym. Pytaj też Czechów, jako są od Ferdynanda króla swego na gardło sądzeni? Powiedząc, że na sądzie niesiedziały rady koronne, ale siedział tylko Ferdynand z Maurysem ksiąźciem saskim a z jednym synem swym. Pytaj też ich, jeśli danie albo pobory one wielkie i ustawiczne, za zwolenim korony czeskiej się dzieją w Czechach, czy tylko za rozkazaniem a za zniewolenim królewskim? Odpowiadząc Czechowie, że na czeskich walnych sejmiech taka propozycya Ferdynandowa: Páni mili, jeho kralowska milost pierwej prosi a potom to tak miec chce“. (Последнія слова должны быть чешскія: Páni mili, jeho kralovská milost' prvé prosi, a potom to tak miti chce.)

былъ этотъ языкъ; всѣ Поляки спрашиваютъ, знаетъ-ли эрцгерцога по-чешски; пусть онъ, чтобъ сдѣлать на Поляковъ хорошее впечатлѣнiе, напишетъ чешское письмо польскому подканцлеру епископу Красинскому или другимъ знакомымъ Полякамъ ¹⁾. Вскорѣ послѣ того въ Польшу прибыли цесарскiе послы, чешскiе сановники, паны Вильгельмъ изъ Розенберга, наивысшiй бургграфъ, и Вратиславъ изъ Пернштейна, наивысшiй канцлеръ. Императоръ отправилъ въ Польшу этихъ чешскихъ пановъ потому, что онъ — какъ замѣчаютъ современники ²⁾—предполагалъ, что они, по поводу общаго съ Поляками языка, будутъ ими приняты болѣе благосклонно и легче сблизятся съ ними. Цесарскiе послы должны были Полякамъ въ королѣ рекомендовать и восхвалять эрцгерцога Эрнста; онъ привыкнетъ-де скоро къ польскому языку, обычаямъ и законамъ, такъ какъ онъ учится по-чешски отъ своей дружины; между королевствами чешскимъ и угорскимъ и польскимъ изъ-давна существуютъ дружескiя отношенiя, да часто одинъ король господствовалъ въ Польшѣ и въ Чехiи, въ Польшѣ и въ Угрии; извѣстно же, что народы польскiй и чешскiй—одного происхожденiя, а по поводу сходства языка, обычаявъ и др. ни одинъ народъ не можетъ сравниться съ польскимъ, кромѣ чешскаго; оба народа уважаютъ и любятъ другъ друга, такъ что они, хотя нынѣ подданные различныхъ королей, все-таки называютъ другъ друга братьями и считаютъ себя однимъ и тѣмъ же народомъ ³⁾.

¹⁾ Письмо Цыруса отъ 21 iюля 1572, въ придвор. и гоесуд. архивѣ вѣнскомъ, сообщилъ Ѡ. Вербовскiй; срв. его Отчетъ IV. стр. 13 (гдѣ вмѣсто 28 iюля надо читать: 21 iюля).

²⁾ Шуанэнъ (Choisnin), секретарь тогдашняго французскаго посла въ Польшѣ, Монлюка (Mémoires, по изданiю лондонскому 1789, р. 247), и Гейденштейнъ, секретарь I. Замоискаго (Regum polonicarum ab exoessu Sigismundi Augusti libri XII, Francofurti 1672, р. 12).

³⁾ Legatio a S. Caesarea Majestate ad ordines regni Poloniae 2 aug. 1572, въ рукописи Имп. публ. библ. (латинскiя F. IV. 33): Acta interregni, fol. 346. Срв. тоже Ѡ. Вербовскаго Отчетъ IV. 18.

Задача цесарскихъ пословъ была не легка, такъ какъ — по единогласному свидѣтельству всѣхъ современниковъ — Поляки ужасно ненавидѣли Нѣмца, и, конечно, смотрѣли на цесарскихъ пословъ, хотя и чешскихъ пановъ, съ большимъ недовѣріемъ. Первою заботою пословъ было разсѣять, или по крайней мѣрѣ ослабить всеобщее подозрѣніе и отвращеніе Поляковъ къ австрійскому дому Габсбурговъ. По этому послы стали, устно и письменно, защищать цесаря противъ разныхъ клеветъ, будто онъ нарушаетъ права Чехіи; тамъ-де ни одинъ Нѣмецъ и чужеземецъ не можетъ вкупить имѣніе и занимать должность, если онъ не сдѣлался гражданиномъ государства. Послы тоже просили Поляковъ отнестись къ нимъ благосклонно какъ къ посламъ цесаря и къ природнымъ Чехамъ, ихъ друзьямъ и братьямъ одного народа, которые прибыли въ Польшу ни съ чѣмъ инымъ, какъ только съ братскою любовью ¹⁾. Оба чешскіе паны и ихъ дружина, все Чехи, въ сношеніяхъ, устныхъ и письменныхъ, съ Поляками, употребляли свой родной чешскій языкъ, а Поляки съ своей стороны языкъ польскій; а о племенномъ родствѣ обоихъ славянскихъ народовъ часто упоминалось. Такъ Вратиславъ изъ Пернштейна въ чешскомъ письмѣ (16 декабря 1572) серадзкому воеводѣ Альбрехту Ласкому, говоря въ пользу австрійскаго дома, упоминаетъ тоже о сосѣдствѣ, братствѣ, дружбѣ и старинныхъ договорахъ Поляковъ и Чеховъ, народовъ одной крови, одного языка, однихъ обычаевъ, происшедшихъ отъ двухъ братьевъ, Лѣха и Чеха; если же они будутъ соединены, то ни одинъ врагъ не посмѣлъ бы выступить противъ нихъ ²⁾. Самъ Вильгельмъ изъ Ровенберга — не смотря на свою неблагодарную роль цесарскаго посла, который долженъ былъ рекомендовать Полякамъ въ короли ненавистнаго Нѣмца — скоро снискалъ себѣ расположеніе Поляковъ, такъ что уже тогда нѣкоторые, Станиславъ

¹⁾ Рукопись Имп. публ. библ. Acta interregni, fol. 75, Nouilles III. 191; срв. Верьбовскаго Отчетъ IV. и Zabiegі Maxymiliana.

²⁾ Письмо Пернштейна въ архивъ князей Щварценберговъ въ г. Требони (въ южной Чехіи); сообщилъ Ѡ. Верьбовскій.

Горва изъ Великой Польши и вѣроятно и Станиславъ Шафранецъ изъ Малой Польши, подумали объ избраніи въ польскіе короли самого Розенберга, считая его какъ Чеха „Пястомъ“ т. е. природнымъ Полякомъ; да въ Польшѣ говорилось, что при посредствѣ Розенберга Чехія присоединится къ Польшѣ. Но самъ Розенбергъ, вѣрный слуга своего императора и короля, не хотѣлъ тогда и слышать о такомъ планѣ ¹⁾).

Императоръ Максимилианъ, желая своему стремленію къ приобрѣтенію польской короны придать еще больше вѣсу, заставилъ чешскіе чины, чтобъ они тоже отъ себя отправили пословъ въ Польшу съ цѣлью поддержать кандидатуру эрцгерцога Эрнста. Дѣйствительно, на чешскомъ сеймѣ 1573 г., 28 января, чины чешскаго королевства заговорили о томъ, что Поляки и Чехи всегда жили и живутъ въ дружбѣ, любви, братствѣ; чешскіе чины желаютъ, чтобъ эта дружба и любовь усиливалась и чтобъ оба королевства имѣли одно или родственное начальство; они рѣшили отправить своихъ пословъ на польскій сеймъ съ тѣмъ, чтобъ эти послы дѣйствовали на Поляковъ въ пользу избранія въ польскіе короли императора Максимилиана или его сыновей ²⁾). Послами чешскихъ чиновъ въ Польшу были Ладиславъ изъ Лобковицъ, Альбрехтъ Капоунъ изъ Свойкова, и Андрей Зутеръ. Чешскіе чины, въ вѣрительной грамотѣ (6 марта) своимъ посламъ, рекомендуютъ ихъ польскимъ чинамъ, „сопле-

¹⁾ О кандидатурѣ Розенберга уже въ 1573 г. говорятъ нѣкоторые современники; см. Вербовскаго: Двѣ кандидатуры 67—70. О присоединеніи чешскаго государства къ Польшѣ толковали тогда тоже иностранные агенты; такъ Шомбергъ, французскій посолъ въ Германіи, писалъ (29 августа 1572) доку д'Анжу, что сынъ императора предлагаетъ Полякамъ тоже присоединеніе чешской короны къ Польшѣ (Nouilles III. 290); въ одномъ итальянскомъ Discorso о предстоящихъ выборахъ (Piliński: Bezkrólewie 38, срв. Droysen: Geschichte der preuss. Politik II. 2. p. 470) тоже утверждается, что императоръ легко бы приобрѣлъ польскую корону для своего сына, если бы этотъ присоединилъ къ ней и чешскую.

²⁾ Smetu české (v Praze 1884), III. 741.

Славянс, Т. III.

менникамъ, друзьямъ и сосѣдямъ своимъ“; а въ инструкціи внушаютъ посламъ, чтобъ они дѣйствовали въ пользу эрцгерцога Эрнста и для этой цѣли указывали на исконную дружбу и родство обоихъ народовъ, чешскаго и польскаго ¹⁾).

На избирательномъ сеймѣ подѣ Варшавою Вильгельмъ изъ Розенберга свазаль (9 апрѣля) рѣчь на чешскомъ языкѣ, рекомендуя Полякамъ въ королю эрцгерцога Эрнста; между прочимъ онъ — согласно съ своею инструкціею — указывалъ тоже на то, что рекомендуемый кандидатъ польской короны знаетъ чешскій языкъ, что народы польскій и чешскій одного происхожденія и по этому они похожи обычаями, языкомъ и вообще всѣмъ; ни одинъ народъ не походитъ на польскій и не можетъ съ нимъ сравниваться, какъ чешскій; и нынѣ оба народа любятъ другъ друга, такъ что они, хотя въ это время подданные разныхъ государей, все-таки называютъ себя братьями и считаютъ себя однимъ народомъ ²⁾).

Нѣсколько дней спустя (14 апрѣля) говорилъ на сеймѣ посоль чешскихъ чиновъ, панъ Ладиславъ изъ Лобковиць, тоже по-чешски. Выразивъ пожеланіе, чтобъ избирательный сеймъ окончился счастливо, ораторъ замѣтилъ, что этому будутъ радо-

¹⁾ Вѣрительная грамота и инструкція записаны въ государственномъ архивѣ чешскомъ (*Desky zemské království českého: kvatern instrukcí a listův poselacích žlutý l. 1542—1582, fol. J 20*), откуда напечатаны въ нашемъ Отчетѣ (1882, стр. 78) и въ сборникѣ *Sněmu české III. 765*.

²⁾ Рѣчь Розенберга напечатана тогда въ латинскомъ переводѣ особою брошюрою (*Legatio S. C. Majestatis idiomatice bohémico in castris habita*), и перепечатана позже у Гольдаста, Бальбина, Брозль-Платера. Чешскій языкъ рѣчи Розенберга считалъ французскій посоль Монлюкъ важнымъ преимуществомъ: онъ видѣлъ для себя большое затрудненіе, что послы императора будутъ говорить на языкѣ чешскомъ близкомъ польскому и такимъ образомъ всякій ихъ пойметъ; между тѣмъ онъ, посоль, не могъ иначе говорить, какъ только на языкѣ латинскомъ. Розенбергъ, человекъ спокойный и скромный, не увлекъ слушателей, говоря слишкомъ тихо. (*Choisirin 3 327*). Срв. тоже Бѣльскаго *Kronika polska, 675*.

ваться Чехи, такъ какъ они и Поляки произошли отъ двухъ братьевъ, и оба народа соединены этимъ родствомъ, языкомъ, обычаями, правомъ, общемою любовью и единодушиемъ; Чехи же отъ души желаютъ Полякамъ всего лучшаго и счастья, какъ своимъ милымъ братьямъ и друзьямъ. Послѣ этихъ словъ чешскій панъ прочиталъ латинское посланіе чешскихъ чиновъ, которые ему поручили сказать кое-что о сношеніяхъ Чеховъ и Поляковъ. Если бы перечитались всѣ исторіи, то не найдется другихъ двухъ народовъ, которые были бы столь похожи другъ на друга происхожденіемъ, языкомъ, устройствомъ, законами и обычаями, какъ оба народа польскій и чешскій. Они ведутъ свое начало отъ двухъ братьевъ, и начались при лучшихъ предзнаменованіяхъ, чѣмъ римское государство при Ромулъ и Ремъ. Уже раньше Поляки брали себѣ государей изъ Чехіи какъ у народа родственнаго, и на оборотъ Чехи изъ Польши. Поляки избрали по смерти своего короля Премысла чешскаго короля Вячеслава, а позже при Ягайловичахъ взаимная братская пріязнь Поляковъ и Чеховъ ничѣмъ не уменьшилась. Чехи по смерти короля Юрія не избрали своимъ королемъ его сыновей, а искали короля только у своихъ соплеменниковъ, друзей и сосѣдей, Поляковъ. Ягайловичу Владиславу Казимировичу не было трудно царствовать надъ Чехами, такъ какъ онъ воспитывался среди Поляковъ, народа почти во всемъ похожаго на Чеховъ. Внуку Владислава — императоръ Максимилианъ, и подъ его скипетромъ Чехамъ живетъ хорошо; слѣдовало бы Полякамъ избрать своимъ королемъ одного изъ шести сыновей императора, наилучше Эрнста, по давнишнему примѣру Чеховъ, которые изъ шести сыновей Казимира избрали Владислава. Желательно, чтобъ Чехи и Поляки, равнымъ образомъ какъ они уже съ самой своей колыбели были соединены тѣснѣйшимъ образомъ, остались соединены и впредь подъ однимъ царствующимъ родомъ. Ладиславъ изъ Лобковицъ, прочитавши это латинское посланіе чешскихъ чиновъ, продолжалъ свою чешскую рѣчь; онъ сказалъ, что Поляки могутъ убѣдиться въ любезности и братской любви Чеховъ, которые очень желаютъ осуществленія этого дѣла: оба народа соединены съ начала двумя братьями, однимъ языкомъ, обычая-

ми, законами и другими похожими вещами, и считаются какъ бы однимъ народомъ; Чехи пламенно желаютъ, чтобъ оба народа не расходились, и очень будутъ радоваться, если у нихъ и у Поляковъ будутъ, какъ это бывало часто и прежде, одинъ общій король или короли родственные ¹⁾).

Но всё эти старанія пословъ цесарскихъ и чешскихъ были тщетны. Ненависть Поляковъ противъ Нѣмцевъ пересилила всё другія соображенія и старанія приверженцевъ Габсбурговъ; шляхта на своихъ стѣздахъ рѣзко высказывалась о нѣмцевскихъ кандидатахъ и заставляла ихъ сторонниковъ замолчать. Въ добавокъ случилось нѣчто неожиданное. Чешскіе паны, какъ послы императора и чешскихъ чиновъ, дѣйствовали официально въ пользу Габсбурговъ, восхваляли ихъ и все говорили о выгодахъ соединенія соплеменныхъ Чеховъ и Поляковъ подъ сѣнпетромъ Нѣмца Габсбурга; но многочисленная дружина пословъ, все Чехи, подружившись съ Поляками особенно на пиршествахъ, предостерегали ихъ отъ австрійскаго господства, которое было бы опасно для ихъ свободы и благосостоянія, какъ это оказалось въ Чехіи ²⁾).

Посольства чешскихъ пановъ въ Польшу не достигли своей цѣли; польскимъ королемъ избранъ не императоръ или его сынъ Эрнстъ, а Французъ Генрихъ д'Анжу. Польскіе и литовскіе чины, хотя они не исполнили желанія императора, отнеслись все таки дружелюбно къ его посламъ, и поблагодарили тоже чешскіе чины особымъ отвѣтомъ на ихъ посольство и посланіе (21 апрѣ-

¹⁾ Рѣчь пана Ладислава изъ Лобковиць и посланіе чешскихъ чиновъ записаны въ выше упомянутомъ кватернѣ чешскихъ дѣскъ, fol. K, также и въ рукописныхъ сборникахъ, петербургскомъ (F. IV. 33), варшавскомъ (394), вѣнскомъ (132), въ Текахъ Нарушевича (81); напечатаны въ нашемъ Отчетѣ 1882, стр. 78—81, потомъ Дворскимъ въ ж. Slovanský Sborník 1885, p. 12—15, и въ сб. Sněmu české III. 767—772. Срв. Бѣльскаго Kronika polska, 693.

²⁾ По словамъ Ант. Граціани, секретаря тогдашняго папскаго легата въ Польшѣ I. Коммендоне (De vita Joannis Fr. Commendonii Putavii 1685, p. 385; срв. Нѣмцевича Zbiór pamiętników I. 56). См. „Славяне“ II. 166.

ля): они охотно признали, что чешскіе чины своимъ посольствомъ явно засвидѣтельствовали свою братскую любовь къ польскому народу, связанному съ чешскимъ народомъ стариннымъ родствомъ крови двухъ братьевъ, отъ которыхъ произошли оба народа; польскіе и литовскіе чины признаютъ всю истину упомянутого въ чешскомъ посланіи родства народа чешскаго съ польскимъ, что оба народа относились всегда другъ къ другу дружески, да что они часто избирали королей изъ того и другого народа на большую пользу и украшеніе тому и другому королевству и народу. Все это Поляки признаютъ и желаютъ, чтобъ и впредь такъ осталось, и чтобъ обоюдная старинная пріязнь и любовь все больше умножались. Относительно рекомендуемаго Чехами для такой цѣли избранія эрцгерцога Эрнста польскіе чины отвѣтили уклончиво, что избраніе короля зависитъ отъ многихъ людей; но они надѣются, что избранъ будетъ такой король, который бы любилъ народъ польскій и вмѣстѣ съ тѣмъ правился бы тоже дружескому и родственному народу чешскому ¹⁾.

Чешскіе чины, собравшіеся на сеймъ въ началѣ 1574 г., приняли этотъ отвѣтъ польскихъ чиновъ съ большою благодарностью, и указывал на дружескій отвѣтъ польскихъ чиновъ и на общее происхожденіе обоихъ народовъ отъ двухъ братьевъ, просили императора-короля Максимилиана, чтобъ скоро возобновились старинные договоры между обоими королевствами, чешскимъ и польскимъ ²⁾.

Спустя годъ послѣ избранія короля Генриха польскій престолъ упразднился вновь: въ іюнѣ 1574 г. польскій король убѣжалъ во Францію. Въ числѣ кандидатовъ польской короны были опять Габсбурги, самъ императоръ Максимилианъ, и его братъ Фердинандъ и сынъ Эрнстъ. Многіе польскіе паны поддержива-

¹⁾ Это Responsum находится въ выше упомянутыхъ рукописныхъ сборникахъ петербургскомъ и варшавскомъ, въ кватернѣ чешскихъ земскихъ дескъ (съ чешскимъ переводомъ), въ Такахъ Нарушевича (81); напечатано въ нашемъ Отчетѣ 1882 г., стр. 81, въ сб. *Sněmy české III. 772, Sbornik Slovanský 1885, p. 16.*

²⁾ *Sněmy české IV. 42, 84.*

ли кандидатуру Габсбурговъ, но другіе паны и шляхта не хотѣли и слышать о Нѣмцѣ на польскомъ престолѣ, рѣзко нападали на Нѣмцевъ и на ихъ императора, указывали опять на разныя притѣсненія подвластныхъ ему соотечественныхъ Чеховъ, на необходимость, чтобъ новый польскій король могъ разговаривать съ своимъ народомъ ¹⁾. „Кто цесаря называетъ, тотъ смерть себѣ приготовляетъ“, „мы не хотимъ Нѣмца, хотя бы это намъ стоило жизни, и предпочтемъ увидать самого чорта на польскомъ престолѣ, чѣмъ кого-нибудь изъ Габсбурговъ!“—такія и подобныя тому восклицанія раздавались на сеймикахъ и на съѣздахъ шляхты, приводи императорскихъ агентовъ и пословъ въ очень затруднительное положеніе ²⁾. Дудичъ требовалъ отъ императора все только „проклятыхъ денегъ, магниту“, и совѣтовалъ ему, посылать въ Польшу не Нѣмцевъ, не Угровъ, а сворѣе Чеховъ, только чтобъ у послѣднихъ не было много дружины ихъ народа ³⁾.

Затрудненія приверженцевъ и агентовъ императора еще увеличились, когда многіе польскіе паны и шляхта провозгласили своимъ кандидатомъ опять Вильгельма изъ Розенберга какъ Чеха, и когда такимъ образомъ кандидатами польской короны явились три Славяннина, Чехъ, Пясть и русскій царь. Розенбергъ Полякамъ очень понравился, какъ мудрый панъ стариннаго рода, Чехъ, человекъ ихъ брови и языка и природный ихъ

¹⁾ Nobilitas infensa est nobis, tum ob alias causas, tum quod ignitionem ferre non potest, et propterea ad Piastum, Rosenbergium, Moschum insano quodam studio fertur—пишетъ цесарскій агентъ въ Польшѣ Дудичъ императору. Piastum suae linguae volunt et non mutam quasi personam, cum qua loquerentur per explicatores vel dictatores—пишетъ Я. Нетолицкій Розенбергу. См. Вербовскаго Двѣ кандидатуры, 84, и документы стр. 23.

²⁾ Подробности у Закревскаго Po ucieczce Henryka. Срв. тоже современный памфлетъ Zrcadlo království polského 1574—1575 (чешскій переводъ, въ ж. Časopis Česk. Muzea 1875, 103).

³⁾ Письма Дудича (19 іюля 1574, 27 янв. 1575) у Вербовскаго Двѣ кандидатуры 84, и у Закревскаго Po ucieczce Henryka 313.

братъ ¹⁾. Кандидатуру Розенберга поддерживали Зборовскіе, Горка, Фирлей, Тарло, Пріемскій, Дупинъ, Шафранецъ, Прецлавскій, Стрѣла, и многочисленная шляхта, преимущественно малопольская. Люблинскій воевода Тарло хотѣлъ на избирательномъ сеймѣ сказать написанную Прецлавскимъ рѣчь въ пользу Розенберга, но потомъ ея не сказалъ; въ ней восхвалялись добродѣтели чешскаго пана: онъ католикъ, нашего языка, народа чешскаго, древняго знаменитаго рода, знаетъ и любитъ наши доблести и обычаи; никто изъ нашихъ братьевъ на Пяста столь не похожъ, какъ онъ, да его слѣдуетъ предпочитать самому Пясту, такъ какъ у него въ Польшѣ нѣтъ родни ²⁾. Поляки—по словамъ агента Розенберга въ Польшѣ, Нетолицкаго—очень восхваляли добродѣтели Розенберга, пана стариннаго рода и языка, мудраго и справедливаго, такъ что никто не будетъ лучшимъ королемъ чѣмъ онъ. Но приверженцы Розенберга, особенно Зборовскіе, требовали—какъ истые торговцы польскою короною—отъ чешскаго пана много денегъ, которыхъ Розенбергъ не давалъ и по этому и проигралъ ³⁾. Приверженцы Розенберга въ Польшѣ требовали отъ него тоже присоединенія Чехіи къ Польшѣ по смерти императора Максимилиана; Розенбергъ соглашался, но дѣло не удалось, такъ какъ вскорѣ старшій сынъ императора, Рудольфъ, вѣнчанъ на чешское королевство ⁴⁾. Розенбергъ не отказывался отъ предлагаемой ему польской короны, но велъ себя очень осторожно, сдержанно и скупо; онъ, опасаясь

¹⁾ По словамъ современнаго Св. Орельскаго *Bezkrólewia ksiąg ósmiogo cyyli dzieje Polski 1572—1576* (изд. 1856, II. 169), и біографа Розенберга Вячеслава Брезана (1611, по изд. 1847 г. стр. 208). Срв. письма Нетолицкаго Розенбергу (Верьбовскій стр. 16, 22), письмо одного Поляка у Брезана стр. 221.

²⁾ Верьбовскій: Двѣ кандидатуры, документы стр. 69.

³⁾ В. Брезанъ (221) рассказываетъ, что Розенбергъ не хотѣлъ *впроговати neb vkurowati se*; но такимъ образомъ польская корона не приобрѣталась.

⁴⁾ Верьбовскій Двѣ кандидатуры 130, документы стр. 9, 11, 62.

императора, который окружилъ его шпионами, не дѣйствовалъ въ свою пользу деньгами—главный способъ добиваться польской короны—и вообще велъ себя очень пассивно, между тѣмъ какъ императоръ и его польскіе и литовскіе сторонники дѣйствовали противъ него. Такимъ образомъ вскорѣ исчезла кандидатура Розенберга, подданнаго и слуги императора, какъ нѣкоторые Поляки говорили. Мысль о возведеніи чешскаго пана на польскій престолъ и о присоединеніи Чехіи въ Польшу—что конечно, могло осуществиться только послѣ счастливой войны Польши съ Германією—блеснула только какъ метеоръ на славянскомъ обзорѣ. Если товарищъ пана изъ Розенберга, Ладиславъ изъ Лобковицъ, донося императору о возможномъ избраніи Розенберга въ польскіе короли ¹⁾, думаетъ, что это не въ пользу императора, то онъ правъ; но если онъ прибавляетъ, что такое избраніе не было бы въ пользу чешскаго государства, то онъ не правъ: вѣдь предполагаемое присоединеніе Чехіи въ Польшу—въ случаѣ его осуществленія и сохраненія на болѣе продолжительное время—придало бы исторіи западнаго Славянства другой характеръ, повернуло бы Чехію къ славянскому востоку.

На избирательномъ сеймѣ, въ концѣ 1575 г., Розенбергъ получилъ очень мало голосовъ; сенаторы по большей части избрали императора Максимилиана, шляхта семиградскаго князя Стефана Батори. Другіе два Габсбурга, эрцгерцогъ Фердинандъ Фердинандовичъ и Эрнстъ Максимилиановичъ, не имѣли успѣха, хотя ихъ сторонники въ Польшу и ихъ послы восхваляли ихъ между прочимъ потому, что оба они знаютъ тоже чешскій языкъ польскому близкій; одинъ изъ пословъ Фердинанда, графъ Францъ Турнь, зная кое-какъ по-чешски и по-хорватски, надѣялся, при помощи этихъ двухъ славянскихъ языковъ, договариваться съ Поляками ²⁾. Польскіе сенаторы отправили къ императору Максимилиану посольство, во главѣ котораго находился серадскій

¹⁾ Письмо Л. изъ Лобковицъ императору отъ 20 августа 1574, у Вербовскаго: Двѣ кандидатуры, документы стр. 19.

²⁾ Вербовскій: Двѣ кандидатуры, документы стр. 143.

воевода Альбрехтъ Ласкій. Императоръ принялъ пословъ 18 января 1576 г., и Ласкій съазалъ ему рѣчь на польскомъ языкѣ; императоръ, извиняясь, что онъ не знаетъ польскаго языка, отвѣтилъ по-чешски къ большому удовольствію польскихъ пословъ, съ которыми онъ разговаривалъ окруженный не Нѣмцами. Императоръ употребилъ умышленно языкъ чешскій, а не латинскій или нѣмецкій, хотя польскіе послы понимали тотъ и другой языкъ; онъ предполагалъ, что, такъ какъ языкъ чешскій польскому очень близокъ и мало отъ него отличается, послы поймутъ его, и что такимъ образомъ окажутся живыми клеветы противниковъ, будто императоръ не понимаетъ своихъ подданныхъ, и что по этому надо избрать кого-нибудь, который знаетъ по-польски ¹⁾).

Максимиліанъ, извѣщая чешскихъ намѣстниковъ о своемъ избраніи въ польскіе короли (23 декабря 1575), замѣтилъ, что это будетъ въ пользу и славу всему христіанству, особенно же чешскому королевству и всѣмъ его короннымъ землямъ. Чешскіе чины, собравшіеся лѣтомъ 1576 г. на сеймъ, вмѣстѣ съ депутатами остальныхъ чешскихъ коронныхъ земель, приняли извѣстіе объ избраніи императора и короля Максимиліана въ польскіе короли съ большимъ удовольствіемъ, и считали соединеніе государствъ чешскаго и польскаго подъ однимъ государемъ большимъ прославленіемъ и расширеніемъ языка славянскаго среди всѣхъ народовъ на большую славу и врагамъ всего христіанства на немалый страхъ—*k oslavení a rozšíření jazyka slovanského, mezi všemi národy k veliké pochvale a nepřátelům všeho křesťanstva k nemalému ostrachu* ²⁾).

¹⁾ Рукопись вѣнской придворной библиотеки *Historia profana*, Nro 132, fol. 18, 104 (сообщилъ проф. В. Томекъ). Польскій шляхтичъ Яковъ Хотовскій, приверженецъ императора, писалъ ему по-чешски (Веръбовскій, Двѣ кандидатуры, 125).

²⁾ *Sněmu české IV.* 501, 563. Срв. тоже слова чешскаго грамматика Бенешовскаго о господствѣ Габсбурговъ у другихъ Славянъ—во II т. соч. „Славяне“, стр. 54. Такіе своеобразные взгляды на „славу и расширеніе славянскаго народа“ въ слѣдствіе воцаренія нѣмецкихъ Габсбурговъ на славянскомъ востокѣ показываютъ, какъ

Но всѣ эти надежды и ликованія были преждевременны: Поляки не очутились подъ нѣмецкою властью, императору не удалось привести на свою сторону приверженцевъ Батори, и посольство Вильгельма изъ Розенберга, отправленнаго императоромъ въ Польшу, не увѣнчалось успѣхомъ. Партія Батори приняла чешскаго пана въ Ендреевѣ торжественно, всѣ встали, посадили его на первомъ мѣстѣ, и выслушали его рѣчь, которую онъ говорилъ опять на языкѣ чешскомъ, для Поляковъ понятномъ и болѣе пріятномъ (30 января 1576) ¹⁾. Но самое посольство не имѣло успѣха, и Розенбергъ убѣдился, что шансы императора были слабы, и даже похвалилъ усердіе Поляковъ въ защитѣ ихъ свободы. Не Максимилианъ, а Стефанъ Батори остался польскимъ королемъ.

Десять лѣтъ спустя, по смерти короля Стефана (1586), польскій престолъ упразднился вновь. Габсбурги добивались опять польской короны, съ начала нѣсколько эрцгерцоговъ, потомъ эрцгерцогъ Максимилианъ, сынъ покойнаго императора Максимилиана, одинъ. Повторилась старая исторія. Не смотря на всю ненависть Поляковъ къ Нѣмцамъ ²⁾, одна польская партія высказалась въ пользу Максимилиана. Посломъ Габсбурговъ въ Польшу былъ оломуцкій епископъ Станиславъ Павловскій; онъ долженъ былъ, между прочимъ, сообщить Полякамъ, что эрцгерцоги, хотя они не говорятъ по-польски, знаютъ чешскій языкъ, и такимъ образомъ легче научатся по-польски. На избирательномъ сеймѣ Павловскій, предлагая одного изъ Габсбурговъ (14 августа 1587), замѣтилъ, что этого требуютъ отъ Поляковъ

глубоко застряли Чехи XVI в. въ нѣмецкомъ болотѣ; ихъ предки XV вѣка, призывая на чешскій престолъ польско-русскихъ Ягайловичей, говорили о славѣ языка славянскаго совершенно иначе; срв. стр. 81, 113.

¹⁾ Орельскій II. 50, 70, III. 69; Нѣмцевичъ: *Zbiór pamiętników* II. 99; срв. Верьбовскій: *Двѣ кандидатуры*, 155.

²⁾ *Nomen Nemicum u wszystkich jest exotum* — сказалъ на избирательномъ сеймѣ панъ Гораѣскій, предлагая русскаго царя. *Dy juryusze sejmowe r. 1587, wydał A. Sokolowski, p. 150 (Scriptorum polon. XI, Kraków 1887).*

тоже праотцы народовъ чешскаго и польскаго, сосѣдство, старинные союзы и договоры обоихъ народовъ, наконецъ и сходство языка, обычаевъ и законовъ ¹⁾).

Нѣкоторые Чехи опять радовались предстоящему усилению своей королевской династїи, Габсбурговъ, тому, что будутъ соединены Лѣхи, Моравяне и Чехи, и что будетъ новое утѣшеніе ²⁾). Также и сторонники Габсбурговъ въ Польшѣ дѣйствовали въ пользу эрцгерцога Максимилиана, имѣя при этомъ въ виду соединеніе силъ всего христіанства противъ Турокъ. Варроломей Папроцкій выразилъ надежду, что подѣ господствомъ Габсбурговъ Поляки, подобно Чехамъ, успокоятся и возвысятся, и что Вильгельмъ изъ Розенберга, Поляками любимый и почитаемый, успокоитъ ихъ отечество. Христофоръ Варшевицкій, въ формѣ разговора Поляка и Чеха, рекомендовалъ избраніе эрцгерцога Максимилиана; Чехъ отвѣчаетъ на всѣ возраженія Поляка, критикуетъ всѣхъ кандидатовъ польскаго престола—при чемъ бранитъ особенно варварскаго Мосевитанина,—защищаетъ нѣмецкихъ Габсбурговъ противъ польской пословицы: *Póki świat światem, Polak Niemcu nie bratem*, старается разсѣять всѣ опасенія Поляковъ и рекомендуетъ имъ въ королѣ эрцгерцога Максимилиана какъ единственно достойнаго кандидата. Также и Петръ Дунинъ Скринскій рекомендовалъ Максимилиана, особенно въ виду соединенія силъ христіанства противъ Турокъ ³⁾).

Максимилианъ, отвергаемый большинствомъ Поляковъ, вздумалъ добиваться польскаго престола съ оружіемъ въ рукахъ. Но разбитый І. Замойскимъ подѣ Бычиною (1588) Максимилианъ поплатился за эту свою попытку плѣномъ. Побѣда бычинская

¹⁾ E. Mayer: *St. Pawłowski's Gesandtschaftsreisen nach Polen* (Wien 1861, p. 252, 322).

²⁾ По словамъ современной пѣсни: *Austriac beata domus, gaudet omnis Polonus, sprízneni budou Lechové, Moravané i Čechové, potěšeni bude nové.* (Н. а J. Jireček: *Rozprawy z oboru filologie*, 78). Не написали-ли эти стихи В. Папроцкій?

³⁾ *Paprocki: Pamięć nierządu w Polsce r. 1587* (посвящено Розенбергу); *Warszewicki: Lechitae et Bohemi colloquium 1587*

вызвала въ Польшѣ общую радость; Поляки хорошо понимали, что Замоискій отразилъ нѣмецкое стремленіе на славянской востокъ ¹⁾). Первою заботою императора Рудольфа было освободить плѣннаго эрцгерцога брата, и по этому поводу онъ отправилъ Вильгельма изъ Розенберга въ Польшу. Чешскій панъ и на этотъ разъ мечталъ о польской коронѣ, а судьба, будто издѣваясь надъ нимъ, какъ прежде, такъ и теперь, посылала ему лишь неприятныя обязанности исправлять ошибки и промахи, вызванныя стремленіями Габсбурговъ къ приобрѣтенію для себя той же польской короны ²⁾). Розенбергъ встрѣтился на слезско-польской границѣ въ Старинѣ (въ февралѣ 1589) съ бычинскимъ побѣдителемъ, Замоискимъ. Здѣсь завязался между обоими славянскими государственными людьми любопытный разговоръ о тогдашнемъ положеніи славянскихъ народовъ. Замоискій напомнилъ Розенбергу, чтобъ онъ прежде всего заботился о чести и свободѣ славянскаго народа. Славяне, народъ великій, отъ части попали въ варварство, рабство, подъ господство иноплеменниковъ; такъ Москвитане и Югославяне. Одни почти Чехи и Поляки оберегаютъ достоинство и свободу славянскаго народа. Розенбергъ занимаетъ-де нынѣ первое мѣсто въ славянскомъ народѣ, и долженъ прежде всего заботиться о чести и свободѣ своего народа, а не служить чужой жадности для его притѣсненія. Нынѣшнее и будущее поволеніе смотритъ теперь на Розенберга, и по этому слѣдуетъ ему избѣгнуть всякаго подозрѣнія, будто онъ мѣшалъ свободѣ и чести славянскаго народа. Если же, послѣ всѣхъ военныхъ бѣдствій, Поляки были бы поражены, какаѣ же польза будетъ отъ этого Чехамъ, кромѣ того, что они сами предали въ рабство соплеменные народы, способствовали распро-

(Opuscula inedita Chr. W., ed. Th. Wierzbowski 1883, p. 77; переводъ съ польскаго). Dunia Skrzyński, который жилъ въ Чехіи, „у Чеховъ, братьевъ и союзниковъ Поляковъ“, издалъ въ Прагѣ латинскій переводъ своей польской брошюры *Quali Polonia indigeat rege* (1590).

¹⁾ См. „Славяне“, П. 166—167.

²⁾ Вербовскій: Двѣ кандидатуры, 163.

страненію нѣмецкаго господства, и приготовили самимъ себѣ опасность и такую судьбу, которая постигла другіе славянскіе народы. И такъ Розенбергъ — кончилъ Замойскій—навѣрное больше подумаетъ о своемъ народѣ и о своемъ отечествѣ, чѣмъ о чужомъ могуществѣ и честолюбіи. Чешскій панъ, посолъ нѣмецкаго государя, въ своемъ безвыходномъ положеніи, не могъ на эти мѣткія и вѣскія разсужденія польскаго пана отвѣтить ничего другого, кромѣ того, что онъ будетъ дѣйствовать такъ, какъ этого требуетъ благо отечества и вѣрность государю; но въ душѣ онъ вѣроятно хорошо понималъ всю правду словъ Замойскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ всю фальшь своего положенія: чешскій панъ, Славянинъ, мечтавшій о польской коронѣ, а на дѣлѣ—покорный слуга нѣмецкихъ интересовъ на славянскомъ востокѣ ¹⁾).

Посольство Розенберга на этотъ разъ увѣнчалось успѣхомъ: черезъ нѣсколько дней Максимилианъ, отказавшись отъ польской короны, выпущенъ на волю. Эти событія не ослабили дружескихъ отношеній Чеховъ и Поляковъ. Чешскіе чины на сеймѣ 1589 г. просили императора и короля, чтобъ старинное согласіе между Чехіею и Польшею оставалось въ своей прежней силѣ, и прекратилось недоразумѣніе, которое произошло между нѣкоторыми землями чешской короны и польскимъ королевствомъ, и чтобъ сохранились между ними обоими искренняя любовь, единокрушіе и доброе сосѣдство ²⁾).

Польскій престолъ занялъ болѣе счастливый соперникъ Максимилиана, шведскій королевичъ Сигизмундъ III, Полякъ по матери, породнившійся, посредствомъ двухъ браковъ съ австрійскими эрцгерцогинями, съ Габсбургами. Во время долголѣтняго царствованія Сигизмунда III въ Польшѣ произошли важныя перемѣны, которыя повліяли и на взаимныя отношенія Чеховъ

¹⁾ Сообщаетъ секретарь Замойскаго Heidenstein: Vita J. Zamoyscii (Collectanea vitam resque J. Zamoyscii illustrantia, ed. Dziaryński 1861, p. 105); изъ рукописи взялъ уже Bohomolec: Życie J. Zamoyskiego (1775).

²⁾ Постановленія чешскаго сейма 1589 г. (современная печать).

и Поляковъ. Стараніемъ короля Сигизмунда III, ревностнаго католика и приверженца іезуитовъ, въ Польшѣ началась пропаганда въ пользу исключительнаго католицизма и реакція противъ многочисленныхъ некатоликовъ или, какъ ихъ называли, „диссидентовъ“, протестантовъ „еретиковъ“ и православныхъ „схизматиковъ“. Католическая пропаганда велась съ успѣхомъ, ряды протестантовъ рѣдѣли, а православные значительно ослаблены униєю одной части ихъ церкви съ католическою, послѣдующимъ затѣмъ ополченіемъ югозападной, литовско-польской Руси, и ея отчужденіемъ отъ Руси сѣверовосточной, Москвы. Польша тянула все больше на русскій востокъ, и сдѣлала при Сигизмундѣ попытку—хотя неудачную—завоевать и московскую Русь; на западѣ же усовершенствовала политическую ошибку Сигизмунда I, отдавши Прусію прямо бранденбургскому курфюрсту, и усиливши такимъ образомъ давнишняго опаснаго врага Славянства внутри своихъ границъ. Между тѣмъ въ Чехіи католицизмъ ослабѣвалъ, протестанты (лютеране и чешскіе братья) „еретики“ приобрѣтали важныя права. вмѣстѣ съ тѣмъ въ Чехіи начала XVII в. явился планъ преобразовать чешское государство въ такую же шляхетскую республику, какою была Польша. Когда же одинъ иностранный посланникъ въ Прагѣ замѣтилъ автору этого плана, Вячеславу Вхинскому, его сходство съ государственнымъ устройствомъ Польши, то Вхинскій отвѣтилъ, что вѣдь Чехи и Поляки братья ¹⁾). Чехи пользовались, какъ единоплеменники, симпатіями Поляковъ, но какъ „еретики“ возбуждали отвращеніе строго католическаго польскаго короля и вообще среди польскихъ католиковъ, которые приобрѣли себѣ въ Польшѣ перевѣсъ въ правительственныхъ и общественныхъ кружкахъ. Во взаимныхъ отношеніяхъ Чеховъ и Поляковъ произошло то, что и въ началѣ XV в. во время гуситскаго дви-

¹⁾ Gindely: Kaiser Rudolf u. seine Zeit I. 340. Замѣтимъ, что въ началѣ XVI в., во время т. н. кокошей войны (1536), польскіе паны помогали, по примѣру чешскихъ, первенства передъ мелкою шляхтою, о чемъ см. Бѣльскаго Kronika polska, 577.

женія, съ тою однако разницею, что въ XV в. Поляки и ихъ короли, не смотря на все свое отвращеніе къ гуситской „ереси“, чувствовали себя все-таки „Славинами“, думали серьезно о защитѣ соплеменныхъ Чеховъ противъ ненасытной пасти Нѣмцевъ, даже о присоединеніи чешскаго государства къ Польшѣ. Между тѣмъ въ началѣ XVII в. польскій король думалъ, наравнѣ съ римскими цаню и императоромъ, и испанскимъ королемъ, о необходимости поддержать католицизмъ противъ ереси, и тѣмъ самымъ тоже поддержать Габсбурговъ въ чешскомъ государствѣ; а о поддержкѣ этого славянскаго государства противъ Нѣмцевъ нельзя было Польшѣ уже думать и потому, что ея интересы требовали на этотъ разъ защиты не столько Праги и Вратислава противъ нѣмецкихъ Габсбурговъ, сколько Кіева, Полоцка, Смоленска, Чернигова и другихъ русскихъ областей противъ законныхъ правъ царей всея Руси.

Въ 1618 г. началось возстаніе Чеховъ противъ Габсбурговъ. Чехи, хорошо понимая значеніе Польши въ предстоящей борьбѣ, старались разъяснить Полякамъ характеръ этой борьбы не только религіозной, но и политической и національной. Чешскіе чины въ самомъ началѣ возстанія обратились (25 іюня 1618) къ князю Янушу Радзивиллу, протестанту, найвысшему подчашію великаго княжества литовскаго, и объясняли ему необходимость возстанія въ защиту не только вѣры, а тоже правъ и привилегій чешскаго государства противъ ихъ вѣроломныхъ притѣснителей; они обращаются къ нему, знаменитому исповѣднику евангелія, сообщаютъ ему свою скорбь, свои жалобы, тѣмъ болѣе, что права крови и происхожденіи отъ братьевъ Лѣха и Чеха, основателей народовъ польскаго и чешскаго, перешедшія по наслѣдственной связи на потомковъ, настоятельно требуютъ, чтобъ братья, сосѣди, соплеменники и союзники другъ другу сообщали свое горе и оказывали помощь, благоволеніе и всякія сосѣдскія услуги. Чешскіе чины просили Радзивилла, чтобъ онъ подѣйствовалъ на своего родственника, курфюрста бранденбургскаго, и на польскихъ чиновъ, ихъ братьевъ и сосѣдей, чтобъ изъ Бранденбурга и Польши не предпринимались и не допускались

враждебныя дѣйствія противъ Чеховъ ¹⁾. Самъ польскій король Сигизмундъ III старался въ началѣ смуть посредничать между Чехами и императоромъ Матвѣемъ, и увѣщевалъ Чеховъ (17 сентября 1618) прекратить все враждебныя дѣйствія; онъ напомнилъ имъ, что возмущеніе чешскаго королевства очень его взволновало и опечалило по поводу доброжелательства и любви въ этому королевству, которое съ польскимъ королевствомъ уже при прежнихъ польскихъ короляхъ жило въ добромъ сосѣдствѣ и согласіи ²⁾. Чехи въ отвѣтъ королю (3 октября) защищались противъ обвиненій и клеветъ своихъ враговъ, которые призываютъ весь христіанскій миръ противъ нихъ на истребленіе дорогого ихъ отечества, стремятся къ уничтоженію его, распространяютъ ненависть къ нему, чтобъ сами могли удобнѣе ловить рыбу въ мутныхъ водахъ, поглотить жизнь и имущество Чеховъ, и возрасти изъ ихъ гибели. Чешскіе чины благодарятъ Сигизмунда за высказанныя въ немъ доброжелательство и любовь, и просятъ посредничать между ними и императоромъ: въ пользу этого говорить сосѣдство королевствъ чешскаго и польскаго, одно происхожденіе народа, тотъ же языкъ, старинные договоры взаимной и постоянной любви и благоволенія обоихъ народовъ ³⁾. Сигизмундъ исполнилъ просьбу Чеховъ и въ письмѣ императору (10 ноября) старался примирить его съ Чехами ⁴⁾. Когда же

¹⁾ Латинскій подлинникъ (съ многими печатями) въ архивѣ князей Чарторыйскихъ въ Краковѣ; срв. нашъ Отчетъ за 1882 г., стр. 19.

²⁾ Современные Pavel Skála ze Zhoře: Historie česká od r. 1602—1622 (vydal Tieftrunk, II. 397), Fr. Khevenhiller: Annales Ferdinandi (Leipzig 1724), IX. 198.

³⁾ Письмо въ спискахъ земскаго архива въ Прагѣ, архива въ Кутной Горѣ, то же въ рукописи Имп. публ. бібліотеки въ Петербургѣ (иноязычныя Q. IV. I. fol. 395); срв. нашъ Отчетъ за 1882 г., стр. 76. Замѣчательны слова Чеховъ:.... odium et propositum evertendi patriam nostram, quo ipsi in turbatis aquis commodius piscari, vitae et fortunis nostris inhiare, atque ex ruina nostra crescere quirent.

⁴⁾ Skála II. 442.

Чехи избрали въ свои короли Фридриха, курфюрста пфальцваго, то въ Прагу прибыли послы польскаго короля, увѣщевая Чеховъ примириться съ преемникомъ Матвѣя, королемъ Фердинандомъ. Король Сигизмундъ, въ письмѣ Чехамъ (18 октября 1619), заявляетъ о своей готовности способствовать ихъ примиренію съ Фердинандомъ, сожалѣетъ о чешскихъ смутахъ тоже потому, что королевство чешское съ польскимъ соединено не только сосѣдствомъ, а тоже однимъ языкомъ, началомъ, и великою дружбою уже отъ предковъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ польскій король отождествляетъ уже свои интересы съ интересами Габсбурговъ, и указываетъ на свое родство и на многіе договоры съ ними, такъ что все постигшее австрійскій домъ касается и его. Въ такомъ же смыслѣ Сигизмундъ писалъ Слезакамъ, сожалѣя о смутахъ въ чешскомъ королевствѣ, соединенномъ съ польскимъ почти однимъ языкомъ, началомъ и великою дружбою ¹⁾. Чехи отвѣтили королю Сигизмунду (14 ноября 1619), что они уже не могутъ отказаться отъ избраннаго короля, и просили, чтобъ польскій король оказалъ милость и доброжелательство чешскому королевству и всѣмъ его короннымъ землямъ, изъ-за великой дружбы и благоволенія существующихъ между обонми королевствами по поводу одного языка и начала обонхъ народовъ, и старинныхъ договоровъ заключенныхъ между обонми королевствами и народами и всегда сохраняемыхъ. Чины чешскаго королевства и депутаты остальныхъ коронныхъ земель чешскихъ, собравшіеся на генеральномъ сеймѣ въ Прагѣ, въ письмѣ Сигизмунду (16 ноября), защищали свой образъ дѣйствій и союзъ съ Слезакми ²⁾.

¹⁾ Письмо Сигизмунда Чехамъ (въ современномъ чешскомъ переводѣ) въ спискѣ въ земскомъ архивѣ чешскомъ; письмо Слезакамъ (въ нѣмецкомъ перев.) у Лондорна: Acta publica (1668, I. 847); срв. Скалу III. 397.

²⁾ Оба письма (въ чешскомъ переводѣ) записаны въ земскихъ дескахъ чешскаго королевства (Kvatern první zelený listův poselacích od r. 1607 sld., arch. L. 20); второе письмо тоже у Скалы III. 398, и Лондорна I. 848.

Король Сигизмундъ и строго католическая партія въ Польшѣ смотрѣли на положеніе дѣлъ въ Чехіи съ усиливающимся отвращеніемъ; многіе польскіе паны католики, духовные и свѣтскіе, были готовы на всякія услуги Габсбургамъ, и самъ старшій гетманъ Жолевскій, узнавши о коронаціи новаго короля чешскаго Фридриха, замѣтилъ, что Полякамъ не приноситъ ни чести ни утѣшенія, смотрѣть на все это сложа руки; кто знаетъ, что задумываютъ эти еретики ¹⁾. Король Сигизмундъ и его соумышленники интересовались больше Чехами „еретиками“, которыхъ надо укротить или истребить, чѣмъ Чехами „Славянами“, которыхъ надо было спасать отъ Нѣмцевъ. Слова о Чехѣхъ и Лѣхѣхъ въ устахъ тогдашняго короля были фразы; интересы римскаго пана и нѣмецкихъ Габсбурговъ были для того короля болѣе важны, чѣмъ интересы обоихъ западно-славянскихъ народовъ вообще и Польши въ особенности: польскій король - иезуитъ и его фанатическіе соумышленники въ Польшѣ не поняли да и не могли понять грозныя — по истинѣ пророческія — слова Чеховъ, что угрожаетъ страшная опасность ихъ народу соплеменному Полакамъ, что многочисленныя враги призываютъ весь христіанскій миръ на истребленіе Чеховъ, чтобъ поглотить ихъ жизнь и имущество и возрасти изъ ихъ гибели.

Осенью, въ октябрѣ 1619 г., король Сигизмундъ совѣщался о дѣлахъ чешскихъ и угорскихъ съ сенаторами и представилъ имъ опасность, угрожавшую-де Польшѣ со стороны Слезіи и Угріи и печальное положеніе католиковъ въ земляхъ императора. Но сенаторы рѣшительно отсовѣтывали всякое дѣятельное вмѣшательство въ чужія дѣла въ пользу австрійскаго дома, который Польшѣ никогда не помогаль; они указывали на опасность угрожавшую Польшѣ со стороны Туровъ, и на то, что оказаніе помощи австрійскому дому не могло бы состояться безъ большого ущерба для Польши. Кромѣ того у Польши, по поводу близкаго сосѣдства, старинныхъ договоровъ и дружескихъ отношеній въ

¹⁾ Niemcewicz: Zbiór pamiętników VI. 295 (изд. львов. 1833),
Mozbach: Wiadomości do dziejów polskich 263.

Чехи, передъ тѣмъ не было существенной причины, чтобъ предпринимать противъ Чехи что-нибудь враждебное; напротивъ, Польша съ Чехіею всегда и до сихъ поръ оставалась въ дружбѣ, согласіи и мирѣ. По этому король пусть серьезно подумаетъ о томъ, противъ кого онъ хочетъ воевать, особенно потому, что бѣльшая часть польскихъ чиновъ едва-ли согласится съ нимъ. Дальше надо сообразить, что споръ Чеховъ не одинъ только споръ изъ-за религіи, а что тутъ дѣло идетъ о старинныхъ правахъ чешскаго королевства, которыя чины чешскаго королевства и другихъ коронныхъ земель пріобрѣли отъ прежнихъ императоровъ и чешскихъ королей. На первомъ мѣстѣ стоитъ здѣсь свободный выборъ короля; если же польскіе чины помогали бы нарушить этотъ старинный обычай чешской короны, то со временемъ и ихъ право свободного выбора короля могло бы сдѣлаться сомнительнымъ да совсѣмъ пропасть, за что они не хотятъ принять на себя отвѣтственности передъ своими потомками ¹⁾.

Въ то время одинъ „богу, королю и родинѣ вѣрный польскій шляхтичъ“, т. е. князь Юрій Збаражскій, потомокъ рода нѣкогда литовско-русскаго православнаго Корубутовичей, но тогда уже католикъ, въ особой анонимной брошюрѣ рѣшительно отсовѣтывалъ войну противъ Чеховъ, которые не сдѣлали Польшѣ никакого зла. Збаражскій приводитъ семьдесятъ важныхъ причинъ, по которымъ польскому королю, сенаторамъ и шляхтѣ нельзя сопротивляться необходимой самооборонѣ Угровъ и Чеховъ; они защищаютъ самое справедливое дѣло противъ австрійскаго дома; Чехи и Поляки — одного происхожденія отъ бра-

¹⁾ По (сокращенному) разсказу Скалы въ рукописной, неизданной части его исторіи IX. 580 (въ библиотекѣ чешскаго музея). Скала ошибается, разсказывая, что Сигизмундъ предложилъ дѣло польскому сейму; Лондорнъ (I. 850) и Кефенгиллеръ (IX. 632) говорятъ только о совѣтѣ сенаторовъ. Оба они приводятъ тоже письмо не вѣстнаго сенатора гнѣзенскому архіепископу, что не слѣдуетъ вѣшиваться въ чешскія дѣла, въ чужіе опасные споры, и что лучше, если Польша защищала саму себя.

тьевъ Чеха и Лѣха, а слезскіе князья Пастовичи — истые наслѣдники польскихъ королей, и по этому готовиться безъ справедливой причины на ихъ гибель не что иное, какъ свирѣпствовать въ собственныхъ внутренностяхъ ¹⁾).

Польскіе паны заговорили съ достоинствомъ, но польскому королю не понравился совѣтъ его сенаторовъ. Онъ не былъ прочь заключить съ Фердинандомъ союзъ противъ Чеховъ, за что представилась Польшѣ надежда приобрѣсти Слезію; но такой союзъ не состоялся, и Польша должна была скоро обратить вниманіе на турецкія дѣла ²⁾). Но если король Сигизмундъ III не могъ выступить на помощь Нѣмцамъ противъ чешскихъ „еретиковъ“ со всѣми силами Польши, то дѣлалъ все что могъ, чтобъ Нѣмцамъ доставлялась по крайней мѣрѣ косвенная помощь изъ Польши; онъ старался удерживать Слезавъ отъ оказанія помощи Чехамъ, строго запрещалъ нанимать солдатъ и собирать военныя потребности въ Польшѣ на пользу Чеховъ, и вообще — по словамъ его секретаря Петра Бискупскаго — ничего не пропускалъ, что бы могло быть полезнымъ императору. Самая важная услуга, оказанная польскимъ королемъ Нѣмцамъ, было позволеніе цесарскимъ агентамъ Юрію изъ Гуменнаго, Альтану

¹⁾ *Septuaginta graves et arduae rationes, ob quas regem Poloniae nec non senatores et nobilitatem regni defensionis in Hungaria, Bohemia et alibi locorum, inevitabili necessitate susceptae, non adversari decet* (Pozonii — т. е. вѣроятно въ Познанѣ, а не въ Пожонѣ-Пресбургѣ—1619); то же по-нѣмецки (перенечатана у Лондорпа I. 850); по-чешски у Скалы (рукоп. IX. 581). Срв. „Славяне“ II. 94. Противъ Збаражскаго издавалъ илючскій епископъ Станиславъ Лубенскій *Responsio ad 70 rationes* (1620). Лубенскій, стоя совсѣмъ на сторонѣ католическихъ Габсбурговъ, упрекаетъ Збаражскаго, что ему *schismata et haereses placent*. Въ брошюрѣ Лубенскаго находится то же слѣдующая выходка противъ Русскихъ: *Nec sane in Moschos pruritu vel dominandi libidine arma sumpta a nobis sunt, ut tu asseri; fuerunt justae et legitimae causae, quae nos eo impulerunt, ut gentem i solo nomine christianam, caeterum feritate barbaram, moribus incultam ...christiani nominis inimicam, bello impeteremus etc.*

²⁾ Gindely: *Geschichte des böhm. Aufstandes* II. 402.

и Фаренсбаху, нанимать солдатъ въ Польшѣ на цесарскую службу. Нѣкоторые польскіе паны заявляли пламенную готовность служить Нѣмцамъ противъ Чеховъ „еретиковъ“, какъ на пр. оба окатоличенные потомки русскихъ православныхъ родовъ, князя Янушъ Острожскій и Самуилъ Корецкій, членъ недавно основаннаго христіанскаго братства, гетманъ Станиславъ Жолкевскій, и др. ¹⁾. Въ службу императора нанимались преимущественно казаки Лисовички, сбродъ воровъ и разбойниковъ, бичъ всего восточнаго Славянства, опустошившіе недавно почти всю сѣверовосточную Русь подъ предводительствомъ перваго своего начальника Лисовскаго ²⁾. Чехи уже въ самомъ началѣ 1619 г. писали польскимъ королю и чинамъ, что распространяется слухъ, будто изъ Татаріи черезъ Польшу долженъ въ Чехію прибыть сбродъ воровъ и разбойниковъ; по этому Чехи просили короля и чиновъ, чтобъ они не пропускали черезъ свои страны непріятельскихъ войскъ назначенныхъ противъ Чеховъ. Когда же въ концѣ 1619-го и въ началѣ 1620-го г. на границахъ Слезіи и Угріи, въ краковскомъ воеводствѣ, нанимались на цесарскую службу тысячи Лисовичковъ, то краковское воеводство протестовало (24 января 1620) противъ такой вербовки, что-де вовлечетъ Польшу въ войну съ сосѣднею дружественною короною чешскою.

¹⁾ Письмо Вискуцскаго Фишеру, совѣтнику эрцгерцога Альбрехта, отъ 15 іюня 1620 г. (*Monumenta Hungariae historica*, IV. 228, Pest 1859); другія разныя письма у Мосбаха *Wiadomości do dziejów polskich z archiwum prowincyi szląskiej*, 263 sqq., въ нашемъ Отчетѣ за 1882 г., стр. 77.

²⁾ Исторію этихъ Лисовичковъ 1619—1623 гг. описалъ ихъ полководецъ Дамболанцкій (срв. „Славяне“ П. 138); срв. М. *Dzienniki: Krótki ryś dziejów i spraw Lisowczyków* (Lwów 1843—44, 2 t). По одной современной запискѣ Лисовички состояли изъ буйной польской шляхты и ея дружины, Мазуровъ, Руси, Литвы, Жмуди, Лужвы, Цыганъ. Другіе славянскіе „лисовички“ того времени, бывшіе „еретиковъ“, были цесарскіе „кроаты“ (Хорваты и Сербы). „Глава“ этого славянскаго сброда, бывшаго Славянь „еретиковъ“ на званіи славу Нѣмцевъ — одна изъ многочисленныхъ печальныхъ и позорныхъ страницъ славянскаго исторіи; срв. „Славяне“ П. 418.

Раздавались тоже голоса увѣщавшіе Лисовчиковъ не вмѣшиваться въ чужія дѣла и защищать отечество противъ Турокъ. Но Лисовчики пошли не на Турокъ а на еретиковъ, вторгались въ Угрію, потомъ, въ началѣ февраля 1620 в., черезъ Слезію въ Моравію, гдѣ — тамъ имъ говорилъ ихъ ватажка Ключковскій — прежде даже не слышали о польскомъ народѣ, а теперь онъ здѣсь черезъ Лисовчиковъ прославился и отличился ¹⁾).

Чехи посмотрѣли однако иначе на такое странное „прославленіе“ польскаго народа черезъ польскихъ разбойниковъ на чешско-моравской почвѣ, тамъ гдѣ два столѣтія тому назадъ появилось тоже польско-русское войско подъ предводительствомъ предка князей Збаражскихъ, Сигизмунда Корнбутовича, по спѣшившее на помощь своимъ гуситскимъ соплеменникамъ противъ Нѣмцевъ. Чешскій король Фридрихъ или собственно наивысшій канцлеръ чешскій, панъ Вячеславъ изъ Роупова, въ письмѣ польскому королю Сигизмунду (10 февраля 1620), упрекалъ его за этотъ набѣзд и грабежъ Лисовчиковъ въ Моравіи; онъ желалъ, чтобъ старинные договоры между коронами чешскою и польскою соблюдались ненарушимо и распространялись тоже на потомковъ; онъ хотѣлъ именно тогда тѣ старинные договоры и союзъ съ Польшею возобновить и утвердить черезъ торжественное посольство. Онъ требовалъ отъ короля Сигизмунда, чтобъ польское войско было изъ Моравіи отозвано; въ противномъ случаѣ не будетъ впредь мѣста для сношеній обоихъ королевствъ, и та старинная жизнь и связь между обоими народами, связанными языкомъ и происхожденіемъ, сосѣдствомъ и часто

¹⁾ Mosbach: Wiadomości 259, Niemcewicz: Zbiór pamiątek VI. 282, Zolecki: Copia listu utraconej ojczyzny do rycerstwa Litowskiego (1621). Рѣчь Ключковскаго знаемъ по рукописному сборнику Имп. публ. библиотеки (инозычныя Q. XVII. 162, р. 233). Р. 1619 г. Чехи пѣли ближе неизвѣстную пѣсню: Nebojme se Žižka krále (о ней вспоминаетъ Brandl: Glossarium); Жига, Зига, Жижк. Жигмундъ, Зигмундъ, Сигмундъ.

возобновляемыми договорами — совсѣмъ пропадетъ. Но чешскій король надѣялся, что этого не будетъ ¹⁾.

Слезскіе князья и чины, въ обширномъ трактатѣ присланномъ польскимъ чинамъ (29 мая 1620), защищали Чеховъ и себя и требовали, чтобъ Польша прекратила враждебныя дѣйствія противъ нихъ; чешскія дѣла толкуются въ Польшѣ превратно, Чехи ведутъ справедливую борьбу, имѣя извѣдана давна право избирать себѣ короля. Относительно разницы вѣронсповѣданія Поляки пусть вспомнятъ тоже о своихъ привилегіяхъ и о примѣрахъ изъ своей исторіи; король Владиславъ Ягайло не вмѣшался въ общую борьбу почти всего христіанства противъ чешскихъ гуситовъ, ограничившись только нѣкоторыми мѣрами противъ гуситовъ въ Польшѣ; да и при немъ и при его преемникѣ Поляки помогали гуситамъ противъ римско-нѣмецкихъ королей Сигизмунда и Альбрехта; король Казимиръ тоже не участвовалъ въ общей борьбѣ противъ гуситовъ, и позволилъ своему сыну Владиславу царствовать тоже надъ гуситами Чехами. Поляки пусть не забываютъ, что между обоими славными королевствами, польскимъ и чешскимъ, существуютъ старинные обоюдные договоры, которые соединяютъ оба народа, тѣсно породнившіеся происхожденіемъ, языкомъ, устройствомъ; что Слезаци и Поляки тоже родня и соединены уже по природѣ происхожденіемъ, языкомъ, устройствомъ. Польскіе сенаторы пусть хорошо извѣстятъ короля о дѣлахъ чешскихъ; если Польша нынѣ будетъ помогать императору, то со временемъ угрожаетъ опасность тоже свободѣ польской ²⁾.

¹⁾ Письмо въ архивѣ чешскаго намѣстничества, его списокъ въ чешскомъ земскомъ архивѣ; см. нашъ Отчетъ за 1882 г., стр. 77.

²⁾ Ad senatores regni Poloniam scriptum silesiacum (1620), современная брошюра, которую перепечатали Mosbach: *Wiadomości* 2), Palm: *Acta publica. Verhandlungen u. Correspondenzen der silesischen Fürsten u. Stände* (Broslau 1872), III. 103. Любопытно, что Чехи, защищая тогда свое право свободнаго выбора короля въ особ. въ „Дедукиці“, ссылались на такой-же обычай у древнихъ Славянъ; см. „Славяне“ II. 29.

На разбойниковъ Лисовчиковъ Чехи жаловались и потомъ нѣсколько разъ. Еще на гауптѣ падепія чешскаго государства, въ половинѣ октября 1620 г., чешскіе чины обращаются къ польскимъ чинамъ съ жалобами и съ просьбою, чтобъ земли чешской короны не были нападаемы казаками Лисовчиками; они напоминаютъ Полякамъ, что они обращались о своихъ дѣлахъ ко всѣмъ христіанскимъ народамъ, въ томъ числѣ и къ Полякамъ, своимъ соплеменникамъ по братьямъ Чеху и Лѣху и старымъ союзникамъ ¹⁾.

Всѣ эти письма и увѣщанія не остановили однако Лисовчиковъ въ ихъ походѣ черезъ Моравію и Австрію. Отъ Вѣны они, предводительствуемые Русиновскимъ, преемникомъ убитаго Клевцовскаго, обратились въ Чехію, участвовали во взятіи городовъ Прахатицъ и Писка, и въ битвѣ на Бѣлой Горѣ у Праги (8 ноября 1620 г.), гдѣ сразились съ угорскимъ вспомогательнымъ отрядомъ, и преслѣдовали разбитое чешское войско до самыхъ воротъ пражскихъ. Лишнимъ было уже посольство, которое отправили именно въ тѣ роковые дни Слезаяи отъ имени земель чешской короны въ Польшу; на ихъ слова, чтобъ оба братскія королевства жили по прежнему въ дружескихъ отношеніяхъ, Поляки отвѣтили, что на это можно надѣяться со стороны обоихъ народовъ соплеменныхъ и происшедшихъ изъ одного рода ²⁾. Но самое посольство не имѣло уже практическихъ результатовъ: бѣлогорская битва похоронила чешское государство.

Были въ Польшѣ тоже люди, которыхъ такое пособничество ихъ родины Нѣмцамъ при раздавленіи соплеменнаго народа чешскаго наполняло горечью и опасеніями, какъ это видно по упомянутому совѣту сенаторовъ королю, по голосу князя Збаражскаго, по протесту краковскаго воеводства. Князь Збаражскій, спустя годъ послѣ изданія своей знаменитой брошюры, въ письмѣ краковскому епископу, справедливо замѣтилъ, что импе-

¹⁾ Это письмо находится въ рукопис. сборникѣ бібліотеки Рачинскихъ въ Познанѣ П. Н. а. I, р. 707.

²⁾ Palm: Acta publica III. 276, 307, Mosbach: Два poselstwa do Polski przez Szlązaków odprawione, w l. 1611 i 1620 (Poznań 1863).

раторъ сломить Угровъ и лютеранъ съ польскою помощію, „у насъ будетъ вѣра католическая, но тоже неволя нѣмецкая“. Станиславъ Конецпольскій, полевой коронный гетманъ, возвратившись уже въ 1623 г. изъ турецкой неволи, писалъ одному слезскому князю, что онъ очень удивился, какъ усилилось своеволие нѣкоторыхъ дивихъ и надменныхъ людей, что они не стѣсняются непосредственно нападать на сосѣднія королевства и земли, съ которыми Польша всегда сохраняла дружбу и миръ, и какъ злоба тѣхъ людей все больше распространяется и усиливается ¹⁾.

Но грубый религіозный фанатизмъ затмилъ уже политическій рассудокъ польскаго короля и многихъ Поляковъ. На тѣхъ же самыхъ Чеховъ, за которыхъ заступались когда-то польскіе Владиславы и Базимиры, Шафранцы и Корибуты, на тѣхъ же Чеховъ, которыхъ еще тридцать лѣтъ назадъ первый польскій государственный человѣкъ, І. Замойскій, назвалъ такъ сказать представителями Славянства—въ тѣ роковыя 1618—1620 гг. могла отъ польскихъ публицистовъ и памфлетистовъ посыпаться разная брань: Чехи-де, не смотря на общее съ Поляками происхожденіе отъ братьевъ Чеха и Лѣха, удалились отъ польской доблести и мужества; они народъ во всемъ похожій на Мосеву, переродившійся на безчестіе и презрѣніе всѣхъ своихъ соплеменниковъ; ихъ гербъ не левъ, а скорпіонъ; у нихъ имѣетъ свое жилище Марсъ, и они охотно убиваютъ, какъ это показали во время гуситскихъ войнъ; они ослобды, пьяницы, опричники (оргусіенсу), друзья поганныхъ, мѣшовъ Іуды и пр. Эти польскіе фанатики радовались пораженію чешскихъ еретиковъ и написали имъ надгробную надпись: здѣсь лежатъ тѣ, которые надѣли кальвинскіе доспѣхи, съ зарѣванными отъ острыхъ бритвъ горлами, гдѣ ихъ ни Гусъ ни Жишка не спасли изъ ада; съ ихъ кровью душа сейчасъ изъ нихъ утекла. Это знавъ вѣтвопреступленія и позорной кривды относительно бога и императора. Те забудутъ никогда о Лисовчикахъ Чехи!

¹⁾ Письмо Збаражскаго въ рукописномъ сборникѣ Имп. публ. бібліотеки (иноязычныя F. XVII. 46, fol. 225), письмо Конецпольскаго у Мосбаха Wiadomości do dziejów polskich 289.

Nagrobek Czechom 1620.

Tu leżą, co w kalwińskie ubrali się zbroje,
Położyli od ostrych brzytw garła swoje.
Gdzie ich Hus ani Zyska ani Kalwin z piekła
Ratował, zaraz ze krwią dusza z nich uciekła.
Krzywoprzysięstwa to znak i haniebnój krzywdy
Tak boskiej jak cesarskiej; niezapomnią nigdy
Lisowczyków Czechowie . . . ¹⁾.

„*Отсутствие* Польши“ — говорить одинъ изъ новѣйшихъ польскихъ историковъ ²⁾ — „среди исполинской трагедіи разыгрываемой на столь близкой сценѣ соплеменнаго народа — больно и противно; но еще противнѣе и больнѣе такое ея *присутствіе*, на какое намъ приходится смотрѣть. Для истинно великаго и умѣющаго глядѣть въ будущее польскаго государственнаго челоуѣка чешское возстаніе раскрывало широкіе замыслы и горизонты. Чехи, чувствуя, что въ Польшѣ найдутъ союзника, отыскивая его даже въ Варшавѣ уже почти въ моментъ бѣлгородской битвы черезъ особое посольство, предпочли бы конечно опереться на Польшу, избрать себѣ здѣсь короля, чѣмъ гоняться за Нѣмцемъ Фридрихомъ или Эмануиломъ савойскимъ. Соеди-

¹⁾ Jan Zrzenczycki: Nowiny z Czech i o przyrodzeniu tych ludzi (1619), Nowe nowiny z Czech, z Tatar i z Węgier (1620); этимъ воспользовался Bart. Pogodziński: Nowiny z Czech (1620), срв. Maciejowski: Piśmiennictwo polskie III. 660, 645; Pogrom albo porażka Czechów i Kalwinistów przez Lisowczyki r. p. 1620 (перепечатано у Дзѣдушицкаго Rys dziejów Lisowczyków II. 368). „Nagrobek Czechom“ встрѣчается у Зренчицкаго (срв. тоже у Дзѣдушицкаго II. 101). Зренчицкій рассказываетъ, что протестанты зборовскіе и краковскіе („żydzi chrzczeni krakowscy“) послали чешскимъ „еретикамъ“ 18,000 złotych, 20,000 ezerwonych; Гданщане послали порохъ, пули, мѣдь, что однако-де конфисковано. Относительно названія Чеховъ „ослобдами“ см. „Славяне“ II. 190.

²⁾ K. Jarochoowski: Wojny trzydziestoletniej początek (въ варшав. журн. Atenum 1880, I. 104).

нитъся съ чешскимъ движеніемъ, завладѣть имъ, руководить имъ въ своихъ собственныхъ интересахъ, которымъ чешскіе интересы не противорѣчили, значило то же самое, что пріобрѣсти потерянную Слезію, занять въ сердцѣ Европы первостепенное положеніе, создать въ ея срединѣ большую славянскую державу, обеспеченную своею силою и положеніемъ отъ всякихъ перемѣнъ и капризовъ судьбы. Мѣшать осуществленію такой мысли могла захотѣть въ тогдашней Европѣ одна только Испанія, но никто этому помѣшать не могъ. Странно, что, не говоря уже о королѣ Сигизмундѣ III, который подчинялся влияніямъ и теченіямъ не допускавшимъ подобной мысли, въ обществѣ въ то время столь падкомъ на политическія авантюры — доказательствомъ походы московскіе и волошскіе — не нашлось тогда достаточно фантазіи и прозорливаго смысла, чтобъ стремленіе первой и дѣятельность второго обратить на Чехію, втянуть можетъ быть короля и Польшу въ такое дѣло, какъ и прежде втянули ихъ въ походъ противъ Москвы. Къ сожалѣнію, это было время религіозной реакціи въ Польшѣ, не дозволявшей ставить дѣла народнаго величія и могущества выше интересовъ католической церкви; это было время, когда породнившійся сверхъ того съ габсбургскимъ домомъ польскій король не подалъ бы никогда руки еретикамъ, срывающимъ въ добавокъ корону съ головы его родственника. Даже при такихъ условіяхъ Польшѣ, умѣющей пользоваться обстоятельствами, представлялись все-таки менѣе широкіе, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно немаловажные замыслы. Мы упомянули о томъ, какъ Фердинандъ въ моментъ самыхъ тяжелыхъ своихъ затрудненій предложилъ Сигизмунду Слезію. Пріобрѣсти Слезію было конечно меньше, чѣмъ стать разомъ, какъ это было возможно, государемъ Чехіи, Моравіи, Слезіи и Лужицъ; но стать государемъ, хотя бы одной только Слезіи, значило оторвать отъ нея на вѣчныя времена доль бранденбургскій, привести его притязанія вмѣстѣ съ териториальнымъ пространствомъ въ весьма скромные размѣры, исправить столь невыгодную западную границу, снасти отъ онѣ-

меченія столь важную часть ляхскаго племени ¹⁾). Открывающаяся тогдашней Польшѣ столь блестящая перспектива осталась, къ сожалѣнію, незамѣченною ея близорукимъ королемъ, ея государственными людьми, ея обществомъ. Въ Польшѣ не умѣли воспользоваться представлявшимся ей великимъ политическимъ случаемъ, не умѣли даже понять его; зато, къ сожалѣнію, довольно было узкости тогдашней религіозной реакціи, довольно было кондотьерской фантазіи, чтобъ на деньги испанскаго короля Филипа снаряжать казаковъ, которые, несомнѣнно воинственные въ бою, покрылись печальными лаврами въ борьбѣ противъ братскаго народа, увѣковѣчили свою память въ его лѣтописи совершенными на немъ страшными насиліями и жестокостями. Прискорбная и больная роль Польши, когда она могла быть столь блестящею, и чешское возстаніе 1618 г., котораго она не поняла и которымъ не воспользовалась, составляетъ, къ сожалѣнію, одну изъ самыхъ тяжелыхъ ошибокъ польской политики, которая въ послѣдствіи отомстилась самымъ страшнымъ образомъ, а все-таки затрогивалась до сихъ поръ нашими историками только мимоходомъ. Эта ошибка наказана уже въ то же время пораженіемъ подъ Цедорою и войною турецкою; позже изолированіемъ и безпомощностью Польши среди остальнаго западнаго Славянства; наконецъ безвозвратною утратою Слезіи, за которою спустя слишкомъ сто лѣтъ отправился прусскій король Фридрихъ II, такъ какъ Польша, имѣвшая лучшія права на нее чѣмъ онъ, въ своемъ нерадѣніи ея не заняла“.

¹⁾ Утрата Слезіи чувствовалась въ Польшѣ всегда; срв. выше (стр. 96—97) мысли Длугоша, и слова Староводьскаго („Славине“ II. 93). Въ XVI в. Март. Бѣльскій въ своей сатирѣ *Szem niewieści* (1586, nowe wyd. 1889, p. 74) въ числѣ требованій польскихъ женщинъ приводитъ тоже слѣдующее:

Posły do Niemiec posłem, co za prawo mają,
Iz się u nas częstokroć Prus upominają;
Służniej by jeszcze było, by Śląsko wrócili,
Które polskie książęta naoczgas przepili.

Вопросъ о возможномъ приобрѣтеніи Польшею Слезіи затронутъ тоже въ полемикѣ между Збаражскимъ и Лубенскимъ въ 1619—1620 гг.; срв. выше, стр. 148.

Соглашаясь вполне съ этимъ строгимъ но справедливымъ осужденіемъ польской политики относительно чешскаго возстанія, мы однако должны исправить одно важное опущеніе польскаго историка: онъ забылъ или просто не хотѣлъ сказать, что Польша начала XVII в. мечтала уже совсѣмъ о другихъ планахъ и, на сколько могла, ихъ тоже осуществляла. Не защита оставшихся въ живыхъ западныхъ Славянъ, Чеховъ, лужицкихъ Сербовъ, слезскихъ и прусскихъ Поляковъ отъ ненасытной пасти Нѣмцевъ, а распространеніе и утвержденіе польскаго владычества, народности, устройства и культуры на огромной Руси, насажденіе здѣсь католицизма, созданіе новой огромной Польши на ополченной и окатоличенной Руси — вотъ дѣль, къ которой стремилась Польша уже съ конца XIV вѣка, особенно же съ конца XVI и начала XVII вв., гдѣ она чуть не завладѣла и Москвою. По этому во время чешскаго возстанія интересы Польши, интересы польскаго шляхетскаго народа заключались уже не въ спасеніи отъ нѣмецкой пасти чешской Праги и моравскаго Берна, сербско-лужицкихъ Будышина и Хотѣбузя, польско-слезскихъ Вратислава, Ополя и Тѣшина, польско-прусскихъ Квидзына и Лыка, польско-кашубскаго Словна, а въ насажденіи и утвержденіи колонизма и католицизма въ русскихъ Львовѣ и Кіевѣ, Вильнѣ и Полоцкѣ, Черниговѣ и Смоленскѣ. Тамъ по Днѣпру и Двинѣ возникала новая Польша, и старинные православные русскіе роды перерождались въ настоящихъ Поляковъ католиковъ, Острожскіе, Збаражскіе, Вишневецкіе, Чорторыйскіе, Сапеги, Ходковичи, Тышковичи. Да планы Польши неслись дальше: она мечтала о присоединеніи русскаго царства, Москвы, гдѣ еще недавно польскій королевичъ сѣлъ на престолѣ русскихъ царей. Это стремленіе польскаго шляхетскаго народа и тѣсно связаннаго съ нимъ римскаго католицизма на славянскій востокъ, на Русь, не позволяло Полякамъ заняться уже чешскимъ движеніемъ XV в. на столько серьезно, какъ этого требовали жизненные интересы Славянства вообще и Польши въ особенности; оно помѣшало Полякамъ серьезно заняться чешскими и прусскими дѣлами въ началѣ XVI в. и заставило ихъ предоставить Чехію и Прусію Нѣмцамъ, Габсбургамъ и Гогенцоллернамъ; оно и въ началѣ XVII в.

выдало Чехію въ жертву Нѣмцамъ. Но съ другой стороны главная цѣль польской политики, изъ-за которой Польша бросила Нѣмцамъ западное Славянство, тоже не достигнута: Русь не покорена, не ополчена, а, напротивъ, окрѣпивъ тѣснила со временемъ слабый народъ польскій на западъ, гдѣ на него напиралъ усилившійся его небрежностью нѣмецкій народъ ¹⁾).

Такое отношеніе Польши къ чешскимъ дѣламъ способствовало паденію чешскаго государства и народа, хотя самое паденіе обуславливалось разными внутренними причинами: не весь народъ чешскій, воодушевленный одною великою идеею, возсталъ за свою свободу, — какъ это было во время гуситскаго движенія —, а возстали только шляхта и мѣщанство, и вздумали рѣшить свое дѣло наемными солдатами. Потерявъ одно сраженіе, шляхта и мѣщанство и избранный ими неспособный король Фридрихъ потеряли тоже голову, и не подумали о народной войнѣ противъ небольшого войска цесарскихъ солдатъ, да и подумать объ этомъ не могли: простое народонаселеніе, прикрѣпленное къ землѣ, давно уже не играло никакой политической роли, лишлось, наравнѣ съ своими павами, воинственнаго духа, и не могло уже подражать народнымъ гуситскимъ войскамъ Жижки и Прокопа, сражавшимся за освобожденіе правды закона божіа и языка чешскаго и славянскаго. Но не смотря на всѣ эти важныя препятствія, чешское государство начала XVII в., поддержанное Польшею, все-таки могло быть спасено отъ Нѣмцевъ, да оно могло войти въ болѣе тѣсную связь съ славянскимъ востокомъ. И такъ паденіе чешскаго государства и народа и торжество Нѣмцевъ въ средней Европѣ находится, не говоря о внутреннихъ его причинахъ, въ тѣсной логической связи съ исторіею другихъ славянскихъ народовъ, именно съ взаимными отношеніями народовъ польскаго и русскаго. Слова возставшихъ Чеховъ обращенныя къ Полякамъ: Враги наши травятъ весь христіанскій миръ противъ насъ, чтобъ уничтожить Чехію, удобнѣе рыбу ловить въ мутной водѣ, поглотить все наше имущество

¹⁾ О славянской политикѣ Польши см. „Славяне“ II. 70—100.

и возрасти изъ нашей гибели; если же вы Поляки, наши соплеменники, не поможете намъ, а будете помогать нашимъ врагамъ, то пропадетъ единоплеменный вамъ народъ чешскій, и порвутся все связи соединившія до сихъ поръ потомковъ двухъ братьевъ, Чеха и Лѣха! — эти слова вполнѣ оправдались, равнымъ образомъ, какъ и грозныя слова чешскаго короля Премысла II Отакара о ненасытной пасти Нѣмцевъ раскрытой на западныхъ Славянъ.

Печальныя послѣдствія бѣлогорскаго сраженія отозвались тоже на взаимныхъ отношеніяхъ Чеховъ и Поляковъ. Чешское государство, лишенное многихъ политическихъ правъ, не могло уже сноситься съ сосѣднимъ польскимъ, и его представители, шляхта, не могли уже говорить съ представителями Польши какъ потомки двухъ братьевъ Чеха и Лѣха ¹⁾. Не могли они такъ говорить и потому, что въ ряды шляхты въ Чехіи ввалилось множество чужеземцевъ, Нѣмцевъ, Итальянцевъ, Ирландцевъ, Валоновъ, Испанцевъ и др. цесарскихъ генераловъ, офицеровъ, чиновниковъ, которые завладѣли конфискованнымъ имуществомъ казенной, прогнанной, выселившейся чешской шляхты. Традиціи этой новой придворной, Габсбургской шляхты, Лихтенштейновъ, Дитрихштейновъ, Эггенберговъ, Шварценберговъ, Галла-

¹⁾ Приведемъ здѣсь нѣсколько словъ изъ донесенія одного венеціанскаго посла (*Relazioni della republica di Venetia del regno di Polonia et del regno di Boemia, del Sign. G. F. Olmo dottore al G. Cornaro doge di Venetia et all' senato, Venetia 1628*): „La favella polacca è propria di quella nazione simile al parlar boemo, et che hà molte parole communi con Schiavoni (Югославяне); оба народа происходятъ отъ двухъ братьевъ Чеха и Лѣха, „tra li sodetti popoli si trova qualche conformità di costumi, di favella, et di maniera di vivere. Il Polacco prevale di valore nell'armi, e di giudicio nelle lettere, il Boemo di politia, se bene ne l'uno, ne l'altro in questo particolare è comparabile con l'Italiano. Чешскій языкъ „è assai simile alla schiava, coniosia che essi Boemi portino la loro origine da Schiavoni, ma similissima alla polacca, e quasi la medesima, intendendosi vicendevolmente Polacchi et di Boemi, per la grande conformità, et quasi uniformità e loro linguaggi“.

совъ, Шпорковъ, Валлисовъ, Миллесимо, Боллоредо, Коалальто, Угарте, Букуа и др., конечно не указывали на братьевъ Чеха и Лѣха; она то, не зная чешскаго языка, вводила въ употребленіе языкъ цесарскаго двора и войска, языкъ нѣмецкій, въ публичную жизнь Чехіи и Моравіи (въ Слезіи и Лужицахъ такъ было уже давно); она то вовлекла въ новыя волеи и уцѣлѣвшую католическую славянскую шляхту Чехіи и Моравіи, пановъ изъ Лобковицъ, Мартиницъ, Штернберга, Коуницъ, Вальдштейна, Колорать, Дубой, Вертбы, Черниновъ, Славать, Вхйнскихъ (Кинскихъ), Добренскихъ, Хотковъ, и др. Вся эта старинная славянская аристократія онѣмечивалась духомъ и языкомъ, дѣлалась такою же покорною придворною цесарскою шляхтою, какою были ихъ неславянскіе товарищи, чтобъ только отвести отъ себя всякую тѣнь подозрѣнія, заглядитъ воспоминанія о 1618—1620 гг., и объ измѣнѣ Альбрехта Вальдштейна мѣтившаго на чешскую корону. Весь этотъ böhmischer Adel служилъ всеѣмъ германизационнымъ и централизационнымъ планамъ Габсбурговъ, Лобковицъ и Коуницъ совершенно такъ, какъ Галласъ и Валлисъ, Штарембергъ и Кобенцель ¹⁾.

Что же сказать о простонародьѣ? Страшно порѣдѣвшіе бѣдствіями тридцатилѣтней войны крѣпостной сельскій людъ и обѣдѣвшее мѣщанство, тѣснимые усиливающимся на окраинахъ нѣмецкимъ элементомъ, сохранились только подъ условіемъ возвратиться въ лоно католической церкви, отречься отъ блестящаго прошлаго, считать всю чешскую исторію XV и XVI вв. прискорбнымъ заблужденіемъ, за которое надо было стыдиться и каяться подъ руководствомъ цѣлой арміи разношерстныхъ монаховъ, преимущественно іезуитовъ, новыхъ воспитателей, учителей и просвѣтителей чешскаго народа; они то заняли мѣсто чешской протестантской интеллигенціи, которая вынуждена была оставить родину, гибнуть на чужбинѣ и отчаяваться въ лучшей

¹⁾ Срв. на пр. слова Вячеслава Коуница о Россіи, во II т. соч. „Славяне“ стр. 413. Чешскіе шляхтичи въ родѣ Ф. Кинскаго были рѣдкимъ исключеніемъ; см. тамже стр. 66.

будущности своего народа ¹⁾. „Древніе Чехи, народъ немногочисленный, сдѣлали нѣкогда попытку, одни и можетъ быть преждевременно, рѣшить великую задачу: освободить человѣческій духъ отъ средневѣковаго авторитета, или добыть себѣ право свободнаго изслѣдованія и убѣжденія въ вопросахъ вѣры и религіи. По этому они должны были два раза вести борьбу великую и роковую, какой свѣтъ до тѣхъ поръ еще не видалъ: борьбу за интересы и достояніе человѣческаго духа. Первый разъ, во время гуситской войны, удалось Чехамъ почти чудеснымъ образомъ побѣдить все остальное христіанство и заставить его признать право другого убѣжденія; но народы по этому возненавидѣли чешское имя и относились къ нему съ презрѣніемъ. Второй разъ, въ тридцатилѣтней войнѣ, Чехи, хотя они нашли уже и союзниковъ, все-таки побѣждены и замучены до такой степени, что погибли и исчезли въ неслышанныхъ ужасахъ и бѣдствіяхъ три четверти народа, а одна оставшаяся четверть спаслась только подъ условіемъ, что она не только отказалась отъ стремленій предковъ, а тоже отъ нихъ отрекалась и ихъ проклинала. Съ тѣхъ поръ восторжествовало такое мнѣніе, что вся чешская исторія XV и XVI вѣковъ была заблужденіемъ, о которомъ надо сожалѣть и котораго надо стыдиться. Всеобщая и безпощадная реакція бросилась на всѣ памятники духовной жизни этой эпохи, и оставшіяся отъ нея сочиненія считались опаснымъ ядомъ, и по этому отыскивались и все истреблялись больше чѣмъ въ теченіи цѣлаго столѣтія“ ²⁾.

Такое печальное положеніе чешскаго народа не могло не оставаться неизвѣстнымъ въ Польшѣ. Поляки скоро убѣдились

¹⁾ Въ моемъ родномъ городѣ Писка (въ южной Чехіи), въ которомъ въ 1620 г. Лисовички вмѣстѣ съ цесарскимъ войскомъ произвели страшную рѣзню, въ совершаемой послѣ бѣлгорской битвы католической контрреформаціи участвовали тоже польскіе монахи (F. Jáskovc), призванные туда тогдашнимъ владѣльцемъ Писка, Исаакомъ Гуэртою. О Лисовичкахъ и „Полячкахъ“ въ Писка см. орію этого города I. Мацпера въ Отчетѣ псецакаго реального училища 1878—1879 гг.

²⁾ Palacký: Dějiny národu českého V. 2., предисловіе.

о неумѣстности своей радости по поводу пораженія „еретическихъ“ Чеховъ, скоро почувствовали недостатокъ славянскаго государства въ средней Европѣ, и усиливающееся могущество нѣмецкихъ Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ. Во время тридцатилѣтней войны Польша вынуждена была молчать, не могла ничего предпринимать на пользу своихъ интересовъ,—хотя бы только въ виду приобрѣтенія Пруссіи и Слезіи,—и могла развѣ радоваться,—вмѣстѣ съ своими іезуитами и ихъ школьниками, разбивающими церкви - сборы „еретиковъ“, — успѣхамъ католицизма въ средней Европѣ, что однако соединено было съ усиленіемъ нѣмецкихъ Габсбурговъ ¹⁾). Поступокъ польскаго короля Іоанна Собескаго въ 1683 г. составляетъ крупную политическую ошибку, и такъ его понимали тогда и позже и нѣкоторые Поляки, не переставая и впредь относиться съ крайнею подозрительностью къ нѣмецкой политикѣ Габсбурговъ ²⁾). Эти Поляки въ 1683 г. возставали противъ плана освобожденія Вѣны польскою кровью отъ Турковъ, замѣчая, что не Турки, а Бранденбургъ и Австрія — вѣковые враги Польши. Эти Поляки и по смерти короля Іоанна (1696), совмѣстно съ французскимъ посломъ, предостерегали отъ избранія въ короли Нѣмца, именно саксонскаго курфюрста: если курфюрстъ римско-нѣмецкой имперіи будетъ польскимъ королемъ, то можетъ случиться съ Поляками то, что случилось съ ихъ братьями Чехами, у которыхъ король тоже былъ курфюрстомъ; такая связь Чехіи съ имперіею поглотила это злополучное королевство, такъ что оно еле - еле существуетъ. Напрасно Франція старалась объ избраніи французскаго принца Конті; напрасно одинъ французскій государственный человѣкъ напоминалъ о правахъ польской короны на

¹⁾ Na cały przebieg wojny trzydziestoletniej pozostała Polska bez tego, który jęj się należał, wpływu. Była to dobrowolna, szkoldliwa bez miary abdykacya z politycznego stanowiska i głosu w ogólnych sprawach europejskich. Z martwym kolosem, do jakiego Polska coraz to więcej zbliżała, przestawano się liczyć. (M. Bobrzyński: Dzieje Polski, Warszawa 1881, II. 193).

²⁾ См. „Славяне“ т. II, 82—85, 92, 96, 164—168, и др.

Слезію, Моравію и Лужицы ¹⁾: польскіе паны уже давно перестали думать о такихъ дѣлахъ и превратились въ торгашей, продававшихъ корону Пастовичей и Ягайловичей разнымъ иноплеменникамъ; они ее продавали французскому принцу, и наконецъ продали Нѣмцу, саксонскому курфюрсту Августу (1697). Но и тогда нѣкоторые Поляки возставали противъ Нѣмцевъ, презирающихъ Поляковъ; пусть эти послѣдніе взглянуть на судьбу свободныхъ нѣкогда королевствъ угорскаго и чешскаго подъ нѣмецкимъ господствомъ. „Ты видѣла Угрію, знаешь Чехію, берегись Польша!“ ²⁾ Польша не убереглась. Она вздумала спасти себя союзомъ съ Нѣмцами противъ Россіи, и — скоро очутилась тоже въ ненасытной пасти Нѣмцевъ ³⁾.

Забитый и скованный летаргическимъ сномъ чешскій народъ почти не замѣтилъ этой катастрофы въ Славянствѣ, какою было похищеніе польскихъ земель Нѣмцами. Онъ видѣлъ, что хорошему извѣстный прусскій король Фридрихъ II, который столь часто билъ цесарское войско, отнялъ у чешской короны Слезію, да хотѣлъ взять и Чехію, — похитилъ и сѣверозападную часть Польши, что и туда вошли старые знакомые бѣднаго чешскаго люда, бранденбургскіе гренадеры въ долгополыхъ фракахъ и высокихъ шапкахъ, которые, во время войнъ изъ - за Слезіи, по словамъ одной чешской народной пѣсни, отнимали у него все его имущество ⁴⁾. Но чешскій людъ увидалъ и что-то другое. Онъ увидалъ или по крайней мѣрѣ могъ увидать, что политическою австрійскаго дома руководилъ онѣмеченный чешскій вельможа Вячеславъ Коуницъ, что этой политикѣ служили тысячи онѣмеченной

¹⁾ Mémoire du marquis de Croissi présenté au roi 1696 (A. Walewski: Dzieje bezkrólewia po skonic Jana III, I. 125).

²⁾ Załuski: Epistolae historico - familiares II. 154, 382, 488.

³⁾ Срв. „Славяне“ т. II, стр. 97—100, 410.

⁴⁾ Приведемъ здѣсь нѣсколько словъ изъ этой чешской народной пѣсни XVIII в. (поется по мелодіи извѣстной тоже въ Польшѣ: Pi ę Kuba do Jakuba, Jakub do Michała): Zle maticko, zle, Brandebu ni zde! Maji dlouhé kabáty, ukradnou nám dukáty, etc. Maji velké cej se, ukradnou nám slepice, etc.

чешской шляхты и чиновниковъ, что эту политику поддерживали сотни тысячъ славянскихъ солдатъ подъ нѣмецкою командою. И вотъ эти онѣмеченные цесарскіе администраторы, знающіе болѣе или менѣе говорить или только лепетать по-чешски, эти чернорабочіе чешскіе сторожа и солдаты, наводнили отнятуе у Польши новую провинцію австрійскаго дома, *Königreich Galizien und Lodomerien*, и предстали, съ своимъ официальнымъ нѣмецкимъ языкомъ и неофициальнымъ славянскимъ жаргономъ, передъ тамошнею польскою шляхтою и мазурскими и русскими мужиками какъ совсѣмъ новое изданіе „чешскихъ“ соплеменниковъ, какъ выродившіеся и не очень то привлекательные представители „чешскаго“ или скорѣе „бемацкаго“ народа на славянскомъ востоѣ.

Исчезновеніе польскаго государства и занятіе польскихъ земель Нѣмцами, прусскими и австрійскими, несомнѣнно съ горечью почувствовали тѣ немногіе чешскіе патриоты писатели, которые въ теченіи второй половины XVIII в. взяли за огромный трудъ воскресить свой еле дышущій народъ въ новой жизни, и которые, вида всѣ враждебныя чешскому народу планы и дѣяствія вѣнскаго правительства, не могли относиться дружелюбно въ таковой политикѣ нѣмецкихъ Габсбурговъ. Но эти чешскіе патриоты могли высказать свои мысли развѣ только такимъ образомъ, какъ это сдѣлалъ Руликъ ¹⁾.

Паденіе политической самостоятельности Чеховъ и Поляковъ, и вообще гибель западныхъ Славянъ, находятся въ тѣсной между собою связи, равнымъ образомъ какъ и въ связи съ судьбами восточнаго Славянства, Руси. Центробѣжныя стремленія

¹⁾ См. „Славяне“ т. II, стр. 100. Приводимъ изъ сочиненія Рулика (*Kalendář historický, 1797*) нѣсколько мѣстъ: „*Povstaly v Polském říznice, nevole, kteréž Kateřina na záhubu, bohužel, toho znamenitého slovanského národu válečnou zbraní v nívec uvedla. . . To jí by tak slavné a veliké království národu slovanského přišlo k rozdělení a k roztrhání, i samo pro sebe býti přestalo. . . Nesčastná nesvornost, a domácí rozbroje, jakž, nastojte, všecko zlé, ano i smrt nejhorší národu uvaluje!*“

западныхъ Славянъ вмѣстѣ съ антиславянскою дѣятельностью Нѣмцевъ — помѣшали образованію сильнаго западно-славянскаго государства, разрушали всѣ планы моравскихъ Ростислава и Святополка, чешскихъ Болеславовъ и Брячислава, польскаго Болеслава Великаго. Полабско - балтійскіе Славяне, неподдерживаемые — по разнымъ причинамъ — ни Чехами ни Поляками, погибли, Чехія спаслась отъ таковой-же участи только въ слѣдствіе добровольнаго присоединенія къ Германіи. Польша, отраженная на западѣ напирющимъ на востокъ нѣмецкимъ народомъ, бросилась въ свою очередь тоже на востокъ, на Русь, и не могла уже подать помощь тонувшимъ въ нѣмецкомъ морѣ Чехамъ, тѣмъ болѣе, что подачѣ таковой помощи мѣшали разныя постороннія соображенія Поляковъ, имѣвшія въ виду не защиту общихъ славянскихъ интересовъ противъ дружной анти-славянской дѣятельности Нѣмцевъ, а „исправленіе“ вѣроисповѣданія Славянъ — „еретическихъ“ Чеховъ. Наконецъ Поляки отражены отъ славянскаго востока, — гдѣ тоже взяли за „исправленіе схизматической“ Руси, — очутились между Нѣмцами и Русскими, не применили добровольно въ послѣднемъ, смяты и раздѣлили участь остальныхъ западныхъ Славянъ. Въ XII вѣкѣ Нѣмцы воздвигли гробницу полабско - балтійскимъ Славянамъ, не безъ содѣйствія Чеховъ и Поляковъ; вторая западно-славянская гробница поставлена Нѣмцами въ началѣ XVII вѣка, именно „Nagrobek Czeskom г. 1620“, при чемъ помогали и Поляки; а въ концѣ XVIII вѣка тѣ же побѣдители Нѣмцы воздвигли третій по очереди западно-славянскій „Nagrobek Polakom г. 1795“.

4. *Духовныя связи Чеховъ и Поляковъ. Государственное и общественное устройство. Христіанство въ Моравіи, Чехіи и Польшѣ. Пражскій университетъ. Гуситство и чешскіе братья въ Польшѣ. Чешскій языкъ въ Польшѣ и его вліяніе на польскій. Чешскій языкъ въ Слезіи. Чешское военное искусство въ Польшѣ.*

Чехи (Моравяне, Словаки) и Поляки, происходили — по сроднымъ связаніямъ — отъ двухъ братьевъ, Чеха и Лѣха.

Это сказаніе—не что иное какъ сказаніе и преданіе; но оно хорошо идетъ во всему, что намъ извѣстно о древнѣйшемъ устройствѣ обоихъ славянскихъ народовъ. Сходство государственныхъ и общественныхъ порядковъ у Чеховъ и Поляковъ поразительно. Оба государства основаны сильными князьями чешскими и польскими; въ этихъ государствахъ заняло первое да исключительное положеніе сословіе землевладѣльцевъ - землянъ, жупановъ - пановъ и владыкъ (влодыгъ), между тѣмъ какъ масса народонаселенія—кметы, въ историческое время, лишена всякаго вліянія на государственныя дѣла. Свѣтлы, съезды - сеймы, вѣча и жупы (суды) у Чеховъ и у Поляковъ — это собранія однихъ только землянъ, пановъ и владыкъ, и изъ нихъ назначаемыхъ вметей (сановниковъ), а вовсе не общенародныя собранія, какъ это было у балтійскихъ Славянъ, Лютичей и Поморянъ, у Русскихъ и даже у Хорватовъ. Это чешское и польское земанство скоро образовало сословіе наследственное, родовое—шляхту, съ особыми родовыми знаками, щитами—эрбами, гербами ¹⁾.

¹⁾ См. обширно въ I т. соч. „Славяне“. Нѣкоторые польскіе гербы (роды) производились изъ Чехіи, на пр. Ояша, Венява, Огончикъ, Порай, Нечуя (Остревъ), Одровонжъ (Одровонсь, Odrowaz, Odrzywaz, чеш. Odrivous), и др.; на сколько такія производства вѣрны, трудно сказать. Шайноха (Nastanie szlachty i herbów w Polsce, Dzieła II. 215) выводитъ, совсѣмъ произвольно, всѣ польскіе гербы изъ Чехіи. Если въ XVI в. въ Литвѣ думали (срв. литовско-русскую лѣтопись, изд. Нарбуттъ, 40), что Ляхи, первоначально не шляхта, люди простые, приняли гербы отъ Чеховъ и сдѣлались шляхтою, а литовскіе паны—де старая римская шляхта, то это обыкновенныя тогда басни, которыя не имѣютъ ни малѣйшаго научнаго значенія. Но что сказать, если недавно Ф. Пекосинскій (O dynastycznym szlachty polskiej pochodzeniu, Kraków 1888) удивилъ свѣтъ слѣдующею фантастическою гипотезою о польской шляхтѣ и ея гербахъ: польская шляхта происходитъ—де отъ 20-и „династій Драговъ“ полабско-балтійскихъ князей, а „Драгъ“ — это скандинавское им. драконъ, грифъ (хотя всѣ эти балтійско-славянскія имена Драговит, Драгомиръ, Дражко, Даргашъ, Даргунъ, Тѣходаргъ и пр., чистѣйш славянскія имена: драгъ - даргъ - дрогъ - дорогъ); гербы—это скандинавскія руны (почему же не глаголица?), и пр. Какъ видно, стра

Если имена лиц и географическія названія у всѣхъ Славянъ вообще поразительно сходны, то это сходство является еще больше у западныхъ Славянъ въ особенности. У Чеховъ и Поляковъ употреблялись на пр. имена Болеславъ, Богдаль, Богданъ, Богумиль, Богухваль, Богуславъ (Богуша), Бориславъ (Борешъ), Божей, Божата - Божата, Браниславъ (Брапишъ)—Брониславъ (Бронишъ), Будиславъ (Будишъ), Будивой, Чаславъ (Чеславъ), Честиборъ (Цѣтиборъ), Далиборъ, Добеславъ (Добешъ), Добрита - Добрата, Доброгость, Домамиръ, Домаславъ, Держикрай, Держиславъ—Дерславъ, Держекъ, Драгобудъ, Драгомьслъ, Драгомиръ, Драгославъ, Драготѣхъ, Дражекъ, Драгонъ, Драгота, Драгошъ, Драгина (поль. Дрог—), Гнѣвомиръ, Годи-

ные Варяги (Норманы), эти *Vindamyrdig* (Славянобойцы), бывшіе Славянъ ляхскихъ и русскихъ, не перестаютъ до сихъ поръ беспокоить многихъ Славянъ, и угрожать славянской исторіи: древняя русская исторія пострадала отъ Варяговъ неизмѣримо; Шайноха (*Lechicki rozszatek Polski*) повелъ своихъ „варяжскихъ Ляховъ и Чеховъ“ и противъ западно-славянской исторіи; наконецъ Пекосинскій пустилъ 20 „династій“ балтійско-славянскихъ „драконовъ“ или змѣевъ съ ихъ воинственными варяжскими именами и „рунами“ на гибель исторіи польско-славянскаго землячества и ихъ щитовъ - гербовъ, Налавчовъ, Богорый, Лезивъ, Ястрембцовъ, Елитъ, Слѣбоврововъ, Вевявъ, Помянновъ и др. Въ числѣ разныхъ „ученыхъ“ мнѣній, искони преслѣдующихъ названія „Чеховъ“ и „Ляховъ“, высказано было недавно и такое, что Чехи—Славяне „счастливы“ (*setno*), а Ляхи—„злонулучные“ (*lieho*). Не входимъ въ оцѣнку этой тоже глубокомысленной гипотезы, но относительно разработки древней исторіи этихъ двухъ западно-славянскихъ народовъ это совершенно вѣрно: дѣйствительно, какое-то „лихо“ преслѣдуетъ древнепольскую исторію со временъ магистра Викентія до сихъ поръ. Впрочемъ фантазіи Пекосинскаго пощекотали болѣе родовую спѣсь разныхъ этихъ мнимыхъ „Змѣевичей династовъ“, Слѣбоврововъ, Одынцевъ, Лисовъ, Мурделионовъ, Елитъ, Пузаль, Заглобъ и др.; въ наукѣ эта теорія встрѣтилась съ оппозиціею; срв. статью Лагуны въ журн. *Kwartalnik historyczny* 1890, I. 58. Замѣтимъ, что вопросъ о польской геральдикѣ нельзя разсматривать независимо отъ чешской, о которой срв. Палацкаго *Dějiny nár. česk.* I. 2. p. 451, и статью I. Иречка въ ж. *Ramátky archeologické* X. 634.

славъ, Гостирадъ, Грабина, Ярогнѣвъ, Ярославъ (Ярошъ), Коханъ, Кресиславъ (Бреславъ), Кривсудъ—Кривсждъ, Лютоборъ, Лютогнѣвъ, Мѣшко, Милей, Милославъ (Милошъ), Мирославъ, Модлибогъ, Мстигнѣвъ, Мутыня - Мжтыня, Мыслиборъ, Несулъ, Незамысль, Одолянъ, Павославъ, Помнѣвъ—Поминъ, Попель, Премьсль, Прудота - Прждота, Предславъ, Прибыславъ, Радимъ, Радославъ, Радованъ, Ратиборъ, Сетѣхъ, Скрѣбимиръ - Сварбимиръ, Славата - Славта, Славборъ, Смилъ, Собѣславъ, Спытгнѣвъ, Станиславъ - Станѣкъ, Стойгнѣвъ, Страхота, Судимиръ-Сждимиръ, Судивой - Сждивой, Сулиславъ, Сватоцлужъ - Сватоцель, Троянъ, Унѣславъ, Вацеславъ - Вацеславъ, Владиславъ-Влодиславъ, Верхославъ, Витекъ, Власть - Влостъ, Войславъ, Войтѣхъ, Врагиславъ - Вроциславъ, Вратижаръ - Вроцижаръ, Врѣшь - Варшь, Всеборъ, Завиша, Збгнѣвъ, Збраславъ, Жирославъ, и др. Чужія имена изъ христіанскаго календаря Чехи и Поляки часто передѣлывали одинаково на свой ладъ: Бедрихъ (Fridrich), Янъ - Яникъ (Ioannes), Бартошъ (Bartholomaeus), Блажей (Blasius), Бенедъ (Benedictus), Дивишъ (Dionysius), Гавель (Gallus), Идикъ - Идзіи (Aegidius), Юрій - Юривъ (Georgius), Вавринецъ (Laurentius), Пабянъ (Fabianus), Павель - Павликъ (Paulus), и др. Что касается географическихъ названій, то и здѣсь встрѣчается множество одинаковыхъ названій чешскихъ и польскихъ, названія по имепамъ (Войславице, Ратиборовице, Болеславъ, Познанъ, Чеховъ, Трояново), по мѣстоположенію (Вышеградъ - Вышгородъ, Загорье), по занятіямъ жителей (Водѣрады, Ратае, Сокольники, Псары, Здуны, Щитники, Бобровники, Рыбаки), и пр. Прага, Вышеградъ - Вышгородъ, Краковъ, Судомѣръ - Сждомѣръ, Кошице, Зволень, Вратиславъ - Вроциславъ (Вроцлавъ), Ратиборъ, Быстрица, и др. встрѣчаются у Чеховъ, Моравянъ, Словаковъ, Поляковъ.

Христіанство проникло къ южнымъ Ляхамъ, въ краковскую землю Хорватовъ и къ другимъ „Вислянамъ“, и, можетъ быть, тоже къ поодранскимъ Ляхамъ изъ моравской державы Святополка, изъ епархіи папонско-моравскаго архіепископа Меоодія, откуда распространилось къ тѣмъ Ляхамъ и словѣнско-богослуженіе удержавшееся тамъ до XI вѣка. Къ сѣвернымъ

Ляхамъ (Полякамъ) христіанство съ латинскимъ богослуженіемъ перешло изъ Чехіи, именно при князѣ Мѣшеѣ, который, женившись на чешской княжнѣ Добравѣ Болеславовнѣ (965), принялъ съ своимъ народомъ крещеніе (966). Такимъ образомъ завязались между Чехами и Поляками религіозно - культурныя сношенія; вмѣстѣ съ тѣмъ и Польша открылась вліянію латинско-нѣмецкому, которое нашло сильную опору въ латинской іерархіи Польши и Чехіи, и скоро подавило послѣдніе остатки словѣнскаго богослуженія у Чеховъ и Поляковъ ¹⁾. Первыми апостолами христіанства у Ляховъ были вѣроятно Моравяне и Словаки, потому, въ X в., Чехи; они, вмѣстѣ съ Нѣмцами, наполняли ряды польскаго духовенства, и первымъ польскимъ архіепископомъ (въ Гнѣзнѣ) былъ Чехъ Радимъ (Gaudentius), братъ второго пражскаго епископа Славниковича (Adalbertus) Войтѣха. Послѣдній находился въ дружескихъ отношеніяхъ къ польскому князю Болеславу Мѣшековичу, пребывалъ нѣкоторое время при его дворѣ, прежде чѣмъ отправился къ Прусамъ; убитый въ Пруссіи онъ похороненъ въ Гнѣзнѣ и сдѣлался патрономъ не только Чеховъ а тоже Поляковъ. Поляки стали ему приписывать церковную пѣснь Bogagodzica, которая однако сочинена не раньше XIII вѣка ²⁾. Кромѣ Войтѣха Поляки почитали святымъ тоже чешскаго князя Премысловича Вячеслава — дядю Добравы Болеславовны — которому посвященъ браковскій соборъ, и кото-

¹⁾ См. „Славяне“ II. 520, Röpell: Geschichte Polens I. 622, Małeckі: Kościelne stosunki w pierwotnej Polsce (Przewodnik naukowy 1875). Титмаръ — главный источникъ для тѣхъ временъ — называетъ чешскую княжну Добрава (bona); форма Dubrava, Dubravka, Dąbrowka — болѣе поздняя.

²⁾ Въ Гнѣзнѣ находились мощи св. Войтѣха до 1039 г., гдѣ чешскій князь Брячиславъ, вторгнувшійся тогда въ Гнѣзно, перенесъ ихъ въ Прагу. Но въ Гнѣзнѣ тоже показываютъ мощи св. Войтѣха. Позднѣйшія русскія лѣтописи (см. „Славяне“ II. 448) называютъ Войтѣха врагомъ словѣнскаго богослуженія. См. А. Будиловича: Очерки изъ церковной исторіи западныхъ Славянъ. Нѣсколько критическихъ замѣчаній на латинскую легенду о пражскомъ епископѣ Войтѣхѣ (Варшава 1880).

раго, наравнѣ съ Войтѣхомъ и Станиславомъ, Поляки долго считали своимъ патрономъ. Такъ на пр. король Владиславъ Ягайло обращается передъ домбровенскою битвою за помощью къ св. польскимъ патронамъ Станиславу, Вячеславу и Войтѣху, а историкъ Длугошъ, въ эпилогъ своей исторіи, благодарить тѣхъ же святыхъ за окончаніе своего труда. Хотинскую побѣду (28 сентября 1621 г., день св. Вячеслава) нѣкоторые Поляки приписывали помощи „чешскаго князя св. Вячеслава одного съ Поляками происхожденія“¹⁾. Самое имя св. Вячеслава (по-чешски Václav—Václav, латин. Wenceslaus) Поляки приняли прямо изъ чешскаго Wacław, хотя эта форма въ польскомъ языкѣ неорганическая; и въ живомъ польскомъ языкѣ XIV—XV вв. (въ судебныхъ книгахъ малопольскихъ, великопольскихъ и мазовскихъ) встрѣчается правильная польская форма съ носовымъ звукомъ: Wanclaw, Wenczslaf, Wanczslaw, Woczslaw, Wanch, Wiach (сокращено, чеш. Vach)²⁾, а въ имени Więcek (Więcokowice, чеш. Vasek) носовой звукъ сохранился до сихъ поръ. Наконецъ, посредствомъ Чеховъ, возобновлена въ Польшѣ тоже память и чествованіе свв. Кирилла и Меодія³⁾.

Важнымъ звеномъ соединяющимъ Чеховъ и Поляковъ былъ *пражскій университетъ*. Поляки составляли здѣсь съ самаго начала одинъ изъ четырехъ университетскихъ „народовъ“, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими народами восточной Европы; къ польскому народу причислялись тоже Литовцы и Русскіе⁴⁾. Для

¹⁾ Kobierzycki: Historia Wladislai principis, p. 824; Вячеславъ Потоцкій въ эпопеѣ Wojna Chocimska, p. 342: Dzień świtał Wacławowi królowi święcony czeskiemu, a że naszój patronem korony, przeto nam uroczysty. Св. Вячеславъ приводится въ числѣ польскихъ патроновъ въ книгѣ Ст. Соколовскаго Officia propria patronorum provinciae polonae (1580 и часто, еще въ 1735 г.).

²⁾ Другая сокращенная форма чешская и польская Vaněk; срв. Staněk - Stanislav, Břeněk - Břecislav, Čeněk - Častolov.

³⁾ См. „Славяне“, II. 606.

⁴⁾ Ессе Pruteni, ессе Rutheni, ессе Poloni — приводитъ въ началѣ XV в. профессоръ Андрей Бродскій въ числѣ пражскихъ студентовъ. (Höfler: Geschichtschreiber der hussit. Bewegung, II. 155).

Литовцевъ польская королева Ядвига основала (1397) въ Прагѣ особую литовскую коллегію, которая поручена надзору трехъ Чеховъ, Щекны, Крижа и Нѣбра, а позже І. Гусу; но вскорѣ въ этой коллегіи водворился чешскій элементъ ¹⁾. Число польскихъ студентовъ въ пражскомъ университетѣ уменьшилось въ слѣдствіе основанія университета или академіи въ Краковѣ (1364, возобновленной въ 1400 г.). Краковскій университетъ — по словамъ его возобновителя, короля Владислава — долженъ былъ просвѣщать и прославить Польшу такимъ образомъ, какимъ пражскій Чехію. Въ Краковѣ перешли многіе профессора изъ Праги, чешскаго, польскаго и нѣмецкаго народовъ ²⁾. Студенты польскіе и литовскіе посѣщали однако пражскій университетъ и въ послѣдствіи, до второй половины XV в., когда наконецъ папа запретилъ (1469) посѣщеніе этого „еретическаго“ университета ³⁾. Духовную связь обоихъ университетовъ помнили въ Польшѣ долго; въ драмѣ *Academia Cracoviensis* (1537) Польша рассказываетъ Чехамъ объ учрежденіи краковской академіи Казимиромъ и объ ея упадкѣ; Чехія же утѣшаетъ Поляковъ, что и у нихъ будетъ такой университетъ, какъ пражскій.

Гуситское движеніе не охватило польскаго народа до такой степени, какъ Чеховъ, благодаря меньшему умственному развитію Поляковъ и большей бдительности польской іерар-

¹⁾ О литовской коллегіи см. *Monumenta histor. universit. Prag.* II. (грамоты 1397 и 1411 гг.), и Томка *Исторію Праги и Исторію пражскаго университета.*

²⁾ *Codex diplomat. univers. Cracov.* I. 26, Длугошъ III. 540, Muczkowski: *Wiadomość o założeniu uniwersyt. w Krakowie* (1851). Въ краковской университет. бібліотекѣ хранится нѣсколько книгъ профессора І. Щекны, прибывшаго тогда въ Краковъ изъ Праги. См. нашъ Отчетъ за 1882 г., стр. 2.

³⁾ Списокъ польскихъ студентовъ въ Прагѣ 1367—1467 гг. въ *Monum. histor. univers. Prag.* I, и оттуда у Мучковского: *Wiadomość o założeniu uniwersyt. w Krakowie*, 96; папская грамота въ *Monumenta Polon. histor.*, ed. Theiner, II. 164.

хія ¹⁾. Но не смотря на всякія препятствія, гуситство все-таки пролагало себѣ путь и въ Польшу, находя поддержку въ безпреставныхъ спорахъ шляхты съ духовенствомъ изъ-за десятины и другихъ дѣлъ ²⁾. Гусъ переписывался съ королемъ Владиславомъ и Иеронимъ Пражскій возбуждалъ большое неудовольствіе среди католическаго духовенства въ Польшѣ, Литвѣ и Руси ³⁾. Въ Констанціи за Гуса ходатайствовали также польскіе паны, и самъ императоръ Сигизмундъ заявилъ здѣсь, что чешскій магистръ имѣетъ много приверженцевъ также въ Польшѣ ⁴⁾. Уже въ 1419 г. гуситскія мнѣнія являются и преслѣдуются въ Великопольскѣ, именно въ Равѣ ⁵⁾. Черезъ годъ (1420, въ сентябрѣ) польскіе епископы, на синодахъ въ Велюнѣ и Калишѣ, должны были обнародовать строгія мѣры противъ усиливающагося въ Польшѣ гуситства. Они проклинали всѣ статьи ученія Виллефа и Гуса и ихъ приверженцевъ, особенно тѣхъ, которые публично провозглашаютъ или тайкомъ учатъ, что ради спасенія необходимо причащеніе подъ обоими видами; они строго призва-

¹⁾ Мнѣнія чешскаго ревнителя Іоанна Милича распространились изъ Чехіи и въ Польшу, въ епархіи гнѣзненскую и краковскую; см. Raynaldi Annal eccliev. ad a. 1374.

²⁾ См. Н. Любовича: Исторія реформаціи въ Польшѣ, 27—42. По его мнѣнію „можно смѣло сказать, что польская реформація есть прямое продолженіе борьбы шляхты съ духовенствомъ“. Любовичъ отрицаетъ генетическую связь польской реформаціи съ гуситскимъ движеніемъ въ Польшѣ. Это, вообще говоря, вѣрно, т. е. реформація въ Польшѣ возникла не на гуситской основѣ, какъ это случилось въ Чехіи, гдѣ гуситы - утраквисты (но не чешскіе братья) примкнули по большей части въ лютеранству; Поляки - католики присоединялись прямо къ новымъ ученіямъ нѣмецкому и швейцарско - французскому, позже и къ чешско - братскому. Но съ другой стороны гуситство находило въ Польшѣ XV в. достаточно приверженцевъ, чтобъ приготовить, хотя бы только отъ части, почву протестантству.

³⁾ См. выше, стр. 39—41.

⁴⁾ Documenta M. J. Hus, ed. Palacký, 116, 315.

⁵⁾ Smolka: Archiwa w w. ks. Poznań. i w Prusiech (Rozprawy akademii IV. 256).

зываютъ, чтобъ въ приходскіе священники назначались одни только надежные и въ ереси неподозрительные люди, чтобъ священники не принимали въ школы никого, который прибывалъ бы изъ Чехіи; чтобъ никто не помогалъ людямъ ересью зараженнымъ, которые бы уходили въ Чехію или оттуда приходили; наконецъ епископы должны посредствомъ архидіаконовъ слѣдить за приверженцами и защитниками ереси Гуса; эти визитаторы должны особенно осматривать книги священниковъ и проповѣдниковъ, не находится-ли въ нихъ чего еретическаго ¹⁾). Краковскіе профессора, Андрей изъ Кокорина и Станиславъ изъ Скарбимѣра, писали особые трактаты противъ ученія Виклефа и Гуса, о мшѣ (литургіи), о причащеніи подъ обоими видами; другой неизвѣстный авторъ написалъ трактатъ противъ четырехъ гуситскихъ артикуловъ, которые распространялись тоже въ Польшу. Краковскіе студенты, записываемые въ университетскую матрикулу, должны были присягать, что они не будутъ признавать мнѣній осужденнаго еретика Гуса ²⁾).

Но эти мѣры были не очень дѣйствительны. Самъ папа Мартынъ жаловался на распространеніе гуситства и въ Польшѣ (1422), и настоятельно требовалъ отъ гнѣзенскаго архіепископа принять необходимыя мѣры противъ усиливающагося въ Польшѣ гуситства. Польскіе епископы собрались по этому поводу на синодѣ въ Ланчицѣ (1423), и одновременно король Владиславъ совѣщался съ Малополянами и Великополянами о средствахъ, которыя надо употребить противъ приверженцевъ ереси и вообще противъ новаторовъ. Даже въ Червоной Руси появляются „ереси“, и Владиславъ поручаетъ львовскому архіепископу принимать мѣры противъ тамошнихъ „еретиковъ“ и „схизматиковъ“;

¹⁾ Statuta synodalia ed. Norimberg. 1512, fol. 55, 91, перепечатаны въ сб. Starodawne prawa polskiego pomniki, IV. 75. Длугошъ (IV. 191) видѣлъ-де въ Краковѣ собственноручную рукопись Гуса, въ которой содержались его „ереси“.

²⁾ Wiszniewski: Historia liter. polskiej V. 14, 43, 296; Höfler: Geschichtschreiber der hussit. Bewegung II. 479—480; Das älteste Matrikelbuch der Univers. Krakau, ed. Zeissberg, p. 2.

да скоро нужно было принимать мѣры и противъ монаховъ францисканцевъ въ русскихъ земляхъ, которые нарушали правила ордена, буйствовали и угрожали поджечь монастыри. На сеймѣ въ Велюнѣ (1424) король вмѣстѣ съ епископами и панами постановляетъ, строго наказывать каждаго еретика или въ ереси подозрѣваемого; испытывать духовными лицами каждаго, кто возвращается изъ Чехіи; каждаго польскаго подданнаго, который бы не возвратился до извѣстнаго срока изъ Чехіи, считать еретикомъ, наказывать, лишать имѣнія и чести; купцамъ строго запрещалось въ Чехію вывозить товары, особенно свинець, оружіе и съѣстные припасы. Владиславъ и Витовтъ, вмѣстѣ со всѣми своими подданными, прелатами, князьями, панами, шляхтой, боярами, земанами и городами Польши, Литвы и Руси, всевозможно заботились о томъ, чтобъ еретическая зараза, которая освернула сосѣднее и сродное чешское королевство, не проникла и въ ихъ земли; они обязываютъ себя, защищать католическую вѣру и наказывать еретиковъ и ихъ друзей, строго угрожаютъ всѣмъ, которые бы поднимали внутреннія смуты, собирались на незаконныхъ сѣздахъ, и вводили новшества. Противъ еретиковъ принимались мѣры опять на сѣздахъ въ Серадзѣ (1425), Едльнѣ (1430), Познанѣ (1432), Корчинѣ (1438). Кромѣ того оказалось необходимымъ, прибѣгнуть въ помощи инвизиторовъ для преслѣдованія еретиковъ въ Польшѣ Малой и Великой ¹⁾.

¹⁾ Подробности см. въ Monumenta Poloniae historica, ed. Theiner, II. 25; Annales ecclesiast. ad a. 1423, ed. Raynald, p. 16; Volumina legum I. 85, 140; Codex epistolaris saec. XV, t. I. p. 62; Codex epistolaris Vitoldi p. 607, 692, 1052; Liber cancellariae St. Ciołek, ed. Caro, I. p. 46; Palacký Urkundl. Beiträge I. 305, 331, 334; Gołębiowski: Dzieje Polski za panowania Kazimierza (Warszawa 1848, p. 339); Bukowski: Dzieje reformacyi w Polsce I. 32, 46. Съ другой стороны католическіе священники чешскіе бѣжали въ Польшу; срв. выше стр. 41. — Замѣтимъ еще, что позднѣйшіе польскіе протестанты рассказывали о гуситствѣ въ Польшѣ разныя небылицы; такъ на пр. Симеонъ Турновскій, чешскій братъ, въ своемъ рукописномъ соч. Obrona konsensu sandomierskiego (срв. у I. Лукашевича O kościołach braci czeskich w dawnóej Wielkiej Polsce, p. 10, 14).

Все это указывает не на ослабление, а на усиление „ереси“ въ Польшѣ. Въ Великой Польшѣ все попадаютъ даже священники заподозрѣваемые въ ереси (1428, 1436—1438). Что касается Малой Польши, то самъ краковскій епископъ Збыгнѣвъ Олешницкій жалуется (1435), что въ Польшѣ вообще и въ его епархіи въ особенности есть польскіе гуситы, которые требуютъ причащенія подъ обоими видами; а около этого времени краковскій инквизиторъ Николай изъ Брестя тоже жалуется на еретиковъ гуситовъ, которые прибываютъ изъ чужихъ странъ и живутъ въ разныхъ городахъ краковской епархіи, и строго требуютъ отъ всѣхъ жителей той епархіи, помогать ему въ дѣлѣ преслѣдованія еретиковъ и ихъ книгъ. Сами гуситскіе Чехи ходатайствовали передъ римскою іерархіею за польскихъ гуситовъ, въ Прагѣ (1433) и потомъ на базельскомъ соборѣ (1435). Даже между сельскимъ народомъ замѣчалось извѣстное броженіе. Въ Великой Польшѣ и въ Куявіи бывали случаи, что поселяне оскорбляли священниковъ, относились съ презрѣніемъ къ церковнымъ обрядамъ, топили наложницъ священниковъ, возставали противъ шляхтичей, что разбойники напали на инквизитора ¹⁾. Польская шляхта все ссорилась съ духовенствомъ изъ-за десятины, находилась въ постоянныхъ сношеніяхъ съ чешскими гуситами; она отъ части открыто признавалась къ гуситству, и въ ея рядахъ нашлись даже такіе смѣльчаки, какъ Надобный изъ Рогова рода Дзалоша и Куропатва изъ Ланцухова рода Сренява, которые въ 1430 г., вмѣстѣ съ княземъ Фридрихомъ Острожскимъ, напали на Ченстохову, разрубили тамошній образъ богородицы, и вообще вели себя — по словамъ Длугоша — „не какъ Поляки, а какъ Чехи“. Около этого времени самъ король Владиславъ пишетъ инквизитору, чтобъ онъ строго навазаль двухъ Поляковъ, которые разбили св. образъ. Въ числѣ польскихъ гу-

¹⁾ Smolka: Archiwa w w. ks. poznańskiem (Rozprawy akademii IV. 209); Codex epistolaris saec. XV. t. I. p. 79; Gołębiowski l. c.; Monumenta concilii Basil. I. 582, 726; T. Lubomirski: Rolnicza ludność w Polsce od XV do XVI w., въ журн. Biblioteka Warszawska 1861, III. 38.

ситовъ особенно извѣстны папы Спытекъ изъ Мельштына, Дерславъ изъ Рытвианъ, Николай Сестронецъ, Петръ Полякъ, Явовъ Прекора, Николай Ланцкоронскій, Авраамъ Чарный изъ Гошци, Страшъ, Куропатва, Авраамъ Збонскій (изъ Збоншина) и др. Мельштынскій и Збонскій содержали у себя гуситскихъ поповъ, поддерживали сношенія съ Чехами, и все ссорились съ епископами краковскимъ и познанскимъ. По смерти короля Владислава Ягайла эта партія Спытеа заняла враждебное положеніе относительно пановъ управлявшихъ государствомъ за малолѣтнаго короля, во главѣ которыхъ стоялъ давнишій врагъ Спытеа и гуситовъ вообще, епископъ Збыгнѣвъ. Мельштынскій, и послѣ провозглашенія короля Владислава совершеннолѣтнимъ, не пересталъ относиться враждебно къ главному его совѣтнику, епископу Збыгнѣву, и, скоро послѣ неудачнаго для Польши окончанія чешскихъ дѣлъ, сталъ во главѣ конфедераціи польскихъ гуситовъ и недовольныхъ, взялся за оружіе противъ короля, но погибъ въ битвѣ подъ Гротниками недалеко Кракова (въ маѣ 1439). Въ то же время сошелъ со сцены и А. Збонскій, котораго усмирить силою оружія познанскій епископъ; нѣсколько пойманныхъ гуситскихъ поповъ сожжено, другіе спаслись бѣгствомъ въ Чехію ¹⁾.

Съ паденіемъ обоихъ польскихъ гуситскихъ пановъ Польша однако не „очистилась“ еще отъ „еретической“ заразы, какъ утѣшался Длугошъ; напротивъ, гуситство все является въ разныхъ странахъ Польши, среди духовенства, шляхты и народа; то въ кувявской (владиславской, влоцлавецкой) епархіи одинъ попъ оказывается приверженцемъ Виклефа и Гуса (1440), то збоншинскіе мѣщане подозреваются въ ереси (1442); то въ гиѣзенской

¹⁾ Длугошъ IV. 399, 581, 606; Codex epistolaris saec. XV, t. I p. 148. Срв. А. Sokolowski: Ostatni obrońcy husytyzmu w Polsce (Przegląd polski 1870), Prochaska: Husyty polski, M. Siestrzeniec (Szkice historyczne I. 203), Konfederacya Spytka z Melsztyna (Przewodnik naukowy 1887; на стр. 400—403 напечатанъ впервые акт конфедераціи); Саго: Geschichte Polens IV. 195. Срв. выше, стр. 62.

епархіи появляются еретическія сочиненія въ руках поповъ и шляхтянки (1451)¹⁾. Збыгнѣвъ Олешницкій извѣщаетъ папу (1448), что въ плоцкой епархіи напали на имѣнія епископа и опустошили ихъ, потому что онъ не хотѣлъ назначить поповъ, которые причащали подъ обоими видами; да что на нѣкоторыхъ мѣстахъ напали на поповъ не одобряющихъ религіозныхъ новшествъ. Около этого времени (1450—52) краковскіе каноники получили печальныя вѣсти изъ той епархіи: въ добринской землѣ гуситство распространяется между духовенствомъ, шляхтою и народомъ²⁾. Оказалось необходимымъ назначить особаго инквизитора для епархіи гнѣзенской, познанской, владиславской и плоцкой (1454); а въ Краковѣ и во второй половинѣ XV в. инквизиторы все преслѣдовали еретиковъ, не безъ опасности со стороны нѣкоторыхъ тамошнихъ шляхтичей благопріятствовавшихъ ереси³⁾. Гуситство находило приверженцевъ особенно въ Великой Польшѣ, Куявіи и Мазовіи; въ послѣдней, въ плоцкой епархіи, нужно было въ 1486 и 1498 гг. ввести калшскіе статуты 1420-го г. противъ еретиковъ⁴⁾. Въ обѣихъ сѣверныхъ епархіяхъ, плоцкой и владиславской, епископы и капитулы, въ теченіи всей второй половины XV вѣка, разсматривали и судили разныя дѣла ереси, частые случаи причащенія подъ обоими видами, случаи съ еретическими книгами, непочтительнаго отношенія къ духовенству и къ св. образамъ, восхваленія Гуса, Иеронима, Рокитаны, и пр. Виновными оказывались попы, шляхта, мѣщане и поселяне; а нѣкоторые изъ

¹⁾ Smolka: Archiwa 209, 256; Pawiński: J. Ostrogora o naprawie rzczypospolitój, 113. Книги Виклефа находились въ Краковѣ et item in aliis partibus regni Poloniae copiose. (Codex diplomat. universitatis Cracov. II. 114).

²⁾ M. Dzieduszycki: Zbygniew Oleśnicki II. dokumenty, 28; dex epistol. saec. XV, t. II. p. 44, 347.

³⁾ Codex diplomat. Majoris Poloniae, ed. Raczyński, 172; Buwiski: Dzieje reformacyi w Polsce, I. 52.

⁴⁾ Szujski: Odrodzenie i reformacya w Polsce (Dziela VIII. 1—134).

нихъ бывали въ Чехіи и Слезіи какъ воины и торговцы ¹⁾. Вообще военныя сношенія Чеховъ и Поляковъ въ XV в. не мало способствовали распространенію гуситскихъ идей среди Поляковъ; множество Поляковъ бывало въ чешскихъ войскахъ, чешскія войска бывали въ Польшѣ, какъ на пр. въ 1433 г. Сяропки; и позже, во время долголѣтней войны Польши съ прусскими крестоносцами и во время войны изъ-за чешской короны (послѣ 1471 г.), находилось на польской службѣ много тысячъ чешскихъ воиновъ; они, воюя, вмѣстѣ съ соплеменниками Поляками,

¹⁾ Много примѣровъ см. въ Monumenta historica dioecesis Wladislaw., ed. Obodynski (Wladislawiae 1884, IV). Такъ на пр. въ Плоцкѣ въ 1440—42 гг. разсматривались дѣла de haereticis in civitate Plocensi et in locis variis dioecesis; въ 1445—1452 гг. дѣла de plebanis de terra Dobrinensi, de haeresi suspectis et diffamatis. Въ Влоцлавкѣ въ 1480 г. разбиралось дѣло о ереси шляхтича Fridani Lupinski, qui communicavit aliquot vicibus sub utraque specie in exercitu bohémico (in bello Slesiae) in tentorio domini Samuel (чешскаго полководца въ Слезіи 1469 г.). Въ 1499 г. разбиралось дѣло самозваннаго попа Адама изъ Радзёва, который осужденъ за то, что он nonnullos haereticos articulos et erroneos, maxime tamen de communionem sub utraque specie tenuisse, asseruisse et defendisse, nec non illum aeleratissimum Hieronymum (!) Rokicinianum, notorium haereticorum illorum damnatae memoriae Johannis Hussinecz et Jeronimi haeresiarcharum in sacro concilio Constantiensi generali condemnatorum sectatorem laudasse, et de virtutibus, vita, moribus, scientia et fide commendasse et extulisse, sibi que servivisse nonnullis annis, et errorem haereticorum Bohemorum, quam fidem dicebat, summe laudasse et commendasse, et pro illa mori voluisse; itaque dictorum Joannis Hus, Jeronimi, Rokiciniani haeresiarcharum et eorum erroribus adhaesisse, ipsorumque fautorem et defensorem, ac eis credentem fuisse et esse. Адамъ отлученъ и преданъ arbitrio iudicis saecularis. Этотъ попъ Адамъ по всей вѣроятности тотъ самый Адамъ, о которомъ рассказываетъ Фричъ Модревскій (De republica emendanda, ed. 1559, p. 599), что онъ, по приказанію епископа кувскаго, сожженъ въ концѣ XV в. за то, что онъ причащаль подъ обоими видами. Въ актахъ владиславскихъ 1480 г. часто упоминается нѣсколько попъ Матвѣевъ, причащавшихъ подъ обоими видами; а владиславскій новикъ Дамалевицъ (Vitae Vladislaviensium episcoporum, Craco e

противъ Нѣмцевъ и Угровъ, способствовали тоже распространению гуситскихъ идей, особенно въ сѣверозападной Польшѣ ¹⁾).

Распространеніе и успѣхи гуситства въ Польшѣ и въ Угріи наполняли неполюскихъ католиковъ опасеніями и гнѣвомъ; на это жалуются чешскій панъ Ульрихъ изъ Розенберга въ письмѣ папскому легату Карвалду (1447) ²⁾, а двадцать лѣтъ спустя папскій легатъ Рудольфъ обвиняетъ значительную часть польскаго духовенства въ симпатіяхъ къ чешской ереси, да прямо указываетъ на то, что въ Чехіи есть еретическіе попы изъ Поляковъ ³⁾. Въ числѣ еретическихъ поповъ польскихъ былъ тоже вравовскій каноникъ и професоръ Андрей Галка изъ Добчына; онъ въ половинѣ XV в. (1449) сталъ говорить проповѣди противъ папы, богатства духовенства и разныхъ злоупотребленій въ церкви; у него были нѣкоторыя книги Виклефа, которыя онъ получилъ тоже отъ какого-то знатнаго Чеха. Галка возбудилъ негодованіе епископа Збыгнѣва и спасся только бѣгствомъ въ

1642, р. 343) говорить тоже о строгомъ наказаніи одного попа Матвѣя, причащавшаго подъ обоими видами (1480). За то же самое наказанъ тогда одинъ попъ въ познанской епархіи (Łukaszewicz: O kościołach braci czeskich, 16). Неизвѣстно, на сколько вѣрнѣе разсказъ Симеона Турновскаго (Zwierciadło nabożeństwa chrześcijańskiego w Polsce i Litwie, w Wilnie 1594, потомъ 1604; отсюда взялъ и А. Венгерскій: Systema histor.-chronolog. ecclesiarum slavonicarum 1652, р. 73), что ок. 1500 г. великопольская шляхта, собравшаяся въ Познань, требовала отъ духовенства причащенія подъ обоими видами, ссылаясь на обычай первобытной церкви и на примѣръ Чеховъ, но напрасно. Фричъ и Турновскій ссылаются на свидѣтельства старыхъ очевидцевъ.

¹⁾ I. Остророгъ въ своемъ сочиненіи о реформахъ въ Польшѣ (см. ниже) осуждаетъ одинъ совсѣмъ гуситскій взглядъ на имѣнія духовенства: *Plurimi homines et quidem stulti, Polonorum esse jura dicunt, milites in bellum proficiscentes bona spiritualia licite et impu- vastare posse; haec vera, si quae sunt, impia omnino, et quisquis illi edidit, non satis argute fraternae charitati et proximi prospexit dilecti uni, etc.*

²⁾ Palacký Dějiny nár. česk. IV. 1. р. 140.

³⁾ Срв. выше стр. 108.

Слезію, гдѣ проживалъ подъ покровительствомъ опольскаго князя Болеслава. Здѣсь онъ написалъ польскую пѣснь въ честь Виллефа; онъ восхваляетъ этого величайшаго магистра, который ратовалъ противъ господства антихриста и злыхъ поповъ: власть папы происходитъ-де не отъ Христа, а отъ антихриста; этого надо побить словомъ Христа, словомъ истины, которую попы скрываютъ; и такъ какъ они ея боятся, то говорятъ народу ложь; Христосъ да пошлѣтъ такихъ священниковъ, которые бы провозгласили истину и разбили антихриста ¹⁾.

Въ числѣ польскихъ гуситскихъ поповъ, бѣжавшихъ въ Чехію, извѣстны Іоаннъ Галетъ, который въ 1451 г. проживалъ въ Таборѣ, и Михаилъ, прозванный *Полякъ*, шляхтичъ изъ Чешева въ Великой Польшѣ. Михаилъ учился въ Прагѣ, жилъ потомъ въ Краковѣ и въ Гнѣзнѣ, и вернулся опять въ Прагу, гдѣ прожилъ около тридцати лѣтъ и применилъ къ утраквистамъ, „хотя Полякъ, но усердный любитель чаши Христовой“—какъ выражается одинъ современникъ. Михаилъ пользовался всеобщемою любовью и популяренностью, и способствовалъ избранію Владислава въ чешскіе короли. Но его рвеніе къ утраквизму раздражало короля; Михаилъ засажень въ тюрьму, гдѣ подвергся пыткѣ и умеръ (1480) ²⁾. Бывали и позже случаи, уже во время разгара реформаціи въ Польшѣ, что польскіе католическіе попы присоединились къ чешскимъ утраквистамъ; такъ сдѣлалъ на пр. польскій попъ Альбрехтъ Мичмаеръ изъ Люблина въ Малой Польшѣ ³⁾.

¹⁾ О Галетѣ см. Wiszniewski: *Historya literatury polskiój* III. 224, 425; *Codex diplomat. universitatis Cracov.* II. 103 sqq.; статью А. Соколовскаго въ *Przewodnik naukowy* 1874, *Caro Gesch. Polens* IV. 405. Пѣснь начинается: „Lachowie, Niemcowie, wszycy jazykowicie wŃpicieli (wŃpicieli?) w mowie i wszego pisma sŃowie, Wiklef prawdŃrowie“. Срв. Nehring: *Altpoln. Sprachdenkmäler* 224. Галка говорить все о Виллефѣ, а нигдѣ о Гусѣ.

²⁾ О Галетѣ (Галкѣ?) говоритъ Эней Сильвій, посѣтившій въ 1451 г. Таборъ (см. Палацкаго *Dejiny nŃr. Ńesk.* IV. I. p. 401); о Михаилѣ тамъ-же V. I. p. 201, и *StarŃ letopisovŃ cestŃ* 221, 503.

³⁾ *JednŃnŃnŃ dŃ dopisŃ konsistoŃe katolickŃ i utrŃkvistickŃ, vyd. K. BorovŃ* (v Praze 1868), I. 316.

Вліяніе новыхъ идей, навѣянныхъ въ Польшу изъ гуситской Чехіи, замѣтно въ знаменитомъ политическомъ сочиненіи о необходимости реформъ въ Польшѣ Іоанна изъ Остророга, внука Сендзивоя воеводы познанскаго, того самаго, который часто сно- сился съ гуситскими Чехами, и сына Станислава воеводы калиш- скаго, одного изъ польскихъ пословъ въ Чехіи (1467)¹⁾. Это — *Monumentum pro reipublicae ordinatione congestum*, которое молодой польскій панъ юристъ написалъ (1456 г.) скоро послѣ воз- вращенія изъ Германіи (изъ университета эрфуртскаго) и вѣро- ятно тоже изъ Италіи, совсѣмъ въ духѣ гуситскомъ²⁾. По мнѣнію Остророга новаго папу слѣдуетъ поздравить, но обѣщать, что польскій король во всемъ будетъ его слушаться, какъ часто гово- рится, не благоразумно. Польскій король не признаетъ надъ собою никого кромѣ бога; онъ не долженъ панѣ писать тономъ униженнымъ и умоляющимъ, и долженъ его слушаться только въ духовныхъ дѣлахъ, а никакъ не въ дѣлахъ свѣтскихъ, вспомнивъ, что царствіе Христово не отъ міра сего. Надо сожалѣть о томъ, что подъ религіознымъ предлогомъ вновь избранные епископы платятъ папской куріи такъ назв. анаты; эти платы пусть оста- ются въ королевской казнѣ. Духовенство пусть подчиняется вся- кимъ государственнымъ налогамъ и повинностямъ. Призвы къ суду и апелліаціи въ Римъ пусть прекратятся, и тѣмъ самымъ и вывозъ польскихъ сокровищъ, за которыя присылаются хорошія вознагражденія: булы; многіе считая себя благочестивыми, вланы- ются такимъ пустякамъ съ красными печатами и коноплянны- ми веревками, приервѣленнымъ на дверяхъ церквей. Поляки пусть не позволяютъ дольше обманывать себя коварными Италья- янцами. Наши распри пусть рѣшаютъ наши епископы и нашъ архіепископъ-примась. Римскій папа посылаетъ, когда ему за- хочется, даже вопреки волѣ короля и пановъ, булы для вымога-

¹⁾ См. выше, стр. 73, 86, 104. Остророги въ половинѣ XVI в. прямкнули къ единству чешскихъ братьевъ.

²⁾ *Jana Ostroroga żywot i pismo o naprawie Rzeczypospolitej. Studium A. Pawińskiego (Warszawa 1884)*. Неизвѣстно, былъ-ли Остророгъ въ Прагѣ; но гуситскія идеи зналъ онъ очень хорошо.

желания ввести эти предметы вешней грядкой, и употребить эти вещи, какavorит, для украшения постройки храма. Между темъ какъ въ действительности эти сокровища употреблялись для другихъ разцвечиваній и коней палатки не сдѣлали такъ-нигдѣ ближе дурного. Служилъ въ Польнѣ расцвѣтшииъ предвѣдомъ: псалтирь проповѣди похороны, прешенія, прѣдвѣданія, и другія заветы. Обязательныя десятины, которые платятъ бѣднѣе и среднѣе сословія и гордымъ полякамъ, должны быть уничтожены. Недостойные люди рукополагались въ епископы, и этому явленію присматриваются люди неспособные, которые сдѣлали истину и прѣдвѣданаго сдѣлать. Монастыри изолжены грядкомъ кованами. Нѣмцанъ, которые держатъ и клечатъ Польшю? Въ деревнѣ читается проповѣди по-нѣмецки на англійскомъ языкѣ, а по-польски только въ каковы-то углу. Все-это—стѣлъ и сракъ для Польшю, и надо навести, хлѣб и возно, поунѣтъ. И такъ какъ сама природа посѣла вѣднѣю рознь и ненависть между обоними языками, польскимъ и нѣмецкимъ, то надо запретить нѣмецкія проповѣди въ Польшѣ; пусть учится польскому языку, кто хочетъ въ Польшѣ жить; вѣдъ Нѣмцы у себя дома относятся враждебно къ польскому языку?). Вообще желательно, чтобъ всѣ публичныя акты писались не по-латыни, а по-польски.

¹⁾ Нѣмецкій элементъ въ монастыряхъ былъ силенъ еще въ первой половинѣ XVI в.; см. Н. Любовича: Начало католической реванши въ Польшѣ, стр. 19. Срв. „Славяне“ П. 74.

²⁾ Niemieckie kazanie do sikh porz oznaczaetъ непонятныя слова (срв. стр. 36). Замѣтимъ, что въ городахъ нѣмецкій элементъ сохранилъ свое значеніе глубоко до XVI вѣка; еще на сеймѣ 1558—1559 г. послы требовали: „Rajce krakowscy nie maja byc obierani, je-no Polacy, których jesli by tak wiele nie bylo, tedy jednak aby na wiet-za' polowe zawsze bylo Polakow aniz Niemcow; i takze we wzzech in-nych mieścicach i w Gdańsku“. (Dzienniki sejmów walnych koron-nych 1555 i 1558 г., w Krakowie 1869, р. 193). Въ XV в. нѣмец-кий элементъ въ польскихъ городахъ былъ очень силенъ; въ городахъ и селось по-латыни и по-нѣмецки. Нѣсколько нѣмецкихъ грам-матическихъ и львовскихъ см. въ рукоп. XV в. пражской уни-верситаѣ библиотеки—Codex Premyslaeus VI, A. 7.

Вотъ нѣкоторыя мысли Остророга. Хотя онъ и словомъ не упоминаетъ о Гусѣ и гуситахъ, то все-таки обнаруживается у него сильное вліяніе гуситства въ разныхъ вопросахъ. Остророгъ, подобно Гусу, отрицаетъ всякую власть папы надъ королями, относится съ презрѣніемъ къ Риму и папѣ, къ испорченной богатой церкви, которую надо преобразовать въ духъ первобытной бѣдной церкви, а церковныя богатства, возникшія изъ работы и пота простого народа, надо употребить для кормленія бѣдныхъ, и пр.; наконецъ Остророгъ является рьянымъ польскимъ патріотомъ, защитникомъ родного языка и рѣшительнымъ противникомъ Нѣмцевъ, совершенно такъ, какъ гуситскіе Чехи.

Гуситство не распространилось въ Польшу съ такою силою, чтобъ охватить польскій народъ во всѣхъ его слояхъ и вызвать въ немъ такой переворотъ, какъ это было въ Чехіи. Явные приверженцы чешскаго гуситства въ Польшѣ въ родѣ Мельштинскаго и Збонскаго были все-таки только единичныя явленія; они не повлекли за собою массы народа, которая—благодаря энергіи католической іерархіи польской—не рѣшилась на разрывъ съ Римомъ. Но гуситскія идеи все проникали въ Польшу, находили здѣсь приверженцевъ среди разныхъ слоевъ народа, и сохранились тамъ до конца XV и до начала XVI вѣка. Въ 1491—1492 гг. краковскій мѣщанинъ Швайнгольдъ Фѣоль, Нѣмецъ, извѣстный издатель церковныхъ словѣнскихъ книгъ, обвинялся въ ереси, именно что онъ считалъ возможнымъ спасеніе и въ другой „сектѣ“ внѣ католической церкви, что въ таинствѣ евхаристіи богъ не присутствуетъ, и что надо причащаться подъ обоими видами ¹⁾).

¹⁾ О. Фѣоль см. Вишневскаго *Historia literatury polskiéj* III. 80, и монографію Эстрейхера (1867). Отреченіе Фѣола отъ ереси (1492 г.) см. въ *Miscellanea Cracoviensia* 1814, p. 78; его слова „*profitetur, quod in sacro eucharistiae sacramento est verus deus, et quod communicatio sub una specie panis tantum est sufficiens populo christiano ad salutem*“—указываютъ на радикальную секту, которая отвергала теистическую субстанціацію („пикартовъ“), вѣроятно чешскихъ братьевъ (а не у аквистовъ). Въ отреченіи Фѣола ничего не говорится о печатаніи книгъ церковныхъ словѣнскихъ книгъ въ Краковѣ (см. „Славяне“ II 572), и по этому мнѣнію Головацкаго (въ статьѣ о Фѣолѣ въ

Въ 1505 г. краковскій инвизиторъ судилъ такъ называемыхъ „ямниновъ“ — т. е. чешскихъ братьевъ отправлявшихъ богослуженіе въ „ямахъ“ — прибывшихъ въ Краковъ изъ Чехіи, и сжегъ ихъ старшинъ; а въ 1513 г. въ Сондчѣ обвинялся одинъ житель въ ереси ¹⁾. Гуситскіе идеи исчезли наконецъ въ новыхъ ученіяхъ нѣмецкихъ, швейцарскихъ и французскихъ реформаторовъ, которыя распространились скоро тоже въ Польшѣ.

Важный у гуситовъ и позднѣйшихъ протестантовъ вопросъ о причащеніи подь обоими видами интересовалъ—во время распространенія въ Польшѣ разныхъ протестантскихъ церквей—тоже католиковъ Поляковъ. Этимъ вопросомъ много занимался Андрей Фричъ Модревскій, и разбиралъ его уже въ 1549 г. въ двухъ разговорахъ, адресованныхъ чешскому пану Іоанну изъ Газенбурга, особенно же въ своемъ сочиненіи *De republica emendanda*; здѣсь онъ ссылается на Русскихъ и на Чеховъ, „нашихъ соплеменниковъ“, у которыхъ тоже міряне причащаются подь обоими видами ²⁾. Польская шляхта католическая, во главѣ ея І. Тарновскій, краковскій кастелянъ и великій гетманъ коронный, требуя тогда (1555 — 1557) реформъ въ католической церкви, указывали именно на необходимость упраздненія celibата, замѣненія латинскаго языка польскимъ и причащенія подь обоими видами, чтó водится у Грековъ, Русскихъ, Болгаръ, Че-

Sitzungsberichte der k. Akademie d. Wissenschaften, Bd. 83), что эта дѣятельность Фѳола ставилась ему въ упрекъ тоже какъ „ересь“—совсѣмъ произвольно; Фѳоль печатали словѣнскія книги для православныхъ Русскихъ и Волоховъ, и можетъ быть и для Болгаръ и Сербовъ, по коммерческимъ соображеніямъ, какъ и другіе краковскіе Нѣмцы, Галлеръ, Віеторъ, Шарфенбергеръ и др. печатали книги латинскія и польскія.

¹⁾ Bukowski: *Dzieje reformacyi w Polsce* I. 54, 158. — Какіе-то haeretici (вмѣстѣ съ schismatici) встрѣчаются во второй половинѣ XV в. и въ Литвѣ; срв. J. Łukaszewicza *Dzieje kościołów wzniesienia helweckiego w Litwie* I. p. 1 (примѣчаніе).

²⁾ По изданію 1554 г. стр. 286, по изд. 1559 г. стр. 310 въ концѣ изд. 1554 (а въ изд. 1559 г. стр. 504) напечатаны тѣ два діал. за 1549 г.

ховъ — уtrakвистовъ, у послѣднихъ съ разрѣшеніи базельскаго собора. Даже епископы, холмскій Уханскій и браковскій Зебридовскій, стояли за причащеніе подъ обоими видами. Самъ король Сигизмундъ Августъ предложилъ папѣ ввести въ католической церкви Польши реформы, именно разрѣшить богослуженіе на польскомъ языкѣ, причащеніе подъ обоими видами уничтожить целибатъ, и созвать народный польскій соборъ. Папа однако отказалъ, и скоро всѣ такіа требованія польскихъ католиковъ исчезли ¹⁾).

Около половины XVI-аго вѣка является въ Польшѣ новая христіанская община, признающая то же ученіе какъ и лютеране и кальвинисты, по старшая: это единство чешскихъ братьевъ (*jednota českých bratří, jednota bratrská*). Чешскіе братья, преемники радикальныхъ гуситовъ, устроили свою церковную общину въ Чехіи во второй половинѣ XV-аго вѣка, и уже рано обратили свое вниманіе на христіанскую церковь восточную, православную, греческую, въ которой принадлежали тоже Славяне русскіе, болгарскіе и сербскіе. Съ этою православною церковью познакомились уже рано нѣкоторые чешскіе братья на мѣстѣ, путешествуя на Руси, въ Молдавіи и на балканскомъ полуостровѣ ²⁾. Чешскіе братья, исповѣдуя такъ называемое позже протестантское ученіе, не могли, конечно, и подумать о томъ, о чемъ думали одно время умѣренные гуситы уtrakвисты, т. е. о соединеніи съ православною церковью; но братья подумали о другомъ, о своей пропагандѣ среди католиковъ и православныхъ, особенно же Славянъ, Поляковъ и Русскихъ. Къ этому

¹⁾ Любовичъ: Исторія реформацій въ Польшѣ 179—180, 346, его-же: Начало катол. реакціи и упадокъ реформацій въ Польшѣ, 13, 61, и срв. „Славяне“ II. 553; W. Zakrzewski: Powstanie i wzrost reformacyi w Polsce, p. 95; Łukaszewicz: Dzieje kościołów wyznania ławieckiego w dawniej Małej Polsce, p. 11. Замѣтимъ, что тогда (1564) апа и тридентскій соборъ разрѣшилъ чешскимъ уtrakвистамъ причащеніе подъ обоими видами. — Уханскій, какъ епископъ холмскій, зналъ хорошо православную русскую церковь, зналъ и словѣнскій языкъ; срв. „Славяне II. 550.

²⁾ См. ниже отдѣлъ: Чехи и Русскіе.

ихъ поощряли сами нѣмецкіе реформаторы, съ которыми чешскіе братья вошли въ близкія сношенія. „Будьте вы апостолами народа чешскаго и славянскаго, а же съ своими будемъ апостолами нѣмцами“ — сказалъ Лютеръ братьямъ Аугустъ в Израэлю (1542); а Буцеръ уже раньше сказалъ брату Червенецъ что чешскіе братья, посредствомъ своего славянскаго языка, могутъ служить болѣе распространеннымъ народамъ, чѣмъ Нѣмцы своимъ языкомъ ¹⁾.

Такая пропаганда среди соплеменныхъ Поляковъ представилась чешскимъ братьямъ, когда они, послѣ чешскаго возстанія 1547 г., должны были выселиться изъ Чехіи. Они обратились въ землю „сродныхъ по языку Поляковъ“, какъ выражается исто-

¹⁾ Это сообщаетъ великопольскій шляхтичъ кальвинистъ Іоаннъ Ласицкій въ своей исторіи чешскихъ братьевъ (*De origine et rebus gestis fratrum Bohemorum*), которую онъ написалъ, съ помощью С. Турновскаго и І. Благослава, въ 1570 г.; экземпляры этой исторіи посланы въ 1585 г. чешскимъ братьямъ для исправленія, а въ 1599 г. Карлу изъ Жеротина для изданія (см. письмо С. Турновскаго Жеротину у І. Лукашевича *Dzieje kościołów wuznania helweckiego w Litwie* II. 288). Гдѣ находится нынѣ полная рукопись этого сочиненія, неизвѣстно. Въ 1649 г. І. Коменскій издалъ въ Лешнѣ 8-мую книгу исторіи Лаоицкаго (*De ecclesiastica disciplina moribusque et institutis fratrum Bohemorum*) съ нѣкоторыми отрывками изъ другихъ книгъ историческаго содержанія, въ подлинникъ и въ чешскомъ переводѣ: *Obraz jednoty českobratrské čili Lasitského historie o původu a čincsb bratří českých* (новыя изд. чешскія въ Галле 1765, въ Прагѣ 1869).—Ласицкій, приводя слова Лютера, говоритъ, что онъ сказалъ братьямъ, чтобъ они были апостолами Чеховъ (*apostoli Bohemorum*); но Венгерскій (*Systema historico-chronologicum ecclesiarum slavonicarum*, 1652, p. 58) употребляетъ слова: *Sitis vos apostoli gentis slavonicae*. На такія слова Лютера ссылается тоже старшина братьевъ великопольскихъ, Симеонъ Теофилъ Турновскій, въ своей проповѣди на съѣздѣ протестантовъ въ Торунѣ 1595 г.: „Wy w narodzie słwieńskim, ja z moimi w narodzie niemieckim bądźmy posłańca Krystusowemi“. (*Kazania synodowe*, 1599). — О сношеніяхъ Влачи (*Flacius Illyricus*) съ братьями см. „Славяне“ II, 293.

рикъ чешскихъ братьевъ ¹⁾. Въ Польшѣ, именно Великой, единство чешскихъ братьевъ построило много „сборовъ“ (цервей), приобрѣло себѣ много приверженцевъ, въ томъ числѣ нѣсколько знаменитыхъ панскихъ родовъ, изъ Остророга, изъ Лешна или Лещна (Лещинскихъ), изъ Кротошина (Кротоскихъ), Опаленскихъ, Маршевскихъ, Липскихъ и др., и заняло важное мѣсто въ рядахъ польскихъ некатоликовъ, наравнѣ съ лютеранами и кальвинистами. Одно время вазалось, что и малопольскіе протестанты применить къ братской церкви, но это не состоялось, и они сдѣлались окончательно кальвинистами ²⁾. Чешскіе братья находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ остальными польскими протестантами, особенно съ малопольскими кальвинистами, собирались съ ними на разныхъ сѣздахъ, въ Козминѣ, Пинчѣвѣ, Сандомѣрѣ, Торунѣ и др., толкуя вмѣстѣ съ ними о дѣлахъ польскихъ протестантовъ вообще. Но эти ихъ сѣзды и союзы собирались и заключались только въ виду болѣе успѣшной борьбы протестантовъ съ усиливающимися католиками; въ одну протестантскую церковь съ одинаковою догматикою и одинаковымъ устройствомъ всѣ эти секты, братья, кальвинисты и лютеране, соединиться не могли, придавая своимъ разнымъ пустякамъ слишкомъ большое значеніе.

Чешскіе братья, живя и дѣйствуя въ Польшѣ, привыкли скоро къ польскому языку и стали на немъ говорить и писать. Въ польскихъ запискахъ чешскихъ братьевъ изъ перваго десятилѣтія ихъ пребыванія въ Польшѣ замѣтно еще вліаніе родного

¹⁾ Comenius: *Historia fratrum bohemi*, 28. Одинъ чешскій братъ изъ г. Литомышля, въ письмѣ своему знакомому (1548), въ восторгѣ отъ встрѣчи съ Поляками въ Познанѣ: *Tu přátely takové máme, lepší než někdy v Litomyšli, mezi nimiž jsme se zrodili.* (См. въ земскомъ архивѣ пражскомъ).

²⁾ См. J. Łukaszewicza: *Wiadomość historyczna o dyssydentach mieście Poznaniu w XVI i XVII w.* (1832), *O kościołach braci czech w dawniej Wielkiej Polsce* (1835, p. 38), *Dzieje kościołów wyznań helweckiego w dawniej Małej Polsce* (1853, p. 21); Н. Любвича: *горія реформація въ Польшѣ*, 141 и дальше.

ихъ языка чешскаго; видно, что они часто думали по-чешски а писали по-польски, да употребляли и нѣкоторыя чисто чешскія слова или чешскія слова на польскій ладъ; на пр. *jednota braterska* (только позже *bratska, bracka*), *cerkiew, cerkiewny, gadka* (въ смыслъ чеш. *hádká*), *jednanie* (чеш. *jednání*), *zalubié się* (*zalíbiti se*), *ponukać, uczedlnik, podstatny, zawierka - zawirka, pokrzyctwo (pokrytství), pry, prózny być czego (prázdný býti), zjewny, przedni, domacy, opatrowanie, fedrować, zgłędano (shledáno), wymianka (výminka), zbirka - zbirka, pieśniczka, dowierność (důvěrnost'), dziesiątek (desátek, поль. dziesięcina), rząd i każń św. cerkwie (řád i kázeň sv. církuje), spis - spisek* (т. е. сочинение), *sakramenta albo świętości, umienie, skuszenie, и др.*¹⁾. Еще на създѣ въ Ксѣнжѣ (1562), гдѣ обсуждался тоже вопросъ о польскомъ переводѣ чешско-братской конфесіи, Малополяне могли упрекать чешскихъ братьевъ въ недостаточномъ знаніи польскаго языка²⁾. Это скоро измѣнилось, и чешскіе братья, происхожденіемъ Чехи, родившіеся еще въ Чехіи или въ Моравіи, но воспитанные и дѣйствовавшіе уже въ Польшѣ, стали писать по-польски не хуже Поляковъ, своихъ единовѣрцевъ. Въ Польшѣ

¹⁾ См. много такихъ братскихъ записокъ 1555—1560 гг. у I. Лукашевича: *Dzieje kościołów wuznania helweckiego w dawnéj Maléj Polsce*. Такъ на пр. въ 1556 г. оба чешскіе брата, Юрій Израэль и Рыба находились среди кальвинистовъ въ Малой Польшѣ; однажды „*brat Jerzy zrównanie a zjednoczenie braterskie z ministrami ich w Koźminku uczynione, z szeskiego na polskie wykładał, a br. Ryba konfessyą braterską po polsku pisał* (р. 70).. *Brat Jerzy kazał (Малополынамъ) śpiewać pieśń z kancyonalu braterskiego* (р. 80).. *Co się dotyczy spisów braterskich, niektóre poselają wię tym (Малополынамъ), którzy nieco rozumieją po szesku, i którzy je téż radzi czytają, a ich już nie mało jest* (р. 131)“. На създѣ въ Влодзиславѣ (1557) „*każdy artykuł (со стороны чешскихъ братьевъ) z osobna prowadzon, a oni (Малополыне) wszystko pisali, a czego w szeskim języku zrozumieć nie mogli, po łacinie było dopełniono*“ (р. 179). Чешскимъ братьямъ, заботившимся столь о хорошемъ чешскомъ стилѣ, не пришла смѣсь польско - латинская въ проповѣдяхъ кальвинистовъ — *ze polowica słów polskich a polowica łacińskich* (р. 68).

²⁾ Любавичъ, Исторія реформаціи въ Польшѣ, 300.

дѣйствовали чешскіе братья, по происхожденію Чехи, Рыба (Рыбинскій), Черный, Червенка, Израэль, Рокита, С. Турновскій и др.; Рокита, отправляясь съ польскими послами въ Москву, мечталъ даже о пропагандѣ своего вѣроисповѣданія въ этомъ славянскомъ царствѣ ¹⁾. Чешскіе братья Чехи въ Польшѣ въ своихъ сношеніяхъ съ чешскими братьями Поляками и другими протестантами съ начала употребляли свой родной языкъ чешскій, который дѣлался извѣстнымъ и многимъ Полякамъ. Вообще близкія отношенія чешскихъ и польскихъ протестантовъ, повѣдки Чеховъ въ Польшу, а Поляковъ въ Чехію и Моравію, употребленіе чешскихъ церковныхъ книгъ Поляками и польскихъ Чехами: все это способствовало распространенію чешскаго языка среди Поляковъ и польскаго среди чешскихъ братьевъ за границами Польши ²⁾.

Чешскіе братья въ Польшѣ, Чехи и Поляки, находились въ близкихъ сношеніяхъ съ своими единовѣрцами въ Чехіи и въ Моравіи. Такъ на пр. въ 1557 г. — рассказываетъ Ласицкій — великопольскіе паны Остророгъ, Кротоскій, Лещинскій, Томицкій и Маршевскій, наслышавшись много хорошаго о братьяхъ, отправились въ Моравію на синодъ слезанскій, и нашли все еще лучше, чѣмъ рассказывалось; они въ послѣдствіи часто восхваляли благочестіе, порядокъ, простоту, искренность, гостепріимство братьевъ. Ласицкій, проживши въ 1567 и 1571 гг. у братьевъ въ Прагѣ и Болеславѣ, очень ими восхищался и восклицаетъ: Чешская и моравская земля не знаютъ, какіе въ нихъ есть жи-

¹⁾ См. ниже отдѣлъ: Чехи и Русскіе.

²⁾ Польскій переводъ чешско-братскаго канціонала, сдѣланный Вал. Брѣзовскимъ, изданъ въ 1554 г. (въ Королевѣ), катихизиса въ 1563 г. (въ Краковѣ); Іоаннъ Турновскій перевелъ съ чешскаго *O rodowu starszych bozuch slug w Jednocie braterskiej* (1614, рукоп.); срв. тоже „Славяне“ П. 154. На чешскій языкъ переведены нѣкоторыя сочиненія великопольскаго брата, Як. Немоевскаго, постака кальвиниста Григорія изъ Жарновца, и др. Братскій канціоналъ на чешскомъ языкѣ изданъ въ 1561 г. въ Шамотулахъ.

тели ¹⁾. Польскіе протестанты встрѣчались съ чешскими братьями въ Чехіи и въ Моравіи, на синодахъ братьевъ, отправляемыхъ во второй половинѣ XVI в. въ Лишницѣ, Слезанахъ, Преровѣ, Болеславѣ, гдѣ присутствовали часто депутаты польскихъ братьевъ и тоже кальвинистовъ, и гдѣ обсуждались тоже дѣла польскихъ братьевъ и кальвинистовъ, при чемъ Поляки говорили на своемъ языкѣ и читали свои статьи по-польски. Съ другой стороны и братья изъ Чехіи и Моравіи бывали у своихъ единовѣрцевъ въ Польшѣ ²⁾. Польскіе братья посылали свою молодежь въ Чехію и Моравію на воспитаніе, а съ другой стороны отправлялись и чешскіе воспитатели въ Польшу; такъ на пр. въ 1608 г. ректоръ пражскаго университета Мартынъ Бахачекъ посылалъ чешскаго воспитателя протестантскому пану польскому Стадницкому ³⁾.

Въ слѣдствіе распространенія протестантизма въ Польшѣ польскіе некатолики стали смотрѣть на чешскую реформацію XV-го вѣка, на гуситство, совершенно иначе, чѣмъ ихъ предки. Кальвинистъ Станиславъ Сарницкій, говоря о зачаткахъ гуситства въ Чехіи, радуется, что оппозиція Риму началась раньше въ языкѣ славянскомъ, чѣмъ въ нѣмецкомъ (*Colloquium Piotrkowskie 1565*) ⁴⁾. Другой кальвинистъ, Киприанъ Базиликъ (*Historya*

¹⁾ Ласицкаго исторія братьевъ въ чешскомъ переводѣ I. Коменскаго, по изд. 1869 г., стр. 225, 236. Чистый нравственный характеръ жизни братьевъ дѣлалъ вообще на многихъ глубокое впечатлѣніе; срв. на пр. восторженные отзывы о братьяхъ католика Фрича Модревскаго (*Commentarii de republica emendanda*, ed. 1554, p. 345), и протестанта П. Вергерія въ письмѣ Стан. Остропору 1558 г. (*Quellen zur Geschichte der böhm. Brüder*, ed. Gindely, Wien 1859, p. 216, in *Fontes rerum austriac., Diplomataria et Acta*, t. XIX).

²⁾ Подробности въ сб. *Dekrety jednoty bratrské*, vyd. Gindely (v Praze 1865). Связи польскихъ антитринитаріевъ съ моравскими анабаптистами были очень непродолжительны; срв. Н. Любович Начало катол. реакціи и упадокъ реформаціи въ Польшѣ, 156.

³⁾ *Śaworis Českého Musea 1845*, p. 624.

⁴⁾ См. „Славяне“ II. 129.

о згогнем prześladowaniu kościoła bożego, z łacińskiego, 1567),
 рассказываетъ обширно о І. Гусѣ, называетъ его „святымъ чело-
 вѣкомъ“; подобно тому и чешскій братъ, великопольскій шлях-
 тичъ Яковъ Немоевскій, полемизируя (1569) съ іезуитомъ Гер-
 бестомъ, защищаетъ Гуса противъ обвиненія въ ереси, и назы-
 ваетъ его челоувѣкомъ набожнымъ, добрымъ и ученымъ. Третій
 кальвинистъ, великопольскій шляхтичъ Іоаннъ Ласицкій, въ сво-
 ей исторіи чешскихъ братьевъ отнесся съ глубокою симпатіею
 въ этой гуситской церкви ¹⁾. Старшина чешскихъ братьевъ,
 Симеонъ Теофилъ Турновскій, происхожденіемъ Чехъ а воспи-
 таніемъ и дѣятельностью уже Полякъ, въ своей книгѣ *Zwierciadło*
nabożeństwa chrześciańskiego w Polsce i Litwie (1594, по-
 томъ 1604), рассказываетъ о зачаткахъ христіанства у Поляковъ,
 которое они приняли отъ своихъ братьевъ Чеховъ, о гуситствѣ
 и его распространеніи въ Польшѣ; равнымъ образомъ какъ хри-
 стіанство прибыло въ Польшу изъ Чехіи, такъ и недавно прибы-
 ли въ Польшу чешскіе братья ²⁾. Церковною исторіею Чеховъ
 и Поляковъ, и вообще Славянъ, преимущественно реформаціею,
 которая перешла „со временъ апостоловъ черезъ страны славян-
 скія въ нѣмецкую“, занимался ученый священникъ братской
 церкви великопольской, Полякъ Андрей Венгерскій († 1649),

¹⁾ Ласицкій интересовался вообще религіозными вопроса-
 ми, и написал *De Russorum Moscovitarum et Tartarorum religione*
(Spirae 1582), *De diis Samogitarum caeterorumque Sarmatarum; item*
de religione Armeniorum (Basiliae 1615).

²⁾ О гуситствѣ говоритъ Турновскій тоже въ своемъ соч.
Obroba konsensu zandomierskiego (рукопись); выписки изъ него см.
 у І. Лукашевича *O kościołach braci czeskich w dawnéj Wielkiej*
Polsce; срв. тоже „Славяне“ II. 553. Католическій священникъ Март.
 Лаць (*Fworzydło*) въ отвѣтъ на *Zwierciadło* Турновскаго (*Okulary*,
 1594) конечно ругаетъ Гуса и гуситовъ и „разбойника“ Жижку (ко-
 того не умѣлъ даже назвать правильно: *Zyszka*); Жижка-де „папа“
 основатель вѣры еретиковъ, и онъ послалъ еретическихъ мин-
 овъ съ своимъ барабаномъ (на которомъ натянута-де его кожа)
 Польшу, и на немъ „wy tu w Polsce bębnicie, na wojnę trąbiąc,
 ucze, rebelle strojąc a na rozlanie krwi chrześciańskiej wyzu-
 jąc“.

и написал замѣчательное для тѣхъ временъ сочиненіе *Systema historico-chronologicum ecclesiarum slavonicarum* (1652, потомъ 1679) ¹⁾.

Въ Польшѣ чешскіе братья нашли вторично убѣжище послѣ бѣлогорской битвы. Лешно въ Великой Польшѣ сдѣлалось ихъ средоточіемъ, и чешская братская община съ своими чешскими священниками сохранилась здѣсь — рядомъ съ польскою и гѣмецкою — до второй половины XVII вѣка. Въ Лешнѣ дѣйствовалъ І. А. Коменскій, печатались чешскія книги, отправлялись синоды. Между братьями чешскими и польскими завязались вновь тѣсныя сношенія, Чехи изучали польскій языкъ а Поляки читали и чешскія книги ²⁾. Кромѣ того чешскіе братья встрѣчались и съ другими польскими и литовскими протестантами. Такъ на пр. на сѣздѣ этихъ протестантовъ въ Влодавѣ (1634) присутствовали тоже со стороны чешскихъ братьевъ І. Коменскій и А. Гартманъ; здѣсь между прочимъ упомянулось о томъ, что великопольскіе братья составляютъ съ чешскими одно тѣло, и І. Коменскій и Гартманъ, по просьбѣ всѣхъ собравшихся протестантовъ, говорили проповѣди на чешскомъ языкѣ; этимъ Поляки и Литовцы хотѣли выразить свое почтеніе къ братской церкви, засвидѣтельствовать единодушіе всѣхъ протестантовъ, которые съ чешскими братьями суть и должны быть одно ³⁾. Въ Лешнѣ Коменскій, огорченный вестфальскимъ миромъ, который Чехамъ протестантамъ не принесъ никакой пользы, издалъ свое трогательное завѣщаніе умирающей матери единства братскаго (*Kbáft umírající matky Jednoty bratrské*, 1650), въ которомъ она между прочимъ обращается и къ своей дочери, къ единству польскихъ братьевъ, благодаритъ за принятіе ею прогнанныхъ изъ Чехій дѣтей, и увѣщаетъ своихъ приверженцевъ изъ народовъ польскаго, чешскаго и моравскаго, соблюдать старинныя чистыя по-

1) См. „Славяно“ П. 130.

2) Въ Лешнѣ дѣйствовалъ нѣсколько лѣтъ (1629—1633) братскій священникъ, Полякъ Андрей Венгерскій.

3) *Dokrety jednoty bratrské*, 283—285, J. Łukaszewicza *Dziej kościołów wyznania helweckiego w Litwie* П. 254.

ряды. „Опомнитесь сыны“—обращается она къ Полякамъ — раньше чѣмъ Господь и васъ также поразитъ, предупредите дѣйствительнымъ исправленіемъ и возобновленіемъ во всемъ добромъ его гнѣвъ, чтобъ онъ не сдвинулъ и вашего подсвѣчника съ его мѣста“. 1).

Со временемъ чешскіе братья въ Великой Польшѣ ополячились. Ряды польскихъ братьевъ, равнымъ образомъ какъ и другихъ польскихъ протестантовъ, все больше рѣдѣли, такъ что въ XVIII в. они составляли уже незначительную часть польскихъ „диссидентовъ“. Изъ Лешна получили и берлинскіе чешскіе братья послѣднаго своего священника Славянина, Поляба Іоанна Эльснера, который здѣсь дѣйствовалъ въ 1747—1761 годахъ. Берлинскіе чешскіе братья, прося у Полякова священника, прибавили: „Какъ нѣкогда Чехія помогала Польшѣ, такъ пусть нынѣ помогаетъ Польша Чехіи“. Эльснеръ очень скоро изучилъ чешскій языкъ, и издавалъ потомъ въ Берлинѣ и Галле чешскія братскія книги, біблію, канціональ, конфесію и др. 2)

Нынѣшніе литературные языки чешскій и польскій не представляютъ собою всѣхъ фонетическихъ, грамматическихъ и лексикальных особенностей всѣхъ нарѣчій и говоровъ, на какихъ говорятъ разныя племена по Лабѣ, Моравѣ, Вагу, Одрѣ, Вислѣ; многія такія особенности не вошли въ литературные языки, и живутъ только въ устахъ менѣе образованнаго населенія рядомъ съ нижними формами. Долго до созданія одного литературнаго языка чешскаго разныя племена по рѣкамъ Лабѣ, Волтавѣ и Огрѣ говорили на своихъ особыхъ нарѣчьяхъ и говорахъ, Чехи около Праги, Хорваты подъ Кръвоношами, Зличане на востокѣ отъ Чеховъ, Дудлебы на верхней Волтавѣ, Лучане по Огрѣ, Лютомѣричи и Дѣчане на сѣверѣ, разныя племена по Моравѣ и подъ Карпатами, и др. Не смотря однако на такія діалектическія

1) О дѣятельности Коменскаго въ Лешнѣ см. Zoubek: Život Jana Amosa Komenského (v Praze 1871).

2) См. біографію Эльснера въ чешской энциклопедіи Slovník Naučný. Эльснеръ умеръ въ 1782 г. въ Лешнѣ какъ старшина братской церкви.

особенности всё эти племена Чеховъ, Моравянъ и Словаковъ говорили на одномъ языкѣ, который отличался отъ языка сосѣднихъ Ляховъ, отъ нарѣчій и говоровъ племенъ на сѣверномъ склонѣ Карпатовъ, по Вислѣ и Одрѣ, по средней и нижней Лабѣ, Хорватовъ и Мазовшанъ, Славанъ (по рѣкѣ Славѣ) и Полянъ, Поморянъ, Лютичей и Ободричей. Племена полабско-лужицкихъ Сербовъ составляли какъ-бы переходъ отъ Чеховъ въ Ляхамъ, и сербскій языкъ съ своими нарѣчіями держалъ и держитъ середину между языками чешскимъ и ляхскимъ. Такъ на пр. въ нарѣчійхъ Ляховъ, съ древнѣйшихъ временъ до сихъ поръ, господствуютъ носовые звуки, между тѣмъ какъ въ нарѣчійхъ Сербовъ, Чеховъ, Моравянъ и Словаковъ носовыхъ звуковъ—въ историческое время — не было и нѣтъ ¹⁾. Чехи, Моравяне и Словаки говорили, какъ и Ляхи, *z* (g, а не h): Praga, Godopin, Gron, а только съ XIII в. Praha, Hodopin, Hron (въ латинскихъ и нѣмецкихъ формахъ однако осталось g: Praga—Prag, Göding, Gran); h стали говорить и Сербы въ верхней Лужицѣ (Мильчане), между тѣмъ какъ Сербы въ нижней Лужицѣ (Лужичане) сохранили древнее g; Чехи и Моравяне, Сербы, восточные Ляхи (Поляки) стали съ XIII в. мягкое *ry* произносить *ř* (rz), между тѣмъ какъ Словаки и западные Ляхи сохранили g, и пр.

Порубежныя западно-славянскія нарѣчія составляютъ переходъ отъ одной языковой группы къ другой, показываютъ различныя особенности своей и сосѣдней группы, сливаются какъ бы въ новую группу, находящуюся въ серединѣ между обѣими главными группами, не смотря на то, что литературный языкъ, раздающійся въ церкви, школахъ, присутственныхъ мѣстахъ, въ устахъ интеллигенціи, старается сгладить такія различныя діалектическія особенности. Если въ Чехіи, въ слѣдствіе ранней политической

¹⁾ Носовые звуки сохранились въ латинской формѣ имени Venceslaus (нѣм. Wenzel), Вацеслав, Váceslav, Václav, въ нѣмецкомъ названіи рѣки Angel, чеш. Úhlava (Жглава), въ старомъ названіи рѣки Лужицы—Lunselize (XII в.), въ именахъ князей IX в. Святослава (Sventislaus) и Святополка (Sventopulcus) и др. Но все это рѣдкія исключенія.

и умственной централизаціи выходившей изъ Праги, уже рано значительно сгладились діалектическія особенности, то онѣ въ Моравіи и въ верхней Угріи среди Словаковъ сохранились гораздо больше, не смотря на то, что въ Моравіи чешскій литературный языкъ принятъ съ самаго его водворенія въ литературѣ съ XIII—XIV вѣка, а у Словаковъ съ XV вѣка, со времени распространенія гуситства въ сѣверной Угріи. Такъ на пр. сѣверо-восточное моравское нарѣчіе „ляшское“ („Ляховъ“) на рубежѣ польско-слезскихъ нарѣчій опольскаго и тѣшинскаго, показываетъ много общихъ чертъ съ польскими нарѣчіями; въ ляшскомъ нарѣчій — удареніе польское на предпоследнемъ слогѣ, различаются *и* и *ы*, *л* и *ль*, кое-гдѣ цекается (*cicho—ticho, plešé-plest'*), смягчиваются *не, де* или *дзе, те* или *це* (*ňeset'e, ved'et'e, ňeseče, vedžeče*), сохраняется неперегласованное *а* (*daj*), *у* (*cuzí*), и пр. Ляхи, какъ и нѣкоторые другіе Моравяне (Валахи, Словаки), употребляютъ слова общія съ польскими, или прямо заимствованныя изъ польщины, которыхъ въ нарѣчіяхъ чешскихъ, и западно-моравскихъ нѣтъ; на пр. *bačit'-bačić* (поль. *baczyć*, чеш. *pozorovati*), *brać slub* (*ślub, vdavky*), *břidký* (*brzydki, ošklivý*), *břud* (*brud, špína*), *čisnut', čisnuć* (*cisnąć, tłaczyć*), *čub* (*czub, chochol*), *čudný* (*czudny, divný*), *gavał* (*kawał, kus*), *hałas* (*hałas, hlomoz*), *chrobak* (*chrobak, červ*), *chudý* (*chudy, hubený*), *koval* (*kowal, kovář*), *kuzňa* (*kuźnia, kovárna*), *łaňeuch* (*łańcuch, řetěz*) *ostatní* (*ostatni, poslední*), *paskudný* (*paskudny, rozpustilý*), *polovać* (*polować, honiti*), *psuć* (*psuć, kaziti*), *řadić* (п. слез. *rządzić—hovořiti*, перешло и въ польской формѣ въ ляшское нарѣчіе: *řondzit',-ić, řundit'*), *stav* (*staw, rybník*), *těžar* (*ciężar, tiże*), *záchod* (*zachód, západ*), и пр. ¹⁾.

¹⁾ Bartoš: Dialektologie moravská. I. Nářečí slovenské, dolské, vulašské a lašské (v Brně 1886). Олавская земля, часть Моравіи (срв. Н. Jirěšek: Slovanské právo II. 12), заселена была мекони чешско-моравскимъ народомъ; срв. Prasek: Čestina v Oravsku (1877); возраженія Быстроия (Prasek filologiczne II. 788) неосновательны. Любопытно, что нѣкоторыя слова „ляшскаго“ нарѣчій имѣютъ значеніе не западнославянское, а юго-и восточно-славянское, на пр. *břeh*

Сосѣди моравскихъ „Ляховъ“ и „Валаховъ“, польскіе Слезаци (по-чеш. Слезаци) ¹⁾ въ областяхъ опольско-ратиборской и тѣшинской (здѣсь тоже „Ляхи“ въ равнинахъ, и „Валахи“ и „Горали“ въ горахъ) употребляютъ нѣкоторыя формы, которыя приняты неорганически изъ сосѣднихъ нарѣчій чешско-моравскихъ (*niejlepsi, bodej, wystrzygnul, wiesieli*, поль. *wesele*) и много словъ чешско-моравскихъ: *chláp, hlawnu, hned, kniez* (т. е. поль. *ksiądz*), *howado, hołka, bedliwy* (п. *troskliwy*), *hledac* (п. *szukać*), *zieli* (*kapusta*), *chasa* (*czeladz*), *vajca* (*jaja*), *strzibro* (*srebro*), *porzad* (*ciagle*), и пр. Подобно тому и ближайшіе сосѣди Словаковъ, польскіе карпатскіе горцы (Горали и Подгаляне), приняли много словъ словенскихъ, на пр. *hola, hala*—голая гора (оттуда: *Podhalanie*), *hladzić* (*hleděti*), *hned, szuhaj, Uhry* (*Węgrzy*), и пр. Въ словенскихъ нѣняхъ, которыя польскіе горцы поютъ на свой ладъ, осталось много словенскихъ словъ непередѣланныхъ по-польски, на пр. *hoga, dub, rubać, ruczki, su*, и др. ²⁾.

(холмъ), *hoga* (дѣсь), *ikra* (икра, поль. *łytko*, иногда тоже *ikra*, чеш. *lýtko*), *poza* (ноша), *прек* (унокъ), *lehčina* (легкия, ч. *plíce*, п. *plíce*), и пр. Замѣтимъ, что „Ляхами“ называются тоже польскіе жители равнинъ въ тѣшинской землѣ (въ Карпатахъ живутъ Горали и Валахи) и въ западной Галиціи на сѣверъ отъ Вадовиць и Мыслениць (а въ Карпатахъ: Горали, Подгаляне).

¹⁾ Употребляемъ и въ русскомъ языкѣ чешскую форму Слезія-Слезаци, извѣстную тоже въ древнерусскомъ языкѣ (срв. „Славяне“ II. 458), а не латинскую: Силезія, Силезцы, которая основывается на чешской (*Slezsko*), а не на польской (*Ślązanie, Ślązacy, Śląsk, Śląsko* позже *Szlązacy, Szląsk*); форма *Slesia, Silesia*, употреблялась въ самой Слезіи.

²⁾ Польскіе горцы живутъ не только на сѣверномъ склонѣ Карпатовъ (въ Галиціи), а тоже на южномъ ихъ склонѣ въ сѣверныхъ предѣлахъ угорско-словенскихъ столицъ (округовъ) тренчинской, оравской, липтовской, снпшеской, числомъ 84.000; они говорятъ по-польски, а въ церкви и школѣ слышатъ словенскій языкъ. См о нихъ Шемберъ *Dialektologie česko-slovenská*, его-же статью въ *Časopis Česk. Mus.* 1876, p. 413; срв. тоже *Listy filolog.* 1885, p. 46; и замѣтку въ варшав. журналѣ *Wisla* 1888 (II. 831).

Въ польскихъ нарѣчіяхъ употребляется много словъ, которыя не вошли въ нынѣшній польскій литературный языкъ, но употреблялись въ древнепольскомъ языкѣ и употребляются тоже въ чешскомъ литературномъ языкѣ. О „заимствованіи“ такихъ словъ у Чеховъ можно говорить только въ такомъ случаѣ, если эти слова своею непольскою формою указываютъ на чешско-словенское происхожденіе, какъ на пр. *hola, hala*—у карнатскихъ польскихъ горцевъ, взятое отъ Словаковъ (по-польски было бы *goła*—голая гора), или слезско-тѣшинское *hołka* (дѣвушка, чеш. *holka*), что встрѣчается въ великопольскомъ нарѣчій въ правильной формѣ *gołka* ¹⁾. Если Слезакъ называютъ чиновниковъ *urzędnicy* (безъ носоваго звука), то это чешское *úředníci* (по-польски *urzędnicy*). Но обыкновенно такія общія Чехамъ и Полякамъ слова — общее достояніе славянское, хотя бы такія слова не употреблялись ни въ древнемъ ни въ нынѣшнемъ литературномъ языкѣ польскомъ; такъ на пр. слово *cesta* (дорога, путь), извѣстное польскимъ горцамъ и Слезакамъ, можетъ быть заимствовано изъ чешскаго, но можетъ быть и старинное слово польское, какъ оно извѣстно тоже Словѣнамъ (дѣста), Хорватамъ и Словенцамъ (*cesta*). Въ польскихъ нарѣчіяхъ употребляется слово *dźwierze* (чеш. *dveře*, двери), дрполь. *dźwierze*, въ нын. польскомъ языкѣ *drzwi*, но: *odźwierny*. Приведемъ здѣсь нѣсколько словъ, употребляемыхъ въ разныхъ польскихъ нарѣчіяхъ, но не въ литературномъ польскомъ языкѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстныхъ въ чешскомъ литературномъ языкѣ. У *Слезакъ* ²⁾: *dźwierze* - *dwierzy* (*drzwi*, *dveře*, дрполь. *dźwierze*), *swaczyna* (*podwieczorek*, *svačina*), *dziwy* (*dziki*, *divý*), *blecha* (*pchla*, *blecha*), *zwon* (*dzwon*, *zvon*, дрполь. *zwon*), *dąga* (*tęcza*, *duba*), *dziedzina* (*wieś*, *dědina*), *łoni* (*przeszłego roku*, *loni*), *łacny* (*tani*, *laciný*), *niewiasta* (*panna młoda*, *nevěsta*), *kłobuk* (*kapelusz*, *klo-*

¹⁾ Срв. въ одномъ слезскомъ некрологѣ XII—XIII вв. (*Zeitschrift für schles. Geschichte* X, 438): *Golca famula*.

²⁾ Первое слово въ скобкахъ—польское, второе—чешское или словенское.

bouk), szaty (ubranie, ŷaty, дрполь. szaty), ujec (wuj, ŷjec), ŷaloba (skarga, ŷaloba, дрполь. ŷaloba), szczuka (szczupak, ŷtika), и пр. У *польскихъ юрцевъ* въ Карпатахъ: brusić (ostrzyć, brou-siti), dŷwierze, chudobny (ubogi, chudobný), jar (wiosna, jaro), jedla (jodla, jedla - jedle), latoŷ (tego roku, letos), łoni (przeszłego roku, loni), luto mi (ŷal mi, líto mi), pastwa (pasza, дрполь. pastwa, чеш. pastva), otawa (potraw, otawa), potwora (potwór, potwora), smrek (ŷwierk, smrk), sądek (beczka, soudek, дрполь. sąd, ssąd), peć (tratwa, plć, плоть), и пр. ¹⁾ У *Малопольнъ* (въ земляхъ краковской, сандомѣрской, велецкой): latoŷ, łoni, dŷwierze, szaty, giździć (paskudzić, hyzditi), goŷciniec (gospoda, hostiniec), gospodzki (właŷciciel gospody, hospodský), zdarny (zdatny, zdárný), niezdar (niezdatny, nezdara), jak się patrzy (jak się należy, jak se patří), jagoda (poziomka, jahoda), ŷcibło (ŷdźbło, stebło), iŷcizna (gotówka, дрполь. iŷcina, iŷcizna, чеш. jistina), prądło (bielizna, prądło), siąg (siążeń, sáh), na reby (na wywrot, na ruby), dufać (ufać, doufati), modry (błękitny, modrý), szwiec (szewc, ŷvec), kraj (brzeg, kraj), kapka (kropla, kapka), формы: je (jest), jedla, pieron (piorun), wiosna (wiosna), dziełać (działać=robić, чеш. dělati), buog, buoginka (dziwoŷona), twuoj, и пр. ²⁾ У *Великопольнъ* и *Кувявлнъ*: kłobuk, latoŷ, łoni, pastwa, szwaczyna (szwaczyna), dŷwierze, kobyłka (polny konik, kobyłka, дрполь. kobyłka), paduch (ŷłodziej, padouch), siewierz (północ, sever), kierz (krzak, keř), ruchno (ubranie, дрполь. rucho, чеш. rúcho, roucho), miech

¹⁾ Общи горцамъ польскимъ и словенскимъ слова: gupia—húpa (верхній плащъ), kigrso - kgrse (обувь), kabat (сюртукъ), salaŷ (избушка), wasa - wása (начальникъ овчаровъ), obuszok (шалка), и др. Карпатскіе горы знаютъ слова: oesta (путь), koliba (изба), ŷater (шатеръ), watra (огонь), ŷivina (скоть), skryzal (скрижаль), известныя и южнымъ Славянамъ; слово watra знаютъ и Кувяване, ŷivina—Мазуры.

²⁾ Если кое-гдѣ въ Малой Польшѣ говорятъ chubaj (т. е. пресъ, рус. пошелъ!), то это чешское: hubaj, huhejl (поведит. накл. отъ hŷbati); также и djos (чортъ, idź do kroc djosów) изъ чешскаго đas (dĕsný, dĕsiti); впрочемъ В. Потоцкій (XVII в.) знаетъ слово dyasek (чортъ).

(worek, měch), modrak (bławatek, modrák), ręby i lice (strona odwrotna i naczelna, ruby i lice), ściernisko (rżysko, strnisko), niedziela (tydzień, neděle), zwolna (powoli, zvolna), gołka (dziewczyna, holka), chutnie (bardzo usilnie, chutě), cwałem jeździć (szybko, cválem), и пр.; формы mietła, wiosło, siostra (тоже дрпольскія, чеш. metla, veslo, sestra, нын. поль. miotła, wiosło, siostra). У *Мазуровъ* (Мазовшанъ): prowoz (powróż, provaz), doma (w domu, doma), naziem (na ziemię, nazem), kowany (kuty, kovaný), dokazać (dowodzić, dokázati), latoś, łoni, ostrow (wyspa, ostrov, также дрполь.), podobać się (podobnym być, podobati se), polica (półka, police), oddawać—oddawiny (ślub, oddávati—oddávky, кашуб. zdawac), pomazanka (chleb z masłem, pomazanka), zimno (febra, zimnice), panna (źrenica, panenka, срв. лат. pupilla), od (przez, od), je (jest, je) и пр. У *Поморянъ* и *Кашубовъ*: dwie—rze, kłobuch, ie (т. е. ié, поль. iść, ч. jíti), jeli (jechali, jeli), jigo (jarzmo, jho), klin (łono, klín: matka trzyma dziecko na klinie), lubawy (chudy, libový, о мясѣ), miedwiédz (niedźwiedz, medvěd), niekara—niekarańc (swawolny, bez karności, nekáraný), niezbednik (hultaj, nezbedník), leż (kłamstwo, lež), nogawice (spodnie, pohavice), paczyna (wiosło, opaćina), późny (późny, pozdny), ruchna (множ. ч., ubranie, roucho), skorznia (obuw, дрполь. skornia, дрчеш. skorně, škorně), steblo (źdźbło, steblo), wietew (gałąź, větew), zrok (wzrok, zrak), zwon (dzwon, zvon), zdac (czekać, дрполь. и дрчеш. ždać—ždáti), и пр. ¹⁾.

Фонетична польскаго языка съ течениемъ времени существенно не измѣнилась, между тѣмъ какъ фонетична чешскаго языка подвергалась нѣкоторымъ важнымъ измѣненіямъ. Долгія гласныя (á=aa), существующія въ чешскомъ языкѣ до сихъ поръ, употреблялись въ польскомъ еще въ XV в. (waas, meego, grzechoo), и употребляются нынѣ еще въ кашубскомъ нарѣчьи и въ слезскихъ говорахъ. Потомъ онѣ исчезли или скорѣе измѣнились въ такъ назыв. наклонныя á, é, ó. Гласная á—средній звукъ между а и о, существуетъ только въ народныхъ говорахъ.

¹⁾ Списокъ трудовъ по польской діалектологіи (до 1885 г.) см. въ сборникѣ *Pgace filologiczne* (Warszawa 1885, I. 663).

Гласная *é* переходить въ *i* (*mleko*—*mliko*, какъ произносится то-же чешское *mleko*—*mliko*); оттуда происходитъ нынѣшнее правописание словъ *szérog*, *szérog*, *pastérz*, *cztyry*, *tém*, которыя писались въ древнепольскомъ (какъ и по-чешски) *syg*, *szyroki*, *pastyrz*, *cztyry*, *tym* ¹⁾. Гласная *ó* переходить въ *ú* (*bóg*=*búg*, *boga*), какъ и въ чешскомъ языкѣ (*bóh*—*buoh*—*báh*, *boha*); въ одномъ малопольскомъ говорѣ, около Дзикова, *ó* произносится какъ *uo*: *buog*, *buoginki*, *kruolowa*, *swuoj*, *obrzymuow* (*olbrzymów*), *Dzikuow*; срв. кашубское *kruéwa* (*kgowa*), *puéga* (*poga*). Такия формы: *buog*, *twuoj*, *wuola*, *Żydaczuow*, *skutkuow*, встрѣчаются изрѣдка въ нѣкоторыхъ польскихъ памятникахъ XIV—XVI вв.; еще Лука Горницкій, въ польской орфографіи (1594) ²⁾, предлагаетъ и писать *uo* (обѣ буквы соединены черточкою) вмѣсто *ó*: *buog* вм. *bóg*. Такое же измѣненіе *ó* въ *uo* существовало и въ чешскомъ языкѣ XIV—XVI вв.: *buoh*, *puojde*, а позже, съ XVI в., *báh*, *pujde* (гдѣ *o* поставлено надъ *u*); *uo* встрѣчается то же въ нѣкоторыхъ словенскихъ говорахъ (*vuola*, даже *puajdu*). Нѣтъ никакой надобности, приписывать древне-польское *uo* чешскому влиянію ³⁾.

Носовые звуки господствуютъ во всѣхъ ляхскихъ нарѣчіяхъ съ древнѣйшихъ временъ до сихъ поръ, а (*an*), *e*, *o* (пишется нынѣ *a*), *i*. Но вмѣстѣ съ тѣмъ встрѣчаются слова, въ которыхъ, вопреки правилу, носовой звукъ замѣненъ чистымъ; такъ на пр. въ польскихъ и полабскихъ географическихъ названіяхъ *Łuczysa*, *Ługi*, *Pałuki*, *Lucie*, рядомъ съ *Łęczysa*, *Łęgi*, *Łączany*, *Lunkini*; въ старинныхъ *knese*, *knesicz*, *kneze graniza*, *spasi damberowe*, *kneginiz*, *knaginice*, гдѣ надо ожидать носо-

¹⁾ Срв. то же моравско-ганацкое и кашубское произношеніе *ы* какъ *э*: *gebe* (*gyby*), *weknac* (*wuknac*), что иногда встрѣчается то же въ нѣкоторыхъ дрпольскихъ памятникахъ.

²⁾ См. „Славяне“, II. 149.

³⁾ Подобное тому и въ древнесербскомъ языкѣ, особенно въ босенскомъ нарѣчій, встрѣчаются формы: *vuok* (*vuk*), *puok* (*puk* въ говорахъ хорут. - словенскихъ: *buog* - *boga*, *boug* - *boga*, даи *muoŕ* - *moŕa*. Малорусы и Бѣлорусы городенской губерніи гово-рятъ то же: *puojde*, *puojde*.

вой звуекъ (kniądz, ksiądz, полаб. tgenangs). И такъ, отсутствіе носоваго звука въ польскихъ словахъ встрѣчается, хотя очень рѣдко, уже рано, что, конечно, нельзя еще приписывать непременно вліянію чешскому или русскому. Въ концѣ словъ носовые звуки часто теряются, и на пр. mą, ulicę произносятся какъ mno, ulice, и по этому и правописаніе и произношеніе словъ zaśie (zaś), przecie, возникшія изъ zaśię, przecię (przedsię) — не нужно еще приписывать чешскому вліянію. Въ кашубскомъ нарѣчій носовые звуки и въ серединѣ словъ переходятъ иногда въ чистые, на пр. rzudzec (rządzić), zajikała (zajakała), wic (więc), zajic (zając), что вполне совпадаетъ съ чешскимъ произношеніемъ тѣхъ словъ: říditi, zajíkala, víc, zajíc, между тѣмъ какъ здѣсь о чешскомъ вліяніи и подумать нельзя. Иногда встрѣчаются двѣ формы того же самаго слова въ одно и то же самое время, съ звукомъ носовымъ и чистымъ, въ значеніи томъ же самомъ или различномъ: это надо объяснить вліяніемъ чешскимъ и отъ части и русскимъ; такъ на пр. smętek, smęcić—smutek, smucić, chęć, chętny, chętlivy—chuć, chutliwy, chutność, poruczyc, porucznik (поручикъ)—ręczyć, ręcchnik (въ слезскомъ нарѣчій то что поль. opiekadlnik—opiekun, чеш. poručník), gucznica (ружье), rozruk, rozruknać—rozręknąć, kusu—kęsu (кашуб. на пр. kęsu ubior, чеш. kusý), łuk, но obłąk. Нѣкоторыя слова употребляются нынѣ безъ носоваго звука, между тѣмъ какъ въ древнепольскомъ языкѣ въ этихъ словахъ встрѣчается носовой звукъ; такъ на пр. нын. sławetny произносилось еще въ XV в. sławętny (срв. имя Sławęta, Sławęcice), kęsu (XVI—XVII в.) рядомъ съ kusu, żaden—żądny, niżądny (nullus) еще въ XV—XVI в., ucześnik (но: ucześcić, ucześność)—ucześnik (въ XIV—XVI вв.), łuk—łęczyisko, łączyszczе (XIV—XV вв.), rzemiesło, rzemiosło, rzemieślnik—rzemieśło, rzemieślnik (XV—XVI в.), zubr (ошибочно żubr)—zabr (еще въ XVI в., и срв. названія Zambrów, Zembrów, Zemlucky), ¹⁾. Встрѣчаются примѣры, что болѣе древняя форма

¹⁾ Поль. gusła (колдовство) и gusłnik вѣроятно изъ чеш. kůzla kelnik (это изъ jocular, cauculator, jongleur, gaukler, по-чеш. то-кажклёр - kejklir, поль. kuglarz), а не отъ geśli (гусли).

правильная без носоваго звука, а новая съ неправильнымъ носовымъ; такъ на пр. старое *miedzy*—нов. *między*, ст. *szedziwy* (чеш. *šedivý*, сѣдой)—нов. *sedziwy*, *szędziwy*, неправильныя *mie-zkanie*, *wnęk* (XVI в.) и нын. *mieszkanie*, *wnuk*. Польское *padra*, *zapadrze* (*sinus*) вѣроятно чешскаго происхожденія (*nádra*, *zápa-dří*, вѣроятно *jádra*, что по-польски было бы *jadra*); поль. *niezbedny*, *niezbednik*—формою и значеніемъ (*protervus*, *petulans*) чешское *pezbedný*, *pezbedník*, отличается отъ *niezbędny* (*nie zbyć*)—необходимый, хотя обѣ формы одного происхожденія. Нѣкоторые польскіе писатели XV—XVI вв. употребляютъ иногда вмѣсто польскаго *Węgy*, *Węgrzy*, чешско-словенскую форму *Uhry*, *Uhrzy*, *uberski*, или *Wuhry*, *Wuhrzy*, *wuherski*, рядомъ съ польскою; такъ на пр. янычаръ Константиновичъ, неизвѣстный авторъ книжки *Powieść o założeniu klasztoru na Łyséj Gorze*, Орѣховскій и Пашковскій ¹⁾.

Гортанное *g* свойственно всѣмъ ляхскимъ нарѣчіямъ, между тѣмъ какъ въ нарѣчіяхъ чешско-словенскихъ и западно-русскихъ господствуетъ *h*. По этому если въ польскихъ словахъ встрѣчается *h*, то такія заимствованы изъ чешскаго или западно-русскаго; это заимствование становится еще болѣе яснымъ, если сопоставить съ такими словами нынѣшняго литературнаго польскаго языка слова древнепольскія или діалектическія съ *g*, на пр. *hasło* (чеш. *heslo*)—*godło*, *ohyda*, *ohydny* (др. *ohyzny*), *ohyzić* (чеш. *ohyzda*, *ohyzdný*, *ohyzditi*)—діал. краков. и тѣшын. *gizd*, *gizdzić* (*paskudzić*), *hańba*, *haniebny*—*gańba*, *ganiebny*, *gańbić* (дриоль.), *hardy*, *hardzieć* (ч. *hrdý*)—*gardzić*, *pogarda*, *hojny*—*gojic* (хотя значеніе различно), *hołota* (можетъ быть чешское и русское)—*gołota*, *hnet*, *hnetki*—*wnet*, *wnetki* (ч. *hned*), *wahać się*—*waga*, и діалект. *wagować się* (ч. *váhati*), *czyhać* и *czyhać* (чеш. *čihatí*), *hołomek*—*gołomek*, *gołomeka*, *blahy*—*blögi* (хотя значеніе обоихъ словъ различное, какъ и чеш. *bláhový* и *bláhý*), *hodować*—*godować* (значеніе различно), и др.

¹⁾ Константиновичъ называетъ босенскій городъ Яйце на чешскій ладъ Вайце; такъ и Вацовскій.

Согласныя *ć* и *dź* вмѣсто *ть* и *дь*: *ćicho*, *dźećy* (пишется: *ćicho*, *dziecie*), въ нынѣшнемъ польскомъ языкѣ не представляютъ древнѣйшей формы языка ляхскаго вообще; въ западныхъ его нарѣчiachъ (полабско-балтійскихъ) не было *ć* и *dź*, а польское *dźeće* произносилось *dete*. Это *ć*-еканье и *dź*-еканье въ польскомъ языкѣ началось только на рубежѣ XII—XIII вв., но такъ, что рядомъ съ *ć* и *dź* долго употреблялись *t* и *d*, либо какъ установившаяся орфографія, либо какъ архаизмы ¹⁾. Такъ встрѣчаются формы: *Wratislawia*, *Wratislaus* (*Wrotis*), *Wladislaus* (*Wlodislaus*), *Tessin*, *Ratibor*, *Mistiwoj*, но рядомъ съ *Wrotzlaus*, *Wlodzislauis*, *Mscis*, *Woycech*. Последнiя формы (*Wrocisław—Wrocław*, *Włodzisław—Włocław*, *Wojciech*, *Cieszyn*) сдѣлались потомъ господствующими; но *Władysław* рядомъ съ *Włodzisław*, а въ латинскихъ и нѣмецкихъ формахъ *Ratibor*, *Tessin—Teschen* и пр. Отъ старыхъ формъ сохранились только слѣды: *gospodyn—gospodzin*, *tesny—ciasny*, *teść—cieść*, *tesak*, *tesarz—ciesać*, *cieśla*, *stdza* (*styeszka*)—*śćdza* (*śćiezka*), *otec—oćec* ²⁾; срв. дрполь. *złostnik—złostny* (позже *złosny*), *miłostnik—miłosny*, *czestnik—poczestny*, *włostny*, и *złość*, *miłość*, *cześć*, *poczesny* ³⁾, *włość*; формы *kociół—kotła*, *dziesięć—dziesiąty*, тоже *tarn—cierń*, *tarlica*, *trzeć—cierlica*, *cierać*, *twardy*, *twierdza—ćwirdza*, *ćwierdza*, *stwierdzić—ćwirdzić*, *trzoda—ćrzoda*, и пр.; литературное польское *źdźbło* (дрполь. *śćbło*) въ нарѣчiachъ малопольскомъ—*śćbło*, въ слезскомъ—*śćiebło*, въ канубскомъ—*stebło* (какъ и въ чешскомъ), *Kaszebsti* и *Kaszebsci*. По этому формы съ *t* и *d* нужно считать польскими архаизмами, уцѣлѣвшими среди болѣе новыхъ формъ съ *ć* и *dź*, а не непременно чехизмами. Но польское *obywatel* какъ юридическiй терминъ (гражданинъ) взято

¹⁾ См. Бодуэнъ де-Куртена: О древне-польскомъ языкѣ, 43—53.

²⁾ *Moju otesz* въ краков. судебной книгѣ 1400 г. (*Sprawozdani komisji językowej* III. 190).

³⁾ Думаемъ, что слово *roczliwy*, *roczliwość* (*Marcholt* 1521, *Ż, wot św. Eufraksy* 1524) опечатка или описка, и надо читать: *roczniwy*, *roczniwość*, а можетъ быть и на чешскiй ладъ *roctivý* (*roctiviti y*).

изъ чешскаго, когда Поляки говорили уже *stworzyciel, zbawiciel*; такъ и поль. *niestety!* (еheu, вае!) надо считать испорченнымъ чешскимъ *pastojte! nestojte!*, между тѣмъ какъ древнепольское *pastojcie, niestojcie* (*nastojec*—настоять, *persequi*) вполне соотвѣтствуетъ законамъ польской фонетики ¹⁾.

Югославянскимъ и чешскимъ формамъ *grad(ъ), власть*, русскимъ *город(ъ), волость*, соотвѣтствуютъ—въ историческое время—польскія *grad(ъ), wloсть (wlość)*. Но что эти польскія формы не первичныя, на это указываютъ формы въ нарѣчїяхъ полабско-балтїйскихъ Ляховъ *gard(ъ), Вартислав(ъ)*, у люнебургскихъ Славянъ позже *gard*, но *Triglav, vlas, klada*, а у Кашубовъ *gardawka* (*brodawka*), *karwa* (*krowa*), дрпольскія *karw* (еще въ XVI в. то что *wół*, срв. названїя *Karwów, Karwin, Karwice*) и *smard* (въ XVI в., срв. *Smardzowice, Smardzewo*) ²⁾. Если же въ историческое время, рядомъ съ обыкновенными формами *Wrocisław—Wrocław, Włodzisław—Włocław, Chrober, Bronisław, Bronice, Bronowice* (но тоже *Brun-owice*), *Bronczyce, Bronina, brona, włodyka, włodarz, włość, włosny, stróz, stroza, płoz, płozić*, встрѣчаются тоже формы *Wratisslaus* (въ одной кра-

¹⁾ Цеканье и дзеканье встрѣчается тоже въ нѣкоторыхъ говорахъ моравскихъ и словенскихъ, въ нарѣчїи бѣлорусскомъ, и въ одномъ говорѣ великорусскаго нарѣчїя. По этому въ нѣкоторыхъ древнечешскихъ памятникахъ моравскаго происхожденїя читаемъ тоже *dzěd, ucěcha, uživaci*. Срв. I. Иречка *O zvláštnostech čestiny vč starých rukopisech moravských* (1887). На рубежѣ польскомъ, но еще въ Моравїи (въ опавской землѣ?), сочинена тоже пѣснь (XV в.): *Obci já na rannu žalovač, niechojalat mi trochu dač mému koni ouva etc.* (*Sitzungsberichte der k. Akademie der Wissenschaften, Bd. 39, p. 702*).

²⁾ Словѣнское *smrdь* и дрруское *smerdь* (плебей, селянинъ) знали Поляки еще въ XIII в. *smard* (*smardones*); такіе *smrdь* (*smur-di*) встрѣчаются тоже у полабско-балтїйскихъ Славянъ, и еще въ XVIII в. люнебургскіе Славяне называли селянъ—смардами. Поляки забыли свое *smard* въ значенїи селянина (а *smard* въ XVI в. то что *smród* и *plugawy człowiek, пісрон*), и приняли русское *smerd*, то ч *chlор* въ болѣе презрительномъ смыслѣ: *Gdy się ubogi człowiek prawa uciesze, zagaz mu mówią: Nie dla was to piszą statuty, smerdowie, ale dla panów*—цищеть еще въ XVII в. Старовольскій.

ковской ротѣ 1398 г. Warcisław), Wratislawia, Wladislaus (Władysław), Wladislawia, własny (własny), chrabry (chabry, прозвище Болеслава въ XI—XIII вв.), Branica, Branina, Branczusa, Branew, brana—brama, straż, strażnik, płaz, płazić—то послѣднія формы можно считать не непосредственно чехизмами, а тоже польскими архаизмами ¹⁾.

Ассимиляция гласныхъ (duša—duše, dušu—duši, dušú—duší, lutý—lítý, riju—rijí, rijú—rijí), столь важный законъ въ чешской фонетикѣ съ XIV в. (но не въ восточныхъ нарѣчiяхъ моравско-словенскихъ), не коснулась польскаго языка настолько, и ограничилась нѣкоторыми случаями: wiodeę—wiedziesz, jezioro—jezierze, świat—świecie, jadę—jedziesz, śmiać—śmieli, czasz—cześnik, wiara—wierzyć. Но если вмѣсто lutować, lutościwy, ślutownik, szubienica, въ XV—XVI вв. встрѣчаются: litować, litościwy (рядомъ съ этою формою употребляется до XVII в. тоже lutować), szybienica (рядомъ съ szubienica), czyhać (рядомъ съ czuhać), то здѣсь сказалось чешское влияние, тѣмъ болѣе, что въ нарѣчiяхъ польскихъ сохранились до сихъ поръ luto, lutować, и форма litować составляетъ вообще исключение въ виду правильныхъ формъ lubić, lub, luty, czuć. Формы siostra, mietła, wiesło, pierog употребляются до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ польскихъ нарѣчiяхъ, и встрѣчаются уже въ древнепольскомъ языкѣ: wymiet подлѣ wymiot, jezioro—jezioro, coga (вм. dcoga, дрчеш. dci)—coga (dcoga), zwolona—zwolona, wslawiona—wslawiona, nasycena—nasycona, bieda—biada ²⁾, leda—lada, powieść—powiadać, dziełać—działać, czekać—czakać, sieno—siano, jezda—jazda,

¹⁾ Встрѣчаются тоже формы wladarius (władarz, см. словарь у Бодуана: О древнепольскомъ языкѣ, и Volumina legum), и władyka (въ краков. судебной книгѣ 1421 г., Helecl Pomniki II. No 1829). Если эти двѣ формы не опечатки вмѣсто обыкновенныхъ wladarius (władarz), włodyka (срв. др. włodać, włodza и нын. władać, włada)—то можно ихъ тоже причислить къ архаизмамъ.

²⁾ Со временемъ biada стало означать горе! (vaci!), а biada (bēda)—бѣда, какъ wiareę (вѣру, винит. п. отъ wiara), а wierę! (наприм., чеш. věru!).

jeszać—jachać, и пр. Формы съ *e - ie* тоже чисто польскія, какъ съ *o* и *a*, а не непременно чехизмы ¹⁾).

Древнепольскія формы приближались къ словѣнскимъ и древнечешскимъ болѣе, чѣмъ новопольскія, при чемъ одинаковыя формы польскія и чешскія не нужно приводить въ зависимость, а слѣдуетъ ихъ просто объяснить одинаковымъ духомъ славянскаго языка вообще. Родит. пад. множ.—*iuo* (*synuow, skutkuow*), встрѣчающійся изрѣдка въ XIV—XVI вв. вмѣсто—*ow*,—*ów*, такой же польскій, какъ и чешскій, тѣмъ болѣе, что *uo* вмѣсто *ó* встрѣчается, какъ уже замѣчено, въ одномъ малопольскомъ говорѣ до сихъ поръ ²⁾). Мѣстный падежъ множ.—*iesch*, *-iéch*, *-ich* (*sądziech*, какъ и чешское—*ech*, *-ich*), позже—*och*, *-ach*, творит. падежъ *-y*, *-i* (*chleby, słowy, bogi, maži*, позже *-mi*, *-ami*). Формы *zdrowie, zdrowié*, но тоже *imieni, guszeni, w zboży, w weseli, w słuńcy, w siercy* (словѣн. *сръдци*) рядомъ съ *w słu-towaniu, w siercu, imieniem, opolim, Podlaszym, w pokoleniach* и пр. — тоже польскія, а не чешскія. Чешскимъ вліаніемъ можно объяснить развѣ только рѣдкій родит. пад. единств. *pokolenie* (рядомъ съ: *pokolenia*), *sierce* (*sierca*), въ древнѣйшихъ псалтиряхъ, *cesarze* (вм. *cesarza*, въ пѣснѣ Галки). Древнепольскій родит. пад. ед.—*e* (первонач. *e*) *duże, ziemie, nędze, wole grase*, рядомъ съ—*ej*, *-ój*, изъ чего *i - y*: *duzej—duszy, wolej—woli; serkwie, krwie* (такъ и въ слезскомъ говорѣ тѣшинскомъ), рядомъ съ *krwi, serkwí* ³⁾), какъ и въ чешскомъ: *duše, země, pouze, vůle, krve, církvě*, и въ словѣнскомъ: *доуша, земля, крѣве, црѣкѣве*. Дрполь. формы: *dobrem słowie, dobrym słowem, dobrymi słowy*, а нын. *dobrem słowie, dobrym słowem, dobrymi słowami*. Въ глаголъ простыхъ прошедшя (*mołwich, mołwiach, biesze, rzecze, śpiewachą*) составляютъ уже въ XIV в. рѣдкое ис-

¹⁾ Въ одной рукописи XV в. (Prace filologiczne III. 286) изрѣдка встрѣчаются формы: *jejsa, oje, jewno, szlechta* (чеш. *vojce, voje, zjevno, šlechta*).

²⁾ См. выше, стр. 200.

³⁾ Уже ок. 1400 г. употреблялись формы (genit.) *krwi, krwi, krwiej*, рядомъ; см. Archiv f. slav. Phil. III. 479.

включеніе, а обыкновенны сложныя: *słyszał jeść, jeść, jest, był przyskazał, stało się jest*, что уже въ XIV—XV вв. сокращалось въ *dałem—dałem, dales, stało się*, и пр. Неопредѣленное наклоненіе уже въ XIV в.—*ć*, изрѣдка еще въ XV в.—*ci*: *daci—dać, byci—być, wybawici—wybawić*; если же въ древнѣйшей псалтири XIV в. (флоріанской) встрѣчаются формы (*baða*) *lizat*, (*ba-dzie*) *karat*, то это вѣроятно описки вмѣсто *lizac* (супинумъ по смыслу предполагать нельзя), а отнюдь не чехизмы, такъ какъ тогда въ чешскомъ языкѣ употреблялись только формы *lízati, ká-gati, a lízat, kárat* говорится только нынѣ ¹⁾.

Общественное и государственное устройство Чеховъ и Поляковъ во многомъ тождественно или сходно, и по этому и въ языкахъ древнепольскомъ и древнечешскомъ употребляется много одинаковыхъ названій извѣстныхъ учрежденій, на пр. князь (*kniądz—ksiądz—książe, kněz—knieže*), земане, жупаны, паны, владыки, кмети, старосты, владари, жупы, и др.; всѣ такія слова и учрежденія, конечно, общее славянское достояніе Поляковъ и Чеховъ, а не заимствованныя другъ у друга ²⁾. Нѣкоторые изъ этихъ юридическихъ терминовъ со временемъ исчезли у обоихъ славянскихъ народовъ въ одно время (кмети—сановники въ XIV—XV в.), или у одного народа раньше (владыки у Поляковъ въ XV в.), у другого позже (владыки у Чеховъ въ XVII в.), замѣняются другими словами своими или чужими (шляхта, рыцари, гербы, сенаторы, гейтманы и др.), при чемъ такія чужія слова переходили къ Полякамъ не всегда прямо отъ иноплеменниковъ (особенно Нѣмцевъ), а уже посредствомъ Чеховъ (на пр. шлях-

¹⁾ Срв. Kalina: *Historya języka polskiego* (1883); Hanzus: *Materiały do historyi form deklinacyjnych w języku staropolskim w. XIV—XVI.* (*Sprawozdania komisji językowej akademii I. II.*)

²⁾ Обширно въ I томѣ соч. „Славяне“ (внутренній бытъ). Разумѣется, что много такихъ одинаковыхъ или сходныхъ учрежденій встрѣчается у всѣхъ Славянъ. Въ древнепольскихъ судебныхныхъ книгахъ съ начала XV в. встрѣчается на пр. слово *ulożenie ziemskie, układ ziemi* (Hube: *Zbiór got przysięg sądowych*, 1888, см. index) въ значеніи статута, при чемъ, конечно, нельзя думать о заимствованіи изъ сего „уложенія“.

та, рыцарь, гербъ, гетманъ, бурграбя и др.); кастеляна назвали Чехи въ XIV в. *hradodržie*, а Поляки въ XV в. *grodoździerza*; срв. друсское боаринъ горододержавецъ ¹⁾.

Въ древнепольскомъ языкѣ до половины XVI вѣка и дальше употреблялись многія слова, которыя со второй половины XVI в., т. е. со временъ возникновенія польской литературы и установившагося польскаго литературнаго языка, упали въ забвеніе или стали употребляться въ другомъ значеніи, которыя однако сохранились въ польскихъ нарѣчіяхъ и въ чешскомъ языкѣ, литературномъ и живыхъ его нарѣчіяхъ. ²⁾ Приведемъ здѣсь изъ древнепольскихъ памятниковъ XIV—XVI вв. нѣсколько словъ, которыя въ новѣйшемъ польскомъ языкѣ не употребляются или употребляются въ другомъ значеніи, между тѣмъ какъ они въ чешскомъ языкѣ сохранились, а нѣкоторыя изъ нихъ остались и въ польскихъ нарѣчіяхъ ³⁾. На пр. *statek* (*statek*, ма-

¹⁾ Царствованіе чешскаго короля Вячеслава II въ Польшѣ въ началѣ XIV в. ознаменовано назначеніемъ королевскихъ старостъ (*saritaney*) въ польскихъ областяхъ (*Caro: Geschichte Polens II. 5—6*), и распространеніемъ чешскаго гроша въ Польшѣ (срв. *Pickosiński: O monocy i stopie menniczej w Polsce w XIV i XV w., Rozprawy krakow. akademii IX*); до сихъ поръ слово *czeski* около Савдомѣря означаетъ шесть польскихъ грошей (*Kolberg Lud polski II. 261*). Чешскіе гроши распространились тоже на Литву и югозападную Русь.

²⁾ Въ польскомъ языкѣ встрѣчаются подчасъ удивительные просто „словесные“ курьезы; такъ на пр. „хлопъ“ говорить по-славянски: *kożuch*, *strzocha*, *wieszerza*, *miesiąc*, а „шляхтичъ“ *futro*, *dach* (по-нѣмецки), *kolasa* (латин.), и поэтическое *księżyc*.

³⁾ Эти слова взяты изъ разныхъ древнепольскихъ памятниковъ до конца XV вѣка (перечисленныхъ у Неринга: *Altpolnische Sprachdenkmäler*, 1887, срв. *Archiv für slav. Philologie X. 365*), изъ соч. *Pamiętniki jaśzaga M. Konstantynowicza* (ок. 1495 г.), изъ памятниковъ первой половины XVI вѣка, на пр. *Powieść o papieżu Urbanie* (1514), *Rozmowy króla Salomona z Marcholtom* (1521), *Opis i Żywot pana Jezu Krysta* (1522), *Fortuny i cnoty różność* (1524), *Żywot św. Eufrazyi* (1524), *Modlitownik siostry Konstancyi* (1524), *O panienstwie* (с. 1528), *Żywot bł. Alexego* (1529), *Wróbla Zolta* (с. 1530).

jątek), zboże (zboží, въ значеніи majątek), imienie, mienie, imiona (jmění, majątek, русск. имѣніе), dobytek i skot (dobyték, bydło: „chyrze bydła s pany kmiecie.. wprzągają chory dobytek“—въ одной пѣснѣ конца XV в.), bydlic—obydle (bydliti—obydlí, mieszkać, mieszkanie), iścina, iścizna (jistina, gotówka, тоже gotowe pieniądze въ XVI в., чеш. hotové peníze), gospoda — gospodzin—gospodyn(hospoda—hospodin, pan), żeńszczyzna—żeńczyzna (ženština, kobieta), sąpierz (soupeř, rywal), wrotny (vrátný, odźwierny), dźwierze (dveře, drzwi, но диалект. dźwierze), rzecz (řeč, słowo—mowa), upełny (úplný, zupełny), pamiętnik (pamětník, что помнить), kobyłka (kobyłka, sarańcza, диалект. kobyłka), żałoba — żałować (żałoba—żałovati, skarga, диалект. żałoba), pica (píce, obrok, пица — кормъ), niedziela (neděle, tydzień, недѣля), sjem (sněm, sejm), zakon (zákon, prawo), prok (prak, proca), swadźba (svatba, wesele), koprzywa (kopřiva, pokrzywa), ki (ký, który), kazić się (kaziti se, psuć się), łączeczka (loutka, lalczka), przyczytać co komu (přičítati co komu, przypisać co), zimnica (zimnice, febra), skutek (skutek, czyn), płat (plat, płaca), gon (hon, polowanie), zawod (závod, wyścig), leż (leż, kłamstwo), soczyć (sočiti, obmawiac), pogrzechu (pohřichu, niestety), przylisz (přiliš, zanadto), Niemkini (Němkyně, Niemka), obrzym (obr, olbrzym), polski — niemiecki (adverb., polsky, německy, по польску, по немецку), lubiezny (líbezný, przyjemny, а вын. lubieźny—сладострастный), szyp (šíp, strzała), tuł (túl, toul, kołczan), tazyć (tesknić, toužiti), pozegnanie (požehnání, błogosławieństwo), przyprawić kogo o co (připraviti koho o co, pozbawić kogo czego), tarnę — tarnieć (trnouti, drętwieć), dziwić się, podziwiać się (divati se, patrzeć, малорусск.

(съ 1535 г. нѣсколько изданій), T. Klossa Algoritmus t. j. nauka liczby (1538), Tobias patriarcha starego zakonu (1539), Sprawa chędogo o mece Paau (1544), Reja Żywot Józefa z pokolenia żydowskiego (1545), Dyaryusz sejmu (1548), St. Chwalczewskiego Kronika (1549), Historia o żywocie i zamienitych sprawach Alexandra Wielkiego (1550), M. Bielskiego Kronika świata (1550), и др., тоже изъ нѣкоторыхъ сочиненій второй половины XVI вѣка, М. Бѣльскаго, Орѣховскаго, Рея, Кохановскаго и др.—Слова въ скобкахъ, первое — чешское, второе—нын. польское.

дивитися), żenie (žene, goni), krasa—krasny (krása—krásný, pię-
kny), drzewie—drzewiej (dřive, dawniej), wielmi—wieliki—więt-
szy (velmi — veliký—větši, bardzo — wielki — większy), ślub (slib,
obiecanie, но ślub małżeński), kaźń (kážeň, dyscyplina), posledni
(poslední, ostatni), wen (ven, precz), łoni (loni, przeszłego roku, но
диалект. łoni), nadziewać się (nadivati se, spodziewać się), stolec (sto-
lec, tron), pastwa (pastva, pasza, диалект. pastwa), obchod (obchod,
handel), faleszny (falesný, fałszywy), bezdzięki (bezděky, pomimo
woli), szpatny (špatný, szpetny), gadka (hádka, spor), deka (dý-
ka, kindzał), krzyzewnik (křižovník, krzyżak), sła (słza, łza) obia-
ta—obieta—obiet (obět, ofiara), bratr, braterski, braterstwo (bratr,
brat), dufać (dovfati, ufać), nielza (nelze, niemożna), niemocny
(nemocný, słaby), zaiste (zajisté, zapewne), przekaźka (překážka,
przeszkoda), zapowiadać (zapovídati, zabraniać), siodłak (sedlák,
chłop), paduch (padouch, podły, но диалект. paduch), zwon—źwięk
—zobać (zvon, zvuk, zobati, нын. dzwон, dźwięk, dziobać), jeli
(jeli, jechali), miłować (milovati, kochać), lubić się (líbiti se, podobać
się), czyść—czetł (čísti—četl, czytać—czytał), łącznać (lačněti,
łąknąć), dzieć (díti, zwać), stojec (státi, стоять, wart być), kolnia
(kolna, szopa), kupia (koupě, kupno), nieporuszona (neporušená,
niepokalana), wiciądz (vítěz, zwycięzca вместо zwycięzca отъ zwy-
cięzycъ вж. zwycięzycъ), Gniezdno—gnieżdzienski (Hnězdno—hněz-
denský, Gniezno и неправильное gnieżnieński), и др. ¹⁾. Нѣкоторые

¹⁾ Общеславянское *витязь* (срв. Archiv für slav. Philologie VIII. 13—18) существовало несомненно и в дрюльском языке: *wiciądz* (срв. *raciądz, robociądz, wrzesciądz—rzesciądz, goniądz*), и от-туда прилаг. *wicieźny* (kościół, в письме Уханского 1559, срв. Uchansiana, ed. T. Wierzbowski I. 116); в псалтири XV в. (пу-лавской) *wicieźca* (wyszęszca). В XVII в. Коховский употребляет югослав. форму *witoz* в значении богатыря. — Название города Гнѣзна пишется в древних памятниках *Gnozdn, Gnozden, ci-
vitas Gnezdensis*, и летописец объясняет это словом *гнѣздо*—*i-
dus interpretatur sclavonice* (см. словарь в соч. Бодуэна о древи-
польском языке); правильное прилаг. *gnieżdzienski* встречается в
познанской потѣ 1391 года, но *gnieżnieński* (arcybiskup) уже в г-
ловинѣ XV-го вѣка. Срв. тоже *Leszno* вж. *Leszczno*, прилаг. *Le*

старыя слова употреблялись однако глубоко до XVII вѣка; такъ напр. еще Вячеславъ Потоцкій (Wojna Chocimska, 1673) употребляетъ слова: szedziwy (sędziwy, чеш. šedivý), chodza (chód, ч. chůze), łątka (lalka, ч. loutka), dyasek (djabeł, ч. d'as), kasać się (porywać się, ч. kasati se), kierz (krzak, ч. keř), mieszkać (nie spieszyć, ч. meškati), naszyniec (nasz człowiek, ч. našinec), zrzejomo (widocznie, ч. zřejmě), wierę (na prawdę! ч. věru!), zaś (na powo, ч. zas), łążyć (tęsknić po kim, ч. toužiti), chudzina (biedak, ч. chudina), и пр. Нѣкоторыя древнія слова исчезли изъ обоихъ западно-славянскихъ языковъ, по крайней мѣрѣ изъ литературныхъ языковъ; на пр. władyka — włodyka, ¹⁾ myto (т. е. вообще плата, что надо подразумевать при названіяхъ даней: poradnie, podymne, pomocne, památne, p̄isudne), nożny (ножны, pochwa, pořva), gobociądz—robotěž (работяга, работникъ), ostrew, ostrzew — ostrev (обрубленный пень съ сучьями, лѣстница, тоже гербъ чешскій и польскій), prokny (каждый), żdać—żdáti (ждать, диалект. кувяское и кашубское), odpowiedzieć—odpowědėti (въ значеніи: объявить вражду, войну, оттуда odpowiedny — odpovědný list, древнерусская разметная грамота), и др.

Ок. 1600 г. готовялъ это-то новое изданіе одной изъ первыхъ старопечатныхъ книгъ польскихъ, Валтазара Онеца *Żywot wszechmocnego syna bożego pana Jezu Krysta (w Krakowie 1522)*, и съ этою цѣлью вписалъ въ свой экземпляръ вмѣсто старыхъ новыя слова и формы. Эти рукописныя замѣтки

сзуѣски. Чехи сохранили болѣе древнюю форму *hnězdno, hnězden-ský*. Не можемъ не сожалѣть, что словари древнепольскій Л. Малиновскаго, и древнечешскій I. Гебауэра до сихъ поръ не изданы.

¹⁾ Въ Чехіи и въ Моравіи владыки (до XVII в.) = низшее землевладѣтельство; такъ и въ Польшѣ до конца XV в. владыки (лат. milites). Срв. К. Potkański: *Zagrodowa szlachta i włodycze rycerstwo w województwie krakow. (Rozprawy akademii, wyd. histor. XXIII)*. Въ XVI в. забыли въ Польшѣ это первоначальное значеніе слова владыка, и въ одномъ памятникѣ 1544 г. włodyka, włodzika, włodzictwo, означаетъ просто воиновъ, солдатъ. Если въ слезекскихъ юридическихъ памятникахъ XVI в. (опольскихъ, сѣверскихъ, осѣтимскихъ) изрѣдка встрѣчается wladyka въ значеніи землянина, то это чешское вліяніе.

представляют любопытный материал для истории польского языка, показывая состоявшиеся в нем в течении XVI вѣка перемены въ отношеніи лексикальномъ и формальномъ. ¹⁾ Такъ замѣнены на пр. *cerkiew* — *kościół*, *éma* (тьма) — *gota*, *czyść* — *czytać*, *dostojen* — *godny*, *drzewiej* — *pierwiej*, *działać* — *czynić*, *dzierżać* — *trzymać*, *gospodnie* — *boże*, *panie*, *jen*, *jenże* — *który*, *ić* — *ićś*, *karmia* (чеш. *krmě*) — *pokarm*, *kromia* (чеш. *kromě*) — *krom*, *lice-miernik* — *faryzeusz*, *lubo*, *lubić się* (чеш. *líbiti se*) — *podobać się*, *mier* — *zgoda*, *napoślad* (чеш. *naposled*) — *na ostatku*, *niechać* (чеш. *nechat'*, *necht'*) — *niechaj*, *niech*, *niemocen* — *chory*, *niwie* (чеш. *ny-ní*) — *teraz*, *nożny* — *pochwa*, *pial* (ч. *pěl*) — *śpiewał*, *pieszki* (ч. *pěš-ky*) — *pieszo*, *posełkini* — *służebnica*, *s*, *se* (*cum*) — *z*, *ze*, *srom* — *wstyd*, *umorzyć* — *zabić*, *wen* — *precz*, *wesele* — *wesoło*, *wielmi* — *bardzo*, *wietnica* — *ratusz*, *sądowa izba*, *więtszy* — *większy*, *wiła* ²⁾ — *blażen*, *głupi*, *niewolnik*, *zazęgać* — *roświecać*, *żeńczyzna* — *pani*, *żołtacz* (чеш. *žaltář*) — *psalterz* и пр.; древнія формы: *winnice* (*genit.*) — *winnicy*, *o dziewice* (*vocat.*) — *dziewico*, *cirnim* (*instr.*) — *cier-niem*, *powrozy* — *powrozami*, *ji* (*eum*) — *go*, *jego*, *idzi* — *idź*, *prosiż* — *pros*, *jeś* — *jesteś*, *je* — *jest*, *nie* — *niema*, *aby* — *abyś*, *abychom* —

¹⁾ Экземпляр этой книги хранится нынѣ въ библиотекѣ Императорскаго варшавскаго университета; замѣтки издалъ А. Крынскій въ сб. *Prace filologiczne* II. 666. Въ той же библиотекѣ хранится экземпляръ книги *Ewangelium Seklucyana* (Królewice 1551) съ вышесланными (въ концѣ XVI или въ началѣ XVII в.) новыми словами на мѣсть старыхъ, на пр. *kościół* — *zbóg*, *wyczytać* — *wyliczać*, *żurica* — *plaszcz*, *tram* — *birzwno*, *włodza* — *moć*, *strawa* — *pokarm*, *stracił* — *zagubił*, *rzecze* — *rzeki*, и пр.; чужое *szagańsze* замѣнено вновь польскимъ *kobyłki*.

²⁾ Древнепольское и древнечешское *wiła* — глушій, шутъ, скomorохъ, то что *blażen*, *igrzesz*, *kuglarz*, *spilman* (срв. словари чешскій Юнгманна, польскій Линде, и *Nehring Altpoln. Sprachdenkmäler* 127, 135, 215); нын. польское *szalawiła* — шалопуть. Первоначально у Чеховъ и Поляковъ *wiła* по всей вѣроятности такое сверхъестественное существо, какъ югославянское *вила* (см. „Славяне“ т. стр. 185, 187). — Слово *wietnica* (срв. *powiat*, *wieś*) встрѣчается ея въ одномъ памятникѣ 1544 г.; оно извѣстно тоже въ древнемъ Дубровникѣ: *виск(ъ)ница* (*Miklosić: Monumenta serbica*, p. 238, 380).

abychmy, abyśmy (чеш. abychom), mówił jest—mówił, napelniło się jest—spełniło się, oczekawa (чеш. očekává)—ozekiwa, bieda! — biada! (чеш. běda!), polutuj—polituj, szybienica—szubienica, smetek—smutek, stroža — straża, gańba — hańba, kropia — kropła, zvon (чеш. zvon) — dzwon, žwiěk—dźwięk, weźrзец — wejrzec, ociec—ojciec, и пр.

Все здѣсь сказанное надо имѣть въ виду, если говорить о *вліяніи чешскаго языка на польскій*.¹⁾ Чехи стали на своемъ языкѣ писать раньше, чѣмъ Поляки, и произведенія чешской литературы распространились и читались тоже въ Польшѣ, преимущественно произведенія церковной литературы, чешскіе переводы библіи и ея частей, проповѣди, молитвы, пѣсни и пр. Христіанство съ словѣнскимъ богослуженіемъ распространилось въ Ляхамъ, именно къ южнымъ, карпатскимъ, еще изъ Великой Моравіи, изъ епархіи Меѳодія, а позже въ X в., уже съ латинскимъ богослуженіемъ, изъ Чехіи. Чешская христіанская церковная терминологія, основываясь отъ части на греческо-латинской и вѣмецкой, принята и въ Польшѣ. Нѣкоторые польскіе церковные термины можно отнести еще ко времени словѣнскаго богослуженія, какъ на пр. *cirkiew, cierkiew, cerekiew, cierekiew*, *por, papież, kolęda, msza, obiet—obietować, krzest*, названія дней въ недѣлѣ, общеславянское господиць—поль. *gospodzin* (въ значеніи Господа Бога); другія слова и термины перешли въ польскій языкъ уже изъ чешскаго, на пр. *biskup, ksiądz (kniądz), zak, kościół, klasztor, ofiara, kazanie, nieszpog, bierzmować*, и др.²⁾

¹⁾ См. Nehring: Ueber den Einfluss der altczechischen Literatur auf die altpolnische (Archiv für slav. Philologie I. II.); онъ слишкомъ преувеличиваетъ вліяніе чешскаго языка на польскій.

²⁾ См. Миклошича Die christliche Terminologie der slavischen Sprachen (1875), и срв. „Славяне“ II. 520. Поляки до начала XVI в. молились: *Wierzą w świętą cyrkiew (cierkiew, cerkiew) krześciańską* (см. Prace filologiczne I. 352, и Заборовскаго Orthographia polon. 1518 г.); а *cerekiew* объясняется: *pospółstwo wiornych krześciańców* Nehring Altpoln. Sprachdenkmäler, 125). Въ XV в. и въ началѣ XVI в. Поляки говорили: *areybiskup gnieźniańskiój cirekwe—cortwie* (въ польскихъ переводахъ статуговъ 1449 и 1503 гг.); Опець,

Поступленіе многихъ чешскихъ священниковъ и монаховъ въ ряды польскаго духовенства—съ начала единственнаго грамотнаго сословія знавшаго языкъ латинскій—объясняетъ замѣду въ латинскихъ грамотахъ польскихъ именъ чешскими. Если формы Wratislaus, Wratis, Wratislawia, Wladislaus, Wladislawia, Branis и др. можно еще до извѣстной степени считать польскими архаизмами, а не непременно чешскими формами, то формы Sutok, Sandomir, Lucicia, Bozata, Swatos, Kyniese, pagub и др., встрѣчающіяся рядомъ съ Santok, Sandomir, Lancicia, Bozanta—Bodzanta, Swantos, ksanz, naramb, едва-ли можно иначе объяснить, какъ только тѣмъ обстоятельствомъ, что оны написаны чешскими и моравскими писцами; нельзя же предполагать, чтобъ польскій писецъ (священникъ) въ одно и тоже самое время произносилъ и писалъ Prandota и Prudota, Kriwosand

Орѣховскій, Кохановскій, Бирковскій и др. знаютъ слово *cerkiew* (św. katolicka) въ значеніи *kościół*; также у чешскихъ братьевъ XVI в.: *cerkiew Krystusowa, cerkiew która jest rozproszona w Czechach, Morawie i Wielkiej Polsce* (срв. разныя братскія записки 1555—1560 гг. у I. Лукашевича *Dzieje kościołów wyznania helweckiego w Małej Polsce*). Срв. географ. названія въ Польшѣ *Nowa Cerkiew, Cerkwica, Cerekwica*. См. выше, стр. 13. Слово *pop* (дрчеш. и друольск.)—*sacerdos* встрѣчается въ обѣихъ польскихъ псалтиряхъ XIV—XV вѣковъ. Галка въ своей похвальной пѣснѣ Виклефу (см. выше стр. 180) называетъ „попами“ именно римскаго папу и римско-католическихъ священниковъ вообще: *pop Lasota (папа Сильвестръ), siewarzycu porowie, prawdą pori taja, kapłani Krystowi; такъ и польскіе протестанты XVI в., на пр. Крышковскій и Будный: pori porieźnicy* (срв. „Славяне“ II. 154), Сеницкій (*Polak nie niewolnik porowski—сказалъ оупъ на сеймѣ 1565 г.*). Срв. географ. названія въ Польшѣ *Porowice*.—Слово *gospoda, gospodyn, gospodzin* = *господинъ, панъ* вообще (см. „Славяне“ II. 150, и срв. *Sprawozdania komisji językowej akademii* II. 7, 66—68, 122—124), женская форма *gospodza* (*госпожа*)=*pani* (*Marcholt 1521, Reja Zywoť Józefa 15*). Кромѣ *gospoda* (*sing.*=*gospodzin, pan*, какъ и дрчеш. *hospoda*) встрѣчается тоже *gospoda* (*collect.*)=*panowie* (*Archiv für slav. Philologie* III. 47).

и Kriwosud, Sando и Sudo, Swantos и Swatos. ¹⁾ Чешские священники—„нопы,“ „князья“ (kněz, поль. ksiądz) приносили въ Польшу не только книги латинскія, а позже, по мѣрѣ развитія чешской церковной литературы, тоже книги чешскія, молитвы, пѣсни, разныя библейскія книги и пр. ²⁾ Чешскій языкъ развился раньше, чѣмъ польскій; на чешскомъ языкѣ стали писать уже въ XIII в., а въ XIV в. существовала въ Чехіи, рядомъ съ латинскою, и литература на чешскомъ языкѣ, церковная и свѣтская, въ томъ числѣ разныя духовныя пѣсни, переводы псалтири, да полной библии. Съ начала XV в., со времени гуситскаго движенія, чешскій языкъ приобрѣлъ себѣ въ публичной жизни и въ литературѣ такую важность, какой польскій языкъ не имѣлъ. У Чеховъ является довольно богатая церковная литература на народномъ языкѣ, много рукописныхъ библий, а въ концѣ XV в. и въ самомъ началѣ XVI в. три печатныхъ изданія полной библии. Между тѣмъ въ Польшѣ продолжало держаться господство латинскаго языка въ жизни государственной и церковной, а на народномъ польскомъ языкѣ существовало

¹⁾ Грамота князя Болеслава (dux Cracoviae et Sudomiriæ) 1252 г. написана per manum fratris Bartholomei lectoris Brunensis; въ 1367 г. былъ Nicolans Bohemus, canonicus ecclesiae Vislicensis, notarius curiae regis Poloniae.

²⁾ Намъ извѣстны двѣ рукописныя чешскія библии, хранящіяся въ Польшѣ, одна (неполная), написанная орографіею Гуса, XV в., въ библиотекѣ гр. Замоискихъ въ Варшавѣ, другая, написанная старою орографіею въ Каменецѣ въ Чехіи въ 1476—1478 гг. Яномъ „Заблацкимъ“ (такъ читаетъ Польковский, Rozprawy wydziału filolog. akademii X. 94), но вѣроятно „Заблацкимъ“ (Záblatský), Чехомъ, а вовсе не „польскимъ шляхтичемъ“ (какъ думаетъ Nehring: Altpoln. Sprachdenkmäler 121); эта библия находилась въ Польшѣ уже въ XVI в. и читалась. Въ библиотекѣ короля Сигизмунда I (1510 г.) находилась чешская библия (Lelowel: Bibliograf. ksiąg dwoje II. 99). Чешская псалтирь XIV в. (витенбергская) читалась въ Польшѣ XV—XVII вв., и находилась потомъ на Руси (срв. изданіе Гебауэра). Рукопись чешскихъ проповѣдей XV в. хранится въ Дзиковѣ (Rozprawy akad. III). Рукописный чешскій молитвенникъ XV в. во Львовѣ, описанный Я. Головацкимъ, и др.

очень мало произведений, въ томъ числѣ нѣсколько псалтирей (сохранились двѣ, флоріанская и пулавская) и одна библия (шаришско-потоцкая, сохранилась только часть).¹⁾

Польскіе переводчики псалтири и цѣлой библии пользовались болѣе или менѣе чешскими переводами, извѣстными и въ Польшѣ. Переводчикъ псалтири XIV в. (флоріанской) зналъ чешскій переводъ, но переводилъ съ латинскаго самостоятельно, такъ что чешское вліяніе сказалось здѣсь не очень сильно: *milost, sprawedlnosti*, (но *zlostny, radostny* не непременно чешскія), *boh* (*deorum*), *massu* (*carni*); формы *od pokolenye, sercze* (*genit.*), *obliczage* (*genit.*), *w serczu, w slunezi* (срв. словѣн. срѣдци, слънѣци), *w widzeni* (рядомъ съ *w mozgu, w serczu, w pokolenyu, w zbawenu*); *w milosirdzy* а *w slutowanym* въ польской псалтири соотвѣтствуетъ словамъ чешской псалтири *w milosirdy* а *w slutowanym*; *czynie* (*faciens*, въ пулавской псалт. *czynuocz*), *gyey* (чеш. *jej*, рядомъ съ дрполь. *gy=ji*), *rozumne* (вм. *rozumney*) *molwy twogye* (и *twogey*), *swe* (вм. *swey*). Но формы *nebyesa, gezera, stworzena, wyetrow, syeno, swedeczstwo, kwyet, powyedaycze, skutkuow* (вмѣсто обыкновенныхъ *niebiosa, jeziora, stworzona, wiatrow, siano, swiadectwo, powiadajcie, skutkow*) тоже древнепольскія, и встрѣчаются до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ; формы *lizat, karat* (вмѣсто *lizaci, karaci*) вѣроятно описки, а не чехизмы;²⁾ польскими могутъ быть и формы *rosprostrzel gesm* (рядомъ съ: *rosprostrzely sę*) и *wstanę* (*exsurgens*, чеш. *vstana*). Слова *gospodzin, obliczaj, krzydło, prokny, skutek* (*opus*), *czysło, posełkini, pych, jeszutność, trestkać* и др. суть или могутъ быть польскія, а не исключительно чешскія.³⁾ Текстъ псалтири XV в. (пулавской)

¹⁾ Подробности о древнепольскихъ памятникахъ до начала XVI в. см. у Неринга *Altpolnische Sprachdenkmäler*. Недавно проф. А. Брюкнеръ нашелъ въ Императ. публ. библиотекѣ отрывки древнепольскихъ проповѣдей первой половины XIV в.; см. варшав. *Ateneum* 1890, II. 374, *Biblioteka Warszaw.* 1890, II. 325.

²⁾ Срв. выше стр. 207.

³⁾ О флоріанской псалтири (издалъ Нерингъ въ 1883 г.) см. статью Неринга въ *Archiv f. slav. Philologie* II. 409; онъ и Ма-

примыкаетъ, вообще говори, къ тексту псалтири XIV в., хотя опять во многомъ отличается, именно замѣною нѣкоторыхъ (по не всѣхъ) старыхъ словъ и формъ новыми; и въ псалтири XV в. осталось много выше упомянутыхъ словъ: *spowyedacz szye, obyeta, szwyedecstwo, powyeda, szyercze (genit.), twoye (вм. twoyeu)*; слово *uczedlnik* по всей вѣроятности чешское, хотя встрѣчается въ то время (въ юридическихъ памятникахъ) и польское слово *opiekadlnik* (позже: *opiekun*). ¹⁾

Большее вліяніе чешскаго языка на польскій замѣчается въ польской библіи половины XV в. (шарншеско-потоцкой). Польскій переводчикъ, Андрей изъ Яшовиць, капеланъ королевы Софіи, счелъ нужнымъ придерживаться чешскаго текста; онъ относился къ своему дѣлу довольно небрежно, употреблялъ совершенно лишніа чешскія слова, гдѣ онъ могъ употребить существовавшія тогда слова польскія, да онъ часто не умѣлъ прочитатъ хорошо чешскія слова и написалъ безсмыслицу, на пр. на *szwecze*—чеш. *passiesse, stworzenye*—чеш. *stwrzenye (firmamentum), szó plodzy*—чеш. *se plazie, ducha, dusza*—чеш. *duba* (радуга), *czysta*—чеш. *czyesta* т. е. *cesta* (дорога), *wyóczyeu*—чеш. *wyucze (vece, inquit)* и пр. Прямо изъ чешскаго языка взяты невозможныя въ польскомъ слова: *ugazedlnik* (чеш. *vražedlnik*; форма *wrozedlnik*—отъ *wrožda*—могла употребляться и въ польскомъ языкѣ, срв. *opiekadlnik*), *czast, pcestny (cesta, поль. ro-dróžny)*, названія мѣсяцевъ (*dóbná, brzeznya, prosynecz*), *kmieć*—въ чешскомъ значеніи старикъ (*kmet'*) и пр. Но съ другой стороны многія слова, считаемыя чешскими, существовали или могли существовать тоже въ древнемъ польскомъ языкѣ, на пр. *ać* (чеш. *at'*, дррусск. *ать*), *pachać, piszczec, paduch, prok*

кушевѣ (Чтенія о старопольской письменности), часто преувеличиваютъ чешское вліяніе на эту псалтирь. Срв. тоже замѣтку I. Иречка въ ж. *Časopis Česk. Musea* 1872, 298, и статьи Ледевскаго о языкѣ псалтири въ *Archiv f. slav. Philologie* VI, VIII, Гануша въ сб. *Sprawozdania komisji językowej* II.

¹⁾ О пулавской псалтири см. Неринга въ *Archiv f. slav. Philologie* IV, 216.

(чеш. прах, поль. обыкновенно проса), szur, czyść, przą, opieć, odzienie, kruty, wieczeradło, stan (шатеръ), żdać, lubić się, ko-byłka, bydlic, stryc, rataj, osoczca, biernia, wróg (врагъ и убійца), и пр. ¹⁾ Формы: jedla, ganięn, udziałał, obietował и др. такія же польскія (древніа и діалектическіа), какъ jodła, ganięn, udziałał, obiatował и пр. ²⁾

Сильное чешское вліяніе замѣтно еще въ языкѣ польскихъ библейскихъ разсказовъ, изданныхъ въ Краковѣ ок. 1520 г.;

¹⁾ Общеславянское *ратай* (вмѣсто *оратай*) = *arator*; въ этой библіи, равнымъ образомъ какъ и въ чешской (срв. *Časopis Česk. Musea* 1864, p. 158) въ значеніи *colonus*; но и въ Слезіи, въ княжествѣ легницкомъ, ратаи въ XIII—XIV вв. были особые поселяне, пользовавшіеся своимъ „ратайскимъ правомъ“ (*Codex diplomat. Silesiae* XIV. 115). *Osozczca* можетъ быть тоже слово польское, какъ есть и слово *osocznik*, отъ *oszczuć*, *osoczyc* (клеветать), что происходитъ отъ *sok*; срв. *Nehring: Altpoln. Sprachdenkmäler*, и словарь *Lindo. Biernia* (боръ, поборъ отъ *brать*, какъ дань, подать отъ *дать*) означало въ Чехіи (*berpa*, *berně*) государственную дань (такъ и въ Слезіи); слово было извѣстно въ Польшѣ еще въ XVII в.; а въ XIV в.: *omnes proventus in toto regno Poloniae, qui vulgariter nuncupantur berne* (*Helzel: Pomniki prawa pol. I. 226*). *Wróg* (врагъ, непріятель) означало въ древнепольскомъ языкѣ вѣроятно тоже убійцу (какъ и чеш. *vrah*); по крайней мѣрѣ дрполь. *wroźda*, *wroźba* означаютъ тоже вину (пеню) за убійство. Срв. „Славяне“ I. 107—108. *Stryc* (чеш. *strýc*) и *stryk* сокращено изъ *stryj-ec* (въ нын. польщизнѣ *stryj*, прилаг. *stryjeszny*, *stryczny*, срв. *wuj* вмѣсто *uj*, а прилаг. *wujeszny* отъ *wujec* вм. *ujec*, чеш. *ujec*); форма *stryc* встрѣчается въ юридическихъ памятникахъ XV в. (*stryc*, *brat stryczny* рядомъ съ *brat stryjeszny*), у М. Вѣльскаго (*Kronika świata 1550*, пишеть *stricz*).

²⁾ О шаринско-потоцкой библіи, хранящейся въ г. Шаринскомъ Потокѣ въ сѣверной Угріи и изданной А. Малецкимъ, см. статьи Неринга (*Archiv für slav. Philologie* VI. 159), Г. Иречка (*Časopis Českého Musea* 1872, 297), Огоновскаго (*Archiv f. slav. Philologie* IV. 243, 253), Семеновича (*Archiv f. slav. Phil.* IX. 113, 529). Огоновскій отыскалъ въ языкѣ библіи тоже вліяніе словѣнское и малорусское, что однако оказывается произвольнымъ толкованіемъ нѣкоторыхъ словъ древнепольскихъ и чешскихъ.

кромѣ формъ и словъ въ родѣ: buog, bratuow, wezennikuom, powieda, czwartego, ze wszem drzewym, iymieno, zakon (testament), czirnidlo, iytzi (т. е. jici, чеш. jiti), которыя суть или могутъ быть тоже польскія, чешское вліяніе замѣтно на пр. въ нѣкоторыхъ словахъ, въ которыхъ, вмѣсто правильныхъ и обыкновенныхъ въ этой книгѣ носовыхъ звуковъ (ą, ę) встрѣчаются такия формы: wszehmogaúcy (чеш. wssemohaucy), maúdroscy, saúsie-dzi, zdziwily sie sú, rzekúcz (рядомъ съ: rzekačz), vwierzú (но weziná), hnet, wladarz, wladarstwo, wladnácy (infinit. = władnáci), odtud, tehdy, muki (но: męczisz), rozmarhal, и пр. ¹⁾.

Любопытно сравнить текстъ польскихъ библейскихъ книгъ XIV—XVI вѣковъ, замѣну многихъ древнопольскихъ (вмѣстѣ съ тѣмъ и чешскихъ) словъ болѣе новыми. Приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ изъ:

псалтирей (załtarz, zółtarz) XIV и XV вв. (флоріанской и пулавской):	псалтирей (zółtarz) В. Врубля 1539, 1540, 1543, 1547 гг.: ²⁾	библия (psalterz) 1561 г.:
czysło	liczba	liczba
gąść i piac	chwalić i śpiewać	chwalić i śpiewać
gęśli i zółtarz (zółtarz)	lutnia i psalterz t. j. gęśli	harfa i zółtarz
lichota ³⁾ (zgłoba)	złość	złość
kaźń (dyscyplina)	nauka	kaźń

¹⁾ Эту книжку знаемъ только изъ статьи Калужникаго о польскомъ правописаніи въ Sitzungsberichte der k. Akademie der Wissenschaften, Bd. 99, p. 967.

²⁾ Въ псалтири Врубля 1535 г. сохранилось еще нѣсколько архаизмовъ: (drog) gospodinowych, sąd zdunowy, pamiętnik, osierdzie, jenzę, которыя уже въ изданіи 1539 г. замѣнены словами: bołuch, zarniec gliniany, kto na cię będzie pamiętał, srogosć, który.

³⁾ Такъ переводится латин. слово nequitiae. Въ чешской псалтири XIV в. (витенбергской) переводится это стариннымъ словомъ sabirstwo, о которомъ см. въ нашей статьѣ въ Archiv f. slav. Philologie VIII. 20.

kobyłka	kobyłka (тоже locu- sta)	sarańca
krasa	cudność	krasa
nalaz	wymysł	wynalazek
obiet	ofiara	ofiara
ostrow	wyspa	wyspa
pirzwieniec	pirworodny	pierworodny syn
pop	kapłan	kapłan
posełkini	służebnica	służebnica
potępa	pośmiech	pośmiewisko
prokny	wsztyki	wszystki
pych	pyszne słowa	pyszne rzeczy
ssąd zdunowy	garniec gliniany	garnczarskie naczynie
zdać	oczekawać	oczekawać
zyżność	obfitość	obfitość. ¹⁾

Для сравненія текстовъ приводимъ здѣсь начало второго псалма изъ польской псалтири XIV в. изъ польской псалтири Брю-
(въ скобкахъ изъ псалтири бля 1540 г.):
XV в.):

<p>1. Przech scrszitalo pogan-
stwo, a ludzemislili sō prosz-
noscz.</p> <p>2. Przistaiali sō (pomagaly)
crolowe zemszczy, a ksōszō-
ta seszli sō se na gromadō
(w yedno) przeciw gospo-
dnu (bogu), y przeciw iego
pomazanczu.</p> <p>3. Rostarguymy gich prze-
cowi, i srzuczimy s nas garz-
mo gich.</p> | <p>1. Y czemu się tāk przykro
rozgniewali pogani, a lud
zydowski prozne rzeczy po-
czynal.</p> <p>2. Powstali krolowie ziem-
scy, a kxiązētá zesšli się spo-
łem w iedność náprzeciwo
pánu y przeciwo Krystuso-
wi iego.</p> <p>3. Rozerwimy to ich wię-
zienye, a zrzućmy z siebie
ich iárzmo.</p> |
|---|---|

¹⁾ Въ обоихъ псалтиряхъ, флор. и пулав., встрѣчаются тоже слова: brzemię (премя, обыкновенно czas), trzecz (теремъ).

4. Ien (ten) przebiwa na nebesech, pozmeie se gim, y gospodzin zwała smech w nich.

5. Tegdi (tedy) molwicz bōdze k nym w gnewe swoim y w roserdzu swoim zamōcy ie.

6. Ale ia postawon iesm crol od nego na Syon gorze, przepowadaiō (przepowya-dayōcz) kazn (przykazane) iego.

4. Ale ktory mieszka w niebie, nasmieye się z nich, á pan bog sam ie będzie ná-igrawał.

5. Potym więc k nim będzie mowił w gniewie swoim, á srogością swoją zasmući ie.

6. Wszakōz ia vstáwionem od niego ná Syon gorze świętey iego, przepowiadá-iać przykazanie iego.

изъ польской библии 1561 г.:

1. Przecz się zburzyli pogáni, á ludzie myslili prozności.
2. Stánęli krolowie ziemscy, y książęta zesli (!) się pospołu przeciwko Pánu, y przeciwko pomázáncu iego.
3. Rostárgniemy zwiąski ich, á zrzucmy z siebie iárzmo ich.
4. Który przebywa w niebiossách, násmiecie się s nich, á Pan vtrágác im będzie.
5. A thedy w gniewie swoim do nich mowić będzie, y w zá-pálczywości swey zámáci ie.
6. A ia lepak postanowionym iest krolem od niego nád iego swiętą gorą Syon, oppowiedáiać roskazanie iego. ¹⁾

изъ чешской псалтири XIV в.

(витенбергской):

1. Procz su sie wzridaly wlasty, a lude myslyly su prazdnye.
2. Przystupily su kraly zem-sci, a knyeczata sie sessly

изъ чешской библии 1506 г.:

1. Pročž gsú prohali pohanee, a lidee rozgijmali gsú daremné wiecey.
2. Zastawili se králowe zemstij, a kniježata sessla se

¹⁾ Срв. тоже текстъ 136-аго псалма изъ разныхъ рукописныхъ печатныхъ книгъ въ Zabytek dawnéj mowy polskiéj (Poznań 1867, s. 67).

w gedno proty hospodynu a proty bohu geho. 3. Zlamaymy okowy gich, a otwirmy ot nas yhoj gich. 4. Genz bidli na nebesiech, posmyege sie gim, a hospodyn wzruha sie gim. 5. Tehdy wzmluwy k nym w hniewie swem, a w ridany swem smuti gie. 6. Ale yaz vstawen sem kral ot neho nad Syon horu swatu gehu, kazye kazanye gehu.	w gedno proti panu a proti Kristu gehu. 3. Roztrhnieme swazky gich, a odwrmzme od sebe gho gich. 4. Kteriž obyvá w nebesiech, posmiewati se bude gim a hospodin poruhati se bude gim. 5. Tehda mluwiti bude k nim w hniewu swem a w prohlivosti swé zarmúlit' ge. 6. Ya pak vstawen gsem kralom od něho nad Syonem horú swatú gehu, ohlassuge przykázanije gehu.

Чешскими библиями пользовались польские переводчики до второй половины XVI в., но уже только какъ пособіемъ, которое облегчало переводъ, которое однако не повліяло на его языкъ. Чешская библия и вѣроятно тоже польская библия Андреа изъ Яшовиць находились въ рукахъ переводчика католической польской библии, исправленной священникомъ Іоанномъ изъ Львова (Leopolita) и изданной Шарфенбергеромъ въ Краковѣ 1561 (потомъ 1574, 1577). Чешскою библиею пользовался тоже другой польскій переводчикъ іезуитъ Вуекъ (1599), но въ его текстѣ чешское вліяніе не замѣтно. Возможно, что чешскою библиею пользовались тоже протестантскіе переводчики библии берестской (Радзивилла, 1563), и переводчикъ несвижской библии (1572) Будный, хорошій знатокъ славянскихъ языковъ. ¹⁾

¹⁾ Переводчикъ библии 1561 г. неизвѣстенъ; вѣкоторые полагаютъ, что это былъ доминиканецъ Леонардъ; срв. Muczkowski: O Janach Leopolitach i bibliach Szarfenbergerowskich; Wiszniewski: Historia liter. polskiéj VI. 549; Jocher: *Obraz bibliograf.-histor.* II. 78. Если въ одной запискѣ начала XVII в. говорится, что „Leonardus dicitur biblia sacra ex bohemico idiomate in linguam polonicam transtulisse,“ то это невѣрно; текстъ переведенъ изъ латинской

Чешскія церковныя пѣсни переходили и въ Польшу, списывались и пѣлись здѣсь болѣе или менѣе полонизированныя, но рядомъ съ чисто польскими пѣснями. Такъ еще въ XV в. пѣлись церковныя пѣсни на польскомъ языкѣ, въ которыхъ однако остались нѣкоторые чисто чешскія слова и формы вопреки духу польскаго языка; на пр. *wstampil — otkupil* (приема), *zdrawa*, *nadyegie*, *wzdychame*, *lkagicze*, *placizce*, *Gezisye pozehnanego* и др., что позже исправлено въ *wzdychamy*, *lkajac*, *placzac*, *blo-goslawionu* и пр. ¹⁾ Чехизмы попадаютъ тоже въ молитвенникахъ, какъ на пр. въ молитвенникѣ сестры Констанція (1527) и въ такъ наз. молитвенникѣ короля Сигизмунда I: *nadieja* (вм. *nadzieja*), *nierozdilne* (вм. *nierozdzielne*), *diwny* (вм. *dziwny*), *matica* (вм. *macica*), *cichost* (вм. *cichość*), *bohu* (вм. *bogu*), *dusze* (вм. *dusza*), *prześladowanie grzesznego*, *muczenica* (рядомъ съ *męczenica*), *sud*, *łasku*, *matku* и пр. ²⁾ Такія неорганическія явле-

вульгаты на хорошій польскій языкъ, а вовсе не „*obfituje w wyrażeniach i zwroty czeskie*,” какъ это голословно утверждаютъ нѣкоторые до сихъ поръ (срв. Вуковскі: *Dzieje reformacyi w Polsce* I. 144). Все это надо понимать такъ, что переводчикъ заглядывалъ въ чешскую біблію, какъ это дѣлали хорватскіе протестанты, русскіе переводчики острожской бібліи и др. О Будномъ см. „Славяне“ т. II, стр. 152—154.

¹⁾ Обширно у Неринга *Altpoln. Sprachdenkmäler* 108 — 193. Въ пѣснѣ *Bogarodzica* не видимъ чехизмовъ; формы *slawienca*, *zwolena*, вовсе не чешскія, какъ кажется Нерингу (*Archiv f. slav. Philologie* I. 79), а польскія. О нѣкоторыхъ чешскихъ пѣсняхъ и молитвахъ въ двухъ краковскихъ рукописяхъ XIV — XV вв. см. нашъ Отчетъ 1882 г., стр. 2 — 3. Въ одномъ польскомъ декалогѣ шестая заповѣдь гласитъ: *nie zesmilniesz* (чеш. *nesesmilnia*), грѣхъ — *smilatwie* (*Archiv f. slav. Philologie* XII. 140), въ другихъ: *nie czyj grzechu nieczystego, nieczystości nie plodzi* (*Nehring Altpoln. Sprachdenkmäler* 200 sqq); слово *smilstwo* (z *bałwany swemi smilstwo stroili*) встрѣчается еще въ польской бібліи 1561 г. (*Ezdr.* 23, 37). Срв. польское и чешское имя *Smil*.

²⁾ *Wislocki* въ сб. *Sprawozdania komisji językowej* III. 73, *Hanusz* въ сб. *Rozprawy akademii, wydz. filolog.* XI. 44.

нія польской фонетики (на пр. замѣна носовыхъ гласныхъ чистыми) замѣтны особенно въ нѣкоторыхъ польскихъ памятникахъ слезскаго происхожденія. Въ Слезіи чешскій языкъ сталъ рано, съ половины XV в., общеизвѣстнымъ и официальнымъ, вліялъ на мѣстное польское нарѣчіе, которое и такъ во многомъ было сходно съ сосѣдними нарѣчіями чешско-моравскими. Такъ въ одной рукописи XV в. и въ печатной книгѣ *Statuta synodalia episcopi (wratislawiensis) Conradi (Wratislaviae 1475)* помѣщены молитвы на польскомъ языкѣ для Слезавовъ; въ польскихъ молитвахъ встрѣчается однако нѣсколько чешскихъ словъ, которыя легко можно было замѣнить польскими: *gsi, budz, nebi, odpusstiamе, od zleho, newodiz, zdrawa, s labu, myezi, wssechmogucziego tworzitала nyebe, trzeti, z mrtwich* (рядомъ съ: *martwe*), *wstupil, suientu czierkau obiecnu, odpusstianye, otcze* (рядомъ съ *otcza*); эти слова въ другихъ рукописяхъ молитвъ XIV—XV вв., писанныхъ въ собственной Польшѣ для тамошнихъ Поляковъ, пишутся правильно по-польски: *yesz (jeś), bōcz—bandz—bącz, nebe—nyebye, otpuszczami (od-my), ote (ode) zlego, zdroua (szdrowa), s toba (tobą), medzi (myędzy), wsemogōczego (s)tworziczela neba (nyeba), trzeciyeго, wstąpil, z martwych, swatō (szwyąthą) czirkyew (czyerkyew (czyerkiew) krzescyanszką, odpuszczenye, otczca (oczczca)*. ¹⁾ Къ числу польско-слезскихъ памятниковъ надо отнести и другія, на пр. польскія глосы въ одной латинской рукописи изъ половины XV в. (теолог. содержанія), гдѣ — рядомъ съ правильными польскими формами — встрѣчаются тоже формы: *bezdeczność, odsudzili, potupili* (а: *sąd, potępa*), *sem, su, suce* (а: *są*) и др.; пѣснь Давида (первой половины XVI в.), написанная на удивительномъ языкѣ, смѣси языковъ польскаго и чешскаго; въ ней встрѣчаются формы: *hrzechy, bohu, jeho, libość, słuźiti, miłowati, wątpiti, zabit, opustil, miłostiwy, ho-*

¹⁾ Подробно Быстронъ въ сб. *Prace filologiczne I*, 345 — 3; срв. 61. Быстронъ вопреки Нерингу (*Archiv für slav. Philologie* 72) слова *gmys, wuola*, справедливо считаетъ польскими а не чешскими; но формы *wstupil, budz, suientu* (т. е.—*ти*) не польскія, а чешскія.

dzine, рядомъ съ: *wszecmogący* (единственное слово съ *g*), *śmierci*, *miłość*, *dopuszcz*, *dać*, *kajać*, *ji* (*eum*), и др. ¹⁾.

Значение и важность чешскаго языка, особенно въ богословской литературѣ, признаеть еще во второй половинѣ XVI в. польскій переводчикъ одной книги Лютера (*Postilla domowa M. Lutera*, Krolewiec 1574), Иеронимъ Малецкій, Мазуръ изъ Лыба: „Хорошій переводчикъ, который хочетъ переводить съ нѣмецкаго языка, долженъ хорошо понимать по-нѣмецки, и не только быть хорошимъ Полякомъ и правильно и исправно употреблять обороты рѣчи, но онъ долженъ знать тоже чешскій языкъ, потому что польскій и чешскій языки — одна рѣчь, не смотря на то, что каждый изъ этихъ языковъ имѣеть свои собственные выраженія или особенности. И такъ какъ Чехи раньше Поляковъ перевели библию и другія книги Лютера на свой чешскій языкъ, то мы Поляки должны были и въ нынѣшнее время брать много словъ отъ Чеховъ, и употреблять ихъ, преимущественно въ богословія“.

Вліяніе чешскаго языка замѣтно тоже въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ свѣтской литературы польской, особенно въ переводахъ. Такъ на пр. въ романѣ *Fortuny i spoty różność w historii o niektórym młodzieńcu ukazana* (1524), переведенномъ съ чешскаго ²⁾, польскій переводчикъ находился подъ вліяніемъ чешскаго подлинника, если онъ изрѣдка написалъ *žadne*, *ktore* (*genit. в. обыкновенныхъ żadnej, ktorej*), *hnet*, *lehki*, *pry*, *czego* (чеш. *č* в. обыкновеннаго *cz*), слова *dzielnicy* (*dělníci*, поль. *robotnicy*), *odrany* (поль. *obdarty*), *potka* (*pátka*, поль. *kłótnia*), *boleglów* (растеніе, чеш. *bolehlav*) и др. Подобно тому средневѣковій романъ объ Аполонѣ тирскомъ переведенъ на языкъ польскій — неизвѣстно когда — съ чешскаго; польскій текстъ со-

¹⁾ Глосы издалъ Л. Малиповскій (*Sprawozdania komisji językowej akademii I*, 295); пѣснь Давида, изъ рукописи краковскаго университета Nro 3301, стр. 232, въ нашемъ Отчетѣ за 1882 г., стр. 4. Въ немъ приведенныя слова пишемъ нынѣшнимъ правописаніемъ.

²⁾ О чешскои подлинникѣ см. *Časopis Česk. Mus.* 1848, 113. Польскій романъ вновь изданъ въ Краковѣ 1889.

хранилъ и въ позднѣйшихъ изданіяхъ слѣды чешскаго подлинника, который переводчикъ не всегда понималъ, передавши на пр. чеш. *nesličný* словомъ *niezliczony* ¹⁾).

Чехи и Поляки, начиная писать на своихъ языкахъ не письмомъ славянскимъ, а латинскимъ, натенулись на непреодолимые препятствія, чтобъ передать славянскіе звуки, *ч, ш, ж*, и пр.; они должны были тутъ прибѣгнуть къ разнообразнымъ, болѣе или менѣе удачнымъ, подчасъ безобразнымъ комбинаціямъ изъ латинскихъ буквъ ²⁾. Чешскіе и польскіе писцы не всегда писали одинаковымъ способомъ, и чешское правописаніе повліяло на польское только отъ части ³⁾. Такъ на пр. въ XIV в. писавшій польскую псалтирь пишетъ: *duſza, szemye, szōda, zhōdost, mo-rze, yego*, и пр., а чешскій писецъ: *dussye, ziemie, zada, zadost, morse, geho*, и пр.; по оба одинаково: *vczynyl, czakał, gemu, yaz, rzekl, studniczy (studniczi)*, и пр.; въ польской и чешской библіяхъ пишется: *pocſōtce — poczatcie, szemya — zemie, uszyteczna — uzyteczna*, и пр. Чешское вліяніе на польское правописаніе особенно замѣтно въ означеніи звука *j* (*й*) посредствомъ буквы *g*, которая однако означала тоже свойственный польскому языку звукъ *g* (чешское *h*); такъ на пр. Поляки писали: *gego* (т. е. *jego*), *gy, gi* (т. е. *ji, eum*), *gygra* (т. е. *jigra*), *gōzik (język)*, *gyedyne-go (jedynego)*, Чехи: *geho (jeho)*, *gey, gazik, gedineho*. Въмѣсто этого *g* Поляки писали иногда также *y, i* (*yaz, yego, ielen, moie*),

¹⁾ Объ этомъ романѣ см. статью Л. Поливки въ ж. *Listy filologicke* 1889. Вопросъ о средневѣковыхъ романахъ, которые перешли къ Полякамъ уже при посредствѣ чешскихъ переводовъ, слѣдуетъ тщательно разработать; такъ романъ объ Ацоловѣ перешелъ въ польскую литературу изъ чешскаго перевода, между тѣмъ какъ романъ объ Александрѣ Великомъ (изд. 1550 г.) переведенъ прямо изъ латинскаго. Нѣкоторые западно европейскіе романы переходили — при посредствѣ польскихъ переводовъ — и въ русскую литературу.

²⁾ См. „Славяне“ I. 204.

³⁾ О польскомъ правописаніи см. выше упомянутую статью Перинга въ *Archiv f. slav. Philologie* I, и статью Калужняцкаго *Sitzungsberichte der k. Akademie der Wissenschaften* (1882), Bd. p. 947.

которое съ половины XV в. вытѣсняло *g*; одно только слово *ji* (епп) пишется до начала XVII в. *gi, gy*; также удѣляло *v* (=u) въ началѣ словъ: *uczynić, usta* (т. е. *uczynić, usta*).

Чешское правописание поправилъ и упростилъ I. Гусъ, введеніемъ діакритическихъ значковъ (*č, ř, ž, ě, ě, ě, ě, ě, ě*), хотя эта орфографія не сейчасъ вытѣснила прежнюю. Правописание Гуса не привилось въ Польшѣ, вѣроятно какъ „еретическое“. Въ 1440 г. Яковъ Паркошъ, ректоръ краковскаго университета, придумалъ для польскаго языка довольно безобразную орфографію по давнишнему способу. Хотя онъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что „нашъ славянскій языкъ, преимущественно польскій, нуждается въ многихъ букввахъ“, то онъ все-таки пишетъ: *pi-szesch, ssvee, patrzij, gŏzik*, и пр., какъ будто орфографія Гуса не существовала. Послѣ Паркоша неизвѣстный дальъ буквамъ особья названія (какъ это сдѣлалъ и Гусъ): *Adaam bil bijl sał kaal czas etc.*, и другой, въ предисловіи къ статьѣ Паркоша (1486 г.), замѣчаетъ, что и Греки и Русскіе придають буквамъ особья названія: *as, buku, vede, lahol* ¹⁾.

Но простое правописание Гуса все-таки сдѣлалось извѣстнымъ и въ Польшѣ. Такъ на пр. въ одной старопечатной латинской книгѣ начала XVI в. находится начало польскаго евангелія св. Іоанна, и здѣсь пишутся польскія слова: *rosątku* (но также *roszątku*), *ślowiek* (но также *szłowiek*), *przesen*; но *bucz, bozzéi, przijeli*; вмѣсто польскаго *dz* пишется на чешскій ладъ *dě*: *przikhodącego, vidielismy, narodeni*, и пр. ²⁾. Въ началѣ XVI в. Станиславъ Заборовскій, въ книжкѣ *Orthographia seu modus recte scribendi et legendi polonicum idioma* (1518), старался установить колеблющееся польское правописание, по примѣру чешскаго, введеніемъ діакритическихъ значковъ (*signare litteras quibusdam punctis, sicut Bohemi et Sclavi*). Звуки *ч, ш, ж*, и собственное чешскому и польскому языкамъ *ř* (*rz*), Заборовскій означаетъ, по примѣру Гуса, точками: *č, ř, ž, ě*; звуки *ć, ś, ń, p'* и пр.— двумя точками: *ć, ř, ž, ě*, и пр. (о *ż* забылъ); польскій звукъ

¹⁾ Паркоша: *De orthographia polonica libellus*, ed. Bandtkie (1830); Maciejowski: *Piśmiennictwo polskie*, Dodatki, p. 95.

²⁾ Снимокъ въ ж. *Czasopismo Ossolińskich* 1834, p. 82.

dz означаетъ—какъ это встрѣчается уже въ только что упомянутомъ отрывкѣ евангелія — по-чешски *ď*, а *dž* — двумя точками *ď*, *ž* по-чешски *ř*. Заборовскій вообще знаетъ хорошо чешскій языкъ; онъ на пр. знаетъ, что вмѣсто польскихъ носовыхъ звуковъ Чехи произносятъ и (*buđu, guku*), иногда а (*svatý, proklátý*) ¹⁾. Предлагаемое Заборовскимъ правописание однако не привилось. Въ латинской книгѣ Матвѣя Мѣховскаго *Tractatus de duabus Sarmatiis* (Cracoviae 1517) польскія слова и имена пишутся, по примѣру Заборовскаго, *gore, more, krzecot, Turagoga Ćircaci, Drohicin, Zidacow, Dreuyanye, Trauyane* и пр.; но уже во второмъ изданіи этой книги (1521) эти слова пишутся: *gorzeu, morze, krzeczot, Turzagoga, Czyrkaczy, Drohyczyn, Zydaczuow, Drzewianie, Trawianie*, и пр.; такъ и въ польскомъ переводѣ этой книги Мѣховскаго ²⁾.

Чешское вліяніе въ польской орфографіи явилось хоть отчасти еще у Іоанна Секлюціана (въ статьѣ о польскомъ правописаніи при его польскомъ переводѣ евангелія, въ Королевцѣ 1551), который звуки *ć, ś*, означаетъ двумя или одною точкою, *ź*, а въ остальномъ пишетъ *cz, sz, gz* (для *ż* особую форму буквы *z*); потомъ у Валентина Брѣзовскаго въ его протестантскомъ канціоналѣ, переведенномъ съ чешскаго: *Cantional albo księgy chwał boskich etc.* (Krolewiec 1554); Брѣзовскій пишетъ тоже вмѣсто *cz, sz, ź*—*ć, ś, ź*, вмѣсто *ć, ś, ź*—*č, š, ž*; только *gz* оставлено (*będziesz, opruscon, zuwot, przesytać*). Но и эта попытка осталась попыткою, равнымъ образомъ какъ и нѣкоторые другіе проекты исправить польское правописание, на пр. І. Кохановскаго и Луки Горницкаго ³⁾. Въ польскомъ языкѣ установилось съ

¹⁾ Сочиненіе Заборовскаго издано съ 1518 — 1560 г. восемь разъ; по-польски въ 1825 г. Кухарскимъ; литограф. снимокъ перваго изданія (1518) въ Краковѣ въ 1882 г. Въ правописаніи Заборовскаго встрѣчаются впрочемъ тоже непоследовательности, на пр. отнюдь не *dz* и *dž*, іотація (*ńebuova, umuenua*).

²⁾ Срв. въ статьѣ Калужняцкаго, стр. 966.

³⁾ См. въ статьѣ Калужняцкаго, и срв. выше, стр. 200, и „Свяне“ II. 149.

XVI в. правописание до нынѣ употребляемое, т. е. передавать свойственные польщизнѣ звуки по меньшей части при помощи комбинаціи латинскихъ буквъ (cz, sz, gz), а по большей части при помощи діакритическихъ значковъ (á, é, ó, ą, ę, ć, ś, ź, ż, ń, ł).

Давнишнія были сношенія Поляковъ и Словаковъ, какъ ближайшихъ соплеменниковъ и сосѣдей. Словаки входили въ составъ польскаго государства Болеслава Храбраго, но по смерти этого короля присоединены къ Угріи (а Спизъ только въ началѣ XII вѣка). Польское населеніе уже рано переселялось и на южную сторону карпатскихъ горъ, смѣшиваясь здѣсь съ словенскимъ населеніемъ. Одна часть угорско-словенской земли спизской въ началѣ XV в. перешла подъ прямое владычество польское, составляя староство краковскаго воеводства, и такимъ образомъ спизскіе Словаки и Поляки находились подъ управленіемъ польскихъ чиновниковъ ¹⁾. Около половины XV вѣка, когда верхняя, словенская Угрія находилась подъ фактическимъ управленіемъ чешскаго гейтмана Искры изъ Брандыса, намѣстника королевы Елисаветы и ея малолѣтняго сына Ладислава, и потомъ и другихъ чешскихъ авантюристовъ Авсамита, Талафуса, Швеглы и др., въ ихъ войска поступало много Словаковъ и Поляковъ, въ числѣ послѣднихъ братья Коморовскіе. При такихъ близкихъ сношеніяхъ обоихъ славянскихъ народовъ дѣлались и ихъ нарѣчія извѣстными, польское у Словаковъ—которые именно тогда въ XV в. стали писать по-чешски—и чешско-словенское у Поляковъ карпатскихъ; такимъ образомъ могло случиться, что въ одну польскую грамоту половины XV в., вѣроятно ново-сандецкую, попали чешско-словенскія слова *hrad*, *bu-*
deš ²⁾.

¹⁾ Срв. Janota: *Zapiski o zaludnieniu dolin Dunajca i Popradu na Spizu* (Roczniki towarzystwa naukowego, Kraków, t. 32, 1864), Sz. Morawski: *Sądeczyzna* (Kraków 1863—1865, 2 t.); срв. тоже Wagner: *Analecta Scerpsii* (Viennae 1774 — 1778). Акты спизскаго староства велись по всей вѣроятности на латинскомъ языкѣ. Чехи и Словаки говорятъ Спизъ, Поляки Спизъ, въ галичско-волинской лѣтописи XIII в. Зъпизъ; отсюда латин. Scerpsium, нѣм. Zips, угор. Сепешъ.

²⁾ Nohring: *Altpolnische Sprachdenkmäler*, 261.

Важнымъ звеномъ между народами чешско - моравскими и польскими была порубежная Слезія, находившаяся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ сосѣдними чешско-моравскими странами. Не говоря о томъ, что Слезія или значительная ея часть входила уже въ составъ государствъ моравскаго Святополка и чешскихъ Болеславовъ, туда переходили и позже, во время польскаго владычества, многіе Чехи, въ ряды духовенства, въ монастыри, и какъ колонисты ¹⁾. Слезскіе князья Пястовичи уже рано сносились и роднились съ чешскими Премысловичами и Люксембургими, при которыхъ Слезія соединена съ чешскимъ государствомъ, тогда уже по большей части отнѣмеченная ²⁾. Въ одной только верхней Слезіи, въ княжествахъ ратиборскомъ, опольскомъ, бытомскомъ, тѣшинскомъ, освѣтимскомъ, заторскомъ, сѣверскомъ,

¹⁾ Въ древнѣйшемъ слезскомъ (вратиславскомъ) некрологѣ XII—XIII в. (*Zeitschrift des Vereins für Geschichte u. Alterthum Schlesiens*, X. 410, срв. *Archiv für slav. Philologie* X. 372) многія изъ записанныхъ именъ имѣютъ характеръ не польскій, а чешскій: Dubech, Wasech, Wratislawa, Bochdanus, Rospuch, Branisius, Swetos, Chradizlaus и др.; ср. польскія имена: Prundota, Wencech, Wlost, (но тоже Wlazt), Wlodimirus, Wlostibor, Sansiwojus, Sandis, Drosoc, Swentca, Swentech, Zwentana, Droguslaus, Drogos, Woyscech, Wlosizlawa, Wlosceg. Такъ какъ большинство именъ (Ярославъ, Мирославъ, Борешъ, Добеславъ, Сулиславъ, Моймиръ, Людмила, Богуслава, Здислава) общи Чехамъ и Полякамъ, то нельзя опредѣлить, кто эти люди были; имена въ родѣ Bartholomeus Moravus очень рѣдки. — Въ *Liber fundationis claustris S. Mariae in Heinrichow* XIII в. (ed. Stenzel) въ числѣ колонистовъ въ имѣніяхъ этого слезскаго монастыря часто приводятся и Чехи: Bogwalus (Богухваль) Воemus, Myrzlaus (Мирославъ) Восmus, Dirizlaus (Держиславъ, Дерславъ) de Bohemia.

²⁾ Тѣмъ не менѣ слезскіе Пястовичи всегда сознавали свое польское происхожденіе. Такъ на пр. когда легницкій князь Христіанъ поздравилъ новаго польскаго короля Михаила Вишневецкаго, то этотъ благодарилъ князя (1669), замѣчая, что *emicaus eminentissimus in epistola ejus non degeneris a Piasto illo primaevo regum et patris patris spiritus et calentis adhuc in suis posteris erga gentis originis suae gloriam et fortunam amoris scintillae etc.* (Mosbach: *Widomostwo do dziejów polskich z archiwum prowincyi szląskiej*, 352).

и др., народъ остался польскимъ, хотя князья Пястовичи, высшее духовенство, часть шляхты, тоже пошли по слѣдамъ своихъ ниже-слезскихъ товарищей и онемечились, а мѣщане уже своимъ происхожденіемъ были Нѣмцы (какъ и въ Чехи, Морави и Польшѣ). Языки латинскій и нѣмецкій господствовали повсюду въ Слезіи, а о польскомъ не было и помину. Гуситское движеніе отразилось и на верхней Слезіи, и распространило туда чешскій языкъ, тѣмъ болѣе, что тогда княжества опавское и верновское (съ чешско-моравскимъ населеніемъ) и ратиборское (слезское, съ польскимъ населеніемъ) были соединены подъ родомъ, происшедшимъ отъ чешскихъ Премьсловичей, и въ княжествахъ верновскомъ и опавскомъ чешскій языкъ сталъ официальнымъ еще во время гуситскихъ войнъ (1426, 1431 гг.). Оттуда чешскій языкъ распространился въ верхнюю Слезію, не только въ княжество ратиборское, а тоже въ княжества опольское, гѣшинское, освѣтимское, заторское, сѣверское, потомъ и въ глоговское, оленницкое, козельское, зембицкое (минстербергское, гдѣ княжили со второй половины XV в. потомки Юрія Подѣбрадскаго). Чешскій языкъ употребляется, рядомъ съ нѣмецкимъ, въ грамотахъ чешскихъ королей и ихъ намѣстниковъ въ Слезіи ¹⁾, слезскихъ князей, шляхты, духовенства (на пр. монастырей рудсаго, ратиборскаго), даже и нѣкоторыхъ городовъ (на пр. Ополя, Крапковиць, Гливиць). Чешскій языкъ сдѣлался съ теченіемъ времени официальнымъ, языкомъ судовъ, именно въ княжествахъ ратиборскомъ и опольскомъ, гѣшинскомъ и въ трехъ мелкихъ княжествахъ на польской границѣ, освѣтимскомъ, заторскомъ и сѣверскомъ. Въ концѣ XV в. одинъ опольскій князь не понималъ по-нѣмецки, и на сѣздѣ слезскихъ князей въ Нисѣ (1497) нѣкоторые изъ нихъ разговаривали другъ съ другомъ по-чешски ²⁾.

¹⁾ Король Владиславъ постановилъ (1510), что верхній намѣстникъ (гейтманъ) слезскій, и намѣстники свидницкій, яворскій, глоговскій и опавскій (Опава считалась тогда уже частью Слезіи), намѣстникъ лужицкій — должны быть назначаемы только изъ Чеховъ, а не изъ другихъ народовъ и языковъ. (Palascký Dějiny n. č. V. 2, p. 172).

²⁾ Множество чешско-слезскихъ грамотъ XV и XVI вв. напечатано въ Codex diplomaticus Silesiae, tt. II et VI. Чешскія грамоты

На чешскомъ языкѣ написаны и статуты верхней Слезіи, именно Zřízení zemské knížetství opolského a ratiborského i jiných krajuov k nim příslušejících (одобренное на сеймѣ въ Ополѣ 1561 г. и напечатанное въ Оломуцѣ 1563, новое издание въ Нисѣ 1671), и Zřízení zemské knížetství těšínského (издано въ 1572 г., и напечатано въ Оломуцѣ 1592). Оба эти статуты составлены по статуту моравскому и сходны между собою. Господство чешскаго языка или другого родственнаго (т. е. польскаго) въ судахъ постановлено въ этихъ статутахъ особыми статьями: A před soudem česky aneb tomu jazyku rozumitedlnú řečí, a ne jinač ode všech cizích i domácích mluveno, a pře vedeny býti mají. I nálezové českým jazykem činění, vyprávání a psaní pod pečeti zemskú vycházeti, stranám vydávani a do knih zapisovani býti mají. Ра-

князей опавско-ратиборскихъ начинаются здѣсь съ 1433 г., опольскихъ (и глоговскихъ) съ 1440 г., тѣшинскихъ съ 1441 г., освѣтимскихъ съ 1457 г., олешицко-козельскихъ съ 1466 г., министербергскихъ съ 1475 г. (срв. тоже *Časopis, Česk. Mus.* 1882, 527); слезской шляхты съ 1430 г.; слезскихъ монастырей рудскаго съ 1421 г., ратиборскаго съ 1450 г.; декана брежекаго 1476 г.; городовъ Гливицъ 1483 г. (но тоже по-нѣмецки), Ополя 1488, 1498 гг. (но обыкновенно грам. нѣмецки), Краковецъ 1507 г., и пр. Нѣкоторыя чешскія грамоты и письма слезскія XV—XVI см. въ сб. *Archiv český* (II. 393, и въ другихъ томахъ), въ *Lehns u. Besitzurkunden Schlesiens u. seiner einzelnen Fürstenthümer im Mittelalter*, ed. Grünhagen u. Markgraf (Leipzig 1883, II); нѣкоторыя слезскія грамоты на чешскомъ языкѣ см. въ нашемъ Отчетѣ 1882 г. и въ ж. *Časopis Česk. Musea* 1880, p. 403—409; въ дипломатаріѣ Бонедкаго (*Codex diplomat. Poloniae Silesiae, Varsoviae* 1887); другія хранятся въ архивѣ чешскаго музея въ Прагѣ, на пр. грамота глоговскаго князя Генриха 1422 г., грамоты князей министербергскихъ, гр. тѣшинскаго князя Адама Вячеслава 1615 г., городовъ Легницы 1452 г., Тѣшина 1542 г., Олешна 1646 г., Фридка 1654 г. и пр. Срв. Grünhagen: *Geschichte Schlesiens* I. 389; Einige Quellen zur Geschichte Schlesiens überhaupt u. des H. Teschen insbesondere, Elvert: *Verfassung von Schsien* (объ статьи въ *Schriften der hist.-statist. Sektion der k. k. mährisch-schlesischen Gesellschaft*, Bd. V, VII), Biermann: *Geschichte d. H. Teschen* (1863), Sláma: *Dějiny Těšínska* (1889), ero-же *Vlastencec putování po Slezsku*, и др.

kliby kdo jaké spravedlivosti, listy, grundfešty aneb svědomí pokázati chtěl před soudem zemským, jiným a ne českým jazykem, buď to latině neb německy předložiti potřeboval, tento sobě na česko-hodnověrným osobám předložiti a častně před stáním k soudu pilně vypsati dáti má. A českým jazykem při těch jiných jazykoch (!) spravedlivosti své předložiti má tak dobře cizozemec jako obývatel, aby se tady jiným stranám nemeškało. О распространеніи чешскаго языка среди шляхты верхней Слезіи свидѣтельствуютъ тоже чешское сочиненіе Вар. Папроцкаго по слезской исторіи: Štambuch slezský, v kterém hospodář s hostem o mnohých věcech spasitedlných rozprávějí, pod erbu a rody starodávnych páňův, páňův rytířstva knížetství horních v Slezí (v Brně 1609). Папроцкій помѣстилъ здѣсь многія предисловія къ разнымъ слезскимъ панамъ о ихъ родахъ, на пр. пану Прусковскому, гейтману княжествъ опольскаго и ратиборскаго, восхваляя его какъ „od začátku víry svatě v krajích sľavenských opravdově stálého a neproměnitelného s. religionis cultorem“, Бесу изъ Колна, Ларишу, Зировскому и др.; обращаясь къ слезской шляхтѣ герба Подкова, Папроцкій производитъ ихъ родъ и гербъ со времени Александра Великаго македонскаго, который когда-то подарилъ Славянамъ, первымъ своимъ рыцарямъ, всѣ ихъ нынѣшнія земли, Хорватію, Сербію, Болгарію, Чехію, Моравію, Слезію, Польшу, Поморье, Кашубію, Мишель, Мосеву, Русь, Подолье, Воьны и др.; а въ числѣ этихъ знаменитыхъ рыцарей находился тоже праотець рода и герба Подкова ¹⁾.

Чешскій языкъ входилъ въ употребленіе тоже въ городахъ верхней Слезіи, начиная съ XV вѣка, такъ что онъ вытѣснилъ латинскій и нѣмецкій. Городскія привилегіи, съ начала нѣмецкія, подтверждались потомъ но-чешски, какъ на пр. привилегіи Фриштата, Скоцова, Фридеа. Изъ верхней Слезіи, особенно изъ тѣшинскаго княжества, вышло нѣсколько чешскихъ писателей, какъ на пр. Либерда и Трановскій изъ Тѣшина, Мартинидъ изъ Руда и др. Чешскій языкъ въ верхней Слезіи сохранился въ публичной жизни — рядомъ съ нѣмецкимъ — до первой половины

¹⁾ См. „Славяне“ II. 130, срв. 245.

XVIII вѣка; еще въ 1671 г. оказалась потребность вновь издать чешскій статутъ опольско-ратиборскаго княжества; латинскій переводъ тѣшинскаго статута сдѣланъ въ концѣ вѣка XVII, нѣмецкій—въ концѣ в. XVIII. Прусскій захватъ большей части Слезии вытѣснилъ чешскій языкъ совсѣмъ, а въ тѣшинскомъ княжествѣ, оставшемся Австріи, случилось такъ въ слѣдствіе германизационной системы Іосифа II; для простаго народа польскаго въ средней и восточной части тѣшинскаго княжества остался по большей части языкъ чешскій—а не польскій—официальнымъ и литературнымъ языкомъ ¹⁾).

Языкъ слезско-чешскихъ грамотъ вообще—чистый литературный языкъ чешскій XV—XVII вѣковъ (особенно въ грамотахъ князей опавско-ратиборскихъ), съ небольшою примѣсью нѣкоторыхъ фонетическихъ и лексикальных особенностей слезско-польскаго нарѣчія, которыя однако отъ части свойственны и порубежнымъ нарѣчіямъ моравскимъ (опавскому, лашскому, валашскому), и зависѣли по видимому отъ писарей грамотъ, Чеховъ и Моравянъ или Поляковъ (слезскихъ), изучившихъ болѣе или менѣе литературный языкъ чешскій. Такъ на пр. въ грамотахъ встрѣчаются формы: *zupelna*, *dził*, *miłosci*, *poradzeno*, *dać*, *Jeři*, *ji* (*eum*), *polskiéj ličby* (обыкновенно *čísła polského*), *somnie ni* (*sumienie*, чеш. *svědomí*), *małženka*, *otčizna*, *mateľizna*, *dvuor poplužný* aneb *folverk* (поль. *folwark*), и пр. Польскія имена иногда оставляются (*Lgota*, *Gorny Głogow*, *Gliwice*, *Grodzisko—Grodisko*, *Guorski*, *Szeliga*), иногда пишутся на чешскій ладъ: *Hlivice*, *Hłohov*, *Šeliha*, *Pelhřimovice*, *Dłuhov*, *Uhry* (*Węgry*, село), и др.; названіе города Освѣтима пишется по-чешски *Osvětím* (*Oswietim*), по-польски *Oświęcim* (*Oswancim*). Также и чешскій языкъ статутовъ опольско-ратиборскаго и тѣшинскаго правильнѣе литературный языкъ тѣхъ временъ. Представители княжествъ называются, какъ и въ Чехии и Моравіи, *stavové*, именно *panský*, *prelátský*, *rytiřský* (изрѣдка тоже: *vláduky*, *zemné*), намѣстникъ—*hajtman*, который вмѣстѣ съ канцлеромъ

¹⁾ Prasek: *Národopisné proměny na Těšinsku* (*Osvěta* 1886, 14)

(kancleř) и верховнымъ земскимъ судьей (vrchní zemský sudí) и другими судьями (soudci), засѣдаютъ въ верховномъ судѣ (vrchní soud) въ Ополѣ и Ратиборѣ, рѣшаютъ дѣла на чешскомъ языкѣ, при чемъ постановленія суда (nálezové) записываются въ судебныя книги. Въ этихъ статутахъ встрѣчается только немного польскихъ словъ, на пр. posah (подлѣ věno), nevyposažená, otčizna, mateřizna (имѣние отцовское и материнское), podatek, zdradce, šoltys, vyřeci (a odřici), přivlaštěn, odvlaštěn, формы žádnej (вм. žádné), statkoch, šeredzení, и пр.

Въ трехъ мелкихъ слезскихъ княжествахъ, сѣверскомъ, освѣтимскомъ и заторскомъ, сохранился чешскій языкъ въ судахъ и послѣ ихъ присоединенія къ Польшѣ. Маленькое княжество сѣверское продалъ тѣшинскій князь Вячеславъ въ самомъ концѣ 1442-го года краковскому епископу Збыгнѣву Олешницкому. Сѣверская шляхта, и послѣ присоединенія къ Польшѣ, со второй половины XV вѣка, употребляла въ земскомъ судѣ и вообще въ письменныхъ дѣлахъ (грамотахъ), рядомъ съ латинскимъ, чешскій языкъ. Судили староста, подстаростій, судья (sudí, sudzi), земяне (zemané), владыки (vláduky), какъ называлась низшая шляхта на чешскій ладъ, паноши; собирались на сроки земскаго суда (roky zemské), и произносили рѣшеніе (nález, ran sudí a rání zemané našli) по польскому праву (podle rzędu i prawa krolestwa polskiego). Чешскій языкъ употреблялся — на равнѣ съ латинскимъ — съ 1481 по 1506 г. исключительно; съ 1516 г. начинаются записи польскія, которыя съ тѣхъ поръ вообще преобладаютъ надъ латинскими; но и потомъ встрѣчаются еще нѣкоторыя записи на чешскомъ языкѣ (на пр. 1523, 1533, 1536 гг.). Чешскій языкъ, какъ онъ употреблялся въ судебныхъ книгахъ сѣверскихъ, вообще тогдашній письменный языкъ, но съ нѣкоторою примѣсью польскихъ особенностей, фонетическихъ и лексикальных; иногда встрѣчаются формы dáci, ci (eti), miłości, złacie, Maciej, sudzi (подлѣ обыкновеннаго sudí), pażenka, которыя однако не только польскія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и восточно-моравскія. Съ другой стороны и польскій языкъ сѣверскихъ актовъ не остался безъ вліянія чешскаго. Польскія имена передаются нерѣдко на чешскій ладъ; на пр. Koziehlavský

и Kozięłowski, Mezihorský, Dubie; въ польскихъ актахъ встрѣчаются до половины XVI в. władyki въ значеніи землянъ — ziemianie, съ титуломъ urodzeny, sławnoy, какъ въ Чехіи и въ Моравіи; чешскія слова pohon, erbi—herbi (въ значеніи наслѣдниковъ, а не польскаго herb), statek—zboże (имѣніе, какъ и древнеполь.), sudzí, súdci (sehtczy рядомъ съ поль. schadezow т. е. sądow), knezaczya biskupa (т. е. чешско-польская форма: knieźete—ksiąźęcia), и пр. Польскіе писари актовъ употребляли, вообще говоря, правильный польскій языкъ, но иногда, по прежней привычкѣ писать по-чешски, оставляли въ польскихъ актахъ не только юридическіе термины чешскіе, а простыя слова: bude, zlaty, čeho, manželki, latha (lieta) ranye (léta rání) и др. Если какой-нибудь землянинъ изъ сосѣдней Слезіи (на пр. опавской) судился съ земляниномъ съверскимъ, то это дѣло записывалось на какой-то смѣси польско-чешской, очевидно со словъ тягавшихся; такъ на пр. въ 1522 г. въ спорѣ между слезскимъ паномъ Николаемъ Брунтальскимъ изъ Вербна и съверскимъ паномъ Матвѣемъ Вильмомъ изъ Пётровиць въ судебныхъ книгахъ записано, что hranice v mocnoscí zostavujemy: od kopca od zadku až do kopca ku řece, a za žádoscí naši panskú tu řecká hranice jíci mají až do cesty na horu, ktorej řecký pánovie Pyřovscí z lidzmi svými etc. ¹⁾

¹⁾ Древнѣйшая судебная книга съверская, 1453—1543 гг., хранится нынѣ въ главномъ архивѣ варшавскомъ, до недавна въ Кельцахъ (срв. *Ōazopis Českého Musea* 1880, p. 404). Изъ нея въ сборникѣ *Pamiętnik Sandomierski* (Warszawa 1829, I. 386) сообщены одинъ актъ 1481 г. и два 1505 г., но съ такими ошибками, что напечатанные акты нигде не годны. Тамъ-же (p. 39) напечатанъ одинъ польскій актъ будто 1422 года (!), т. е. 1522 года (fol. 156, verso); упоминаемъ объ этомъ потому, что недавно (*Archiv f. slav. Philologie* X. 409) говорилось о польской грамотѣ будто 1422 г.; въ сборникѣ Бонцакаго—Бобовскаго *Codex diplomat. Poloniae Silesiae (Varsoviae)* 1887) нѣтъ тоже никакихъ польскихъ актовъ XV—XVI вв., а ест только чешскіе (1449—1562 гг.). Приводимъ здѣсь изъ древнѣйше съверской книги начало первой чешской записи (fol. 38—40): Actum a. 1481 feria tertia proxima post festum S. Luciae in terminis iudiciorum libus terrestribus in Syewier celebratis. Rudzky cum Domino Kozię

Княжества освѣтимское и заторское присоединены въ Польшѣ во второй половинѣ XV вѣка, первое въ 1457, второе въ 1494 г. ¹⁾. Чешскій языкъ вошелъ и въ этихъ княжествахъ въ употребленіе со времепъ гуситскихъ и вытѣснилъ нѣмецкій и латинскій. Гуситскія роты, находясь на польской службѣ, бывали часто въ этихъ странахъ и освѣтимскіе князья, наравнѣ съ тѣшинскими и тошецкими, нерѣдко вмѣшивались въ дѣла этихъ наемныхъ воиновъ, посредничали между ними и польскимъ королемъ, при чемъ употреблялся чешскій языкъ, и со стороны ротъ, слезскихъ князей и польскаго короля ²⁾. Княжества освѣтимское и заторское сохранили, и послѣ присоединенія къ Польшѣ, свое слезское право, которое во многомъ сходно съ моравскимъ, и въ судахъ, какъ вообще въ публичной жизни, употребляли чешскій языкъ. Въ земскихъ судахъ (освѣтимскомъ и заторскомъ) засѣдали староста или подстаростій, судья (sudie), писарь, и паны земяне (zemané), судили на сходахъ земскихъ (roky zemské), дѣла земянъ или рыцарей (rytířstvo) или тожѣ владыкъ (urozený vládyka), призывали къ суду (pohon, rāhon), произносили постановленіе (nález), и пр. Около половины XVI в. входилъ

glowzkij. Przed namy Janem Schasschowzkim Starostu Syewierzkim a Maczigem Sudzij y zemanij Syewierzkimi Stalo gsse giest w Sze-wierzo wterij po Swatey lucij w Roky zemzkye Lletha narozenij Bozeho Tyssiczeho stirsteho osmdessateho prwniego giest wistupil przed nas wrozenij Pan Jan Stary Kozehlawzky Sdraw Buducij na smislye y na czielye ne przyprzeny (!) any żadnym bludem swiedeni dobrowolnye z przyzwolonym oblicznym syna swebho Pana Krzczena y przetel sswich radu giest zastawil i moczy lista toho zastawyie miasta wsscho Kozielaw polowiczy ktoruz ssobie sswymij dczeramy dzielem wigial y k tomv dwye wssij myenyem Szyedliccz a Gazin sz mlinij y gich myeramy Stawi sz sslessy platy roboty pocztamij pozythky malimy i wielkymi etc. Срв. тожѣ выше, стр. 60 (въ примѣчаніи).

¹⁾ F. Bostel; Sądownictwo ziemskie oświęcimskie i zatorskie 1440—1565. (Przewodnik naukowy 1888).

²⁾ Много такихъ чешскихъ грамотъ напечатано въ нашемъ Отчетѣ 1882 г., въ ж. Časopis Česk. Musea 1880, p. 403, и въ польско-слезскомъ дипломатариѣ Бонепкаго.

въ употребленіе тоже польскій языкъ, да еще раньше (послѣ 1538 г.) встрѣчаются формулы присяги писаря, на языкахъ чешскомъ и чешско-польскомъ т. е. чешскомъ съ примѣсью нѣкоторыхъ польскихъ словъ (*przysyegam, wgzand, tajemnosti sandowe* и пр.). Чешскій языкъ сохранился въ судебныхъ книгахъ освѣтимско-заторскихъ до полного сліянія обоихъ княжествъ съ польскою короною въ 1563 и 1564 гг. (послѣдняя чешская запись въ актахъ 1562-го г.); тогда пожаловано имъ польское коронное право, и съ тѣхъ поръ польскій языкъ сталъ ихъ officialнымъ языкомъ. Въ первой половинѣ XVII в. (1638) оказалась потребность перевести древнѣйшія актовыя книги XV в. на польскій языкъ, при чемъ переводчики оставили нѣкоторыя чешскія слова: *nalez, prawo i ziemianie nalezli, prawo nalazlo, postaciwa rapni, slowutny rap* и пр. На чешскомъ языкѣ написанъ тоже краткій статутъ, данный королемъ Сигизмундомъ I княжеству и рыцарству освѣтимскому и заторскому 1532 г.: *Ustavy krále Zigmunta a některé artikule sebrané z lanfridu slezského.*

Чешскій языкъ, употребляемый въ публичной жизни княжествъ освѣтимскаго и заторскаго, обыкновенный тогда литературный языкъ съ незначительной примѣсью польскою; видно, что писари освѣтимскій и заторскій, всѣ уроженцы тѣхъ земель (на пр. Витвовскій, Брандысъ, Горскій и др.), изучали хорошо родственный чешскій языкъ. Только въ самомъ началѣ употребленія чешскаго языка замѣтно, что писарь еще не совсѣмъ привыкъ къ литературному чешскому языку, и записывалъ—со словъ говорящихъ по-польски землянь—кое-что и на польскій ладъ; такъ на пр. въ 1440 г. записалъ—въ чешскомъ актѣ—польскія слова: *sendya, gego* (т. е. *jego*), *kladen* (т. е. польское *klade*, чеш. *kladu*), и даже цѣлую фразу польскую: *z gupenya swego, pugdym ja dyalw geho se oryekala.* Въ чешскихъ освѣтимскихъ и заторскихъ актахъ и грамотахъ встрѣчаются слова и формы: *peniedze, posag* (*posah*), *dziedzic, otcizna, materizna, małženka, kněža* (*kníže*), *vedlüh, uchwała, sudziego, sandiego* (т. е. *sudiho*), *ji* (*jej*), *bude chtěl, obmavají, dáci, nahrodici, řeč* (т. е. вещь), *vtoreho zvyčaj, voliej, přes, sjem* (дрполь., позже *sejm*), *neumnějšiti, krambrnie* (т. е. *krnabrnie*), *las, ruchajíce zbuoží, varunek, skarb, ličb:*

и пр.; нѣкоторыя польскія слова измѣнены на чешскій ладъ, на пр. podskrbie (поль. podskarbie). Наибольше полонизированная— грамота короля Казимира 1473 г.; грамота издана въ Бравовѣ и касается долга короля Казимира Мышковскимъ; присутствовали здѣсь разныя польскіе паны, освѣтимскіе сановники и земляне, мѣщане освѣтимскіе и бутскіе; писарь, хотя и зналъ чешскій языкъ, все-таки поддался вліянію окружавшей его живой польщизны, и написалъ Oswatcim, ji (дрполь. eum), ujrzy, zapłascici, sza (sie), budz, и пр., гдѣ чешскій писарь написалъ бы Osvětim, jej, užří, zaplatiti, se, bud' ¹⁾. Равнымъ образомъ, какъ и въ остальныхъ слезскихъ актахъ, такъ и въ чешскихъ освѣтимско-заторскихъ, имена и названія польскія часто передаются на чешскій ладъ: Dubno (Dębno), Sudoměř (Sandomierz), Otěšín (Ocieszyn), Porubský (Porębski), Hrodek (Grodek), Sudeč (Sądecz, Sącz), Hlubovice (Głambowice), и др.

По примѣру освѣтимско-заторскихъ землянъ и мѣщане стали употреблять, вмѣсто латинскаго и нѣмецкаго языковъ, чешскій языкъ. Такъ это было несомнѣнно въ Освѣтимѣ в Заторѣ, такъ это было и въ городѣ Кантахъ (Kanty, Kęty). Въ книгѣ судебныхныхъ записей послѣдняго города (XV—XVI вв.) чешскія записи начинаются со второй половины XV в., именно съ 1475 года, и чередуются съ латинскими (нѣмецкихъ уже нѣтъ). Съ 1539 г. начинаются тоже польскія записи, но чешскія еще преобладаютъ; съ 1549 г. преобладаетъ уже польскій языкъ и послѣдняя чешская запись 1552 года. По-чешски городъ называется Kutu, Kuoty, даже Kanty, и въ чешскомъ языкѣ встрѣчаются изрѣдка тоже польскія слова: liczba, podłuh, wiele, ławnicy, rajcy, kra-wiec(и krajčí), kowal (и kovář), opiekadlnik, и др. Встрѣчаются тоже записи на смѣшанномъ языкѣ чешско-польскомъ, какъ на пр. 1549 г. (kraly gego miloczy) ²⁾.

¹⁾ Časopis Česk. Musea 1880, p. 403.

²⁾ Эта городская книга принадлежала въ 1882 г.—когда я ее изсматривалъ въ Львовѣ—историку Калицкому (между тѣмъ умершему); срв. мой Отчетъ 1882 г., стр. 45—48. О чешской грамотѣ 1548 г., касающейся тоже города Кантъ или Кутъ, см. тамъ-же стр. 27.

При такомъ распространеніи чешскаго языка въ верхней Слезіи нарѣчіе слезско-польское долго оставалось заброшеннымъ, нелитературнымъ, употреблялось только изрѣдка, съ значительною примѣсью чешскаго языка—какъ въ упомянутыхъ молитвахъ и пѣснѣхъ—или попало въ письменность случайно, какъ на пр. въ двѣ польскія грамоты городовъ Гливиць 1586 г. и Круцборка 1587 г., или въ одно стихотвореніе 1641 г. ¹⁾ Первые зачатки слезско-польской письменности являются только въ XVII вѣкѣ, уже послѣ паденія чешскаго государства, народности и литературы, когда католическіе и протестантскіе священники стали издавать набожныя книжки для простаго народа верхней Слезіи. Въ польскомъ языкѣ этой скромной литературы слезской встрѣчаются польско-слезскіе провинціализмы, и тоже примѣсь чешскаго языка. Одинъ изъ первыхъ писателей польско-слезскихъ XVII вѣка, протестантскій священникъ (fagarz) влючборскій (круцборжскій) Адамъ Гдаціусъ, употреблялъ въ своихъ книгахъ чистый польскій языкъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ защищалъ право слезскихъ провинціализмовъ рядомъ съ „отличною“ польщизною, и необходимость приноровиться къ мѣстному нарѣчію (w Śląsku żyjąc ŚlązakoŃ się akkommoduje, z miłości przeciw ziemkom moim); по этому онъ, пишучи по-польски, употребляетъ на пр. слова *szubał* (плуть, чешск. *šibał*), *ohyzdzić*, *czeladka*, *misterny*, *dyasek* (т. е. чортъ, чешск. *d'as: ki dyasek, ki bies, ki zły duch człowieka gaba*), объясняетъ *zginienie* (*zatracenie*), *przykość* (*utrapienie*), *starzy* (*dawni*), и пр. Въ другой польской книжкѣ, изданной въ 1761 г. въ Опавѣ для тѣшинскихъ католиковъ, является тѣшинскій говоръ и съ чешскими словами: *manželstwie*, *pohławi*, *pisebnie*, *przyleżytość*, *spachac*, *opowazliwie*, *szetrzyć się*, *spusob*, и др. ²⁾

¹⁾ Sprawozdania komisji językowej III. 346; Archiv f. slav. Philologie V. 465, III. 639. Но въ этихъ польско-слезскихъ грамотахъ встрѣчаются все-таки нѣкоторыя чешскія слова: *manžel*, *manzelka*—*manzołka*, *porucznik*, *plnu mocnost*.

²⁾ Изъ книгъ Гдаціуса знаемъ: *Postilla popularis t. j. kazanie na ewangelije święte* (w Lesznie 1650), *Kwestya o zmartwychwstaniu* (w Brzegu 1683); объ опавской книжкѣ см. *Prace filolog.* I. 723. По

Официальный характер чешскаго языка въ княжествахъ освѣтимскомъ и заторскомъ признавался королями и сановниками польскими, которые въ дѣлахъ земянства тѣхъ княжествъ издавали грамоты на чешскомъ языкѣ въ Краковѣ; нѣкоторыя изъ такихъ грамотъ записаны даже въ коронной польской метрицѣ (архивѣ), какъ на пр. въ 1484, 1488, 1490, 1492, 1494, 1502, 1540 гг. Все это предполагаетъ извѣстное знаніе чешскаго языка при королевскомъ дворѣ въ Краковѣ, и у писарей королевской канцеляріи. Такъ на пр. выше упомянутый статутъ освѣтимско-заторскій 1532 г. утвержденъ и умноженъ королемъ Сигизмундомъ I, на сеймѣ 1540 г. въ Краковѣ: *za gistu wiadomosci gad passych na ten czas przy nas sedicznych schwalame, wmaczniame i potwzruyeme... Dalo gse w Krakowie na sgiemie welkim pospolitym w patek przed nedielu Judica w puostie, letha panie 1540, a kralosthwi nasseho letha 34¹⁾.*

Изъ польской королевской канцеляріи время Казимира выходили акты на чешскомъ языкѣ не только по дѣламъ княжествъ освѣтимскаго и заторскаго, а тоже въ частыхъ сношеніяхъ короля съ чешскими военными ротами, находившимися на

словамъ I. Иречка (*O zvláštnotech češtiny v starých rukopisech moravských*, р. 69) въ сочиненіи Петра Губачка о рыболовствѣ и птицеловствѣ (1553) находится указатель въ птицеловству, на половину чешскій и на половину польскій.

¹⁾ Много чешскихъ освѣтимско-заторскихъ грамотъ (изъ разныхъ архивовъ), выписки изъ освѣтимско-заторскихъ судебныхъ книгъ (хранящихся въ земскомъ архивѣ во Львовѣ), освѣтимско-заторскій статутъ (по рукописи Ягайловской бібліотеки въ Краковѣ)—я напечаталъ въ своемъ Отчетѣ 1882 г. и въ ж. *Časopis Česk. Musea* 1880 г.; о чешскихъ грамотахъ освѣтимско-заторскихъ ок. 1460 г. помѣщенныхъ въ краков. рукописи *Liber magistri Petri de Husz*, см. тотъ-же Отчетъ 1882, стр. 4. О чешской освѣтим. грамотѣ 1530 упоминаетъ Чацкій *O litew. i polskich prawach* (1800, I. 54, въ амбчанин). Нѣсколько грамотъ (1481—1559 гг.), относящихся къ шквовскимъ, напечаталъ Шапеевъ въ *Miscellanea Cracoviensia* 15, одну (1487 г.) Щ. Моравскій *Sądcczyzna* (II. 288). Другія гр. Зонееваго *Codex diplomat. Poloniae Silesiae*, и въ *Codex diplomat.*

польской службѣ. Тотъ же самый король издалъ чешскому королевичу Викторину, сыну короля Юрія Подѣбрадскаго, паспортъ на свободный вѣздъ въ Польшу (1471), не только на языкѣ латинскомъ, а тоже на чешскомъ, и оба эти акты записаны тоже въ коронной метричѣ. Случалось, что польскіе короли въ сношеніяхъ съ слезскими князьями и шляхтою (чешской бо-роны) употребляли чешскій языкъ; такъ на пр. грамота объ улаженіи спора между королемъ Казимиромъ и нѣкоторыми опавскими землями—по поводу долга—издана на чешскомъ языкѣ (въ Освѣтимѣ 1449); присутствовали тѣшинскій князь Болеславъ, освѣтимскій староста Николай изъ Дубовца, нѣсколько опавскихъ землянъ и польскихъ пановъ и сановниковъ. Чешскій языкъ употреблялъ тоже король Сигизмундъ I, который зналъ этотъ языкъ еще со временъ своего правленія въ Слезіи, въ сношеніяхъ съ княземъ минстербергскимъ Вареломеемъ (1508), и съ княземъ опольскимъ Іоанномъ (1525) ¹⁾. Подобно тому и польскіе павы въ сношеніяхъ съ слезскими князьями и панами употребляли чешскій языкъ; такъ на пр. Яковъ изъ Дубна (z Dubna), воевода судомирскій (sudomirský) и староста краковскій, въ одномъ дѣлѣ съ княземъ опавскимъ и ратиборскимъ Вячеславомъ (1474), братья Сыновцы изъ Сандовиць—одинъ бургграфъ краковскій, а другой подкоморій польскаго королевства—въ дѣлѣ съ однимъ слезскимъ земляниномъ (1480); одинъ польскій землянинъ, вѣроятно изъ сандечской земли, Мартынъ Гидзелскій изъ Ценяжковиць, счелъ нужнымъ послать свою разметную грамоту

Silesiae VI (Registrum v. Wenceslai), въ Sprawozdania komisji językowej Ш. 334. Срв. тоже списокъ освѣт.-затоп. грамотъ XIV—XV вв. въ Отчетѣ Ѡ. Вербовскаго за 1876 г.; нѣмецкій языкъ употреблялся въ освѣтимско-затопскихъ грамотахъ еще въ 1445 г. Нѣсколько выписокъ изъ судебныхъ книгъ освѣтимскихъ и затопскихъ напечаталъ тоже Ф. Боетель въ выше упомянутой статьѣ.

¹⁾ Codex diplomat. Poloniae—Silesiae, ed. Boniecki, Nro 30 (срв. Casopis Česk. Musea 1880, p. 403), 80, 81, 115 (эта грамота 1508 г. записана въ коронной метричѣ); Codex diplomaticus Silesiae VI. p. 172. О чешскомъ языкѣ въ сношеніяхъ польскихъ королей съ чешскими ротами см. ниже.

(odpowiedny list) Вратиславланамъ (1532) на языкахъ нѣмецкомъ, чешскомъ и польскомъ, а въ послѣднемъ текстѣ оставилъ чешскія формы jeho (miłość król), rozsudek (roschudek рядомъ съ goschāndek). Христофоръ Шидловецкій, польскій канцлеръ, писалъ чешскія письма минстербергскому князю Карлу и чешскому пану Зденеу Льву изъ Рожмиталя ¹⁾.

Слезія, и княжества сѣверское, освѣтимское, заторское, представляла, такъ сказать, проводникъ чешскаго языка въ Польшу, особенно Малую. Многіе земьяне владѣли имѣніями не только въ тѣхъ княжествахъ, а тоже въ краковскомъ воеводствѣ; многіе малопольскіе земьяне владѣли имѣніями въ тѣхъ княжествахъ и назначались въ нихъ чиновниками. Съ другой стороны чешско-словенскій языкъ распространялся тоже въ карпатскомъ Подгорьѣ Малой Польши, особенно посредствомъ угорской спашской земли. Такимъ образомъ чешскій языкъ сдѣлался болѣе или менѣе извѣстнымъ въ нѣкоторыхъ шляхетскихъ родахъ малопольскихъ, у Мышковскихъ, Шидловецкихъ, Дэмбенскихъ, Курозвенцкихъ, Иордановъ изъ Закличина, Бонаровъ изъ Балиць, Коморовскихъ и др. Они, въ сношеніяхъ съ Чехами, Моравянами и Слезакими, употребляли не только языкъ латинскій, а изрѣдка тоже чешскій; такъ на пр. по-чешски писали Северинъ Бонарь изъ Балиць, кастелянъ жарновскій и староста освѣтимскій, заторскій, беций и рабштынскій, Іоанну Планкнару изъ Кинсперка въ онавской землѣ (1534), Христофоръ Коморовскій на Живцѣ, кастелянъ сандецкій, оломуцкому епископу Станиславу Павловскому (1595) ²⁾.

¹⁾ Codex diplomat. Silesiae VI. 97, 108; Mosbach: Przyczynki do dziejów polskich z archiwum m. Wrocławia, 139. О чешскихъ письмахъ Хр. Шидловецкаго (въ архивахъ вратиславскомъ и требонскомъ) упоминаетъ Резекъ въ ж. Slovanský Sbornik 1881, р. 111. Христофору Шидловецкому посвятилъ чешскій писатель Конать одну книгу; срв. „Славяне“ II. 58. Братъ Христофора, Николай, кастелянъ сандомѣрскій и староста освѣтимскій и заторскій, зналъ чешскій языкъ уже въ силу своей должности въ освѣтимской землѣ; онъ приводится въ двухъ чешскихъ грамотахъ 1523 и 1531 гг. (Miscellanea cracov. 1815).

²⁾ Mosbach: Wiadomości do dziejów polskich, 52, 237. Койбекъ (Časopis Česk. Mus. 1839, р. 220) говорить, что у какого-то К.

Такъ и во время кандидатуры императора Максимилиана на польскій престолъ (1575) одинъ польскій шляхтичъ, Хотовскій, писалъ ему по-чешски ¹⁾.

Чешскія книги, рукописныя и печатныя, разнаго содержанія переходили въ Польшу, читались и способствовали распространенію чешскаго языка среди Поляковъ, наравнѣ съ личными сношеніями Чеховъ и Поляковъ ²⁾. При такомъ положеніи дѣлъ могло случиться, что знаменитый нѣмецкій гуманистъ Конрадъ Цельтесъ, пребывая въ Краковѣ (1488—1490), учился здѣсь не только по-польски, а тоже по-чешски, что одинъ польскій магистръ объяснялъ латинскія стихотворенія Цельтеса по-чешски, а одна польская его любовница Гасилина писала ему по-чешски (1500 г.) ³⁾. Въ началѣ XVI в. (1519 г.) Полякъ Петръ Пи-

въ Галиціи хранилось собраніе чешскихъ грамотъ изданныхъ польскими панамы.

¹⁾ См. выше, стр. 137, примѣч. 1.

²⁾ Срв. „Славяне“ II. 58. Конечно назначилъ свой чешскій переводъ хроники Энея Сильвія (1510) не только для Чеховъ а тоже для Поляковъ:

Protož ji sobě neobtěžuj čiesti,
Nebť může tobě užitek přiněsti,
Čechu, Slováků, Moravče, Poláku, chvíli všelijaký.

Замѣтимъ еще, что огромная латинская энциклопедія Чеха Павла Жидка (срв. о немъ письмо епископа Збыгнѣва Олешницкаго датъ 1454 г. въ монографіи М. Дзѣдушицкаго о 36. Олешницкомъ II. р. 412, ХСІ), хранящаяся нынѣ въ краковской Ягайловской библіотекѣ, приписывалась польскому чародѣю Твардовскому; эту рукопись описалъ Мучковскій (1835, срв. *Časopis Česk. Musca* 1837, р. 225). По словамъ Мацеѣвскаго (*Písmennictwo polskie* II. 875) Полякъ Николай изъ Шадка списалъ ок. 1530 г. чешскую библію; правда-ли это и гдѣ находится эта библія?

³⁾ Письмо этой Польки Гасилины напечаталъ Амбахъ въ своей статьѣ о Цельтесѣ въ *Sitzungsberichte der k. Akademie der Wissenschaften* (1868, Bd. 60, р. 144); срв. тоже статью Мехерявскаго о Цельтесѣ въ *Rozprawy krakow. akademii, wydział filolog., IV*. Не входимъ въ вопросъ, кто написалъ это чешское письмо Гасилины (з *Kepřstajna i z Řitonic*—названія крайне неприличныя).

лецкій, писарь рабштынскаго старосты Іоанна Бонара, списалъ чешскую „гроанскую исторію“; чешскій языкъ—чистъ и только изрѣдка встрѣчаются полонизмы, на пр. szlachetnoszcz, boynuacze, morduyaczy, nedwedzicza (рядомъ съ nedwedicze), obraczono, oszadzil, wiecze (wecze т. е. vece), czwartu и пр. Эта книга читалась Поляками, какъ видно по замѣткамъ Станислава Яцеовскаго (XVII в.), который объяснилъ нѣкоторыя чешскія слова по-польски: slul—gzezonym, pomięzi—pogranicze, cesta—droga, skrze—przez, byesse—był, chtie—chca, drzewe—pirwey, nasile—gwałt, и прочія ¹⁾).

Съ половины XVI в., со времян развитія польской литературы, церковной и свѣтской, польскій литературный языкъ установился и развивался самостоятельно, не нуждаясь въ помощи родственнаго чешскаго языка; въ немъ остались только немногія слова чешскія, какъ на пр. obywatel, hasło, gucznica и др. ²⁾). Нѣкоторые Поляки считали, по старымъ традиціямъ, чешскій языкъ все еще лучшимъ, чѣмъ свой родной, и старались иногда блеснуть знаніемъ болѣе изящнаго — по ихъ мнѣнію — чешскаго языка, такъ что это вызывало негодованіе и порицаніе со стороны польскаго писателя второй половины XVI вѣка, Луки Горницкаго ³⁾). Современникъ Горницкаго, Станиславъ Орѣховскій, желалъ иногда показать свои познанія въ чешскомъ языкѣ; онъ, касаясь судьбы „bratrzėj naszėj Czechów“ (но обыкновенно по-польски: braciěj), и обращая вниманіе читателей на „Czechy bratrzy swe“, употребляетъ слова szedłak (т. е. чешск. sedlák, польск. изрѣдка siodłak), Wuhry (вм. Węgry) ⁴⁾). Март. Бѣльскій тоже любилъ вставлять совсѣмъ ненужныя слова чешскія (и малорусскія), на пр. wahawy (váhavý, wahający się), toczenica (czepek), kohut, bradacica (bradalice, oksza) и др. Себастьянъ Клѣновичъ, познакомив-

¹⁾ Рукопись Императ. публичной библіотеки; срв. нашу замѣтку въ ж. Listy filologicke 1880, 128. Бонары, земляне краковскіе и освѣтимскіе, знали чешскій языкъ.

²⁾ Срв. выше, въ отдѣлѣ о польскомъ языкѣ и его измѣненіяхъ.

³⁾ См. „Славяне“, II. 156.

⁴⁾ Срв. тоже выше, стр. 126 и 202.

шись съ чешскимъ языкомъ въ южной Чехіа (1570), вставилъ въ свое сочиненіе *Worek Judaszów*, безъ всякой нужды, чешскія слова, чтобъ щегольнуть знаніемъ чешскаго языка; овъ пишетъ на пр. *jeśli się nie szatrzy*, и прибавляетъ: *szatwienie po czesku*, *baczenie po polsku*; *dzite* чешское слово, по польску *idźcie*; *pokuta*, по чешку *pokanie*, quasi *pokatanie*; *szelma*, monstrum по чешку, и пр. Чешскіе братья, употребляя со времени своего переселенія въ Польшу польскій языкъ, въ первые годы своей дѣятельности не могли уберечься отъ вліянія своего родного языка чешскаго. Наконецъ Польша подарила Чехамъ знаменитаго въ тѣ времена славянскаго историка, Вареоломея Папроцкаго, писавшаго по-польски и по-чешски ¹⁾.

Чехи считались въ Польшѣ XVI в. народомъ храбрымъ и воинственнымъ, — хотя болѣе по традиціямъ XV вѣка, чѣмъ тогда были на дѣлѣ, — смѣлымъ, дерзкимъ (*hardy*), любящимъ блескъ и роскошь, но свято исполняющимъ данное слово. Такъ рисуетъ Чеховъ поэтъ Рей изъ Нагловиць, восхваляя особенно послѣднее ихъ качество:

To też osobną sztukę iście w sobie mają,
Iż słowo radzi dzierżą, gdy co przyrzekają.
Pierwój, gdy co zasnego i w Polsce zmawiano,
Tedy to czeskiem słowem zdzierżać obiecano ²⁾.

„Чешское слово“ въ Польшѣ XVI—XVII вв. означало вообще святое исполненіе обѣщаннаго, на что можно было поло-

¹⁾ Срв. выше, стр. 188, и „Славяне“ II. 137, 129.

²⁾ *Zwierciadło albo kształt, w którym każdy stan snadnie się może swym sprawam, jako w zwierciadle przypatrzyć* (1568, fol. 241). Уже Эней Сильвій въ своей чешской исторіи (cap. 1) замѣтилъ, что чешская шляхта — *gloriae appetens, belli perita, periculorum contemptrix, ac promissi tenax*. — Разумѣется, что такое мнѣніе Поляковъ о Чехахъ не исключало насмѣшекъ надъ ними. Такъ на пр. тотъ же самый Рей насмѣхается надъ однимъ Чехомъ, который хвастался своимъ мужествомъ, и когда поѣхалъ на Подолье противъ Татаровъ козаковъ, испугался и убѣжалъ (*Figliki albo rozlicznych ludai przyradki dworskie, ok. 1570*). См. тоже стихи А. Кмиты о Чехахъ въ соч. „Славяне“ т. II, стр. 190, и отзывы польскихъ католиковъ о еретикахъ Чехахъ 1620 г., выше, стр. 153.

житися. „A za ja Czech słowo dzierżec (trzymać)? Co Czech słowo trzymać?“ Такія и тому подобныя слова встрѣчаются въ книгахъ Кромера, Сарницкаго, Папроцкаго, Стрыйковскаго, Рысннскаго.

Чехи XV—XVI вв., сносясь съ Поляками, употребляли не только языкъ латинскій, а часто тоже свой родной языкъ, равнымъ образомъ какъ Поляки сносились съ Чехами на своемъ языкѣ. Такъ уже гуситы часто сносились съ Поляками и Русскими на своемъ языкѣ, такъ было и при Казимирѣ Ягайловичѣ, при Сигизмундѣ I, и въ послѣдствіи, когда чешскіе папы, какъ послы Габсбурговъ, дѣйствовали въ пользу ихъ избранія въ польскіе короли; такъ было тоже въ сношеніяхъ чешскихъ братьевъ съ польскими братьями и другими протестантами ¹⁾. Чехи знали тоже польскій языкъ, который въ XV—XVI вѣкахъ часто раздавался и въ Чехіи изъ устъ польскихъ воиновъ, дипломатовъ, духовныхъ; во время Юрія Подѣбрадскаго многіе Поляки жили въ Чехіи по городамъ какъ ремесленники и прислуга ²⁾. Особенно близкими стали взаимныя, личныя сношенія Чеховъ и Поляковъ со времени водаренія Ягайловичей въ Чехіи (1471—1526), отъ котораго оба народа общали себѣ „усиленіе славы языка славнсваго.“ Въ XVI в.—по словамъ I. Благослава ³⁾—было много польскихъ монаховъ въ монастыряхъ чешскихъ и моравскихъ, которые такимъ образомъ привыкали къ чешскому языку, хотя, конечно, это не обходилось безъ разныхъ приключеній, подобно тому какъ это случалось съ Чехами пребывавшими въ Польшѣ; такъ на пр., когда іезуитъ Валтазаръ Гостоунскій, родомъ Чехъ, но воспитанный въ польскихъ іезуитскихъ коле-

¹⁾ См. объ этомъ выше. Христофоръ Зборовскій писалъ (30 мая 1576 г.) Вратиславу изъ Пернштейна: Radem temu bardzo, żeś mi W. M. dał do tego pochop, abym sobie ciężko nie czyniąc, językiem przyrodzonym do W. M. pisał. Bom się tego bardzo bojąc, abys W. M. polskiego pisma nie mógł wyczytać, musiałem się rad nie rad na łacinę zdobywać. Teraz wolniej i łacniej mi przychodzi. (Издаль Przewdzieski; Jagiellonki polskie V. p. 210).

²⁾ Starí letopisové čestí 172, Длугошъ V. 305; срв. Палацкаго Dějiny nar. česk. IV. 2. p. 146.

³⁾ Gramatika česká 342.

гяхъ, въ Оломуцѣ (1568) впервые сталъ говорить проповѣдь, то онъ смѣшивалъ языки польскій и чешскій до такой степени, что слушатели стали смѣяться и Гостоунскій долженъ былъ прекратить свою проповѣдь ¹⁾. О чешскомъ братѣ Червенкѣ говорить Благовѣстъ, что онъ, долго пребывая въ Чехіи, Пруссіи, Польшѣ и Моравіи, смѣшалъ особенности этихъ нарѣчій, такъ что въ его рѣчи встрѣчались слова и фразы прусскія, польскія и „мазовскія.“ О такомъ такъ сказать безсознательномъ сліянніи двухъ родственныхъ языковъ замѣтилъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ языковъ чешскаго и другихъ славянскихъ, тотъ-же Благовѣстъ, что говорящіе на этихъ языкахъ, чешскомъ и польскомъ, часто не могли хорошо говорить ни на томъ ни на другомъ ²⁾.

Равнымъ образомъ какъ Поляки нерѣдко насмѣхались надъ своими чешскими соплеменниками, такъ и Чехи любили дразнить Поляковъ; такъ на пр. чешскій лѣтописецъ насмѣхается надъ Поляками „глупыми бѣдняжками,“ что они принимали легкую монету чехавенную въ Чехіи, Моравіи и Слезіи (1436), лѣтописецъ В. Гаекъ описываетъ бѣгство Поляковъ изъ Праги (1004) довольно грубо, панъ Циборъ изъ Цимбурга въ своемъ сочиненіи *Hádaní pravdy a lži* (1467) выводитъ Лѣнь изъ Польши, и пр. Любопытно, что чешскіе книжники XVI в. связывали старинный славянскій обрядъ истребленія зимы—смерти (куклы), совершаемый и въ Чехіи, съ крещеніемъ польскаго вяза Мѣшка, и полагали, что этотъ обрядъ распространился потомъ изъ Польши въ Слезію, Моравію и Чехію ³⁾. Польскія книги читались въ Чехіи и переводились на чешскій языкъ; одна книга польская В.

¹⁾ Предлагаемъ знатокамъ языковъ польскаго и чешскаго объяснить себѣ на пр. значеніе чешскихъ и польскихъ словъ: *kapusta*, *jelito*, *kantor*, *baba*, *milost*—*miłość*, *pukati*—*pukać*, *čubiti*—*czubić*, *zákon*, *poručník*, *poslanec*—*posłaniec*, *páter*—*pacierz*, *komorník*, *libezný*—*lubieżny*, *všetečný*—*wszeteczny*, *hnusny*—*gnaśny*, *obyčejný*—*obyczajny*, *udatny*, *hodovati*—*hodować*, *zboží*—*zboże*, *bydlo*, *dobytek*, и пр.

²⁾ См. „Славяне“ II. 53.

³⁾ *Slovauský Sborník* 1887, p. 138.

Напроцкаго (Ogród królewski) напечатана въ Прагѣ. ¹⁾ Въ чешскомъ переводѣ записокъ янычара Михаила Копстантиновича (издано два раза, 1565 и 1581), сдѣланномъ съ польской рукописи, — въ польской печати эта книга тогда не вышла, — остались нѣкоторые полонизмы: bałwochwalce, Wilk (сербскій Вукъ), gřecký, bułgarský, ostatni (по-чешски: poslední), и др. ²⁾ Кромѣ того переводились на чешскій языкъ и нѣкоторыя другія польскія книги, именно богословскаго содержанія. Переводились тоже календари польскихъ астрономовъ, на пр. Николай изъ Шадка, Петра изъ Пробошовиць, Ѳомы изъ Пётркова, Якова изъ Курелова и др. ³⁾ Но вообще польскій языкъ не приобрьлъ себѣ у Чеховъ такого значенія, какое имѣлъ чешскій языкъ у Поляковъ. По этому нельзя говорить о вліяніи польскаго языка на литературный чешскій языкъ; это вліяніе ограничивалось только тѣми слезско-польскими княжествами, въ которыхъ официальнымъ языкомъ сдѣлался языкъ чешскій. Если же въ нѣкоторыхъ древнечешскихъ памятникахъ XIV—XV вв. встрѣчаются формы mlčeci (mlčeti), chodzici (choditi), vícěz (vítěz), nebožčík (nebožtík), ščur (štír), или слова: vřesen (julius, červenec), dle (pro), dobroděvstvie (dobrodiní), dřevo (чеш. обыкновенно strom), dřevi, dřvi (dveři, dveře), jalmužna (almužna), ladný (krásný), laziti (lézti), malžen — malženka (manžel, manželka), macati (makati), modla (modlitba), obrus (ubrus), opekati se (péci se, pečovati), otvořiti (otevřiti),

¹⁾ См. „Славяне“ П. 45.

²⁾ Rozpravu z oboru historie, filologie a literatury, vyd. J. a H. Jireček, 1. Число чехизмовъ въ польскомъ текстѣ, приводимыхъ I. Иречкомъ, надо сократить; чешскому вліянію надо приписать формы Uhrzy, porzad, hojny, chutnie, но слова: dobytek, statek, siodlak, stap, wietszy (т. е. większy), pogłowie, ślub, rzecz (т. е. рѣчь) и др. суть и могутъ быть польскія, а не непременно чешскія. Срв. тоже „Славяне“ П. 86.

³⁾ Срв. Časopis Českého Musea 1862, p. 237. „Pronostyka Krakowska“ (1531) Николай изъ Шадка вовсе не чешская книжка напечатанная въ Краковѣ, какъ думалъ Бандтке (Historya drukarń krakowskich, p. 187), а чешскій переводъ и несомнѣнно печать пражская; срв. нашъ Отчетъ за 1882 г., стр. 16—17.

pastviti (pásti), poně (snad), požičiti (půjčiti), přeč (pryč), skoro (spěšně), tarče (štit), tłum (množství), tudíž (také), vele (velmi), vgrab, vrablec (vrabec), zácny (vzácný), záchod (západ), znoj (vedro), žá-da (žádost'), и др., или формы: павуѣсїи (дрполь. pawyższy, позже паж—) и пр.: то все это еще не полонизмы или польское влияние, а диалектическія особенности чешскаго языка особенно въ его восточныхъ нарѣчіяхъ. ¹⁾

При частыхъ сношеніяхъ обоихъ западно-славянскихъ народовъ, чешскаго и польскаго, установился таковой обычай, что Чехи польскія географическія названія и имена произносили на свой ладъ. Такъ на пр. Чехи уже съ древнѣйшихъ временъ говорили Slezsko (поль. Śląsk, Śląsko), Vratislav (Wrocław), Těšín (Cieszyn), Osvětim (Oświęcim), Kuty (Kanty, Kęty), Budzin-Bandin (Będzin), Sudoměř (Sandomierz), Dubno (Dębno), Lučica (Łęczycza), Častochova (Czestochowa), Sudeč (Sandecz, Sądecz), Sudivoj (Sandziwoj, Sędziwoj), Penizek (Pieniązek), Dľuhoš (Długosz), Horka (Górka), Porubský (Porębski), Lesota (Lasota), и пр. ²⁾

Военное искусство процвѣтало въ Чехіи уже съ древнѣйшихъ временъ, и Чехи считались всегда народомъ воинственнымъ и храбрымъ. вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтили ближайшіе ихъ сосѣди, Нѣмцы, что у Чеховъ и у Поляковъ — одинаковое вооруженіе и одинаковый способъ воеванія ³⁾. Со временъ гуситскихъ войнъ

¹⁾ Много такихъ мнимыхъ полонизмовъ, предполагаемыхъ I. Иречкомъ (O zvláštnostech čestiny ve starých rukopisech moravských, 1887), объяснилъ какъ чешско-словенскія диалектическія особенности Пастрнекъ (Archiv für slav. Philologie XII. 188). Срв. выше, стр. 195. Замѣтимъ, что польское правописаніе нашло себѣ мѣсто и въ нѣкоторыхъ чешскихъ книжкахъ (sz, rz), печатаемыхъ вѣроятно для Слезавъ; срв. Časopis Česk. Musea 1861, p. 277.

²⁾ Срв. выше, стр. 214, и „Славяне“ II. 133.

³⁾ Est autem Polonis atque Boemis eadem armorum facies et bellandi consuetudo... fortes quidem sunt in congressu, sed in rapinis et mortibus crudelissimi—говоритъ Гельмольдъ (Chronica Slavorum I. 1). Другой нѣмецкій лѣтописецъ тѣхъ временъ, Ансбертъ, тожъ восхваляетъ agmen Boemorum, ad bellum et praedam plus ceter exercitatorum... Boemi solita claruerunt virtute. А по словамъ императора Фридриха I-Bohemia suis feris ferior,

Чехи сдѣлались первымъ военнымъ народомъ Европы; Жижка сталъ основателемъ новой стратегіи, и гуситскіе войны—учителями въ военномъ искусствѣ у другихъ народовъ. Въ теченіи XV вѣка и въ началѣ XVI вѣка въ средней, восточной и юговосточной Европѣ, въ Чехіи, Германіи, Пруссіи, Польшѣ, Литвѣ, Угріи и въ югославянскихъ странахъ—повсюду воевали наемныя роты (отряды) чешскія и примкнувшіе къ Чехамъ, Моравянамъ и Слезанамъ войны разныхъ народностей, Поляки, Словаки, Русскіе, Сербы, Нѣмцы, Угры и др., которые однако припоравливались къ своимъ чешскимъ учителямъ и привыкали къ чешскому языку. О многихъ такихъ чешскихъ войнахъ можно повторить слова, которые написалъ ученый Чехъ, панъ Богуславъ изъ Лобзевиць, о знаменитомъ чешскомъ полководцѣ второй половины XV вѣка, Вячеславѣ Волчѣ изъ Ченова, что онъ участвовалъ въ разныхъ походахъ на Лабѣ, Дунаѣ, Вислѣ и Днѣпрѣ ¹⁾). Такія наемныя роты являлись рано въ Угріи на службѣ польскаго и угорскаго короля Владислава и его противника, малолѣтнаго Ладислава Габсбурга. Чешскія роты подъ предводительствомъ Еннека изъ Мечкова провожали короля Владислава на его походѣ въ югославянскія земли, въ Сербію и Болгарію (1443), и участвовали въ сраженіяхъ на Балканѣ около Ниша и Софіи ²⁾). Были-ли чешскія роты въ несчастной битвѣ подъ Варною (1444), неизвѣстно; но въ другихъ сраженіяхъ Угровъ противъ Турокъ онѣ участвовали съ успѣхомъ; такъ на пр. въ сраженіи на Косовомъ полѣ (1448) чешскіе и польскіе воины, затворившись послѣ бѣгства Угровъ въ возахъ, защищались нѣскольکو часовъ противъ Турокъ и наконецъ погибли. Въ войскахъ короля Матвѣя отличалась особенно такъ называемая „черная рота“, состоявшая изъ Чеховъ, Моравянъ и Сербовъ ³⁾). Въ сѣверной, словенской Угріи, такія роты хозяйничали по своему произволу, такъ что король Матвѣй, задумывая уже войну противъ

¹⁾ Palacký: Dějiny národu českého IV. 1. 458.

²⁾ Обширно объ этомъ походѣ въ ж. Časopis Česk. Musea 1859, p. 156—160.

³⁾ Длугошъ V. 59, Палацкаго Dějiny n. r. IV. 1. p. 461.

чешскаго короля Юрія, и опасаясь этихъ чешскихъ ротъ въ своемъ государствѣ, вель съ ними настоящую войну и наконецъ ихъ истребилъ силою недалеко Тернавы (1467) ¹⁾.

Чешскія наемныя роты находились особенно на службѣ польской. Польша вела свои войны съ нѣмецкими крестоносцами съ помощію такихъ наемныхъ ротъ уже въ началѣ XV вѣка, и позже во второй половинѣ XV вѣка, при чемъ такіа чешскія наемныя роты сражались тоже въ рядахъ крестоносцевъ противъ Польши. Подобно тому чешскія роты служили Польшѣ и въ Угрію, во время короля Владислава III, и въ чешскихъ земляхъ во время войны Польши и Угріи изъ-за чешской короны по смерти Юрія Подѣбрадскаго. Такія же чешскія роты служили одною тоже Нѣмцамъ Габсбургамъ и угорскому королю Матвѣю противъ Поляковъ ²⁾. Польскіе короли, именно Казимиръ Владиславовичъ — при которомъ особенно много чешскихъ наемныхъ ротъ находилось на польской службѣ — сносился съ ними не только на языкѣ латинскомъ, а тоже на чешскомъ. При немъ служили въ Польшѣ Колда изъ Находа, Іоаннъ изъ Вальдштейна, Чернинъ изъ Худениць, Альбрехтъ Коства изъ Поступиць, Александръ Капунъ изъ Смириць, Вячеславъ Кавча изъ Собѣсувъ, Николай Жавъ изъ Свеборевиць, Урбанъ изъ Старицы, Брезакъ изъ Бѣлой, Ольдрихъ изъ Смолотель, Іоаннъ изъ Шарова, Войтѣхъ изъ Хлума, Іоаннъ Мѣричева изъ Брѣгова, Генрихъ изъ Манетыни, Петръ изъ Враньаго, Главачъ изъ Голедча, Генрихъ Пиво, Генрихъ Пуздо, Бѣлые (нѣ-

¹⁾ По поводу этой побѣды Угровъ надъ чешскими ротами писалъ Григорій изъ Геймбурга, совѣтникъ чешскаго короля Юрія, остригомскому архіепископу (19 февр. 1467): *Non desino avisare, sed prudenti viro loquor et maturo ac in omnibus oculato, ne victoriola illa insolenciam pariat neve Hunni vel Pannonii vestri Slavis nostris non quidem iliricis aut liburnicis, sed scithicis et gothicis superbius se praebeant, quasi palladium Minervae abstulerint. Sed sic existiment, regis Bohemiae favore, qui feroces leones intra septa cohibuit, talem victoriam se nactos esse, (Diplomatarium Georgii regis, рукопись въ библиотекѣ князей Лобковицовъ въ Прагѣ, л. 323). Срв. Палацкаго *Dejiny* v. č. IV. 1. p. 452—458.*

²⁾ См. выше, стр. 37—39, 94—98.

скольео), Еникъ изъ Мечвова, и др. ¹⁾ Въ польскомъ войскѣ, отправившемся въ 1497 г. противъ Волоховъ, былъ гейтманомъ Чехъ Иоаннъ Тервеа, и около того времени (1499) въ Подольскомъ Каменцѣ находились чешскіе воины подъ ротмистрами Юріемъ Хомутовскимъ, Иоанномъ Соболевскимъ, Стефкомъ и др. ²⁾. Еще въ 1520 г. во время войны польскаго короля Сигизмунда I съ магистромъ тевтонскаго ордена Альбрехтомъ въ польскомъ войскѣ было нѣсколько тысячъ чешскихъ воиновъ подъ ротмистрами Иоанномъ Жеротинскимъ, Вячеславомъ Пѣтишескимъ, Змешкаломъ, Костелавомъ и др. ³⁾.

Чешскіе воины переходили и дальше на славянскій востокъ, въ земли литовскія и русскія. Уже въ походѣ великаго князя Александра Витовта противъ Пскова (1426) находились въ его войскѣ тоже „Чехи (Чахи), земля чешская“. ⁴⁾ Великій князь Швигригайло очень желалъ пріобрѣсти помощь чешскихъ воиновъ, и дѣйствительно, въ битвѣ подъ Вилкомиремъ (1435) въ его войскѣ находились военные отряды чешскіе, слезскіе и австрійскіе. ⁵⁾ Такіе наемные

¹⁾ Много такихъ грамотъ напечатано нами въ ж. *Časopis Česk. Musea* 1880, р. 402, въ нашемъ Отчетѣ за 1882 г.; у Бонедкаго *Codex diplomat. Poloniae Silesiae*. На службѣ короля Матвѣя были тоже польскія роты подъ гейтманомъ I. Бѣлымъ (1471); срв. *Archiv český* V. 313, 315, 317, 323.

²⁾ Хроника В. Ваповскаго (*Scriptores rerum polon.*, II. 26: *Joannes Tugka, omnium soriarum dux*); чешскія письма каменецкихъ ротмистровъ королю Иоанну Альбрехту у Саго: *Geschichte Polens* V. 1008.

³⁾ *Acta Tomisiana* V. 110, 131, 155, 157, 293. Срв. выше, стр. 119. Въ коронной метрицѣ (XXXIV, л. 286) записаны тогда (1519 г.) формулы присяги пушкарей и пѣвниковъ на языкахъ чешскомъ, латинскомъ и нѣмецкомъ; см. *Časopis Česk. Musea* 1880, р. 411.

⁴⁾ Лѣтописи Никоновская V. 92, Воскресенская (П. С. Р. Л. VIII. 93).

⁵⁾ См. выше, стр. 69, 77. Въ 1447 г. какой-то моравскій панъ обирался съ 600 всадниками ити на помощь Новгороду противъ Ёмцевъ; срв. письмо магистра тевтонскаго ордена въ *Monatschrift v. böhm. Museums* 1828, р. 72, и Карамзина *Ист. госуд. росс.* V. дѣл. 316.

войны изъ Чеховъ, Моравянъ, Слезавовъ, Поляковъ и Нѣмцевъ, были въ литовскихъ и русскихъ земляхъ вѣроятно и позже; еще въ 1500 г., когда великій князь литовскій Александръ приготовился къ войнѣ съ Москвою, то по его порученію нанимались войны въ Польшѣ и въ Чехіи, Моравіи и Слезіи, и въ Германіи. Главными гейтманами этихъ войскъ были Чехъ Іоаннъ Черный и Полякъ Іоаннъ изъ Карнкова, опытный полководецъ служившій въ польскомъ войскѣ во второй половинѣ XV вѣка. Это наемное войско стояло подъ Смоленскомъ, и Черный, вмѣстѣ съ полоцкимъ воеводою Станиславомъ Глѣбовичемъ, вторглись въ псковскую землю. Въ 1517 г. были чешскіе и моравскіе и др. войны (Чахи, Ляхи, Угрове, Мораве, Мазовшане, Волохи, Сербове) въ польско-литовскомъ войскѣ въ Сѣверіи и подъ Опочкою въ псковской землѣ. ¹⁾

Въ чешскія войска постунали многіе Поляки и Русскіе, уже въ самомъ началѣ гуситскихъ войнъ и позже, и способствовали

¹⁾ Срв. хроники Ваповскаго, Мѣховскаго, Бѣльскаго, Стрыковскаго, литовско-русскую (т. наз. Быховца) къ 1500-ому году. Іоаннъ Черный (*Cerninus Bohemus*, *Surgno Bohemus*, Червякъ, Червикъ) — вѣроятно чешскій гейтманъ Черный изъ Градца Короловой, который въ 1469 г. вмѣстѣ съ Самуиломъ изъ Праги опустошалъ Слезію (*Другошъ V. 529*); онъ часто упоминается въ 1501—1502 гг. (*Псков. лѣтопись въ П. С. Р. Л. IV. 275*, *Акты запад. Россіи I. 273*, *Histor. Russ. Monumenta*, ed. Turgenev, *Supplem. 319—327*); Jan Polák z Karnkova подписался на одной чешской грамотѣ 1479 г. какъ *hajtman* на Шубокѣ въ южной Чехіи (см. нашъ Отчетъ за 1882 г., стр. 65). I. Благославъ въ своей чешской граматикѣ (333) приводитъ моравскую пословицу: „*divná chaza, lotrovina, Žmud, Litva, per captemtum quasi diceret Scythae, Scytharum colluvies*“, и объясняетъ „*Litva*“ словомъ „*certovina*“. Неизвѣстно, имѣеть-ли это связь съ свѣдѣніями Чеховъ о Литвѣ XV в., или относится-ли это еще къ XIV вѣку, къ временамъ походовъ нѣмецкихъ крестоносцевъ противъ Литвы, въ которыхъ участвовали тоже многіе Чехи. Впрочемъ Чехи знали Литву еще въ XIII в., со временъ короля Премысла Отакара II; въ чешской Александрендѣ приводятся *Litva*, *Prusi*, *Tateri*, *Bezermoné*, *Rusi*, и упоминается литовскій обычай сожигать мертвыхъ (по изд. Гатталы и Патеры 77, 66).

такимъ образомъ распространению чешскаго военнаго искусства на славянскомъ востокѣ. ¹⁾ Въ числѣ таеихъ польскихъ воиновъ былъ тоже знаменитый полководецъ Николай Фирлей, который — по словамъ Папроцеаго ²⁾—провелъ свою молодость въ чешскомъ войскѣ, ввелъ въ началѣ XVI в. въ Польшѣ укрѣпленіе возами (*obuczaj toczenia obozu*), что однако не можетъ быть принято буквально, такъ какъ такое подвижное возовое укрѣпленіе было въ Польшѣ извѣстно уже давно, со времени гуситскихъ войнъ. Такое изобиліе чешскихъ гейтмановъ и вообще воиновъ въ Польшѣ дало поводъ польской пословицѣ: *Co Polak to pan, co Czech to hetman*, извѣстной въ Польшѣ еще во второй половинѣ XVI вѣка. ³⁾

Чешское военное искусство, какъ его развилъ Жижка и его преемники, принято разными народами Европы, когда они увидали, что неустроенныя толпы средневѣковыхъ войскъ не могли устоять противъ новой искусственной стратегіи чешскихъ гуситовъ, особенно противъ подвижной возовой ограды (*vozová hradba*), изъ-за которой и немногочисленныя войска пѣхоты и артилеріи съ успѣхомъ сражались съ огромными войсками состоявшими преимущественно изъ конницы. Возами укрѣплялись уже давно раз-

1) См. выше, стр. 62—63, и предыдущее примѣчаніе.

2) *Parowski: Herbu gusierstwa polskiego* (Kraków 1584, p. 387).

3) Пословицу приводитъ Стан. Сарницкій въ своемъ сочиненіи *Księgi hetmańskie* (рукопись, срв. *Czasopism naukowy księgozbioru im. Ossolińskich*, 1830, III. IV). Въ посвященіи королю Стефану Сарницкій говоритъ: *Jak wejdzie w zwyczaj ta nauka, nie trudno nam będzie o ludzi rycerskich, o rotmistrzów, a nawet o hetmanów; czego mamy dowód jasny w Czechach i Niemczech, że chociaż mniej doskonale wyszły książki o wojownictwie, namnożyło się hetmanów, tak że nawet w przysłowie poszło: co Polak to pan, co Czech to hetman* (IV. 101). Сарницкій приводитъ тоже другую польскую пословицу: *Co Włoch to doktor, co Niemiec to kupiec, co Polak to hetman*—что болѣе соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію дѣлъ первой половины XVI вѣка, когда воинственный духъ Чеховъ давно же исчезъ. Если польскіе поэты XVI в., Дантышенъ и Пашковскій (Венесуа), говорятъ „*fortis Bohemus, co nad Czecha śmielszego*“ — эти слова выражаютъ болѣе традиціи XV в., чѣмъ дѣйствительность XVI вѣка.

ные народы, въ томъ числѣ и Славяне, ¹⁾ по Жижка и другіе гуситскіе полеводцы усовершенствовали этотъ старинный обычай, и отвели таею возовой брѣности важное мѣсто въ самыхъ сраженіяхъ и вообще въ новой стратегіи. Эта возовая брѣность войскъ на походѣ и въ лагерѣ (обозѣ, таборѣ) распространилась и въ Польшу. Она играла важную роль уже въ войнѣ Поляковъ и чешскихъ Сиротковъ съ нѣмецкими крестоносцами въ 1433 г. ²⁾, и во всѣхъ позднѣйшихъ войнахъ Поляковъ на западѣ и востокѣ, какъ на пр. въ войнѣ Поляковъ съ русскимъ княземъ Федькомъ Острож-

¹⁾ Такъ на пр. Славяне въ Мизіи уже въ VI в. (595) сражались въ возахъ: *Sclavi quoniam vero occursum Romanorum vitare ne vix posse cernebant, vehiculis junctis pro vallo se circumseriunt, pueros et mulieres in medium recipiunt* (Stritter: *Memoriae populorum etc.* II. 63); русское войско на Калкѣ (1224) „створи городъ околѣ себѣ въ колѣхъ, и бѣся съ ними (Монголами) изъ города того по три дня“ (П. С. Р. Л. I. 218). О чешско-гуситской стратегіи см. Палацкаго *Dějiny husitské* II. 216, и его статью въ ж. *Časopis Česk. Musea*, 1828, р. 1; статью Бурьяна въ ж. *Časopis Česk. Musea* 1836. р. 40. Русскія соч. кн. Н. Голицына: Всеобщая военная исторія среднихъ временъ III, 84—92 (СП. 1878), А. Пузыревскаго: Исторія военного искусства въ средніе вѣка II. 34—42 (СП. 1884); въ этихъ кнѣгахъ есть разныя формальныя ошибки, въ именахъ, географ. названіяхъ и въ чешскихъ словахъ, на пр. гарковница (вмѣсто гарцовники), пиковники (вм. пицовники), гарковницы (вм. гарцовницы); читай: Гаекъ изъ Годѣтна, а Гайка (не: Гаека), Вльчка-Волчка (а не: Волчека), и пр. О важномъ значеніи возовой ограды срв. въ подробномъ описаніи мастерскаго отступленія Жижки изъ сѣверо-западной Угрии въ Моравію въ 1423 г. (*Starí letopisové čeští*, 57—61.

²⁾ Одинъ слезскій князь писалъ тогда магистру ордена, что два Нѣмца готовы ему служить, *die do mit der wagenborg wol kunen als indert kein Beheme*, и что *was die Polan thun werden wider uwer gnode, das werden sie mit der wagenborg thun.* (*Scriptores rerum silos.* VI. 121). Слова Длугоша (въ разсказѣ о войнѣ 1433 г.) „*exercitus Bohemorum in progressu priorem ordinem tenebat et exercitum Poloniae anteibat*“ передалъ Бѣльскій (*Kronika polska* 344). „*przed wojskiem wszędzie wprzód chodzili Czechowie dla stawienia obozu*“. У Длугоша упоминается къ 1458 г. *Davidus Bohemus ductor curruum.*

сеимъ на Подольѣ (1432), въ битвахъ подь Вилкомиремъ (1435), подь Гротинямаи (1439) и пр.; несчастный исходъ битвы подь Варною въ Болгаріи (1444) приписывался тоже тому, что войско короля Владислава не окружило себя таборомъ. ¹⁾ Въ походѣ Поляковъ противъ Волоховъ (1497) польское войско окружалось таборомъ, въ которомъ многіе и спасались на несчастномъ отступленіи; также и подь Обертыномъ (1531) малое польское войско подь гетманомъ І. Тарновсеимъ окружившись и укрѣпившись возами, разбило Волоховъ. ²⁾ Въ таборѣ отступало польское вой-

¹⁾ *Nullo de ipsis curribus more taber instructo, quibus in orbem compositis, primo, secundo et tertio curruum ordine velut e fortalitiis tutius pugnare poterat exercitus* — замѣчаетъ Длугошъ IV. 721. Это—первое, на сколько знаемъ, упоминаніе у Славянъ турецко-татарскаго слова для лагеря, *таборъ*; оно не имѣетъ ничего общаго съ названіемъ чешскаго города Табора (по библейскому Фаворъ) и гуситовъ Таборовъ (Таборитовъ), какъ предполагаетъ кн. Н. Голицынъ (III. 87); слово *таборъ* въ значеніи лагеря у Чеховъ не встрѣчается раньше XVI вѣка. Таборъ—лагерь и укрѣпленіе; Сарницкій (*Księgi hetmańskie*) говоритъ: „Polacy a Czechowie osobliwszy obycaj naleźli, bo swoje obozy abo tabory wozmi obtaczają wielgiemi“; а въ XVIII в. объясняется таборъ: „Taborem nazywają kosaacy otoczenie wojska wozami, z za których, jak z walów, szędnie bronią się“. (Linde). Не знаемъ, откуда издатели „Грамотъ великихъ князей литовскихъ 1390—1569“ (Кіевъ 1868), В. Антоновичъ и К. Козловскій, почерпнули свое извѣстіе, что Федьку Острожскому, принадлежитъ заслуга усовершенствованія на Руси военнаго искусства; онъ ввелъ гуситскій строй войска *таборъ*, усвоенный въ послѣдствіи козаками, и доставившій имъ въ теченіе трехъ столѣтій не одну побѣду надь Турками, Татарами и Поляками“ (стр. 4). Это возможно, особенно если принять тождество Фридриха и Федька Острожскаго; срв. выше, стр. 63. Замѣтимъ еще, что древнерусское слово *товаръ*, *товары* (въ лѣтописяхъ галичско-волинской и новгородской) означаетъ лагерь, обозъ, съ товаромъ, нмуществомъ войска; отсюда и слово товарищъ (*com milito*). Самое слово *товаръ* тоже не славянскаго происхожденія, и можетъ быть то же самое, что *таборъ*.

²⁾ Въ хроникахъ Бѣльскаго (всемірной и польской) и въ соч. Сарницкаго *Księgi hetmańskie* находится изображеніе польскаго боза подь Обертыномъ.

ско въ Молдавіи передъ Турками (1620) къ Цесдорфъ, гдѣ истреблено. Таборъ употребляли украинскіе козаки въ своихъ войнахъ съ Поляками и Татарами. Очевидецъ, французскій инженеръ Бопланъ, служившій въ первой половинѣ XVII в. въ Украинѣ, говоритъ, что козаки идутъ черезъ степи въ таборѣ (tabort), т. е. они идутъ посреди своихъ возовъ, восемь или десять возовъ впереди и столько жѣ взади, вооруженные самопалами, кошками, босами на ратовищахъ; лучшіе наѣздивши ѣдутъ около табора; въ случаѣ нападенія таборъ останавливается и козаки сражаются оттуда съ неприятелемъ. Самъ Бопланъ нѣсколько разъ ходилъ въ таборѣ съ 50 или 60 козаками и выдерживалъ въ немъ нападеніе 500 Татаровъ, которые не въ силахъ были разстроить его. ¹⁾ Въ таборѣ козаки и ихъ семейства подъ атаманомъ Наливайкомъ отступали передъ польскимъ гетманомъ Жолкевскимъ въ Волынѣ и Украинѣ (1596), отстрѣливаясь изъ 20 пушекъ и отражая всѣ нападенія Поляковъ; около Бѣлой Церкви козаки дали битву въ таборѣ, переправились за Днѣпръ и укрѣпились подъ Лубнами четырьмя рядами возовъ; здѣсь они защищались нѣсколько дней противъ осаждавшаго ихъ польскаго войска, но наконецъ должны были сдаться. ²⁾ Такіе таборы употребляли козаки въ битвахъ съ Поляками въ первой половинѣ XVII в. (на пр. въ 1637—1638 гг.), во время войнъ Б. Хмѣльницкаго (на пр. подъ Берестечкомъ 1651, подъ Охматовомъ 1655); въ таборѣ отступалъ гетманъ Ханенко передъ Татарами на Подольѣ (1672), въ таборѣ пошли козаки въ Молдавію (1685), и пр.

Военная терминологія польская (и западно-русская) XV—XVI вв. по большей части чешскаго происхожденія. У Поляковъ многія военныя названія общеславянскія, донсторическія: мечъ, копье (коріе, позже коріа), лукъ, стрѣла, туль, прилбидъ, щитъ, порокъ (ргок, проса), воевода, сотникъ, десятникъ, полкъ,

¹⁾ Description d'Ukraine (Rouen 1650 и 1660), русскій переводъ въ Петербургѣ 1832.

²⁾ Этотъ походъ подробно описалъ І. Бѣльскій въ продолженіи польской хроники (изд. Туровскаго, стр. 1750); срв. тоже Кулиша Возсоединеніе Руси, II.

и пр. ¹⁾); нѣкоторыя названія приняты позже отъ восточныхъ турецко-татарскихъ народовъ (сабля, карабела, болчанъ, сайдакъ, буздыганъ, кинжалъ, булава, бунчукъ, и др.), равнымъ образомъ какъ и отъ западныхъ, Нѣмцевъ, Итальянцевъ, Французовъ. Нѣкоторыя слова перешли къ Полякамъ отъ сосѣднихъ Славянъ, какъ на пр. русскія сулица (чеш. sudlica), рогатина (rohutyna радомъ съ rogasina), лукъ (luk, по-поль. łuk, łęczyszczе, łęczysko), шломъ (русс. шеломъ, шоломъ), и др. ²⁾ Въ слѣдствіе развитія военного искусства у гуситскихъ Чеховъ XV в. и распространенія его въ Польшу и югозападную Русь — многія слова чешской военной терминологіи, чешско-славянской и чешско-нѣмецкой, приняты, вмѣстѣ съ военнымъ искусствомъ, тоже въ языкахъ польскомъ и западно-русскомъ. Приведемъ здѣсь нѣкоторыя тавія слова чешской военной терминологіи въ польскомъ языкѣ. ³⁾ Славянское названіе военного начальника, полеводца — *voevoda* приняло въ Польшѣ значеніе особаго сановника (*palatinus*), а въ Чехіи — по нѣмецкому *herzog* — значеніе князя (*vojvoda, vejvoda, vévoda*); у Чеховъ оно уступило чешско-нѣмецкому *hajtman, hejtman* (нѣм. *hauptmann, hauptmann*, переводъ латин. *capitaneus, caput—haupt*), что перешло и въ Полякамъ *hejt-*

¹⁾ Приводимъ эти названія въ русской формѣ; срв. „Славяне“ I. 158.

²⁾ Форма *sudlica* не встрѣчается, а только *sulica* (XV в.); *szlom* въ одномъ поль. памятникѣ XV в. (*Archiv f. slav. Philologie* XII. 147).

³⁾ См. чешскіе военные уставы XV в., Гайка изъ Годѣтина, I. Жижки и В. Волчка изъ Ченова (въ сб. *Výbor z literatury české* П), *Stáři letopisové čestí*, разные памятники въ сб. *Archiv český*, и срв. выше упомянутую статью Бурьяна. Польскіе военные уставы гетмановъ I. Тарновскаго (1558, 1579), I. Замойскаго; М. Бѣльскаго *Sprawa guserska* (1569) и его хроники, хроники М. Константиновича — Хвальчевскаго, *Acta expeditionum bellicarum a. 1497—1498, Reestr wozów skarbnych 1521*, Записка о поединкѣ г. 1511 (*Stronczyński Wzory pism dawnych, Nro 81*), *Krótkie wypisanie niektórych praw sposobu i zachowania bojowego guserskiego* (рукоп. Имп. Публ. библ., мноязычныя F. XVII. 21, fol. 187—213, изъ полов. XVI в.), *orzádek praw guserskich wojennych г. 1557* (рукоп. Имп. публ. библ.,

man, hetman. ¹⁾ Также и другія названія военныхъ начальниковъ, какъ на пр. rotmistr—rotmistrz, не говоря объ общеславянскихъ названіяхъ сотникъ, десятникъ. Названія оружія, kopie — kopia (kopí, kopinníci), oštěp—oszczep, kuša, samostřel — samostrzał, ser, palcát (булава), dýka—deka (винжалъ), pavezá — raweža, raweža (большой щитъ, вооруженные ими rawezníci — rawežnicy), чеш. plech, plechowice (рядомъ съ blach), berníenie (чеш. brnění), rukawu—zarukawie, и др.; особенно огнестрѣльное оружіе: střelba — strzelba, dělo — działo, puška — puszka, hakownice—hakownica, hák, púthák—póthak, ručnice — rucznic (ręczna strzelba, позже rusznica), tarasnice — tarasnica, srubnice ²⁾, hůfnice, houfnice—hufnica (działa polnīj, uffnīj, terasnīj оз. 1495 г.). Пушкарское искусство очень цѣнилось, и чешскіе пушкарі (артиллеристы) стали учителями пушкарей польскихъ и русскихъ. ³⁾ — Военное устройство: hůf, houf—huf, uf, šik—szyk, hufy spraviti, šikovati—hufy sprawić, szykować, posiłci — posiłki, posilczne hufy, stracenci—straceny, harc, harcovati, harcownik—harc (certamina quae harce vocamus, говорить Длугошъ), harcować, harcownik, hesło — hasło, pravá, levá ruka — prava, lewa ręka; вози и ихъ названія, чешскія: plac, brána, placní řady, krajní vozy i řa-

польскія Q. IV. 45), и др. Срв. Wł. Łobiniski: *Materyaly do słownika historycznego języka i starożytności polskich. I. Militaria* (Roczniki Towarzystwa przyjaciół nauk poznańskiego, 1889, t. XVI), тоже K. Górski: *O rozwoju sztuki wojennej w Polsce w XV w.* (Biblioteka Warszawska 1890, II).

¹⁾ Форму hejtman (heythman) нашли мы въ хроникѣ Хвальчевскаго (I. 109) и въ дневникѣ сейма 1558 г. (р. 243); но обыкновенно hetman. С. Будный въ своемъ переводѣ библіи пишетъ: „Abimelech i wojewoda jego. (Genes. 21, 22). Niektórzy tłumaczą *hetman*; ale iż to cudzoziemskie słowo, woleliśmy własne, bo wojewoda właśnie ten jest, który *woje* або *wojska* wodzi“.

²⁾ Въ польскихъ памятникахъ мы ея не нашли; но въ западной Руси: шрубница.

³⁾ Такъ на пр. еще въ 1545 г. ревизоръ волынскихъ замкѣ требуетъ, чтобъ въ Брянцавлѣ кромѣ русскихъ пушкарей, „одинъ былъ Ляхъ або Чехъ, навчонный пушкарь для лучшего и певнейш сиравы и стрельбы замковое“. (Rewizya zamków wołyńskich р. 15

dy, řád šikovanych vozův, pícní vozu, kladení vozův, и др. — и польскія: plac (gynk), brana (такъ часто рядомъ съ brona, brama), gynkowe rzędy, skrajne rzędy, rzędowe wozy, rząd obozowy, picne wozy, kładzenie obozu, и пр.

Югозападные Русскіе познакомились съ чешскимъ военнымъ искусствомъ и съ чешскою военною терминологіею отъ части непосредственно, находясь въ чешскихъ войскахъ (какъ на пр. князь Ф. Острожскій и многіе червоно-русскіе земляне) или видя у себя на Руси чешскія наемныя роты, отъ части посредственно, отъ Поляковъ. Такимъ образомъ перешли въ нарѣчіе югозападной Руси слова: гетманъ, ротмистръ, стрѣльба, дѣло, пушка, шрубница, гуфница, тарасница, гаковница, пицаль (чеш. píšťala, ружье), ручница, шихъ, шиховати, пицованіе, и др. ¹⁾ Нѣкоторыя такія названія распространились и въ восточную, московскую Русь, на пр. пушка, ручница, пицаль, гафуница, по большей части уже посредствомъ Поляковъ, отъ которыхъ Русскіе, юго-западные и сѣверо-восточные, вообще приняли много оружія и ихъ названія. Но московскіе Русскіе могли познакомиться съ тѣмъ или

¹⁾ См. Уставы для литовскихъ гетмановъ 1507 и 1512 гг., Литовскіе статуты, Акты западной Россіи, Археограф. Сборникъ документовъ исторіи сѣверозап. Руси (IV. 214), Метрика литовская, Реестръ попису войска господарского вел. кн. литовского 1565 (рукопись Импер. Публ. библ., русскослав. Ф. IV. 82, съ польскими замѣчаніями на поляхъ) и др. Любопытно, что въ военныхъ уставахъ чешскомъ (Гайка), польскихъ (Тарновскаго и Замойскаго) и литовскихъ оберегаются пчелы въ лѣсахъ. Чешская píšťala (пицаль) намъ въ польскихъ памятникахъ не попалась. Нѣкоторые чешскіе военные термины перешли и къ Нѣмцамъ: haufnitze (haubitze=haufbüchse), bischalen, pišchszalen (пицали, отсюда pistolen), rafesen, rafesner (павезники), posatken (posádka, blockhaus); Нѣмцы XV в. знали тоже слово thabor (der thabor an der prukh—M. Beheim, quodam thabor aut fortalitium munitissimum—Eschenloer). Думаемъ, что и боевой крикъ нѣмецкихъ ландскнехтовъ her! her! не что иное, какъ чешско-гуситское: hr! hr! (hr на нѣ! въ гуситской боевой нѣснѣ: řdož jste boží bojovníci; hr Kunstat hr! боевой крикъ войска пана Орія изъ Подѣбрадъ и Кунштата 1448 г.).

другимъ порядкомъ прямо отъ самихъ Чеховъ; такъ на пр. слово *пищаль* Полякамъ извѣстно не было, а это — чешское *pišťala*, ружье на способъ „пищали“—саппа) ¹⁾. Чешскіе наемные воины бывали и въ московской Руси; такъ на пр. въ 1513 г. князь Михаилъ Глинскій нанималъ на службу великаго князя Василія Ивановича воиновъ въ Германіи, Чехіи и Слезіи; въ ихъ числѣ находился ротмистръ Чехъ Лята (Ляда), краковскій мѣщанинъ. ²⁾ Эти иностранные, нѣмецкіе и чешскіе воины, вѣроятно тоже пушкари, могли обучать и русскихъ ратниковъ, пушкарей и пищальниковъ, военному и пушкарскому искуству, которымъ русскіе пушкари отличились уже годъ спустя (1514) при взятіи Смоленска. Съ начала XVI вѣка и въ московской Руси входитъ въ употребленіе обычай защищаться въ подвижномъ (гуляющемъ) укрѣпленіи, и называемомъ гуляй-городъ; онъ состоялъ изъ досокъ на возахъ или саняхъ, которыми окружалось войско и изъ-за которыхъ отстрѣливалось, особенно въ битвахъ противъ Татаровъ. Такіе гуляи употреблялись въ московской Руси до конца XVII в., и еще войско князя В. Голицына на походѣ противъ крымскихъ Татаровъ (1687, 1689) шло въ такомъ гуляѣ. Можетъ быть, что этотъ восточно-русскій гуляй городъ возникъ по образцу чешской гуситской воевой ограды. ³⁾

¹⁾ Такъ на пр. въ чешскомъ военномъ уставѣ Волчка изъ Ченова ок. 1492 г. (*Výbor z literatury české II.* 1014) постановляется: *Což bude u vojstě pišťal a šipov, k každému vozu mají dvě pišťadle(!) býti šikovány.* Срв. тоже *Časopis Česk. Musea* 1828, p. 9, 1836, p. 46. Объ огнестрѣльномъ оружіи въ московской Руси см. Военный энциклопед. словарь, и Историческое описаніе одежды и вооруженія російскихъ войскъ (СП. 1841, I).

²⁾ См. хроники Ваповскато, Деція и Стрыйковскаго къ этому году.

³⁾ См. въ Военной русской энциклопедіи ст. Ратное дѣло въ Россіи, Гуляй городъ и др.; кн. Н. Голицына: Русская военная исторія II. 24, 475 (СП. 1878). О проектѣ походнаго городка, представленномъ царю Михаилу Федоровичу, см. Соловьева Исторію Россіи IX, 389.

